Сергей СЕМАНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ДОРОГОЙ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ

„Леонид Ильич был безусловным патриотом своей Родины, интересы которой всю жизнь оставались для него первостепенными.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга С.Н. Семанова посвящена Л.И. Брежневу, восемнадцать лет возглавлявшему советское государство. Автор описывает жизненный путь, подробности жизни этого человека, методы его руководства и приходит к выводу, что эпоха Брежнева была, по сути, «золотым веком» советской истории. Несмотря на все недостатки, это время осталось в памяти народа как период стабильности, обеспеченности и уверенности в завтрашнем дне.

- Сергей Николаевич Семанов
  - А. Байгушев
  - Вступление. Леонид Ильич — взгляд издалека
  - Хороший рабочий парень Леня Брежнев
  - Предгрозовые годы. Война
  - Возрождение и восхождение
  - В свите «царя Никиты»
  - Октябрьский переворот
  - «Медовый месяц»
  - Вольтова дуга Прага — Пекин
  - Идеологические качели
  - Личная жизнь, она же общественная
  - От Хельсинки до Кабула
  - Застой и закат
  - Повозка без кучера, или Езда со слепой лошадью
  - Эпилог
  - Приложение
  - Литература
- notes
  - 1

Сергей Николаевич Семанов
Дорогой Леонид Ильич

А. Байгушев
Живи и дай жить другим!

Крупный советский историк и общественный деятель Сергей Николаевич Семанов, пожалуй, как никто другой должен быть в глубокой личной обиде на Леонида Ильича Брежнева. Что рядом с ним насмерть разобиженный на Брежнева и поливавший его грязью А.Н. Яковлев?! Брежнев-то, разжаловав, отправил его всего лишь в почетную ссылку — послом в Канаду. А вот С.Н. Семанов пострадал в ходе внутриаппаратной борьбы за власть в последние годы Брежнева в полной мере.

Набравший громадную силу Ю.В. Андропов (Файнштейн) рвался в Генсеки. А Сергей Семанов стал знаковой фигурой брежневского лагеря. Главный редактор популярного массового журнала «Человек и закон» (в котором членом редколлегии был сам зять Брежнева Ю. Чурбанов, первый зам. главы МВД), один из лидеров «Русской партии внутри КПСС», согласно секретному кадровому резерву номенклатуры Политбюро первый претендент «на освобождающийся крупный пост в правоохранительные органы» — был с треском выведен из игры по клеветнической секретной записке в Политбюро Андропова от имени КГБ.

Сама эта особо секретная записка от 28 марта 1981 года, устрашающе названная Андроповым «Об антисоветской деятельности Иванова А. М. и Семанова С.Н.» и поминавшая еще и знаменитого художника Илью Глазунова, была чистейшей «куклой». Авантюрной, циничной липой, заведомой провокацией, в которой не было ни грана правды. Достаточно сказать, что Сергей Семанов обвинялся в том, что он якобы антисоветски — ах, даже якобы персонально антибрежневски! — как в лицах изображал Андропов на закрытом Политбюро, высказывался в посольствах США, Италии и Канады, в которых Семанов на самом деле никогда не был. Но Андропов утверждал, что его агенты там видели, как Семанов нагло издевался над престарелым Брежневым. И еще второе обвинение: что он читал подпольный антисоветский журнал «Вече», который на самом деле был совершенно безобидным православным изданием. Журнал этот Семанов имел право читать — я сам ему это разрешение официально оформлял, причем именно по всем правилам, не только через Суслова, но и через КГБ.

Дело было в том, что я привлек Семанова наравне с архиепископом Питиримом в качестве ключевых авторов к сотрудничеству в газете «Голос Родины». Мне нужно было, чтобы

у нового еженедельника «Голос Родины» было приличное лицо, явно не «гебешное». Тогда ведь Андропов и его «Пятка», политическая полиция — чудовищное, антиконституционное 5-е Управление по борьбе с идеологической диверсией, — завалили «третью корзину» Хельсинкских соглашений, то есть развитие культурных связей с Западом, и крупно подставили Брежнева под критику за несоблюдение прав человека и неуважение к общечеловеческим ценностям. Подписанные Брежневым и считавшиеся важнейшим шагом к «разрядке» и прекращению холодной войны, Хельсинкские соглашения были знаменем Брежнева. «Разрядка» была брежневской внешней доктриной, и ее кстати именно так на Западе и называли — «доктриной Брежнева». Но Андропов искал напряженности в отношениях с Западом, он потом для этого развяжет и Афганскую войну, воспользовавшись болезнью Брежнева.

Отношения между Брежневым и Андроповым стали крайне напряженными. И в противовес КГБ, для «баланса» (излюбленный брежневский прием!) против действий политической полиции была создана якобы непартийная организация — общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Родина», под крышу которого Брежнев перебросил меня с моими людьми. Общество «Родина» с его печатным органом «Голос Родины» (по статусу четвертым изданием страны, широко распространявшимся преимущественно за границей и выведенным из-под цензуры) сразу развернуло брежневское знамя разрядки и соблюдения «прав человека». Последними более конкретно занимался Семанов с его журналом «Человек и закон». Журнал опирался на противостояние Комитету госбезопасности со стороны весьма усилившегося при Брежневе и приобретшего независимость от КГБ Министерства внутренних дел во главе с близким другом Брежнева Щелоковым (его Андропов первым-то и уничтожит, захватив власть, а Чурбанова посадит за решетку по вздорным обвинениям).

Для чего я это вспоминаю? А для того, чтобы читатели поняли, что соблюдать демократию в партии Брежневу было не так просто.

Читающим книгу Сергея Семанова необходимо прежде всего понять, что сам Брежнев получил после мутной хрущевской «оттепели» полностью идейно разложившееся общество, готовое вот-вот рухнуть. Крушение великих сталинских идеалов было полным. Впереди, казалось, нас ждет беспросветное будущее.

Я в то время дружил с дочерью Леонида Ильича — Галей Милаевой-Брежневой, с которой мы рядышком работали в АПН (специфической конторе, занимавшейся контрпропагандой).

Галину Леонидовну сейчас изображают опустившейся выпивохой, и она действительно плохо кончила. Но в молодости была очень шустра и приметлива. Отменно работала на папу. И умела вербовать для папы сторонников, которые потом войдут в его «личную разведку». Приглянувшиеся кадры щедро одаривала и «повязывала» на отца. Я до сих пор помню, какой она мне устроила тогда сказочный день рождения. Он пришелся на выходной день в Центральном доме журналиста, но Галя договорилась, и для меня одного его специально открыли. Я тогда очень много писал на заграницу, в самые престижные западные журналы, и хорошо зарабатывал, и я пригласил на банкет массу друзей. А ночью мы все взяли такси, и все поехали на Ленинские горы — смотреть на Москву с высоты Воробьевых гор, как Герцен и Огарев, которые дали клятву вечной дружбы в виду Москвы. Мы тогда действительно все чувствовали себя герценами и огаревами и поклялись на верность «демократу Брежневу». Брежнев собирался провозгласить совершенно новый «не репрессивный» курс, а мы искренне хотели ему в этом помочь. Но как? Мы помогли ему, пропагандистски обеспечив антихрущевский переворот. А дальше то что? Как эту самую демократизацию тоталитарного режима проводить в жизнь?

Вокруг был абсолютный духовный хаос. Никто не верил ни во что.

Став Генсеком, Брежнев горько осознал, что политического единства в КПСС нет и его уже никакой, даже самой лучшей «контрпропагандой» не добиться.

Тогда после Хрущева в нелегкое наследство Брежневу досталось из-за хрущевской вульгарно антиизраильской политики весьма сплоченное в ненависти к русским еврейское недовольство. Сознание масс после Хрущева и так раскололось, стало «амбивалентным», духовно двойственным. А тут еще ненависть «духовных рупоров» к русским. В общем, еще раз подчеркну: тогда, в середине 60-х годов, картинка в господствующей «элите», аппарате партии и прессы, состоявших преимущественно из «них», была не намного радостнее, чем нынешняя.

Расплодились, как мухи, диссиденты — преимущественно из евреев. Сталинский 1937 год почистил партийную верхушку, верхи власти и армии. Но кругов-то интеллигенции ведь практически не коснулся. Сняли под горячую руку тогда только уж самую-самую пену. Мы докладывали Брежневу:

— Если глядеть в корень, то еврейская интеллигенция таки без особых потерь пережила и 1937-й, и борьбу с космополитизмом 1948-го. Пообрубили листья, но чертополох

устоял и размножился. И к середине 60-х годов за редкими «выставочными» русскими фигурами (на них-то пальцем в смердящей «жидовствующей», заполненной «ими» прессе и указывают! на них-то грязь намеренно и льют, себе любимым места выгораживая!) основную часть творческих союзов, аппарата СМИ — газет и журналов, телевидения по-прежнему составляют именно динамичные евреи. Увы, при советской власти «они» почти полностью вытеснили русских из интеллигенции и держат у себя контрольный пакет по ее кадровому составу. Вся «прогрессивная пропаганда» целиком в руках еврейства. А в чем этот прогресс? В том, чтобы шею власти свернуть, а дальше им все по фене — будь, что будет! Дешевое «кухонное» свободомыслие, превратившее хрущевскую «оттепель» в совершенно безответственную вседозволенность и подрыв государственных устоев, опять же всецело стало именно еврейским «прогрессивным» хобби.

У Брежнева была небольшая дача совсем рядом с кольцевой дорогой, в Заречье, предоставленная ему как члену Политбюро. Сама скромная дача из всех госдач, внешне совершенно неказистая. Брежнев по характеру не был барином. Подарки охотно принимал, но и сам страшно любил делать ответные подарки — поедет в командировку, так ни одного скромного зам. зав. отделом, ни одну секретаршу без сувенира от себя на память не оставит. И всех выслушает. Очень умел слушать! Всем слова ласковые скажет. Любил выпить в компании, но никогда не напивался до невменяемости, как Ельцин — а так, пил по-русски, «для разогрева души». Острил, сыпал прибаутками. Читал наизусть стихи. Еще с классической гимназии, где он успел поучиться до революции, он знал прекрасно весь Серебряный век русской поэзии. Он замучивал нас стихами, которые прекрасно декламировал. Он вообще был страшно общителен, умел так тебя разговорить, что душу вытягивал. А на телефоне был помешан. Даже дома сидит — начинал обзванивать друзей и знакомых. Всю страну обзвонит, всех первых и вторых секретарей обкомов и видных людей — каждому поддержка. Искал популярности? Да. Но и просто таков был его широкий русский, поразительно коммуникабельный, душевный характер. По духу он был «собирателем» — из тех, вокруг которого всегда куча людей. «Своих» он страшно берег, и недостатком его было, пожалуй, даже то, что он уж слишком опекал «своих». Никак не мог разочароваться в каком-то потерявшем себя человеке — все на что-то надеялся, все хотел дать шанс выправиться. Правда, он порой и подставлял своих крепко. Когда надо было кого-то кинуть в разведку боем — не за себя, ради высших

государственных интересов. Так произошло и с Сергеем Семановым.

Вопреки сплетням злопыхателей, Брежнев был скромен в быту. Никаких громадных банкетов за госсчет, как Хрущев, не закатывал. Любил подчеркивать, что он не гений — не Сталин. Что держится, мол, только на умелом политическом балансе. Ордена и золотые звезды принимал со смешком, скорее как елочные игрушки. Он был несостоявшийся актер в душе, театром бредил до конца жизни, вот и в ордена игрался, как в театральный реквизит. Суслов ему, видите ли, внушил, что надо как-то же поддерживать авторитет — что монархи, мол, всегда ходили в мундирах, обсыпанных орденами. Что на Руси иначе тебя царем-батюшкой не признают.

Свою самую скромную дачу члена Политбюро он сохранил за собой, и став Генсеком, — пусть, мол, маленькая, но зато удобная, от Москвы в пяти минутах, людям до меня легко добраться. На ней Брежнев очень любил принимать людей — не на показуху, не на разгул, а потолковать — разных, как можно более широкий круг, чтобы держать руку «на пульсе». На ней Брежнев, взяв власть, и тревожно советовался в узком кругу своих особо приближенных «тайных советников» — что делать?

Что делать, чтобы власть удержать? Что же — назад к Сталину? Репрессии направо и налево? Устраивать новый 1937 год, чтобы сохранить партию и государство? Да и с кем репрессии устраивать, на кого опереться? На молодых? Но «шестидесятники» — так они сами все поражены диссидентской чумкой, не знают, чего хотят. Среди молодых «шестидесятников» из партаппарата и СМИ к тому же еще большинство были прохрущевскими выкормышами — «аджубеевцы» по имени «турка», зятя Хрущева Аджубея. Но кем такую властную «элиту» заменить? На кого Брежневу было опереться? Вот и пришлось сколачивать вокруг себя русских.

Мы докладывали Брежневу: утопических иллюзий про грядущий коммунистический рай после разоблачений Хрущева в народ уже не вернешь. Бога, как делали из товарища Сталина, нам из него — товарища Брежнева никак не сделать! Невозможно. Крах иллюзий полный. Общественное разочарование в коммунизме стало всеобщим. Хрущев практически подрубил под корень весь авторитет и бурный рост коммунистических партий на Западе. А у себя в стране превратил весь народ в лицемеров.

Таково было брежневское, после Хмельной Оттепели, тяжелое протрезвление с больной головой.

Брежнев был растерян, подавлен. Но признал, что духовную сумятицу в народе и партии, «Перельмутером» (так публично

называл сам себя еще отец Хрущева) в злое наследство ему, Брежневу, оставленную, уже не преодолеть, что духовный раскол общества состоялся. Но жить-то надо. Партию сохранять как-то надо. Нужно было искать какую-то хотя бы полуиезуитскую, но на какое-то время эффективную, пусть временно, но жизнеспособную модель политического управления огромной страной. И что делать с совсем вышедшими из-под государственного контроля «шестидесятниками»? Что делать с динамичными бунтующими евреями?

Одним хрущевским «антисионизмом» теперь уже процесс было не остановить. «Они» быстро блокируются и обороняются скопом, а всю интеллигенцию не пересажаешь и даже не уволишь. А вот что, если не давить «еврейское диссидентство», а просто попытаться его на государственных весах как-то уравновесить? Уравновесить хоть даже «черносотенством» — верным идее Великой Державы, «имперским» русским патриотическим крылом в партии — из последовательных, но сдержанных и подконтрольных «великодержавников». Немного не по Ленину, но гибко, вполне соответствующе историческому моменту.

Идею эту образно сформулировали так: а что. если полететь на двух крыльях и с двумя головами, как самодержавный орел на старом российском гербе? Свою модель правления тайно, только среди самых-самых своих, Второй Ильич так и называл «политикой двуглавого орла». Немного самодержавно, намекая на русские имперские традиции, но достаточно образно.

Итак, внешнеполитической доктриной Брежнева стала «разрядка международной напряженности» (из нее Брежнев тайны не делал), а его секретной внутриполитической доктриной стал «Двуглавый орел». За кулисой с брежневских времен мы уже строили всю глобальную конспирологическую линию КПСС на балансе двух голов российского державного орла и двух его могучих крыльев. На соперничестве двух теневых партий внутри «Большого дома» (ЦК КПСС) и по всей стране. Влиятельной, якобы «прогрессивной», «демократической», а на деле просто прозападной, интеллигентской, условно говоря, «Иудейской партии внутри КПСС». И противостоящей ей — сдерживающей ее, быстро усиливавшейся, якобы «консервативной», «имперской», а на деле чисто «туземной», равнодушной к «интернационализму», а напротив, державно-почвенной, имперско-государственной, «черносотенной», условно говоря, «Русской партии внутри КПСС».

Теперь после этих объяснений о раскладке политических сил при Брежневе, я думаю, самое время вернуться к фигуре Сергея Семанова и объяснить, почему именно Семанова выбрал Андропов для знакового удара 28 марта 1981 года по

брежневскому лагерю, то есть по «Русской партии внутри КПСС». И почему сделал это даже несмотря на то, что Семанов был вхож в андроповский дом — дружил с его детьми. Но до порядочности ли политику, когда идет решающая борьба за власть?!

Андропов, разумеется, не выступил прямо против «Русской партии в рядах КПСС». Его бы просто не поняли — внутриполитическую доктрину Брежнева все знали, кому надо, ее утвердило Политбюро. Но Андропов в своей секретной записке от 28 марта 1981 года вдруг придумал неких «руситов», которые-де, забыв все правила игры, — как это якобы показывает пример Семанова, — рвутся к власти. Так Андропов осторожно, двусмысленным намеком показывал на «Русскую партию внутри КПСС». То есть практически Андропов ударил по внутриполитической доктрине Брежнева.

«Куклу» Андропова сам Брежнев, прекрасно зная коварство того еще по будапештским кровавым событиям, сразу раскусил. Но из высших подковерных соображений, чтобы не насторожить Андропова, позволил липовой «кукле» сработать — он «всего лишь», верный своей манере, строжайше засекретил состоявшееся по Семанову Политбюро и… дал событиям развиваться. Он вызвал меня, посоветовал взять Сергея Семанова под охрану, чтобы с ним не случилось какого-нибудь странного самоубийства, так как тот перешел дорогу Андропову.

Но ведь и сам Брежнев мог защитить Семанова на Политбюро, ведь все-таки был Генеральным секретарем, а не защитил! Боясь спугнуть Андропова и заставляя его раскрыться, он позволил Андропову организовать следствие, вынудить Семанова «добровольно» уйти из журнала на творческую работу и предпринять попытку как «подследственного» исключить его из партии (русское руководство Союза писателей Москвы во главе с Феликсом Кузнецовым, правда, этого сделать Андропову не дало, храбро взяв писателя под защиту). Но Семанова через некоторое время 5-е главное управление КГБ по борьбе с идеологической диверсией даже арестовало и целые сутки допрашивало с пристрастием в Лефортове. Семанов прекрасно держался на изнурительном нескончаемом (целый день без перерыва) допросе, не дал себя запугать, а верные друзья, мобилизовав самые влиятельные силы, способные «цыкнуть» на Лубянку, помогли Семанову выбраться из Лефортова.

Тем временем Брежнев, конечно, тоже не бездействовал. Он нанес ответный мощный удар — как истый актер, осторожно, исподволь, с улыбочками и объятиями, делая вид, что ничего не происходит, он таки подготовил и провел снятие Андропова с поста всесильного главы КГБ. Для начала перевел его на Старую

площадь в качестве одного из рабочих секретарей, чтобы вообще затем убрать из политики. Отработанный еще Сталиным метод очистки Лубянки от ее зарвавшихся управителей, с той лишь разницей, что расстреливать Андропова Брежнев не собирался, а хотел поступить с ним, как с Шелепиным и прочими своими соперниками в Политбюро — сколько их за восемнадцать лет было!

Но Брежнев не успел довести это дело до конца. Андропов сумел пережить Брежнева (по ряду версий поторопив его смерть через своего друга, главного врача «кремлевки» Чазова) и, мало что сам ненадолго сел Генсеком, но, самое страшное, еще и успел протолкнуть во власть своего ставленника — Горбачева. А уж тот хорошо заработает себе на «Горбачевфонд» — сдаст Восточную Европу, а затем и Советский Союз «демократическому Западу».

Вот такая в последние годы правления Брежнева с именем Семанова была связана особо секретная история, документы по которой вы найдете в приложении к этой книге.

Почитайте секретную записку Андропова, она лучше всего характеризует и его натуру, и всю подковерную игру в «золотой век» Брежнева.

Другой бы ни за что не простил. А Сергей Семанов не только простил такое обращение с собой Брежнева, но уже в наше время написал о брежневском периоде истории как о золотом веке советской власти.

Семанов, конечно, прав в этой оценке. Однако какое мужество надо было иметь, чтобы преодолеть личную обиду и объективно написать о Брежневе! И когда? Когда вокруг все хаяли Брежнева, как могли!

Вопреки раздававшимся тогда со всех сторон «дерьмократическим» воплям о брежневской тирании и застое, Сергей Семанов как честный и объективный историк нашел в себе силы первым пойти против течения. Вдруг взял и открыто демонстративно написал на обложке своей книги-бестселлера «Брежнев — правитель «золотого века».

Сейчас-то эта оценка уже привилась, и уже никто с ней, даже либералы-демократы, не спорит. Напротив, абсолютно все дружно ее повторяют в своих статьях и монографиях.

«Как писать идеологическое евангелие для россиян, если значительная часть населения считает, что больше всего демократии было при Брежневе?» — вопрошает либеральный еженедельник «Аргументы и факты» № 17, 2006. Да еще чьими устами? Того самого Вячеслава Костикова, беспардонного пресс-секретаря Бориса Ельцина, который больше всех именно и озвучивал горбачевско-ельцинскую пропагандистскую клевету

про якобы брежневскую тиранию и брежневский застой!

А ведь тирании при Брежневе не было никакой, ни одного своего политического противника он не расстрелял. А что касается единичных случаев репрессий по отношению к диссидентам, высылки Бродского, Солженицына и других «инакомыслящих», так эти высылки провел Андропов, опираясь на Косыгина и некоторых других сталински настроенных членов Политбюро, постоянно терроризировавших Брежнева за то, что он слишком демократичен, и пытавшихся все восемнадцать лет заменить его то одной, то другой «сильной рукой». Претендентов было предостаточно, начиная с Шелепина, практически осуществившего заговор и расписавшего уже даже посты во власти.

Впрочем, сам Брежнев считал, что это нормальная конкуренция в борьбе за власть в демократическом обществе. Разведешь демократию — будут выпихивать. Но что делать? Нет, только не репрессии!

Прозрение приходит поздно. А клеветать мы на собственное прошлое, особенно если нам хорошо заплатят из-за океана, ой как горазды! «Демократы»-«шестидесятники», объединившиеся вокруг Горбачева, гвоздили якобы сплошной брежневский «застой». А о самом Леониде Ильиче Брежневе в 80-е годы писали только с пренебрежительной иронией. Писатель Анатолий Наумович Рыбаков, автор раскручивавшихся со страшной силой «Детей Арбата», целиком написанных по подкинутым ему ЦРУ фальшивым антисоветским сфабрикованным пропагандистским «источникам» (я писал об этом в памфлете «О саддукействе и фарисействе» еще в 1988 году — журнал «Москва», № 12»), по той же указке из ЦРУ кричал на всю страну: «Брежнев 18 лет опускал страну в трясину». Другой предатель, генерал от идеологии Д.А. Волкогонов (выгнанный в свое время Брежневым из Главного Политического управления армии за догматизм и антидемократичность), соорудил по тем же американским сфабрикованным в ЦРУ источникам книгу «Семь вождей» (от Ленина до Горбачева), которая усиленно раскручивалась и продавалась, как ширпотреб, на каждом уличном прилавке. Так вот этот продажный наглец «демократически» иронизировал: «Этот сугубо одномерный человек с психологией партийного бюрократа средней руки… Интеллектуальная посредственность». Эта клевета на Брежнева внушалась пропагандистами ЦРУ советскому «быдлу», чтобы осуществить руками Горбачева и Ельцина разрушение соперничающей с Америкой великой сверхдержавы. В то же время сами-то американцы для себя, для внутреннего пользования всегда давали Леониду Брежневу

совершенно другую оценку. Отмечалось, что на международных переговорах Брежнев выглядел очень умелым и эрудированным собеседником. Это же в своих воспоминаниях о личных встречах с Брежневым подтвердили лидеры США и Германии.

Но все рано или поздно встает на свои места. Прошло десять жутких и циничных постсоветских лет олигархической оккупации, и вот даже телеобозреватель Леонид Млечин (а известно, что телеобозреватели у нас еще по-прежнему самые огульные ниспровергатели ценностей, отъявленные «демократы» и записные «либералы») вещает со взвешенной щепетильной осторожностью: «Он был человеком незлобным, немстительным и руководствовался принципом: живи и давай жить другим». И Млечин бессильно разводит руками: «Самое удивительное то, что через много лет после смерти Брежнева мы все еще слишком мало знаем о нем, плохо понимаем, что двигало им, чего он хотел, к чему стремился».

Вот так круто с подачи Сергея Семанова теперь переменились оценки…

* * *

Однако пора опять вернуться к Сергею Николаевичу Семанову. Фигура эта очень интересная и весьма показательная для тех подковерных идейных схваток не на жизнь, а на смерть, которые велись при советской власти.

Он родился в Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде) в 1934 году. Предки — поморы и священники. Фамилия от старорусского «семан» — семь. Семья с крепкими русскими почвенными устоями.

Сергей оказался одаренным ребенком. Поступил в Ленинградский университет и закончил с блеском его исторический факультет, уже студентом проявил себя на комсомольской работе как умелый организатор и был назначен сразу после университета заведующим отделом пропаганды Петроградского райкома. Это прекрасный карьерный путь — даже в Генсеки. Именно с такой должности начинал Михаил Горбачев.

Но Сергей Семанов уже через полтора года разочаровывается в профессии карьерного партийного функционера. Он уходит в науку. И для того чтобы написать кандидатскую и докторскую диссертации на серьезном научном уровне, три года «вкалывает» заведующим Архивного управления Ленинградской области, где получает возможность изучить уникальные документы по истории партии и революции. Именно архив приучил его к скрупулезной

работе с источниками, тщательной проверке фактов, дал умение знать, где какие документы искать.

После защиты диссертации в престижном академическом Институте истории СССР Семанов, однако, опять круто меняет свою судьбу. Его боготворит сам директор Института, великий специалист по древнерусской истории прославленный академик Борис Александрович Рыбаков. Но Семанов как раз в это время сближается с патриотическими кругами молодой московской интеллигенции. И вот Семанов не остается научным сотрудником академического института, а принимает предложение стать заведующим отделом «ЖЗЛ» в издательстве «Молодая гвардия». Он хочет через серию «ЖЗЛ» дать русскому человеку на примере великих русских людей истинную историю России. И это ему блестяще удается. Книги серии «ЖЗЛ» быстро становятся чрезвычайно популярными, а самого Семанова принимают в Союз писателей СССР за ряд написанных им работ по русской истории.

Семанову дальше бы делать писательскую карьеру. Вроде все карты в руки. Но тут опять крутой поворот судьбы. Весьма известный молодой советский историк Сергей Николаевич Семанов становится идеологом центрального «русского клуба» под крышей ВООПИК. Эти клубы появились в начале 60-х годов под разными названиями: «Витязь», «Святогор», «Память» и др. Цель у них была одна — русифицировать власть, отстоять собственно русские интересы в советском государстве. А в 1965-м Брежнев разрешил создать «крышу» для «русских клубов» в виде ВООПИК — Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Взявшись за разработку идеологии «русского клуба» ВООПИКа, Семанов практически стал идеологом и «мозгового центра» Генсека Леонида Брежнева. Во всяком случае, не только в русских, но в «жидовствующих» (употребляю этот термин именно в его богословском значении) осведомленных элитных кругах об этом так прямо и говорили.

Работалось нам, русским патриотам и националистам, трудно, но ведь что-то и делалось — мы упорно стремились к русификации КПСС, к русификации власти. К русификации культуры и возвращению ее с красных облаков, тронутых нигилистическим пожарищем, на традиционную реальную почву русской православной духовности.

Многого удалось добиться, и не в последнюю очередь благодаря тому, что мы умело использовали особо секретную личную партийную разведку Брежнева. Мы развили успех в 70-х годах и в конце брежневского «золотого века» уже практически контролировали правящую партию, внося в нее русский дух.

Вот тогда-то Андропов (Файнштейн) и нанес удар по Сергею Семанову как одному из признанных и, главное, знаковых наших русских лидеров.

Надо сказать, что ни Брежнев, ни Суслов не были бескорыстными покровителями «русской партии», хоть и считались чуть ли не ее лидерами. Так писали на Западе с подачи ЦРУ. Скорее они вынужденно были нашими покровителями. Мы, русские, внедрившиеся в окружение вождей, просто умели с вождями направленно работать. Но, видимо, в этом и есть главный закон всякой власти. Умей окружить себя преданными людьми! Знай, на кого опереться! Последнее — самое важное, чтобы удержать в своих руках власть и сделать империю процветающей.

Леонид Ильич Брежнев прекраснодушно любил поговорить в узком кругу о том, что советская Красная Империя в пору Сталина, после 1937 года и особенно после Отечественной войны, очистилась от чужеродного налета «интернационализма» (= безродного космополитизма = троцкизма) и ощутила себя прямой наследницей Русской Империи. О том, что партия оздоровилась благодаря патриотическому подъему в Отечественную войну, когда в партию влилась громадная масса русских людей, особенно из крестьянских, крепких, почвенных слоев. Но Брежнев понимал, что в «оттепель» в партию опять поднахлынуло иудейское, местечковое, троцкистское дерьмо. С «местечковщиной», с «жидовствованием» надо было как-то бороться, иначе это разъест партию, начавшую было активно русифицироваться.

Андропов постоянно пугал Брежнева антисемитизмом «русских клубов», говорил, что у него есть информация, что мы «тайные фашисты». Опасаясь истеричной реакции «жидовствующего» лагеря, Брежнев никогда не принимал вождей национально-патриотического движения в своем узком кругу. Но за «русские мозги» Леонид Ильич держался. Державных, патриотических, охранительных идей Брежнев и требовал от свежих умов «русского клуба».

Брежнев держал оперативное досье на всех лидеров «русской партии» — Юрия Прокушева, Валерия Ганичева, Сергея Семанова, Анатолия Иванова, Анатолия Софронова, — тщательно следил за их политическими судьбами. Он лично был инициатором выдвижения Валерия Ганичева на пост главного редактора «Комсомольской правды» и планировал его далее на центральную «Правду» и секретарем по идеологии на место Суслова. Брежнев с удовольствием читал статьи Сергея Семанова и охотно утвердил его на новом массовом журнале «Человек и закон», ввел его в

кадровый резерв высшей номенклатуры партии с перспективой на высший пост в правоохранительных органах.

Мы по указанию Брежнева тогда искали замену Андропову. Этой замены не находилось. Все время возникали какие-то непросчитанные «нюансы». Брежнев понимал, что пора передавать власть молодым, но действовал, увы, нерешительно. Все уговаривали его еще годочек посидеть на троне. А Суслов и Андропов тем временем, применяя самые грязные приемы, сумели съесть молодых конкурентов, уже запланированных на их места.

Вы спросите, а где же была личная партийная разведка Генсека? Но дело в том, что, к сожалению, мы были не боги. Мы прохлопали, когда Андропов сумел (во время болезни Брежнева), договорившись с Устиновым, развязать губительную афганскую войну, и эта авантюра их и повязала. Брежнев всегда опирался против КГБ на армию. При сильной личной стратегической разведке и опоре на армию Брежнев мог абсолютно не бояться никаких сюрпризов со стороны КГБ, как бы Андропов (Файнштейн) ни дергался. Демократия, баланс, стабильность требуют своих жертв. Брежнев считал, что даже Андропова (Файнштейна) ему нельзя давить, так как за ним влиятельные еврейские общественные слои, с которыми он, как Генсек, просто обязан считаться. Он играл в хитрую политику баланса. Но образовавшая силовая связка Андропова с Устиновым, — а именно Устинов сделает Андропова затем Генсеком! — испортила Брежневу всю его далеко просчитанную аппаратную подковерную кадровую игру.

Не нужно иллюзий. Брежнев никогда не был авторитарным вождем, монархом уровня великого Сталина. Брежнев, хоть и был Генсеком, но его постоянно подсиживали — уцелеть восемнадцать лет на таком посту ему было не так просто. Держался Брежнев на «русском ордене». Мы часто проигрывали в конкуренции с «жидовствующими» Андропова (Файнштейна), которые действовали хитрее нас, вероломнее, просто подлее.

Но, как бы то ни было, очень многие члены «русского клуба» были выдвинуты кадровиком партии Константином Черненко с согласия Брежнева на крупные должности как в партии, так и особенно в творческих союзах и СМИ. Глава телевидения Лапин был близок с Черненко — дачи через забор. «Правду» Брежнев просто не успел отдать Валерию Ганичеву.

Ну, а с Сергеем Семановым все произошло, как в детективе Агаты Кристи.

Партии, лично Брежневу, понадобилось кинуть хорошего организатора и пропагандиста на массовый журнал по «правам

человека» — журнал «Человек и закон». Выбор пал на Сергея Семанова, которого Брежнев знал как идеолога собственного «мозгового центра» — «русского клуба». Брежнев, как я уже говорил, давно формировал МВД именно как противовес андроповскому монстру. Он для контроля сделал своего зятя Чурбанова первым замом главы МВД и ввел его членом редколлегии в журнал «Человек и закон».

Я помню, в каком смятенном состоянии приехал ко мне в общество «Родина» посоветоваться Сергей Николаевич. Ведь получалось, что от чего он ушел, к тому и пришел — опять в карьерные партфункционеры. Прощай писательский труд, прощай хоть и относительная, но творческая свобода! Но знал бы Сергей Семанов, что он практически обречен, что на Голгофу идет!

Мы просчитывали варианты. Он всегда был храбр. Но ведь было ясно, что он сразу окажется мишенью для Андропова! И никакая Ирочка (дочка Андропова), с которой Семанов дружит, тут его от папочки не защитит. Ну, что же «Jedem das Seine» — каждому свое, как писали немцы на дверях своих концлагерей. Как политик Семанов испил горькую чашу до дна…

* * *

Знаю по опыту, что собственное участие в событиях всегда «повязывает». Потом, даже когда хочешь дать абсолютно объективную историческую картинку, невольно возникает писательский налет в видении событий. Хочешь, не хочешь, а несколько преувеличиваешь значимость тех событий, участником которых ты был. Воспоминания дают очень рельефную картинку, но они далеки от научного анализа — от них всегда чуть-чуть попахивает «романом».

Отлично сознавая эту опасность, Сергей Семанов особенно скрупулезен в обращении с фактами и подчеркнуто старается опираться только на опубликованные документы. Бог для Семанова только один — конкретный неопровержимый документ.

Перед Вами, читатель, пятое, хорошо опробированное читательским интересом, дополненное свежими фактами и абсолютно выверенное «академическое» издание биографии Л.И. Брежнева. От журналистских потуг сыграть на «раскопанных сенсациях» эту книгу отличает прежде всего ясность взгляда и четкость выводов.

Золотой «брежневский» период в реальности был великой агонией социализма. И может быть, именно в этой тихой агонии сущность «золотого века» Брежнева. Пожалуй, Сергей Семанов как

ученый и исследователь нашел ключи к брежневской тайне.

Это книга — глубокая оценка сути советской власти. Не революционных боев и лозунгов, не ее оперных декораций. А того, что советская власть может дать народу при нормальном демократическом правителе. Что она может дать простому человеку в свой «золотой век». И уже за одно это его книгу, я уверен, будут читать все, независимо от сиюминутных и преходящих, как порыв революционного ветра, политических убеждений. Все, кому просто хочется нормально жить.

Александр Байгушев, координатор личной стратегической разведки и контрразведки Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева

Вступление. Леонид Ильич — взгляд издалека

Минуло сто лет, как в русской рабочей семье, на берегу Днепра, этой колыбели русской цивилизации, родился первенец-мальчик, нареченный при святом крещении Леонидом. Греческое это имя звучит воинственно — «подобный льву». Вроде бы добродушный, мягкий, любивший шутку и ненавидевший жестокость Брежнев этому имени не соответствует. Оказывается, не совсем так. Как мы увидим, на войне он достойно выполнил свой долг боевого комиссара, и кровавого Берию не устрашился пойти брать, и в решающие для Родины минуты слабости не проявил. И вообще придется нам всем расстаться наконец со многими преданиями, имя его поныне окружающими.

Скончался Леонид Ильич уже более четверти века тому назад. Срок по человеческим меркам немалый, однако в нашей России за это время свершились также события, которых для иных стран хватило бы на век, а то и на века. Произошли, как предсказывал русский поэт, «невиданные перемены, неслыханные мятежи». Так что у нынешнего российского гражданина есть очень серьезные основания провести теперь объективное сравнение на предмет того, как было и как стало. Вспомним же старого Брежнева и перенесемся в его времена.

Итак, семидесятые годы, которые хорошо помнит еще едва ли не большая половина населения нынешней обрезанной России. Не станем даже поминать о бесплатной медицине и высшем образовании, о почти даровом проезде на городском транспорте и билете на поезд Москва — Ленинград стоимостью в 10 тогдашних рублей (две-три бутылки водки). Эти привычные жизненные обстоятельства нами тогда почти же замечались. Пойдем далее. Все, кто хотел, отправлял детей в пионерские лагеря, пребывая в полной уверенности, что они там не заболеют и не утонут в реке, а уж о нравственном уровне воспитания там так даже не задумывались. Молодые и средних лет родители уезжали в отпуск в любой уголок страны, что теперь доступно только богатеньким. Пожилые отдыхали за счет профкома на курортах, нередко на Черном море. Пустяки стоила поездка на разные там «золотые пески» в Болгарию или Румынию, хотя путевки туда было трудновато «достать» (примечательное слово той эпохи, ныне исчезнувшее из языка). Помню, как иностранцы изумлялись, что простые рабочие имеют садовые участки («виллы» в их лексиконе) под Москвой; в Париже, Лондоне и Чикаго такое, мол,

немыслимо. Мы пожимали плечами, тоже не понимая их удивления.

Земной рай был у нас тогда? Нет, рая не было.

Большинство мужчин Советского Союза от Риги до Камчатки страдали, что невозможно купить («достать»!) пива — нашего, «Жигулевского», весьма, к сожалению, неважного. Их жены и взрослые дочери мучились невозможностью добыть несчастные колготки, которые у нас тогда почему-то не производились. Сверхзвуковые самолеты делали не хуже американских, а вот пива и колготок не могли. Тогда острили: у нас в магазинах ничего нет, а в домашних холодильниках почему-то все есть… Так оно, в общем-то, и было.

Шутки шутками, но эти нехватки простейших бытовых предметов очень раздражали народ, и народ тут был безусловно прав.

Для многомиллионной российской интеллигенции поводов для недовольства было куда больше. Коснемся тут пресловутой «свободы слова». Потому пресловутой, что у нас теперь, а на Западе еще раньше эта самая свобода обернулась бесстыжим воспеванием бандитов, проституток, гомосеков, но в особенности — вороватых «олигархов». Но как бы понятие свободы слова ни замусоривали, она человеку нужна, в чем сомнений нет. Как же обстояло дело с этим в долгие времена Суслова и Андропова, Демичева и Зимянина?

Очень плохо.

Унылая, скучная, высохшая и выцветшая, как музейная деревяшка, так называемая марксистско-ленинская идеология губила всякую свежую мысль. Это самым пагубным образом отражалось на всей гуманитарной сфере: от журналистики до академической науки. Бесконечные придирки идеологического начальства от ЦК КПСС до райкомовских секретарей, мелочность цензуры сказывались не только в наиболее заметной области литературы и искусства или столь же заметней историографии, но и на иных отраслях вплоть до суховатой экономической теории. О развитии правовой науки уж и не приходится говорить, она по сути перестала существовать на уровне рассмотрения современных требований дня. И так прошли все семидесятые годы.

Разумеется, такое положение не могло не раздражать гуманитарную общественность, в особенности ее более молодую и способную часть. Немаловажно и вот что. В то время уже сложились в советской интеллигенции «русская» и «еврейская» партии, остро, хоть и скрыто враждовавшие меж собой за влияние в идеологии. Партия еврейская была издавна и хорошо выстроена

и сплочена — в отличие от нашей «молодой гвардии». Мало того, она имела перед нами по крайней мере два преимущества. Во-первых, наиболее горячие и нетерпеливые из них могли почти без препон выезжать на доброжелательный к ним Запад. Что они и делали, безмятежно обустраиваясь в разных там Мюнхенах и Парижах. Во-вторых, марксистско-ленинская догма для этого круга людей была куда ближе, так сказать, генетически, чем для нас, в душе православных монархистов или сталинистов.

Ясно, кому тут было ближе наследие Маркса и Ленина. Службы Андропова обо всем том докладывали шефу, а он нанес позже свой удар именно в нашу сторону. Но о том — в другом месте.

Как бы то ни было, но широкие слои гуманитарной интеллигенции всех российских сфер и областей дружно поносили идеологический застой, который в позднюю брежневскую пору действительно приобрел поистине затхлый характер. Так было. Автор этих строк уже сдал тогдашние свои дневниковые записки в архив, некоторая часть их опубликована. Так вот: тогдашняя оценка Брежнева русскими патриотами была сугубо отрицательной, мы злились, бранились и высмеивали старика. Теперь очень важно оглянуться назад и спросить себя и своих товарищей: а были мы правы тогда в своем недовольстве и нетерпении? Вопрос отнюдь не биографический, имеет он несомненное общественное значение, и долговременное. Тут надо задуматься.

Да, сейчас у русского образованного сословия право на свободу говорения и писания есть, это так. Однако на телеэкран с его многомиллионной аудиторией нас не пускают, а книги и статьи, опубликованные небольшими тиражами, до народа не доходят. Это во-первых, но не главное. А главное-то в том, что пресловутая эта свобода оплачена разрушением и разорением страны, гибельным обнищанием и одичанием трудящегося народа, прежде всего народа русского. В этой связи полезно задуматься: а стоит ли одно другого? За сомнительное право болтать, что угодно, заплачена слишком уж большая цена. Миллионы безработных взрослых и столько же беспризорных не шутка. Плюс множество бомжей и уличных проституток. Итак?

От своего скромного имени, но думаю, от многих своих сотоварищей тоже, могу сказать: дорогой Леонид Ильич, вы были добрый человек и правитель державы, при вас народ жил спокойно и благополучно, а мы, нетерпеливые честолюбцы, бранили вас. Да, вы несете вину перед отчизной за учиненный вами застой, слов нет. Однако сегодня всему российскому сообществу следует крепко-накрепко ценить то доброе, что

имеем, хранить и оберегать его, чтобы потом, все потерявши, не плакать на пепелище.

До самой недавней поры желтые газетчики нашей (не нашей!) печати и тем паче телевизионные «хохмачи»-ведущие поминают его непременно в карикатурно-идиотском виде. Косноязычный тупой старикашка с густыми бровями, бормочущий анекдотическую чушь — вот привычная для него маска. Она столь же надоела, сколь и не соответствует исторической реальности, что сегодня понятно всем.

Что ж, в последние несколько лет своей жизни Брежнев, перенесший инфаркт, говорил неважно, движения его стали замедленными. Однако он был прежде всего политический руководитель, а не эстрадный артист, обязанный выглядеть бодрячком и говорить бойко. Тут оценка должна быть соответствующей. Теперь-то опубликовано множество документов о самых различных сторонах его деятельности, даже записи на перекидном календаре с его письменного стола перепечатали. Вышла прорва воспоминаний, от соратников по Политбюро до ближайших родственников, высказались супруга, зять, племянница. И что же получается, как сейчас говорят, «в сухом остатке»? Ответим предельно кратко, ибо именно этому и будет посвящена наша книга: Брежнев от первого дня своего восшествия на «престол» главы партии и Советского государства бразды правления из рук никогда не выпускал.

Никогда. Даже тогда, когда заикался на потеху множеству шутников. А разве гражданам России не ведомы ныне случаи, когда главы государства впадали «в отключку» или управлялись капризными супругами? Леониду Ильичу такого и в страшном сне присниться не могло…

Обо всем этом будет далее рассказано подробно и объективно в данной книге.

Народную память обмануть невозможно. Полвека после кончины Сталина его поносят в нашей же стране множество злопыхателей с двойным гражданством и их подголоски. И что же? Посмотрите на демонстрации обездоленного трудового народа — Сталин там самый частый герой плакатов и лозунгов.

Те же граждане исступленно глумятся над памятью Ленина, грезят превратить Мавзолей в прибежище извращенцев всякого рода. Ничего не получается. Словно невидимая стена ограждает прах создателя государства Советов от всякого рода кощунственных поползновений. Разумеется, мы не даем тут никакой оценки Ленину и Сталину, это особый разговор. Скажем лишь, что публичное глумление вызывает у всех добросовестных граждан лишь чувство брезгливости.

Да, Брежнев на старости лет изъяснялся невнятно, что, естественно, раздражало людей. Однако его личные качества, именно как государственного деятеля, что теперь обнаженно видно, были весьма привлекательны. Сравним сравнимое. Он не был замкнут и нелюдим, как Ленин. Ему совершенно чужда была жестокость Сталина. Он не впадал в истерики, как Хрущев, и совсем уж не был склонен к пьянству. Наконец, он не имел «двойного дна», чем отмечен был Андропов. Сравнивать Брежнева с Горбачевым и Ельциным не станем. Твердо укажем лишь, что Леонид Ильич был безусловным патриотом своей Родины, интересы которой всю жизнь оставались для него первостепенными. И еще: да, любил он собирать награды, но все они ныне в Гохране (если их не разворовали, как многое иное в несчастной России). А дети его особняков и поместий не имели — ни в Советском Союзе, ни тем паче за его пределами.

Не правда ли, сравнение оказывается впечатляющим? Однако будем объективны. В личности Брежнева имелись существенные слабости, которые — при всех выше отмеченных качествах — и не позволили ему остаться в истории как крупному политическому деятелю. Увы, он им и не был. В частности, был очень плохо образован, его культурный уровень и вкусы просты до примитивности. В эту «щель» легко проникали ловчилы от искусства весьма определенного идейного и национального окраса. Был слабоволен и недостаточно решителен, что является величайшей слабостью для руководителя мировой сверхдержавы.

Однако главное кроется все же в ином. Брежнев не имел перед собой великой цели, вот почему изначально он не мог сделаться великим политиком. Не будем уж тут поминать Ленина и Сталина. Но вот Хрущев… Если не принимать во внимание кукурузу и стук ботинком по столу ООН, то в деяниях его общая цель вроде бы проглядывается. Она незамысловата до убогости, но заявлялась открыто и проводилась твердо — наполнить желудки советских граждан («догоним Америку по молоку, маслу» и т. д.). О духовных интересах Великой России Хрущев даже представления не имел, что и было его решающей слабостью.

Брежнев отбросил хрущевские истерические метания, что грозили гибелью Советской державе. Он пытался продолжить лучшее, что осталось от его предшественников: державная мощь, космос, прославление страны во всем — от высших научных достижений до спорта. Но он именно продолжал, а не создавал новых идей и не искал новых сил. То есть был истинным эпигоном. А они великими не становятся.

Но много ли во второй половине XX столетия появилось на

всей мировой арене крупных и ярких политических деятелей? Ответ очевиден для всех, хотя бы читающих газеты. Разве можно назвать имена выдающихся людей, подобных Франклину Рузвельту в Америке, Черчиллю в Англии, де Голлю во Франции, Ганди и Неру в Индии, Насеру в Египте? Так что и наш Брежнев в ряду «уцененных» политиков никак не выделяется. Именно в таком историко-политическом контексте и следует оценивать всю его деятельность.

Теперь, на развалинах взорванного изнутри великого Советского Союза, многое в нашей давней и особенно недавней истории стало очевидным. В частности, оценка деятельности скромного по дарованиям Леонида Ильича Брежнева, правившего половиной мира в течение восемнадцати лет — громадный срок по современным меркам! И ясно теперь, что его «царствие» для простого российско-советского труженика, то есть для громадного большинства народа, было самым благоприятным временем во всем многострадальном XX столетии. Ни войн, ни революций. Ни голода, ни потрясений. Жизнь медленно, с перебоями, но улучшалась. Советский рубль и вклады в сберкассы были незыблемы. Жилье получали по большей части бесплатно, юноши и девушки из самых простых семей могли без блата поступить в МГУ или ЛГУ и взяток доцентам не платили. Служба в армии почиталась однозначно высоко. Так было, и совсем недавно. Не правда ли, что это сегодня может показаться «золотым веком»?

Имея все это в виду, бросим быстрый взгляд на жизнь и деятельность Брежнева в его самых важных, масштабных делах. Четыре года без единого дня отлучки к семье провел он на войне, был под огнем, тонул на разбитом катере. Руководил, не зная отдыха, восстановлением разрушенного хозяйства в послевоенные годы, и где — в крупнейших центрах советской индустрии, Запорожье и Днепропетровске (не могу удержаться от сопоставлений: ныне там современные «захватчики» и «оккупанты» разорили славные заводы). А целина? Да, конечно, суетливая хрущевская пошлость тут в памяти народной осталась, но это ли главное? Партийный секретарь Брежнев месяцами мотался из конца в конец огромного края, обустраивая новоселов, налаживая хозяйство. Теперь подобные дела кажутся уже героической легендой, хоть о ней и не вспоминают телевизионщики.

И было самое главное, пока еще полностью не оцененное в нашей общей памяти, что впишет имя Брежнева в отечественную историю со знаком сугубо положительным. В значительной мере по его воле были прекращены истерические и нелепые во многом хрущевские метания и шарахания в разные стороны, донельзя

расшатавшие страну. Пожилые граждане помнят, как в конце хрущевского правления выстраивались грандиозные очереди… за мукой! Такого не бывало даже в войну, а с приходом Брежнева исчезло навсегда. Пока исчезло, добавим уж осмотрительной предосторожности ради…

Граждане Советского Союза зажили спокойно и уверенно. Да, было скучновато, по вялости правителей (и самого Генсека в частности и в особенности), порой трудновато было приобрести самые расхожие товары, от холодильников до несчастного пива. Это так, но тогда же возник популярный анекдот, о котором уже упоминалось: у нас прилавки пусты, зато кухни полны… Верно, так оно и было. Сейчас же, когда витрины ломятся от всякой всячины, на многих-многих кухнях… теперь тот веселый анекдот вспоминается с тоской.

И последнее, что совсем уже запамятовалось. Брежнев был миролюбив в самом подлинном значении этого слова. Он, переживший суровые времена в конце тридцатых годов, жуткую военную страду, послевоенное лихолетье, он искренне желал своему народу мира и покоя. Эта внутренняя убежденность четко и твердо проводилась во внешней политике Советского Союза в брежневские времена.

В Хельсинки в 1975 году собрались все главы государств Европы, США и Канады, именно тогда советская дипломатия, а ее линию прямо и открыто проводил лично Брежнев, добилась официального подтверждения итогов Второй мировой войны. Это была исключительно важная победа нашей внешней политики, сопоставимая по своим результатам и сравнимая с Ялтой и Потсдамом. Личная заслуга Брежнева в этом деле несомненна и значительна. Увы, это все полностью разрушено предательской, по сути, политикой горбачевско-ельцинской дипломатии. Итоги Великой Отечественной войны ныне попраны. О Хельсинкских соглашениях все официальные лица в Москве стараются не вспоминать. Неудобно все-таки. Расточили прошлые успехи, что же тут скажешь…

Вот краткий реестр положительных деяний Леонида Ильича. Не правда ли, он впечатляет. Об этом в нашей книге будет рассказано подробно, обстоятельно и доказательно.

И несколько слов в заключение. Да, наследники Брежнева в немыслимо короткий срок развалили великий Советский Союз, чьим горячим патриотом был он сам. Да, он несет за это свою долю ответственности, слов нет. Однако в свете новейших публикаций самого достоверного характера видно, что не он этих наследников подбирал. Точно известно, что перед кончиной он отдалил Андропова и хотел видеть преемником твердого

советского патриота Щербицкого. А последующих он и знал-то шапочно.

…После кончины Брежнева на его доме (номер 26 по Кутузовскому проспекту) установили скромную мемориальную доску с его барельефом. Вполне уместно, ибо в этом доме он вместе с семьей проживал аж с октября 1952 года. Автор этой книги живет неподалеку, поэтому постоянно наблюдал: у доски лежали свежие букетики цветов, они обновлялись постоянно, не успевая засохнуть. И это были не официальные венки от делегаций, коммунистических или иных партий, нет, они непосредственно выражали народную память о покойном Генсеке.

И вот недавно доска… исчезла! Сперва мы грешили на нынешние власти, ревнующие к памяти доброго Леонида Ильича, но вскоре выяснилось, что доску просто-напросто… украли. Да, украли и сдали, видимо, на металлолом. За десяток баксов, а их пропили. В стене старого дома остались только четыре дырки. Но эти несчастные шрамы вовсе не являются выражением народной памяти по Брежневу. Это лишь образ нашей нынешней страны, разоренной и униженной за последние четверть века нашего существования.

Хороший рабочий парень Леня Брежнев

Следует признать, что политический путь наверх Леонида Брежнева протекал неспешно. Он стал, применяя нынешнее выражение, «публичным политиком» сравнительно поздно. Точный тому свидетель — тогдашние справочные издания, которые в отношении партийно-советского руководства были исключительно щепетильны в публикуемых сведениях. Так вот, впервые имя Брежнева было упомянуто в Малой советской энциклопедии, томе I, изданном в 1958 году. Ему шел уже пятьдесят второй год. Заметим, что его тогдашние коллеги по высшему эшелону партии и государства, а позднее его соперники — Гришин, Мазуров и Полянский — были моложе. Не говоря уже о тогдашнем комсомольском вожаке Шелепине, которого давно знала вся страна и даже лауреатная поэтесса Маргарита Алигер посвятила ему трогательные строки.

Вот что говорилось в той энциклопедии: «Родился 6 (19) декабря 1906 — деятель Коммунистич. партии и Сов. государства. Родился в городе Днепродзержинске в семье рабочего-металлурга. С 1921 начал трудовую деятельность. В 1927 окончил землеустроительно-мелиоративный техникум в г. Курске. В 1927–1930 работал на Урале землеустроителем, зав. районным земельным отделом, зам. председателя райисполкома, зам. зав. Уральским областным земельным управлением». Прервем цитирование сухого справочного материала, но отметим немаловажное: начальная биография Брежнева изложена тут точно. Далеко не о всех советских вождях, больших и не очень, была такая открытость в публикуемых данных. А Брежнев был действительно простым парнем из трудовой семьи, скрывать ему ничего не приходилось, ни относительно анкетных данных, ни относительно каких-либо сомнительных обстоятельств.

Родился он в рабочем поселке Каменское, который известен как ремесленный центр и пристань на Днепре уже с 1750 года, как только стал осваиваться богатейший, но тогда совершенно пустынный край, названный Новороссией. В конце XIX века началось бурное промышленное развитие Нижнего Приднепровья, не миновало оно и скромный поселок Каменское — тут вырос огромный по тем временам металлургический завод, благо и уголь, и железная руда были рукой подать. Поселок быстро стал городом, в двадцатых годах там насчитывалось 34 тысячи жителей, многие областные города страны были тоща куда

малочисленнее. В 1936 году Каменское переименовали в Днепродзержинск. Ну, Днепр, это понятно, но при чем тут Железный Феликс, который в этом городишке ни разу не побывал, да, видимо, и не ведал о его существовании? А ни при чем. Просто полоса была такая нелепая, переименовывали все, кроме рек и озер.

Леонид Брежнев был потомственным пролетарием в самом точном смысле этого когда-то весьма почетного социального признака. Да, при Советской власти трудовым происхождением гордились, как ныне хвастаются счетами на Каймановых островах, или тюремным сроком, или проститутским опытом, что делать, каждой эпохе — свои герои. Так вот, дед Леонида, курский крестьянин Яков, как и тысячи тогда ему подобных, приехал на строящийся металлургический завод и поступил рабочим в прокатный цех, профессия была тяжелая, да по тем временам и опасная. По обычаям того времени его сын Илья, как стал подростком, тоже пошел работать вместе с отцом. Рано женился на юной красавице из той же рабочей слободы, и вот в 1906 году 6(19) декабря Наталья, супруга мастерового Ильи, родила сына, нареченного Леонидом.

Отметим то, о чем помалкивали биографы Генсека при Советской власти, что естественно, и почему-то не вспоминают поныне. Так вот, появился он на свет в день святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских (Николы Зимнего, как попросту говорили тогда и сейчас). То был любимейший святитель на Руси, дни его праздновались повсеместно. Но младенец получил иное имя, хотя точно известно, что мать была истово православной женщиной до конца дней своих, про мужчин в семье точно не известно, однако атеистами они уж не были наверняка.

Леонид — имя древнегреческое, означает оно «подобный льву». Так и вспоминается спартанский царь, павший со своими воинами в отчаянном бою у Фермопил. Святых Леонидов Русская православная церковь знает пятерых, их имена поминаются в марте, апреле, июне, июле и августе, все даты далеки от начала декабря. Значит, имя младенцу дали по воле родителей, по обычаям той поры это делалось в память родного или близкого человека. Леонид Ильич, вырастая, по складу своей натуры на грозного льва никак не походил, хотя свой воинский долг в положенное время выполнил достойно.

О семье брежневских родителей известно очень мало. Вот почему большую ценность в этой связи представляют собой воспоминания супруги Леонида Ильича. К этому мемуарному источнику мы еще не раз будем обращаться в нашем повествовании, поэтому тут необходимы некоторые пояснения.

После кончины Брежнева его вдова и дети переживали нелегкие времена, их выселили из госдачи, потеснили в квартире, забрали многое из имущества (которое хоть и было небедным, но несравнимо с награбленным богатством «новых нерусских»!). Хуже того, посадили в тюрьму зятя, а дочь долго допрашивали о разных подлинных, но больше мнимых грехах.

Наконец вдову оставили в покое, и она, старая и больная, потерявшая зрение, доживала в той же, хоть и урезанной, квартире. Ее воспоминания стал записывать писатель Владимир Карпов, проживавший по соседству. Ее обширные и совершенно бесхитростные воспоминания он опубликовал в 2000 году в издательстве «Вече». Вдова рассказывала просто и откровенно, не избегая, в отличие от множества мемуаристов, неприятных сюжетов. В книге часто будут цитироваться эти воспоминания. Вот о старших Брежневых:

«Илья Яковлевич — отец Лени — из деревни Брежнево Курской области. Деревня и сейчас называется так. Там многие носят фамилию Брежневы, даже не родственники. В каком году он уехал из деревни, я не знаю, уехал на заработки. Познакомился с Натальей Денисовной в городе. Они поженились в 1904 году. У них первая девочка родилась в 1905 году, но вскоре умерла. 19 декабря 1906 года родился Леня. Потом, в 1912 году, родилась Вера.

Когда случился голод 1921 года, все уехали в деревню, потому что завод не работал. А когда завод заработал, вернулись. Последнее время отец Лени занимал должность фабрикатора, это вроде коммерческого директора: ему давали задание, он распределял его по цехам, те выполняли, и он отправлял продукцию заказчику — железо, болванки разные. В 60 лет вышел на пенсию и вскоре умер — месяц лишь успел отдохнуть. Наталья Денисовна часто потом у нас гостила и умерла в 1975 году. Была она простой, доброй русской женщиной».

Напомним, что семья Брежневых жила в Новороссии, где было необычайно смешанное население, как нигде, пожалуй, в стране. Помимо русских и украинцев, составлявших преобладающее большинство, тут немалыми группами жили греки, немцы, сербы, евреи, причем до Гражданской войны отношения между ними были вполне мирными. Кем же был Леонид Брежнев по пресловутому «пятому пункту», который всегда так беспокоил и беспокоит наших «двойных» граждан? Вот любопытное свидетельство генерала-политработника Д. Волкогонова:

«Где-то в конце семидесятых годов, после моего служебного текущего разговора с генералом армии А. А. Епишевым у него в

кабинете, тот неожиданно поднялся, открыл сейф и вынул оттуда толстую папку с надписью «Личное дело генерал-лейтенанта Брежнева». Именно у начальника Главпура хранились личные военные документы Генсека (той поры, когда Брежнев служил в армии). Молча пролистав папку, Алексей Алексеевич, не произнося ни слова (тогда подслушивали всех руководителей и везде), указал пальцем на строчку анкеты, где было написано чернилами: «русский». Убедившись, что я прочел, генерал армии нашел другую страницу дела, где тем же почерком было означено: «украинец». Вопросительно взглянув на меня, Епишев задал мне риторический вопрос:

— Так кто же он?

Естественно, я был не в состоянии ответить.

Но вот сейчас, листая «партийное дело» Генерального секретаря Л.И. Брежнева, я обратил внимание на «листок по учету кадров», где будущий лидер партии еще в годы войны собственноручно написал: национальность — «украинец», социальное положение — «служащий».

В аттестационном листе на присвоение воинского звания «генерал-майор» записано — «украинец». В аттестации, подписанной генералами Ватутиным и Крайнюковым, — «украинец»… В десятках других документов — тоже «украинец». В паспорте, выданном 11 июня 1947 года № 637803-1УЯЛ в Запорожье, тоже значится: «украинец».

Но как только Брежнев вошел в высшие органы КПСС, он тут же стал «русским». После приезда в Москву в его анкетах, биографиях — везде «русский».

Напомним для тех, кто забыл, что генерал Главного политуправления Советской армии Волкогонов при Горбачеве вмиг сделался ярым антикоммунистом, в этом качестве свои работы о вождях СССР он и составлял. Следуя тогдашней моде, он подсмеивается над тождеством «русский — украинец» в самооценке Брежнева. Но ничего тут примечательного как раз нет! В семье советских народов царило, как теперь всем очевидно, истинное товарищество, даже слово «братство» тут правомерно употребить. Не жаловали только те народности, что убегали «за бугор», но таких нашлось, в общем-то, немного. А меж русскими и украинцами вообще разница была подчас весьма условной. Но все же заключим: да, Леонид Ильич был русским и вырос в русской семье, но навсегда искренне и глубоко полюбил Украину.

Гражданскую войну Леня Брежнев пережил подростком. Через Каменское перекатывались войска красных и белых, немцев и австрийцев, петлюровцев, махновцев и всяких бесчисленных прочих. К счастью для него, прошло это наваждение, не оставив у

юноши ни физических, ни душевных травм. После войны жизнь восстанавливалась с трудом. Однако отец вернулся на завод и смог содержать семью, Наталья Денисовна целиком посвятила себя воспитанию троих детей — Леонида, Якова и Веры.

Старший сын с малолетства испытывал тягу к учебе, что в тогдашней рабочей среде наблюдалось не часто. В 1915 году Илья Яковлевич смог отдать его в гимназию, что тогда стоило немалых денег. Не место тут рассказывать подробно биографию, однако отметим, что русская гимназия давала превосходное (гуманитарное прежде всего) образование, с нынешней средней школой тут и сравнения быть не может! Достоверно известно, что Леонид учился старательно. Особенно хорошо усваивалась им математика, а вот иностранные языки — там изучали немецкий и французский — давались ему плохо.

Как в юности порой просматривается зрелость! Леонид Ильич оказался толковым и дельным инженером, хорошим организатором производства. А вот языки и вообще гуманитарные предметы давались ему с трудом, и никакой тяги к ним он всю свою долгую жизнь не питал.

Гражданская война порушила старые гимназии, а советская «единая трудовая школа» еле теплилась. Книг, тем паче учебников, не было, ученики писали на обратной стороне деловых бумаг, ученики, как и их учителя, летом ходили босиком. Разрухе всегда сопутствуют болезни. Вшивый тиф погубил в нашей стране тогда больше людей, чем все воюющие между собой армии, красная ВЧК и белогвардейская контрразведка. Не миновала чаша сия и Леонида: в 1920 году он подхватил тифозную заразу, но обошлось без последствий, которые нередко бывали просто ужасными.

Мирная жизнь вокруг с трудом, но налаживалась. Весной 1921-го Леня получил свидетельство об окончании средней школы. Учили его там неважно, чай, не гимназия, но диплом есть диплом. Впрочем, больше всего следовало думать о хлебе насущном, ведь он был старшим сыном, а это рано налагало на юношу ответственность. Начал он учеником слесаря, учился на металлурга, но промышленность восстанавливалась медленно, даже опытные рабочие не находили себе применения, что уж говорить о судьбе ученика-подростка! Зато село, особенно на богатых украинских землях, в годы нэпа быстро поднималось.

Возможно, это и определило выбор практичного не по годам юноши: он уезжает в Курск и поступает в тамошний землеустроительный техникум. При единоличном земледелии, а колхозов еще не было, то была весьма необходимая профессия на селе. Случилось это в 1924 или 1925 году (точных данных пока

нет). Известно лишь, что в 1926-м он побывал летом на практике в Орше, что в Витебской области. Так он начал знакомиться с бескрайними просторами своей родины.

В 1927 году Брежнев закончил Курский землеустроительный техникум, было ему тогда лишь двадцать лет, но за плечами его был уже немалый жизненный и трудовой опыт, так что он являл собой вполне взрослого и самостоятельного человека. Он получил назначение на Урал и уже в марте выехал туда. Теперь уже нужно объяснять молодым читателям, что обучение тогда (и еще более полувека позже) было бесплатным на всех уровнях, но по окончании учебы выпускников ждало распределение по нуждам и требованиям соответствующего ведомства.

В ту же пору в жизни двадцатилетнего Леонида произошло исключительно важное в его личной жизни событие — он влюбился в молодую девушку, его ровесницу, которая училась в Курском медицинском техникуме. Вот что рассказала об этом много-много лет спустя его тогдашняя невеста, а потом супруга до конца его дней:

«— Где и как свела вас судьба с Леонидом Ильичом?

— Мы встретились в Курске, в общежитии. Он учился в землеустроительном, а я — в медицинском. Ребята приходили к нам в общежитие. И он с ними. Высмотрел меня, когда я была на первом курсе, а он учился уже на третьем.

— Как он тогда выглядел? Понравился вам?

— Как же не понравиться?! Стройный, чернобровый, волосы как смоль густые. Его по бровям издалека узнавали. Глаза большие, карие, сочные. В то время танцы стали модными. Леонид танцевать не умел, и я его учила: вальс, падеспань, полька… Я хорошо танцевала. В театр вместе ходили, всегда на галерку и всегда компанией. В кино на последний сеанс, потому что билеты подешевле. А в субботу обязательно в клуб, на танцы.

— Вам, наверное, хотелось приворожить парня?

— Конечно хотелось! Жених он был видный, серьезный. Учился прилежно — значит, думал жизнь основательно устраивать. Как его приворожить? Тогда украшений не носили — буржуазный пережиток! Ни сережек, ни колец, губ не красили, щек не румянили — все натуральное. Прически делали девушки без щипцов: то на гвоздики, то на бумажку накручивали. Стрижку носили короткую, называлась — «под фокстрот». Сзади коротко, а впереди волосы начесывали — высокий чубчик получался! Леонид свои густые темные волосы с пробором набок носил. Ухаживал за мной долго, почти три года. В 1925 году мы познакомились, а поженились только в 1928-м.

— А как он вам в любви объяснился, как предложение

сделал?

— Давно это было, не очень-то помню… Ничего особенного. Думаю, как и у всех: время и жизнь тогда были суровыми. Сказал, что любит меня. Спросил: «А ты?» — «Люблю, мол, и я!» Вот и все. Потом, когда он уже получил назначение, говорит: «Давай поженимся». Я говорю: «Хорошо». Пошли в загс и расписались.

— А конкуренты у него были?

— Были. Другие парни тоже за мной ухаживали. Это сначала, а потом уже все знали, что Леня за мной ухаживает и я его девушка.

— Почему родители вам такое «нерабочее» имя дали?

— Почему Викторией назвали? У нас много соседей-поляков было, и у моего крестного отца дочку звали Викторией. Видно, родителям понравилось имя. У других детей имена обычные — Александра, Валентина, Лидия, брат Константин. Вот только я получилась на польский манер.

Леня уехал в марте, а мы в июле учебу закончили и отправились к ним. Ребята поехали, и мы следом: три подружки, три невесты. Одна в Первоуральск, две в Шемаху, это не доезжая Свердловска километров десять. Леня встречал меня в Свердловске. Мы не знали, что свою станцию проезжаем. Так уж договорились, что всех нас приедут встречать в Свердловск. Тут пообедали, отдохнули и в тот же вечер к себе — до места добрались утром следующего дня.

У Лени была комната, снимал у богатого человека, который торговал сельскохозяйственными машинами. Большой дом, внизу магазин, а наверху квартиры. Одну комнату мы с Леней занимали, вторую — Сережа Каменев со своей молодой женой, а третью комнату — Ваня, он не был женат. Кухня общая, большая, полати возле печки — на них играли хозяйские дети.

Сначала я и готовить не умела, потом постепенно научилась. Даже хлеб сама пекла. Бабушка научила. Нам давали в пайке ржаную муку, местные жители приносили яйца, кур, молоко. Я тоже устроилась на работу акушеркой. Галина родилась не там — уже в Бисерте. Мы на одном месте не сидели, лето — тут, зиму — там. Переехали в Бисерт. Там Галя и родилась. Леня раньше уехал, говорит: «Квартиру подготовлю. Ты, наверное, здесь родишь». Приехал за мной, удивился: «Ты еще не родила?!»— «Нет, — говорю, — такое по заказу не делается». Ну, поехали в Бисерт, нам с пересадкой ехать двое суток. Приехали утром. Хорошо, в дороге не родила. Леню в тот день принимали кандидатом в партию. Он говорит: «Я тебе лошадь пришлю. Если без меня начнется — отвезут!» Он уехал. И вскоре я чувствую — прижимает. Хозяйка спрашивает: «Что туда-сюда бегаешь?!» А я

отвечаю: «Вроде скоро начнется…» — «А ну одевайся!» — «Леня же еще не приехал?!» — «Когда тут Леню ждать?! Пошли!»

Идем, идем, остановимся. Уже весна, апрель, ручьи бегут, скользко. А дорога то под горочку, то наверх. Трудно мне идти. Вот мы остановимся, постоим, дальше идем. Страшно — вдруг на дороге начнется?! Но все же успели. Пришли.

Леня поздно вечером прибежал. А нянечка показывает ему на трех младенцев: «Ну вот, выбирайте, какой ваш?!» Леня потом рассказывал: «Я посмотрел: двое рыженьких, думаю, черненькая — наша!» — «Ишь какой, выбрал самого хорошего! Это и есть ваша дочка». Так Галочка у нас появилась».

Так Леонид и Виктория Брежневы начали свою семейную жизнь, а продлилась она более полувека, и вполне счастливо, дожили до внуков и правнуков, не разлучались и даже не бранились. Известно, что Леонид Ильич отличался пристрастием к женскому полу, то есть, попросту говоря, бабником был (о чем нам — безо всякого к тому удовольствия! — придется говорить далее). Однако и это порой случается в жизни, Брежнев оставался добрым семьянином и заботливым супругом, любящим, но строгим отцом и дедом.

О своей семье родительской Виктория позже рассказала писателю Карпову такие вот подробности:

«Я по происхождению из простой русской семьи. Родилась в городе Белгороде 11 декабря 1907 года. Отец, Петр Никифорович Денисов, участвовал в русско-японской войне. В 1905 году вернулся, женился, и с 1906 года они жили с мамой в Белгороде. Ее звали Анна Владимировна. Наш город принадлежал то к Курской, то к Харьковской области, а вообще-то — ближе к Харькову. В Белгороде большой железнодорожный узел, не пассажирский, а товарный. Папа работал машинистом на паровозе, товарные составы водил. А мама — домохозяйка. Был свой семейный домик. Нас пятеро детей: четыре сестры и брат. Я старшая дочь. Училась в школе до 1925 года, раньше девять классов было, окончила и поступила в Курский медицинский техникум.

— Кто больше занимался воспитанием детей? Кто сильнее влиял на вас?

— Мама. Она строже. Папа очень мягкий. Да и забот у него было много — единственный кормилец. Семья многолюдная — с нами еще жила папина сестра. Когда она подросла, стала работать белошвейкой, но не самостоятельно, а по найму. Бабушка, папина мать, очень религиозная, тоже с нами жила…

— Родители ваши верующие?

— Вообще редко в церковь ходили, потому как отец все

больше в разъездах. На праздники, если не было поездок, особенно на Пасху, ходили с мамой в церковь к заутрене».

Тут следует коснуться одного очень важного и деликатного вопроса, и мы постараемся сделать это с необходимой осторожностью. Уже вскоре после назначения Брежнева в Москву все, кто надо, были отлично осведомлены, что супруга Брежнева — еврейка. О ней не ходило сплетен в столичном бомонде, напротив, о ней дружно отзывались как о скромной и вполне положительной женщине, занятой сугубо семейными делами, которая скрывалась от репортеров, никогда не лезла людям на глаза, а уж в политические дела супруга — тем паче. Потом о ней вспоминали, поневоле сравнивая ее достойное поведение с развязными Раисой и Наиной.

Деталь эта вроде бы второстепенная, но в условиях России XX века исключительно важная. Почему — это известно каждому здравомыслящему гражданину. Да, она не была библейской Эсфирью и не воздействовала роковым образом на своего супруга. Видимо, она происходила из семьи многочисленных в начале XX века выкрестов, из тех, которые приняли христианство искренне, почему, как вспоминает Виктория, ее родители «редко ходили в церковь», но тем не менее оставались православными людьми по обычаям и образу жизни. Однако кровь неизбывно и существенно влияет на душу и поведение всякого человека. Так и Виктория Петровна (ее именовали Виктория Пинхусовна) свое еврейское происхождение неизбывно ощущала, хотя, быть может, рационально не придавала этому значения, что часто случается у выкрестов и даже полукровок. Но нет и никаких сомнений, что супруг Виктории о ее истинном происхождении знал. И влияние еврейского окружения на него было весьма существенным, о чем расскажем позже.

На склоне лет, одинокая и несчастная, пережившая родную дочь и переживавшая за неудачного сына, она бесхитростно рассказывала о своей такой далекой и счастливой, вопреки тогдашним тяготам, юности (а тяготы не чувствовались, ибо так жил тогда весь народ):

«Мне хотелось стать врачом. В Курске и Белгороде не было медицинских институтов, потому поступила в Курский медицинский техникум.

Младшая сестра, Александра, после окончания семи классов уехала учиться в Севастополь, в строительный техникум. Окончила его, поехала работать в Москву, по назначению. А в столице закончила еще и архитектурно-строительный институт.

Брат Константин, 1911 года рождения, пошел по железнодорожной части, по стопам отца. После войны работал

начальником станции Стрый, там было много бендеровцев, чуть не погиб от их налетов. Позднее перевели его в Харьков, тоже начальником станции. Еще позднее забрали в Москву, там и вышел на пенсию.

Сестра Лидия закончила металлургический, работала в лаборатории. Во время войны с мужем прошла фронты. Он строитель — она с ним была. Потом вернулись, на стройках работали. Два года как умерла. Еще одна сестра, Валентина, та совсем молодой умерла. Училась в Москве, на биологическом факультете. Больной ее отправили перебирать картошку. Простудилась, воспаление легких… Учебу Валя закончила, но у нее открылась в легких туберкулезная каверна. Залечить уже не смогли. И замуж поэтому не вышла. Из-за ее болезни папа и мама не эвакуировались, остались в оккупированном Белгороде. 7 ноября 1941 года Валю похоронили. Немцы заняли в нашем доме две комнаты. Нашим оставили только одну. Немцы не знали, что зять моих родителей полковник. Староста, может, и знал, но не выдал».

Супруга Брежнева, как и он сам, получила в молодости суровую жизненную закалку. Такое не забывается никогда. Такое оставляет глубокий след в душе каждого нравственного человека, а именно такие составляют, вопреки всем пересудам, большинство людей. Вот почему скромный служащий Брежнев, сын и внук кадрового рабочего, взлетев на неописуемую властную высоту, никогда не забывал и не мог забыть о своем прошлом и, как человек положительный, всю жизнь относился с глубоким уважением к людям труда. Конечно, порой случается в жизни и обратное, когда люди презирают свое происхождение и прошлое, но к Леониду Ильичу такое никак не относится.

Чтобы закончить описание юношеских лет Брежнева, непременно следует рассказать о человеке, которого он любил и почитал всю свою жизнь, — его матери. То была скромная трудолюбивая женщина, сугубо православная. В своих официальных воспоминаниях, которых мы будем еще неоднократно касаться, глава атеистического государства и Генсек Коммунистической партии, зачатой, по выражению Маркса и Ленина, на «воинствующем атеизме», осторожно намекнул на религиозные убеждения своей матери, очень он ее любил и почитал.

Еще при жизни и всевластии Брежнева была чрезвычайно распространена следующая легенда. Наталья Денисовна была глубоко верующей православной женщиной, воцерковленной, прихожанкой храма в Днепропетровске, города, где прожила большую часть жизни. На паперти храма обитал известный всему

городу юродивый. Когда Брежнев после снятия Хрущева неожиданно для всех стал во главе партии, юродивый якобы крикнул ей по выходе со службы: «Слушай, скажи своему, если не станет трогать Церковь, будет царствовать спокойно». Заметим, что это случилось после грубых и глупых нападок Хрущева на Православную Церковь. Нет сомнений, что в той или иной форме это предание стало известно Леониду Ильичу. Человек сугубо неверующий, но, как все простоватые люди, суеверный, он это наверняка запомнил. Нам еще предстоит рассказать об этом в соответствующем разделе книги.

Закончим немаловажный сюжет о матери Брежнева свидетельством небезызвестного еврейско-либерального автора Роя Медведева. Доверять ему во всем нельзя, но в фактах он подчас весьма точен (например, четко свидетельствует о еврейском происхождении Виктории). Он сообщил:

«Мать Брежнева умерла уже в 70-е годы в Москве в возрасте 90 лет. Сам Брежнев рассказывал позднее, что Наталья Денисовна ни за что не хотела переезжать в Москву и жила в небольшой квартире в Днепродзержинске вместе с семьей своей сестры. Даже тогда, когда ее сын Леонид стал уже Первым секретарем ЦК КПСС, мать его не только отказалась переехать в Москву, но отказалась даже обменять свою тесную квартиру на другую, более просторную. Она покупала продукты в обычном магазине, стояла в очередях, по вечерам любила поговорить со знакомыми соседками, сидя часами на скамейке возле дома. Только тогда, когда Брежнев после XXIII съезда стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, его матери пришлось все же переехать в Москву. Она не слишком хорошо понимала сложные обязанности сына, а его образ жизни и вся московская суета были явно не по душе 80-летней скромной женщине. Ей не могла понравиться ни склонная ко всякого рода авантюрам, грубая и алчная дочь Брежнева Галина, ни его легкомысленный и часто нетрезвый сын Юрий. Эта своеобразная обстановка, царившая в недружной семье Брежнева, доставляла ему самому немало хлопот».

Нет никаких сомнений, что мать Леонида Ильича была в высшей степени достойным человеком. На него, во многом грешного, образ матери оказывал большое и благотворное воздействие, в том числе на его несомненную доброту и подлинное миролюбие, что очевидно просматривается в его больших и малых политических делах. Вот почему сюжет о брежневской матери стоит заключить словами из воспоминаний ее старшего сына. Да, писал эти строки не он, а приглашенные литзаписчики, но искренность его чувств в данном отрывке выражена неоспоримо:

«Находились, как водится, люди, которые знакомство с матерью Брежнева хотели использовать в своих целях, совали ей для передачи «по инстанциям» всякого рода жалобы и заявления. И, должен сказать, я поражался ее уму и такту, высочайшей скромности, с какой держалась она. Мне опять-таки ни разу мать ничего не говорила, а узнавал я стороной, от других. Она считала, что не вправе вмешиваться в мои дела. Знала, как я уважаю ее и люблю, но если помогу кому-то по ее просьбе, скажем с жильем, то это ведь за счет других, кто не догадался или не смог обратиться к ней. А те, может быть, больше нуждаются в поддержке. Так примерно думала мать, а говорила просто:

— Вот мои две руки. — И поднимала жилистые, изработавшиеся, старые руки. — Чем могу, я всем тебе помогу. Но сыну показывать я не могу. Так что извини, если можешь.

В 1966 году мать переехала ко мне в Москву. Она дождалась правнуков, жила спокойно, в ладу со своей совестью, была окружена любовью всех, кто ее знал. Гордилась доверием, которое народ и партия оказали ее первенцу, и для меня великим счастьем было после всех трудов сидеть рядом с мамой, слушать ее родной голос, смотреть в ее добрые, лучистые глаза.

Я еще не сказал: не только отец мой знал грамоту, но и мать умела писать и любила читать, что в пору ее молодости в рабочей слободке было редкостью. Лишь повзрослев, я понял, чего стоила родителям их решимость дать нам, детям, настоящее образование. А они хотели этого и добились: девяти лет от роду я был принят в приготовительный класс Каменской мужской классической гимназии. Вспоминаю, мать все не верила, что приняли, да и вся улица удивлялась».

Толковый и работящий землеустроитель Брежнев потихоньку продвигался по служебной лестнице. В самом конце двадцатых годов на Урале началась «сплошная коллективизация». Прямого отношения к ней Брежнев не имел, но заметим, что в уральских условиях она была куда менее суровой, чем на Кубани, например, или на Украине, или в центральных областях России. В его личной судьбе гораздо важнее иное: в 1929 году он был принят в кандидаты ВКП(б), что было в ту пору чрезвычайно сложной процедурой, за «пролетарским происхождением» следили тогда очень строго (порой его заменяла принадлежность к ранее «угнетенным нациям», но это касалось в основном евреев или некоторых нацменов, украинцы в это число не входили). В следующем году Брежнев стал полноправным членом партии, которой верой и правдой прослужил более полувека без единого взыскания.

А затем — новый крутой поворот в жизни. Брежнев с детства

имел несомненную тягу к образованию, хотя значительными способностями явно не обладал. Потомственный металлург, он, видимо, «не прилепился» душой к сельским делам, решил пойти по стопам отца и деда. Его супруга позже рассказала о том очень обстоятельно:

«В 1930 году Леню пригласили на работу в Свердловск, в земельное управление. До осени там работал. А в сентябре он с товарищами решил поступать в институт. Поехали в Москву, в Институт сельскохозяйственного машиностроения. Поступили. А мне куда же деваться?! Где жить? На что жить? Я Галю оставила своей маме в Белгороде. Но все равно, видим, в Москве не прожить. Тогда Леня написал в Днепродзержинск: можно ли устроить перевод в местный институт? Там жили его родители, они бы нам помогли с жильем, да и вообще во всем. Разрешение на перевод получили и в 1931 году приехали в Днепродзержинск. У Лени нет работы, а факультет вечерний, надо обязательно работать на заводе. И он поступает в теплосиловой цех кочегаром. Работали там в три смены. Получалось так: когда утром идет на работу, то вечером — в институт, а если вечером работает — утром учится. Бывало, придет, одни зубы белые: кочегар есть кочегар! Ванны не было. Воду на плите нагревали, кочегара отмывали, в студента превращали! Мы плиту коксом топили, он хорошо горит, легкий, от него меньше копоти, он чище, чем уголь. Потом, правда, сделали душ, ванну. Вот так четыре годика прокрутились. Закончил он институт в 1935 году. Диплом защитил с отличием. В условиях, в каких мы жили, да еще работы, это не так просто.

На третьем курсе Леню избрали парторгом. С того дня он уже в цеху не работал, немного легче стало: занимался в комнате институтского парткома. Жили очень тесно, заниматься негде. В нашей комнате около дверей направо плетеная этажерка и кровать — папа с мамой спали, около окна стоял сундук — зеленый, обитый железом, с Урала привезли. На этом сундуке, подставляя стулья, спали моя сестра Лида и сестра Лени — Вера. А мы на полу спали: я и Леня. Галина кроватка в углу стояла, потом еще Юра появился. Дед Лени — Яков Ильич — спал на кухне. В другой маленькой комнатке жили сестра Лениной мамы с мужем и двумя детьми. Вот сколько нас было в двухкомнатной квартире».

Так жила в ту пору вся страна, весь ее народ. Но то была и пора великих свершений, которые отчетливо, зримо преобразили облик Родины. Люди тяжело жили, но четко видели перспективу к лучшему, и не в пустых агитаторских призывах (кто и когда им верит?), а именно в своих личных планах и чаяниях. «Жить стало

лучше, жить стало веселее», — сказал в ту пору любимый народный вождь. И это было истинно так. Исчезли безработные, беспризорники, уличные проститутки, игорные дома, круто укоротили бандитов, которые в годы разрухи и ослабления правопорядка невиданно расплодились. Зато на новых заводах тысячами сходили с конвейеров отечественные автомобили и самолеты, трактора и танки, многое иное, чего прежняя Россия не имела отродясь. И стало появляться великое искусство, высокое по уровню и подлинно доступное народу, что в мировой истории случалось только во времена подлинного общенационального подъема.

Уже студентом Брежнев становится сначала парторгом своего факультета, а потом и целого института, назначается директором вечернего рабфака, который готовил будущих студентов из числа рабочих. Наконец, в январе 1935 года он защищает на «отлично» диплом: «Проект электростатической очистки доменного газа в условиях завода имени Ф.Э. Дзержинского». Работа была связана с практикой его завода, что и требовалось временем. Брежневу было присвоено звание инженера-теплосиловика. Профессия узкая, но опять-таки насущно необходимая в стремительно развернувшейся индустриализации.

На родном заводе Брежнев предстал теперь в новом качестве — начальником смены силового цеха. Время было напряженное, продукцию металлургических заводов с нетерпением ждала вся промышленность страны. И в это самое время его, кому уже близилось тридцать лет, отца двоих малолетних детей, призывают в Красную Армию рядовым. И он охотно отправляется на призывной пункт. Для очень многих читателей этот простой тогда случай нуждается в пояснениях…

В России, императорской ли, советской, служба молодых мужчин в Вооруженных Силах была непременным долгом, причем почетным. Тех молодых людей, которые волей-неволей этой службы не проходили, не очень ценили на работе, и женихами они считались не самыми лучшими. Так было ранее и в дворянских семьях, и в крестьянских, а позже в равной мере у комиссаров и беспаспортных колхозников. При Советах армейская служба ценилась особенно высоко. Парень из самой простой семьи, окончивший провинциальную школу, демобилизовавшись после службы с хорошими характеристиками, мог запросто поступить на любой факультет МГУ или ЛГУ. Так было, в том нет ни малейшего преувеличения, это может подтвердить любой пожилой человек.

Это теперь, когда сынки из богатых семей не считают позором «закосить» с фальшивой медсправкой, когда

сумасшедшие (или подкупленные за баксы) пресловутые «солдатские матери» вопят по еврейскому нашему телику об ужасах «дедовщины», — да, теперь это кажется чем-то необычным. А вот Леонид Брежнев, процветающий инженер передового по тем временам производства, уходил на солдатскую службу, ну, не с восторгом, может быть, кто знает, но безусловно с чувством исполняемого высокого долга. И еще: человек практичный, он четко понимал, что служба эта ему потом зачтется.

Направили не очень молодого призывника на другой конец Советской державы, в город Читу, Забайкальский военный округ. То был округ приграничный, а граница — самая, пожалуй, напряженная среди тысяч километров нашей пограничной линии. Уже в 1931 году японские войска вторглись в Северный Китай, а через год основали кукольное «государство» Маньчжоу-Го. Но планы-то у самураев были обширные, они помнили, как в годы белогвардейщины их части стояли аж в Омске. Так почему бы не вернуться опять в богатую Сибирь?..

Забайкальский округ в то время сильно укрепляли, в частности, впервые созданными у нас в стране танковыми подразделениями. Брежнев, возможно, гордился, самолично ощущая продукцию своего металлургического завода, преобразованную в танковую броню. Служба шла как обычно: отслужил курсантом в полковой школе, освоил управление боевой машиной. Здесь-то и привилась ему любовь к быстрому движению, водителем он на всю жизнь остался прекрасным. Член партии в ту пору — редкость среди новобранцев, и вскоре он становится политруком танковой роты. Воинских званий тогда в Красной Армии не существовало, это было что-то вроде современного лейтенанта.

Отслужив в танковой части около года, Брежнев демобилизовался и в ноябре 1936 года вернулся домой в Днепродзержинск.

Вдова его позже вспоминала о тех временах:

«Попал он в танковую часть политруком роты. Писал редко, потому что занятий было много. Отслужил и вернулся перед октябрьскими праздниками. Тогда-то папа его и умер. Он очень болел — у него был рак. Тяжело болел. Ну, Леня приехал, похоронили отца. На работу пошел, и тут его избрали или назначили, точно не знаю, заместителем председателя горсовета».

Как видно, невеселые новости встретили недавнего политрука в родном доме. Но на родной завод он вышел сразу же. Впрочем, его, опытного и образованного инженера, поставили уже

не на прежний участок, а директором вновь созданного Днепродзержинского металлургического техникума. Он любил работать с людьми и назначение принял охотно. Но и тут довелось ему проработать очень недолго, в ту пору жизнь шла стремительно и бурно. Вот что рассказал он сам в позднейших воспоминаниях:

«Вскоре после возвращения из армии меня избрали заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета. Председателем был тогда Афанасий Ильич Трофимов, старый член партии, моряк-балтиец, участник Октябрьской революции, рабочий нашей Дзержинки. Образование он имел небольшое, очень обрадовался моей инженерной подготовке и сразу предложил ведать в исполкоме вопросами строительства и городского хозяйства…

В Наркомтяжпроме мне удалось получить ассигнования, и мы проложили трамвайную линию от Баглея до площади Ленина — настоящее торжество было, когда красные вагоны побежали через весь город. Помню, как возвели (за шестьдесят два дня) красивое здание, в котором и сегодня помещается Дворец пионеров… В городском Совете Днепродзержинска я был более года».

В горсовете Брежнев ведал сугубо хозяйственными делами. Должность была весьма хлопотливой. И не только потому, что промышленный Днепродзержинск тогда стремительно рос и развивался, а значит, недоставало жилья и всякой, как тогда выражались, «бытовки», то есть, по-современному, сферы обслуживания. Советская власть была истинно демократической, отвечать перед народом за нехватку столовых или детских учреждений приходилось исполкому. Граждане знали свои права, жаловались, а к жалобам положено было прислушиваться. А ведь были еще и жалобы «наверх», а то и в газеты. Это теперь, когда газетные полосы заполнены пресловутым «компроматом», на них никто и внимания не обращает. А в ту пору критика в печати, это… Такие примеры мы здесь еще приведем.

Нет сомнений (хотя подлинные сведения тут скудны), что Брежневу в его должности на советской работе очень помогали личные черты характера: обаяние, мягкосердечность, готовность помочь людям, отсутствие малейшего высокомерия и зазнайства. В советской реальности такие качества очень ценились. Это великий вождь Сталин был вне любой критики и сомнений, но только он один на всю страну. А всем иным руководителям, большим и малым, с критикой приходилось считаться, да еще как.

Словом, молодой советский работник Брежнев на своей хлопотливой и черновой работе проявил себя хорошо. Этого не

могли не заметить его непосредственные руководители, и они это оценили.

Предгрозовые годы. Война

Краткое сталинское изречение «кадры решают все» справедливо для всех времен, а в годы коренных перестроек общества — особенно. Не все пока еще понимают, что во второй половине тридцатых годов Советский Союз переживал нечто подобное британской «Славной революции», покончившей с кромвелевской диктатурой, или наполеоновской империи во Франции, низвергнувшей наследие якобинцев. Короче, в России — СССР были отстранены от руководства страной антинародные силы, оседлавшие ее в феврале — октябре 1917 года.

В двадцатые годы партийный аппарат, система госбезопасности, идеологические службы, внешняя политика были густо обсажены представителями некоренных народов страны. Всем памятен тут пример с латышами. Особенно же громадное распространение в этих решающих сферах получили евреи — российские, украинские, прибалтийские, польские, венгерские, даже американские. Более того, малокультурные выскочки из восточноевропейских местечек не только не ценили великую русскую историю и культуру, но и презирали религиозно-нравственные основы коренных народов. В таких противоестественных условиях народ России — СССР должен был либо погибнуть, либо сбросить с себя эти удушающие обручи. Нашелся Сталин, который понял чаяния народа, и эту грозную чистку провел быстро и решительно.

Конечно, во всех войнах, даже самых справедливых, во всякой революции, будь она самой праведной, без невинных жертв не обходится. Сталинская чистка породила жертвы весьма значительные. Обходить это молчанием, забывать такое не следует, но суть исторического переворота понимать тоже необходимо. То была жестокая буря, хотя и очистительная. История не тротуар Невского проспекта, как справедливо заметил один русский мыслитель. За уничтожение одного злодея Троцкого заплатили жизнью немало честных людей. Увы, иначе в жизни не случается.

Очень любопытное, хотя и краткое, свидетельство оставила на этот счет вдова Брежнева. Простая и далекая всегда от политики старушка ответила на соответствующий вопрос писателя В. Карпова:

«— В эти годы многих репрессировали, как миновала вас сия чаша?

— Арестовывали. Поляков у нас было много, вот их в основном и брали. Конечно, мы боялись тоже, хотя у нас и не

было среди поляков близких друзей. Из родственников наших никого не взяли, ни моих, ни его, никого».

Бесхитростный этот ответ заслуживает внимания. Да, «брали», но в основном чужих, ей тут запомнились знакомые поляки. А вот из многочисленной родни никто никак не пострадал. Тоже верно, ибо сталинская чистка была направлена на верхушку тогдашнего общества. А общество в целом, народ, гораздо больше интересовалось тогда гражданской войной в Испании, куда рвались тысячи и тысячи молодых людей, достижениями летчиков и полярников, успехами советской индустрии, первенством страны по футболу. Именно этими интересами в те годы жил народ, а не переживаниями за проштрафившихся в чем-то начальников. А что они проштрафились, люди ощущали четко.

В январе 1938 года первым секретарем партии, то есть полновластным хозяином на Украине, стал Никита Хрущев. Хоть в своих позднейших — и вполне лживых — мемуарах изображал он себя либералом, но на самом-то деле был крут до жестокости. В этом он ничуть не уступал Молотову, Кагановичу, Берии и другим приближенным Сталина. Но был деятельным и хватким хозяйственником, в высокую политику и культуру тогда не лез, а его прихотям Сталин ходу не давал. Словом, по тем меркам был руководителем сильным.

А времена менялись, и к лучшему. Великая чистка близилась к завершению, старые кадры разрушителей были заменены новыми, ориентированными на созидание и строительство. Репрессии начали резко спадать, что персонально связывалось с отставкой пресловутого «железного наркома» Ежова. Партийно-государственный аппарат стал работать спокойно, а кадры подбирались теперь без истерической суетливости. Тогда-то и произошел первый взлет молодого советского работника Брежнева.

Днепродзержинск входил в состав Днепропетровской области, одной из самых мощных по развитию индустрии не только на Украине, но и по Союзу в целом. Первым секретарем тогда стал С. Задонченко, в дальнейшем больших служебных успехов не показавший, о нем история подробных сведений не сохранила. Зато вторым секретарем обкома стал Константин Степанович Грушевой, вот он-то в нашем повествовании заслуживает особого внимания. Ровесник Брежнева, он учился с ним вместе в Днепродзержинском институте, оба работали металлургами, а главное — подружились, искренне, не подозревая о своих будущих карьерных взлетах, общались семьями. Оказалось, что и Задонченко Брежнева знает. Ничем

себя не запятнавшие кадры были после чистки нужны позарез, и Леонида вспомнили.

В мае 1939 года он был утвержден заведующим отделом торговли Днепропетровского обкома. Вопреки скромному наименованию, обязанности его оказались широки: тут и организация общественного питания, торговые базы и склады, транспорт и т. п. Осенью того же года по всей Украине прошли партконференции в связи с предстоящим республиканским съездом. Брежнева избирают членом обкома, а уже с февраля 1940-го он становится секретарем Днепропетровского обкома по пропаганде. Это была уже очень высокая номенклатура. Ну вряд ли Брежнев стал выдающимся идеологом, не имел он к тому никогда никакой тяги, но работу свою, видимо, тянул, как все вокруг.

И вот — новое назначение, которое на сей раз вполне соответствовало его интересам и способностям. Сам он позже вспоминал об этом так:

«В 1940 году Днепропетровский обком получил ответственное задание ЦК ВКП(б) — перевести часть предприятий области на выпуск военной техники. Из Москвы пришла шифровка, предлагавшая нам учредить должность секретаря обкома по оборонной промышленности. Заседание бюро проводил Задонченко. Он сказал, что, учитывая особую важность этой работы и значение, которое ей придает Политбюро Центрального Комитета, надо на этот пост выдвинуть не только технически подготовленного, знающего металлургию специалиста, но и дельного организатора, умеющего работать с людьми. Вот так примерно он говорил и предложил мою кандидатуру. Проголосовали единогласно».

Никаких сколько-нибудь интересных подробностей о деятельности Брежнева на всех этих постах не известно, да вряд ли они представляют нечто существенное. Работал, как все тогда, не зная покоя и отдыха. Впрочем, иного в те годы не допускалось. Но вот о его личной жизни есть безыскусные и точные свидетельства вдовы:

«И радости были, все было. Маленькие дети — такая радость, а выросли — одно горе. Леня приходил с работы поздно — дети его не видели неделями. Особенно когда в обкоме работал. Приходил в два и три часа ночи — дети уже спят, а утром дети в школу идут — он еще спит. В обкоме обедал. Только в воскресенье видели его, да и то, смотришь, опять звонят — срочно вызывают в обком.

— Как вы питались, что любил Леонид Ильич?

— У нас на первое в основном борщи: борщ украинский,

горячий и холодный. Теперь я варю борщ только на растительном, подсолнечном масле — нужна легкая постная пища. А в те годы делала борщ из свеклы, картофеля, капусты, помидоров, чеснока, сала. И еще хороший кусок мяса. Иногда немного фасоли или грибов добавляла. На второе готовила жаркое, котлеты. На жаркое брала свинину, ошеек, самое хорошее мясо, по-моему: жиру немного и мясо мягкое. На рынок сама ходила. Раньше все на рынке брали. Битую птицу тогда никто не покупал — вдруг она дохлая?! Брали только живую. Какие базары на Украине! Особенно в субботу и воскресенье. Кур привозили большими клетками. Скажешь, вот эту курицу — тебе ее поймают. А сколько рыбы на Украине?! Там же Днепр! На базар я любила ходить. Борщ варила на два-три дня, суточный — он вкуснее, потому как настаивается. Мясо можно прокрутить через мясорубку, луку добавить… Вареники, блинчики с мясом сделать или пирожки. Вареники Леня любил с картошкой и с квашеной капустой, с жареным луком, а пироги любил с горохом. В воскресенье, когда вся семья в сборе, пироги пекла с мясом, но больше с горохом. Любил жареную рыбу: сома или налима без костей. Потому что еще в молодости подавился как-то косточкой и с тех пор опасался. Карасей я готовила, но косточки выбирала, фаршировала рисом, грибами.

— В редкие дни отдыха как он с детьми занимался?

— Книжки им читал. Любил стихи. Есенина хорошо знал. Стихи он хорошо читал и Галю научил…»

Такими вот великими трудами и простыми радостями жила тогда вся страна. Быт высокой номенклатуры, а Брежнев к ней уже принадлежал, немногим отличался от днепродзержинских рабочих-металлургов, их жены тоже не любили битую птицу, делали примерно такие же борщи, пусть и немного попроще. И металлурги тоже вкалывали в своих горячих цехах не от сих до сих, а столько, сколько надо для выполнения государственного плана. Ибо они, как и секретарь обкома Брежнев, почитали это государство своим, родным. А какие могут быть счеты между родными и близкими?.. Напомним, Днепропетровск был тогда крупнейшим центром советской тяжелой промышленности. Для будущего жизнеописания Брежнева необходимо отметить, что именно в предвоенные годы сложились у него близкие товарищеские отношения с питомцами Днепропетровского металлургического института, работавшими потом на заводах города, вот их имена: И.Т. Новиков (позже зам. председателя Совмина СССР), Г.С. Павлов (позже управделами ЦК КПСС), Н.А. Тихонов, ставший Председателем Совета Министров в октябре 1980 года, Г.К. Цинев (зампред КГБ), Г.Э. Цуканов (первый

помощник Генсека), Н.А. Щелоков (ну, этого помнят до сих пор!). Все они оказались людьми толковыми, дельными, преданными советскому Отечеству. Брежнев не забыл их потом, а они ему служили преданно. Ясный признак хороших личных качеств будущего Генсека, ибо товарищество всегда высоко ценилось на Руси.

Страшная война обрушила все привычное течение жизни. Да, ее ожидали, и скоро, и простые граждане, и секретари обкомов, но грянула она тем не менее внезапно. Главное же в ином: 22 июня 1941 года ни один житель полумиллионного Днепропетровска в страшном сне не мог себе представить, что уже через два месяца в город войдут немцы, да притом еще захватят неповрежденным огромный мост через Днепр, и что более двух лет жить придется в оккупации…

В официальных мемуарах Брежнева, сильно разукрашенных его подручными, говорится, что он уже в первый день войны обратился с просьбой отправить его на фронт и якобы «в тот же день моя просьба была удовлетворена: меня направили в распоряжение штаба Южного фронта». Это мелкая и совершенно излишняя ложь. Во-первых, секретарь обкома был рядовым солдатом партии, никакого своеволия тут не допускалось. Во-вторых, известно, что Брежневу в первые недели войны пришлось заняться эвакуацией населения и особо — вывозом оборудования с предприятий, особенно военных. Город с первого дня войны подвергался налетам вражеской авиации, так что задача была тяжелая. А в распоряжение штаба Южного фронта он поступил лишь в середине июля, став заместителем начальника политотдела. Командующим был генерал армии И.В. Тюленев, Брежнев получил чин полковника.

Теперь в памяти о его военной страде остались только четыре Звезды Героя Советского Союза, полученные через двадцать лет после Дня Победы, да анекдоты. Вот самый популярный, сложенный еще при его жизни: как-то Сталин собрал совещание своих маршалов — Жукова, Рокоссовского, Василевского и других, все высказались, ждут решения Верховного, а он вдруг говорит: «Пойду посоветуюсь теперь с полковником Брежневым…»

Такое представление о полковнике Брежневе совершенно несправедливо, как бы его ни оценивать в целом. Сам он никогда о своем участии в планировании стратегических операций не рассказывал (в отличие, например, от Хрущева), геройских подвигов себе не приписывал. Сомнительные его «царедворцы», пользуясь глуповатой брежневской слабостью к наградам, вешали ему на грудь геройские звезды и нагло славословили в печати.

Теперь-то известно, что действия некоторых были сугубо провокационными, чтобы тем самым подорвать ненавистный им советский строй. О них еще пойдет речь далее. Все четыре года войны провел Брежнев на фронте, не получив ни одного дня отлучки. Да, он не поднимал роты в смертельную атаку, но на войне гибнут и большие командиры, и нередко, вспомним хотя бы знаменитых генералов Ватутина и Черняховского. А полковник Брежнев бывал под огнем неоднократно. Вот один лишь, вполне подтвержденный многими свидетельствами случай (это из «Малой Земли»):

«Переправы мы осуществляли только ночью. Когда я приехал на Городскую пристань Геленджика… у причалов не было свободного места, теснились суда разных типов, люди и грузы находились уже на борту. Я поднялся на сейнер «Рица». Это была старая посудина, навсегда пропахшая рыбой, скрипели ступеньки, ободраны были борта и планшир, изрешечена шрамами от осколков и пуль палуба…

С моря дул свежий ветер, было зябко… Сейнер обживался на глазах. В разных местах на разных уровнях бойцы устанавливали пулеметы и противотанковые ружья. Каждый искал себе закуток поуютнее, пусть хоть тонкой дощатой перегородкой, но закрытый со стороны моря. Вскоре поднялся на борт военный лоцман, и все пришло в движение.

…Ночная тьма во время переправ была вообще понятием относительным. Светили с берега немецкие прожекторы, почти непрерывно висели над головой «фонари» — осветительные ракеты, сбрасываемые с самолетов. Откуда-то справа вырвались два вражеских торпедных катера, их встретили сильным огнем наши «морские охотники». Вдобавок ко всему фашистская авиация бомбила подходы к берегу.

То далеко от нас, то ближе падали бомбы, поднимая огромные массы воды, и она, подсвеченная прожекторами и разноцветными огнями трассирующих пуль, сверкала всеми цветами радуги. В любую минуту мы ожидали удара, и тем не менее удар оказался неожиданным. Я даже не сразу понял, что произошло. Впереди громыхнуло, поднялся столб пламени, впечатление было, что разорвалось судно. Так оно, в сущности, и было: наш сейнер напоролся на мину. Мы с лоцманом стояли рядом, вместе нас взрывом швырнуло вверх.

Я не почувствовал боли. О гибели не думал, это точно. Зрелище смерти во всех ее обличьях было уже мне не в новинку, и хотя привыкнуть к нему нормальный человек не может, война заставляет постоянно учитывать такую возможность и для себя. Иногда пишут, что человек вспоминает при этом своих близких,

что вся жизнь проносится перед его мысленным взором и что-то главное он успевает понять о себе. Возможно, так и бывает, но у меня в тот момент промелькнула одна мысль: только бы не упасть обратно на палубу.

Прожекторы уже нащупали нас, вцепились намертво, и из района Широкой балки западнее Мысхако начала бить артиллерия. Била неточно, но от взрывов бот бросало из стороны в сторону. Грохот не утихал… И в этом шуме я услышал злой окрик:

— Ты что, оглох?! Давай руку!

Это кричал на меня, протягивая руку, как потом выяснилось, старшина второй статьи Зимода. Не видел он в воде погон, да и не важно было в такой момент… Ухватившись за брус, я рванулся наверх, и сильные руки подхватили меня».

Напомним, кстати, что в сорок первом Брежнев был уже не молод, под тридцать пять, и на попечении его находились престарелая мать, жена, двое детей, другая родня. Вот как они жили в ту страдную пору, четыре года не видя сына, мужа и отца. Это опять со слов вдовы:

«Леня ушел на фронт прямо из обкома. В первые дни июля уехал. А мы остались. Через несколько дней приехал за пополнением уже в форме. В эти дни начали эвакуацию завода. Такая бомбежка была! От нашего дома недалеко мост через Днепр — его и бомбили! А все, что мимо, — по нам! Леня пришел прощаться, а тут такая бомбежка! Ужас! Он говорит: «Да у вас хуже, чем на фронте!» Детей поцеловал, со мной попрощался и уехал! На четыре года уехал! У него не было военного образования, потому присвоили ему звание полковник, а так бы сразу генералом стал.

После его отъезда мы эвакуировались с обкомом. Долго ехали — несколько недель…

Поселили нас, несколько семей, в одной комнате. Мне досталась солдатская железная кровать. Еще у меня был коврик, им я закрывала окно, чтобы не дуло. И вот на этой кровати всей семьей спали — я, Галя и Юрочка, они валетом, а я рядом. На второй кровати жена Якова Ильича с ребенком. У противоположной стены еще две кровати стояли: жена секретаря обкома, а позднее генерала Грушевого с дочкой спали и ее мама с мальчиком. И все — в одной комнате! Четыре семьи и еще мама Лени. И так два года. Назад мы уехали в 1943 году. Как жили, как выжили — не знаю!

По сравнению с другими эвакуированными мы еще неплохо устроились — хоть и тесно, но все же, как говорится, крыша над головой. Аттестат был от Лени на 1000 рублей. Карточки на

четыреста граммов хлеба каждому. К военторгу были прикреплены, паек получали: лапшу или вермишель. На разбавленном молоке варили нечто вроде супа. А лето подошло, легче стало — дикий лук, щавель зеленый, чеснок…

— А что Леонид Ильич писал, как он там воюет?

— О боях особенно не писал. Знали, что на Четвертом Украинском фронте в последнее время, у командующего генерала Петрова. А до этого — на Малой Земле, там тоже Иван Ефимович Петров командовал.

На Малой Земле, как мы позднее узнали, настоящий ад был, но Леня об этом — ни слова. Что взрыв был на корабле, что едва не погиб — тоже скрыл.

Иногда и месяц, и два не было писем. А потом сразу несколько. Мы все ему писали — и я, и мама, и дети. У нас была однообразная трудовая жизнь, но мы не жаловались, не хотели его расстраивать, понимали — им, фронтовикам, труднее. Мы не писали, что килограмм масла стоит тысячу рублей, хлеб — триста».

Вот так жила семья высокой сталинской номенклатуры. Кстати, единственная и любимая дочь самого Сталина, когда ее эвакуировали в Куйбышев, жила получше, конечно, но не намного. Здесь необходимо добавить, что в конце правления Брежнева номенклатура распустилась — по его немалой вине! Это так. Но ее прегрешения той поры, о которых потом так страстно вопили тогдашние «борцы с привилегиями» и будущие «приватизаторы», не идут ни в какое сравнение с тем кошмаром, который начался в нашей несчастной стране при последнем Генсеке и первом Президенте. События не повернешь вспять, но опыт из прошлого извлекать необходимо всем.

…Южный фронт, упираясь своим левым флангом на Черное и Азовское моря, все лето и осень медленно отступал. Однако соединениям фронта удалось избежать грандиозных «котлов», куда порой попадали целые армии вместе со своим командованием. Деятельность фронтовых политотделов была, прямо скажем, бюрократически-рутинной: прием в партию (и наказание провинившихся в партийном порядке), выпуск дивизионных газет и иных пропагандистских материалов и доставка их в части, оформление наградных документов и выдача наград, митинги, собрания личного состава и бумаги, бумаги… Этим и занимался тогда Брежнев. Конечно, случались бомбежки и обстрелы, особенно при выездах в передовые подразделения, перенес он холод землянок и блиндажей, суровый быт, нехватку всего необходимого. Никаких подробностей о его деятельности тогда не известно, но лямку он свою тянул.

В декабре 1941 года командующим Южным фронтом стал Р.Я. Малиновский, будущий маршал и министр обороны. Нет сомнений, что они тогда познакомились и общались (и это знакомство тоже впоследствии пригодилось обаятельному полковнику, а по тем временам — бригадному комиссару). 12 мая 1942 года Южный фронт совместно с Юго-Западным начал неудачное наступление (роль свою сыграл и тут авантюрный Хрущев). Войска Юго-Западного были окружены, части Южного сумели этого избежать, но отступили, оставив Ростов и Приазовье.

Сталин наказал некоторых командующих неудачного наступления, хотя и не слишком сурово. В июле 1942-го Малиновский оставил пост комфронта и был назначен командующим 66-й армией. Ясно, что бригадный комиссар Брежнев ответственности за провал операции не понес, но реорганизация штаба фронта коснулась и его. Осенью того же года его направляют на Кавказ, должность — заместитель начальника политуправления Черноморской группы войск Закавказского фронта.

Ну, это не то чтобы понижение, но пост все же «поменьше». Командовал этой группой знаменитый военачальник генерал-лейтенант И.Е. Петров, герой обороны Одессы и Севастополя, служить с таким командующим было весьма почетно. Кстати уж, в том же году за участие в войсковых операциях Брежнев получил свой первый орден — Красного Знамени (вручили ему награду еще до неудачного наступления).

Осенью и зимой 1942–1943 годов на Кавказе шли ожесточенные и затяжные бои. Наши войска зацепились за Черноморское побережье у Туапсе, дальше врага вдоль Черного моря не пропустили. Во всех этих боях довелось участвовать и Брежневу, но опять же — нет никаких подробностей. 15 января 1943-го в Красной Армии ввели погоны и изменились воинские звания политсостава. Вот тогда Брежнев стал, так сказать, настоящим полковником. А за бои на Тамани он позже среди 500 тысяч солдат и офицеров получил медаль «За оборону Кавказа». Среди иных подобного рода наград эта почиталась весьма почетной.

Весной 1943 года полковник Брежнев получил важное в своей карьере повышение: он стал начальником политотдела славной 18-й армии, командовал ею тогда боевой генерал К.Н. Леселидзе, до конца войны не доживший. Теперь скажем вполне объективно, и к личной характеристике Брежнева это никак не относится, что должность начальника политотдела была в армейском штабе (не только в 18-й, разумеется) второстепенной. «Комиссаром» армии

был так называемый член Военного совета, как правило, из крупных партийных работников (сам член Политбюро Хрущев таковым побывал). В совете принимали участие заместители командарма, командующие родами войск, но начальник политотдела в это строго ограниченное число не входил. Так что должность Брежнева была высокой, но никак не решающей.

Ныне, по данным военных архивов, точно установлено, что Брежнев прослужил на своем посту в 18-й армии с 1 апреля 1943-го по 9 мая 1945 года. Войска армии участвовали в десантной операции в Крыму, освобождая Керчь, с боями прошли по Правобережной Украине, затем через Венгрию и Польшу вошли в Чехословакию, где и встретили день победы. Брежнев вместе со штабом армии передвигался на запад. Служба его тянулась так же однообразно, как, впрочем, и в других политотделах: собрания, заседания, награждения, перемещения по служебной лестнице подчиненных, многочисленные отчеты. С начальством он, как всегда, ладил, с подчиненными оставался доброжелательным, не кричал, как иные, все шло у него благополучно. И вот 2 ноября 1944 года он получает звание генерал-майора.

Повторим, что это самая общая картина его военно-политический деятельности. Однако въедливый Волкогонов, направив своих помощников в архив, разыскал и опубликовал любопытный документ. Вот он:

«Полковой комиссар ПУРККА Верхорубов, проверяя политработу в 18-й армии, написал в составленной им характеристике: «Черновой работы чурается. Военные знания т. Брежнева — весьма слабые. Многие вопросы решает как хозяйственник, а не как политработник. К людям относится не одинаково ровно. Склонен иметь любимчиков?»

Выразительная характеристика, ничего не скажешь! Явно хорошо разбирался в людях этот самый неведомый истории Верхорубов. И что Брежнев прежде всего «хозяйственник», а не политический деятель, и что не любит «черновой работы» — в точку попал: даже служебные документы читать затруднялся, позже ему их зачитывали вслух, а он, бывало, подремывал. И совсем уж точно про любимчиков. Одна история со Щелоковым-металлургом, а потом министром, доктором экономических наук и ворюгой, одна эта долголетняя брежневская любовь чего стоит. И таких любимчиков, большого или малого масштаба, за долгую жизнь Брежнева было множество, к ним еще не раз вернемся.

После самого окончания войны Брежневу опять крупно повезло — 12 мая 1945 года он назначен начальником политотдела 4-го Украинского фронта, поистине легкая рука у него была! Случилось это так: прежний начальник фронтового

политотдела получил крупное повышение, на радостях назначили на его место обаятельного и покладистого Леонида Ильича. Он, разумеется, по должности принимал деятельное участие в формировании сводного полка фронта для участия в Параде Победы, как же не включить в его состав начальника политотдела. Это было не только законно, но и логично, и в долгом пути, и в столице личный состав сводного полка требовал немалых забот. А так как эти заботы были отнюдь не «черновыми», то Брежнев старался вовсю. И преуспел.

…Есть знаменитая фотография: парадное знамя 4-го Украинского фронта, возле него — группа офицеров и генералов, среди них Брежнев, молодой, статный, красивый. Что ж, сколько бы ни потешались позже над престарелым и косноязычным Генсеком, но эту свою честь сорокалетний политработник заслужил. Да, в атаку ему ходить не довелось, но ведь все штабные во всех армиях мира в атаку не ходили. Это во времена Александра Македонского или Вильгельма Завоевателя полководцы шли в атаку впереди своих шеренг. Потом настали иные времена. Не Брежнев придумал в Советской Армии политические отделы для коммунистического воспитания личного состава. Но поручили ему это дело, он его и выполнял. И не хуже иных прочих. И чтобы закончить повествование об армейском периоде жизни Брежнева, сообщим, что он был награжден еще одним орденом Красного Знамени и весьма почетным орденом Богдана Хмельницкого — за освобождение своей родной Украины. Теперь «незалежные» бандеровцы проклинают там и Богдана, и недавних освободителей. Ну новых оккупантов на свою разоренную землю они накликать могут, но дождутся ли новых освободителей?..

Увы, достойная фронтовая жизнь скромного политработника Брежнева была опорочена нелепыми хвалебными превозношениями пожилого, ослабевшего умом и волей Генсека. Скромная брошюра, написанная за него посредственным еврейским литератором Аркадием Сахниным, никаких особых преувеличений не содержала, но слащавость описаний не могла не бросаться в глаза. А далее началось… Неприятно вспоминать, но вспомним все же, как открывали огромный мемориал героям Отечественной войны в Киеве. Процитируем сухое, но точное описание этого действа, сделанное историком Роем Медведевым:

«В мае 1981 года на склонах Днепра в Киеве был торжественно открыт громадный мемориальный комплекс по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. На большом митинге, посвященном открытию комплекса, выступил специально прибывший по этому поводу в Киев Л.И. Брежнев.

Наиболее заметной частью комплекса стала высоченная статуя Матери-Родины. У подножия этого сверкающего колосса, выполненного из сверхдорогой стали, лишенного каких-либо национальных признаков и закрывавшего собой силуэт Киево-Печерской лавры, расположился Украинский государственный музей Великой Отечественной войны. Особое внимание посетителей музея привлекли укрепленные на куполе здания мраморные доски, на которых, по примеру Георгиевского зала в Кремле, были высечены золотом имена 11613 воинов и 201 труженика тыла, удостоенных звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда во время войны…

Где-то в конце списка героев значилось и имя Верховного Главнокомандующего Сталина, которому это почетное звание было присуждено только в 1945 году. На мраморных плитах были выбиты имена трех трижды Героев Советского Союза, в том числе знаменитых летчиков А.И. Покрышкина и И.Н. Кожедуба. Возглавляли же список героев два четырежды Героя Советского Союза — маршал Г.К. Жуков и Л.И. Брежнев, который, согласно алфавиту, находился в самом начале списка и имя которого было выбито самыми большими буквами, хотя во время войны Брежнев не имел звания Героя».

Да, так было, и это крепко и с большим неприязненным чувством отразилось в народной памяти. Сейчас отрезвление в сознании наших людей, слава богу, началось. Над несчастным Брежневым-стариком глумятся только еврейские телеэстрадники, показывая его дурацкую резиновую куклу. Все чаще и чаще звучат искренние слова с протестом против глумления над отечественной историей, которое намеренно и упорно проводят столичные телевизионщики, ориентированные на Березовского, Гусинского и К°. Да, на страницах «Малой Земли» есть облегченность в описаниях военной страды. Автор одного из опубликованных свидетельств, боевой ветеран, приводит примеры:

«Рассказывается, что к любому подразделению можно было пройти по ходам сообщения. Может быть, Л. Брежнева и водили по ходам, а мы ползали по поверхности, используя для укрытия складки местности и воронки от авиабомб и крупнокалиберных снарядов, недостатка в которых, к сожалению, не было. В них оборудовали огневые позиции и окопы для связистов. Прорыть же ход сообщения от орудия до окопа связиста ни малой, ни большой саперной лопатой в скалистом грунте было невозможно, а другого шанцевого инструмента у нас не имелось. Переползая, я и был контужен взрывной волной от разорвавшегося крупнокалиберного снаряда и стал пожизненно инвалидом II

группы».

Да, указывают объективные свидетели событий, имелись в заметках, написанных от имени Брежнева, и другие неточности. Но разве не отстояли бойцы Малой Земли ту каменистую землю ценой крови и самой жизни своей? Им всем, оставшимся в живых, горько наблюдать нынешнее пренебрежение, а то и поношение. Тот же ветеран заканчивает свое письмо примечательными рассуждениями:

«Сейчас на Малой Земле, да и в других местах, где проходила 18-я армия, убирают все, что связано с именем Л.И. Брежнева. Заодно разрушают и то, что дорого сердцу каждого воина этой армии. Зачем же понадобилось зачеркивать массовые героические подвиги тысяч малоземельцев, отдавших свои жизни за Родину, оставшихся инвалидами? Пошли разговоры, что Новороссийску незаслуженно присвоили звание города-героя, что десант не сыграл никакой роли в Великой Отечественной войне. А ведь это не так. Наш десант держал этот важный клочок земли площадью 30 квадратных километров в течение 225 дней, приковывая к себе значительные силы фашистов, которые в противном случае использовались бы на других участках фронта».

Ветераны героической Малой Земли и славной 18-й армии! Вам незачем стыдиться бывшего начальника вашего политотдела, он честно выполнил свой воинский и партийный долг, как повелела ему судьба. А те «верховные главнокомандующие», что выскочили потом — о тех ничтожествах, стяжателях и предателях мы даже не станем тут упоминать. Сама жизнь воздаст им по заслугам.

Возрождение и восхождение

После окончания войны Брежневу, как и всему его поколению — из числа тех, конечно, кто остался в живых, — сама судьба подарила счастливую карту в виде превосходных жизненных возможностей. Большая половина ровесников Брежнева войну не пережили, многие стали калеками, с младшим поколением мужчин еще хуже — здоровыми их осталось меньшинство. Не забудем и о многих тысячах тех, кто оказался по тем или иным причинам на Западе и остался там (а причины к невозвращению бывали самые разные, о чем теперь хорошо известно). Наконец, в сталинские времена в анкетах имелся неприятный пункт о пребывании «на временно оккупированной территории». Даже несовершеннолетним такого рода факт порой вменялся в недостаток для любой более или менее значительной служебной деятельности или даже обучения в престижных институтах или на факультетах.

Итак, летом победного сорок пятого года молодой, здоровый и деятельный генерал-майор Брежнев был, что называется, нарасхват. Стране позарез нужны были работники — и простые труженики, и руководители всех степеней в равной мере.

18-я армия была расформирована, а 4-й Украинский фронт преобразовался в Прикарпатский военный округ. Брежнева назначили в том же звании начальником политотдела округа. Занимался он на том посту делами прежде всего организационными, все службы только формировались и обустраивались. И проходила обычная политработа в ее суете и рутине: собрания, заседания, протоколы… Однако жизнь тогда протекала бурно. Уже в мае 1946 года Министерство обороны приняло решение объединить Прикарпатский и Львовский округа со штабом во Львове. Вначале Брежнева двинули туда, но армия сокращалась, поэтому он разделил участь многих своих сотоварищей в довольно высоких чинах: в Вооруженных Силах для них вакансий не оставалось, их отзывали для партийной, государственной и всякой иной руководящей работы. Занималось этим ответственным делом Управление кадров ЦК ВКП(б) совместно с Главпуром Вооруженных Сил. Там же решилась и судьба Брежнева.

Он вспоминал о том кратко:

«Шло жаркое лето 1946 года. В тот год партия направила меня в Запорожье. Мне поначалу было поручено ознакомиться со всеми делами области, обратив особое внимание на строительство и сельское хозяйство. ЦК партии выдал мне

соответствующий мандат, и я, не теряя времени, выехал в область…

На XI пленуме Запорожского областного комитета КП(б)У, в котором я после предварительного ознакомления со стройками принимал участие… по рекомендации Центрального Комитета ВКП(б) меня избрали первым секретарем Запорожского обкома партии. Это было 30 августа 1946 года».

Время для всей Украины, но особенно для Запорожской области, было исключительно тяжелым, страшная засуха погубила урожай. Разоренная страна не могла оказать заметной помощи, население хлебородной местности голодало. Население области было относительно небольшое, около миллиона человек, в основном селяне, в столице области — менее трехсот тысяч, но промышленность там была сосредоточена очень важная. А работники — преимущественно женщины, немалая часть которых — вдовы.

Брежнев к тому времени был уже достаточно опытным руководителем, чтобы отличить главное звено в своих многочисленных обязанностях. Ясно, что истощенным от недоедания колхозникам нужно помочь, но за промахи в работе тогда не слишком-то ругали, страна и ее народ привыкли к бедствиям. А вот за промышленное развитие — тут спрос был особый. Тем более что в Запорожье часть этой самой промышленности была напрямую связана с оборонкой. А с такими делами в сталинское время не шутили.

Вот на эту сторону дела новый первый секретарь и налегал с особой силой. Осторожный и осмотрительный, он прислушивался к мнению не только высшего начальства — Сталин все-таки далеко и высоко, — но и своего непосредственного, которое находилось в Киеве. Хрущев был крут и скор на расправу, о чем знала вся Украина. Вот почему, выступая с официальной статьей в областной газете «Большевик Запорожья», Брежнев велел своим помощникам вставить следующую предупредительную фразу: «Великая поддержка оказана области со стороны ЦК КП(б) и правительства Советской Украины во главе с верным соратником великого Сталина Никитой Сергеевичем Хрущевым. Повседневную заботу и помощь ощущают трудящиеся в своей работе со стороны ЦК ВКП(б), нашего Советского правительства и лично товарища Сталина».

Как постоянны характеры людей! «Наш Никита Сергеевич» лесть любил всегда, задолго до 13 октября 1946 года, когда эта простоватая и провинциальная даже по киевским меркам почтительная реприза была ему преподнесена. Ясно, что ему О том доложили, и ясно, что это ему пришлось по душе. Но Брежнев

был тут не прост: Хрущев Хрущевым, но и Сталина, верховного вождя, он тоже тут своевременно и скромно-почтительно помянул.

Как вскоре выяснилось, и не зря. Три десятка лет спустя, находясь уже не только на вершине, но и на исходе своей неописуемой политической карьеры, Брежнев вдруг вспомнил один незначительный вроде бы, но крайне характерный для описываемой эпохи эпизод. Нет ни малейших сомнений, что то были именно его личные воспоминания, а не старания литзаписчиков, ибо подобное свидетельство может быть только сугубо личным. Или не сохраниться в памяти вовсе. Брежнев ВДРУГ вспомнил весну 1947 года:

«Во время сева, помню, возвращался из Бердянска… заехал в Пологовский район. Беседуя с секретарем райкома Шерстюком, спросил, как идет сев, что с техникой, а он, смотрю, как-то мнется.

— Ты что, Александр Саввич? Говори прямо, что у тебя?

— У меня порядок… Вы радио слышали утром?

— Нет, а что?

— В «Правде», понимаете, в передовой разделали нас. За низкий темп восстановления «Запорожстали». Формулировки очень резкие.

Помолчали.

— Так… — говорю. — Значит, будет звонить Сталин. Надо ехать.

Ночью мне действительно позвонил И.В. Сталин, и разговор был серьезный. То, чего мы успели добиться, что еще недавно считалось успехом, обернулось вдруг едва ли не поражением. Изменились обстоятельства — не у нас в области, а в стране и в мире. Сроки ввода всего комплекса, который должен был производить стальной лист, нам перенесли на ближайшую осень, темпы строительства предписали форсировать. Я уже говорил, что это связано было с «холодной войной».

Да, эти времена давно уже кажутся странными! Сталин, великий вождь великой всемирной державы, лично интересуется у секретаря провинциального обкома о работе какого-то прокатного стана! Но так было в тогдашней повседневности, и постоянно. Звонок Председателя правительства вовсе не означал извещение о награде, но и тем паче не был приговором, речь шла о деле, и только о нем. Увы, когда за Брежнева эти мемуары составлялись, он уже слабо знал и понимал в заводских делах того же Запорожья, Челябинска или Омска. А уж представить себе в таком положении Горбачева или Ельцина, это… Вот продать завод за малую пачку баксов, вот это еще туда-сюда.

Отсюда и сам сорокалетний Брежнев, и все его сотоварищи на любых постах, отвечая перед верховной властью строго и по-деловому, и с многочисленными подчиненными вели себя примерно так же. Хотя и по-разному. Хрущев, например, стучал кулаком по столу или кричал в телефонную трубку. А Брежнев, напротив, щадил людей и доверял им. Такие вещи делаются известными всем, кому надо, и не только в огромной Украине. Добрая слава о Брежневе росла.

Характерные бытовые подробности о тогдашней жизни секретаря Запорожского обкома напомнила его вдова:

«Когда в его обширном хозяйстве возникали затруднения, он неделями ходил сосредоточенный, окаменевший какой-то. А при удачах оттаивал, улыбался. И когда первый прокатный лист дали, впервые за год отоспался — лег и до утра, без телефонных звонков, спал как младенец. И даже во сне улыбался.

Но долго ему улыбаться не пришлось. У нас ведь как заведено — на того, кто везет воз, на того и нагружают! Вскоре вызвали Леню в Москву. Оказывается, в соседней, Днепропетровской, области, где промышленность, и особенно оборонная, была до войны еще мощнее, чем в Запорожье, и разрушения тоже страшнее, чем в Запорожье, восстановление идет медленно. «Не тянет», как у нас говорят, секретарь обкома. А Брежнев показал, что он «тянет» хорошо и мощно. Вот и решили его перевести в Днепропетровск, тоже на должность первого секретаря обкома. Взвалить на него и здесь ликвидацию разрухи. Опять мотивы вроде бы убедительные — вы в Днепропетровске работали, все там знаете, вам и на вхождение в курс дел времени тратить не надо. Так что пленум вас, несомненно, изберет первым секретарем. И приступайте.

Ну а со мной разговор короткий — плащ на руку бросил, взял портфель и: «Я поехал, а ты собирайся. Подготовлю жилье, приедешь». Так в ноябре 1947 года мы переехали в Днепропетровск.

…Смена школы — своеобразная психологическая травма для детей, тем более что отец, при своей предельной занятости, не мог как-то смягчить, помочь преодолеть эти новые обстоятельства. Все ложилось на мои плечи. Но время шло, дети росли… Уже в Днепропетровске Галя поступила в университет, на исторический факультет, а Юра пошел в восьмой класс. Я опять обживала новое домашнее гнездо. Опять почти каждый день на рынок ходила за продуктами.

В те годы еще никакого особого снабжения, пайков продовольственных не было. Это позднее появились так называемые «привилегии», которые чуть не ежедневно так

поносятся в нынешних газетах. А тогда ничего подобного не существовало. И еще на рынок я ходила почти ежедневно потому, что не было холодильников, продукты хранить долго негде, вот и приходилось покупать свежие овощи, фрукты, мясо, молоко».

Итоги недолгой деятельности Брежнева в Запорожье были внешне весьма впечатляющими. Вот только два важнейших события, которые тогда отмечала вся страна: дал первый ток восстановленный из руин Днепрогэс и пошла первая плавка на знаменитой «Запорожстали». Ну, каков тут был личный вклад первого секретаря области, история пока не установила. Видимо, он, как обычно, в конкретные дела не влезал, но и к работникам с лишними претензиями тоже не приставал. Как говорится, и на том спасибо, в те времена многие руководители вели себя как раз наоборот, до арестов включительно. Что ни говори, а брежневский стиль был предпочтительнее.

В том же Запорожье произошло одно весьма важное для Брежнева знакомство, оказавшееся не только продолжительным, но и весьма важным в деловом смысле. Когда Брежнева назначили в область первым, то вторым секретарем там уже находился Андрей Павлович Кириленко. Они хорошо сработались, никаких трений между ними не возникало. Нет сомнений, что и расстались они при новом назначении Брежнева тоже хорошо. О Кириленко позже не раз у нас пойдет речь, а тогда оба они почти одновременно разъехались в разные стороны с большим повышением: Брежнев — первым в Днепропетровск, а Кириленко — тоже первым, но в менее крупную Николаевскую область. 22 ноября 1947 года скучная областная газета «Днепропетровская правда» поместила краткое сообщение, которое всегда с большим интересом воспринималось гражданами области:

«21 ноября 1947 года состоялся пленум Днепропетровского обкома КП(б)У.

Пленум освободил тов. Найденова П.А. от обязанностей первого секретаря обкома КП(б)У. Первым секретарем Днепропетровского областного комитета партии и членом бюро обкома пленум избрал тов. Брежнева Леонида Ильича.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК КП(б)У тов. Мельников Л.Г.»

Обратим внимание на последнюю строчку краткого, но весьма серьезного уведомления. Леонид Георгиевич Мельников был тогда вторым секретарем компартии Украины. Ровесник Брежнева, он обошел его в карьерном росте, ибо еще до войны работал некоторое время в аппарате ЦК ВКП(б) в столице. В 1949 году, когда Хрущева опять перевели в Москву, он стал первым

секретарем ЦК Украины, а позже и членом Президиума (Политбюро) ЦК КПСС. С Брежневым у него всегда сохранялись хорошие отношения, но дальнейшую карьеру Мельникова оборвали антисталинские кадровые перемещения Хрущева, его вывели из Президиума и отправили в «почетную ссылку» — послом в Румынию.

Да, партийно-государственный пост Брежнева был исключительно высоким. Днепропетровская область была не только одной из крупнейших в республике, но уже тогда стала общесоюзным центром машиностроительной промышленности, в том числе и самых передовых оборонных предприятий. Добавим, что и сельское хозяйство области было также высокопроизводительным.

Опять-таки придется повторить: каких-либо достоверных подробностей о личном участии Брежнева в деятельности Днепропетровского обкома почти не известно, местные архивы не разобраны, достоверных мемуаров не опубликовано. Однако историк Р. Медведев еще в начале 90-х годов опубликовал обстоятельную биографическую работу о Брежневе, там он привел очень интересный документ.

Цитируем:

«В письме ко мне бывший первый секретарь Днепродзержинского горкома партии И.И. Соболев свидетельствует, что Брежнев был мягким и добрым руководителем, склонным к шутке, доступным для подчиненных. «На протяжении двух с половиной лет, — писал И.И. Соболев, — я имел возможность оценить качества Брежнева как человека и партийного деятеля. Заменил его в Днепропетровском обкоме А.П. Кириленко. Это были очень разные во всех отношениях люди. На смену обаянию, доброте, общительности, открытости, дружелюбию пришли надменность, отчужденность, замкнутость, сухость. Кириленко был неплохим руководителем, но его стиль и методы руководства отличались большей приверженностью к команде, администрированию». Соболев свидетельствует о том, что Хрущев неизменно покровительствовал Брежневу, а однажды избавил его от крупных неприятностей, когда в Днепропетровске в 1948 году была сооружена чрезмерно дорогая и помпезная выставка достижений промышленности и сельского хозяйства области. Для проверки поступивших в Москву сигналов в город прибыла бригада ЦК ВКП(б) во главе с Маленковым. Хрущев позвонил Сталину и сказал, что выставка проводилась по его, Хрущева, указанию, приняв таким образом вину на себя».

Хрущев и впредь оказывал покровительство своему выдвиженцу в Днепропетровске. Им пришлось долго работать

совместно, пока младший полностью не предал старшего… Но о том в своем месте. А в конце 1949 года Хрущев опять вернулся в Москву, но уже с повышением, он вновь занял пост главы столичной парторганизации, но и одновременно стал секретарем ЦК КПСС. Был он тогда в фаворе у Сталина, очень дружен (политически, разумеется) с Маленковым и Берией. Но интерес к Украине не утратил, известно, что и к Брежневу его внимание с годами не ослабевало. Итак, Брежневу покровительствовали как руководитель Украины в Киеве, так и высокие чины в Москве. Его ожидали хорошие карьерные перспективы.

Впоследствии днепропетровские кадры Леонида Ильича потоком перетекли в столицу нашей Родины Москву. И стала ходить из уст в уста по всей огромной стране острота: была в России эпоха допетровская, потом — петровская, а теперь — днепропетровская… Немного позже и ненадолго острота чуть удлинилась. Напомним, что следующий за Брежневым Генсек Андропов свою карьеру поначалу сделал в Петрозаводске. И люди тогда шутили: а теперь у нас эпоха — петрозаводская…

Но и в днепропетровском «хозяйстве» дела у Брежнева шли успешно, само же «хозяйство» было огромно. О столице области как общесоюзном центре высокотехнологичной промышленности уже говорилось. Следует добавить в этом контексте и такие индустриальные центры, как Кривой Рог, Никополь, тот же бурно развивавшийся Днепродзержинск. На новом посту Брежнев вел себя как обычно: не любил круто командовать и тем паче расправляться с людьми, острых и новаторских действий осторожно избегал, с начальством умел ладить, подчиненных не угнетал. В сталинское время среди руководителей высокого ранга таких было немного, они обращали на себя внимание.

Брежнев и тут оставался верен своей манере, внимательно присматривался к окружающим его работникам, отмечая и запоминая тех, кто обращал на себя его внимание. В те времена ему пришлось столкнуться по делам с Владимиром Васильевичем Щербицким, в 1948–1952 годах он был вторым секретарем Днепродзержинского горкома, а затем до 1954-го — первым секретарем там же. Впоследствии он стал во главе ЦК Компартии Украины и членом Политбюро, до последнего дня оставаясь верным соратником Брежнева, хоть был много младше его и личной привязанности между ними не было. Щербицкий во все времена пользовался доброй славой на Украине, перед кончиной Брежнев имел на него особые виды, но планов своих осуществить не успел — к великому несчастью для нашей страны и народа. Но об этом далее.

Уже тогда о Брежневе сложилось мнение как о руководителе

демократичном. Позже он сам об этом высказался, причем вполне искренне:

«Скажу, что насчет твердой руки у меня были свои соображения, и существенных изменений они с той поры не претерпели. Командовать в партийной, да и в любой другой работе не стремился и не стремлюсь. Отмечаю это потому, что, к сожалению, и в моей практике приходилось сталкиваться с руководителями, которые, не вникнув в суть, видя только внешнюю сторону фактов и явлений, скользя, как говорят, по поверхности, по их внешней оболочке, спешили поскорее приказать, указать, сделать оргвыводы. Признак ли это силы? Нет, не думаю…»

Весной 1950 года Брежнев неожиданно для всех, и прежде всего для себя самого, был направлен первым секретарем ЦК компартии Молдавской Республики. Это было значительным повышением, и решалось оно непосредственно Сталиным, тот всегда держал важные кадровые назначения и перемещения под своим неусыпным наблюдением («кадры решают все» — этот сталинский принцип Брежнев усвоил на всю свою долгую жизнь руководителя и непременно следовал ему).

Вот как вспоминала о том в своем простодушном рассказе вдова Брежнева (несомненно — со слов самого супруга):

«Его вызвал в Москву Сталин. Это было в 1950 году. Вот теперь о Сталине пишут, что он тиран, истреблял хороших людей. Да, это было. Но не только это. Совсем забыли, что победу над сильнейшей гитлеровской армией одержали под руководством Сталина. Восстановили народное хозяйство тоже при нем. В 1948 году, на третий год после такой великой разрухи в стране, карточки отменили! А у нас при полной сохранности промышленности и бескрайних плодородных землях на пятом году перестройки вводят талоны, карточки, по которым почти ничего нельзя получить. Народ голодает. Сталин же умел ценить тех, кто проявил себя в трудной работе. Вот и Леню приметил. Вызвал и сказал: "Хорошо работаете. Партия считает — можете руководить уже не областью, а целой республикой. Поезжайте в Молдавию, там ваш опыт восстановления хозяйства очень пригодится. Познакомьтесь с делами. Думаю, коммунисты Молдавии знают о вашем умении вести дело и выберут вас первым секретарем".

Тут надо честно сказать, что не только личные качества, опыт и заслуги Лени имели значение для избрания его на самый высокий пост в республике. Главный аргумент, конечно же, слово Сталина».

В ту пору новая должность Брежнева считалась очень

высоким повышением, нынешнему читателю это уже необходимо пояснять. Внешне это повышение действительно выглядит странным: Днепропетровская область и по населению, а в особенности по хозяйственной мощи неизмеримо больше отсталой сельскохозяйственной Молдавии, где в ту пору и промышленности-то крупной не существовало. Однако тут имелся политический подтекст огромной важности: то была союзная республика, а это по тогдашним партийно-государственным принципам представляло собой нечто весьма более значительное, чем просто область, даже очень большая и мощная. Совершенно очевидно, и это понимали все, что место члена ЦК теперь Брежневу явно светит. Так позже и произошло, но не сразу.

О своем назначении на новую партийную должность Брежнев рассказывал, как обычно, в общих чертах, но кое-что примечательное там можно заметить:

«Работая в Молдавии, я много читал о прошлом этого края. Молдавский летописец Григорий Уреке с горечью назвал свою родину «страной на пути всех бед». Веками народ, населявший землю между Прутом и Днестром, вынужден был вести жестокую борьбу за право на существование. Его стремление к достойному человека укладу жизни, к свободе и независимости всегда находило понимание и живой отклик в умах и сердцах передовых людей России…

Как и всюду, война принесла Молдавии неисчислимые беды. В Кишинев я приехал через пять лет после нашей победы, но застал еще разрушенные кварталы, которые предстояло восстановить. В руинах лежали Тирасполь, Бельцы, Бендеры, Оргеев и многие районные центры. Я видел немало разоренных деревень, выжженных садов и виноградников.

Сколько же жизненных соков забрала война, сколько людских судеб поковеркала. Трудно, глядя на сегодняшнюю Молдавию, представить себе, какие бои здесь гремели в военную годину. Молдавия не только не отстала в своем развитии, но преображалась буквально на глазах. Все это и на моей памяти».

Суть в том, что еще в недавнем прошлом основная часть Молдавской Советской Социалистической Республики входила в состав буржуазной Румынии. После 1944 года, когда вся территория Молдавии была освобождена от немцев и румын, начались, как во всех западных районах страны, «социалистические преобразования»: коллективизация и связанное с ней раскулачивание, конфискация крупной частной собственности, аресты и высылка «буржуазных элементов» и все такое прочее и подобное. И хотя в Молдавии не было открытого

вооруженного сопротивления, как в Западной Украине и в Прибалтике, процесс этот проходил очень тяжело и с многочисленными жертвами.

Сталин всегда внимательно следил за кадрами и мало-мальски крупные назначения и перемещения решал сам. Он знал, что Брежнев обходителен с людьми, достаточно мягок (для того сурового времени!), умеет ладить с кадрами. Такой человек и нужен теперь для маленькой республики, только что пережившей социальные потрясения и многочисленные репрессии. Сталин перед назначением Брежнева в Кишинев его не принимал (пожилая вдова тут явно ошиблась). Но в Москве он не мог не побывать, принимал его, видимо, Маленков, тогда член Политбюро и Секретарь ЦК по кадрам, он же считался тогда неофициальным наследником самого вождя. Ясно, что без согласования со Сталиным такие вопросы решаться не могли. Никогда.

Брежнев начал заниматься на новом месте своими обычными делами: восстанавливал разрушенное войной хозяйство, разбирался с промышленностью и сельским хозяйством, решал все соответствующие вопросы с центральными ведомствами в Москве. Все эти проблемы были ему давно и хорошо знакомы, с подчиненными и начальниками он ладить, как всегда, умел. Никакими революциями и преобразованиями не занимался, так что дела у него пошли вполне благополучно.

О его тогдашних семейных делах рассказала вдова:

«На этот раз мне хлопот прибавилось, потому что семье пришлось разделиться, а мне обустраивать два дома. Дело в том, что осенью Юра окончил школу и поступил в металлургический институт — ему надо было оставаться в Днепропетровске. Устроила я его на жительство у двоюродной сестры Риты. Мы свою квартиру сдали. А Рита училась в медицинском институте, вот с ней и остался Юра. Я из Кишинева вскоре вернулась посмотреть, как они живут. И, конечно, очень расстроилась. Рита сама студентка, ей домашними делами заниматься нет времени, да и не умеет она готовить, девушка в этом неопытная. Вот и пришлось мне из Кишинева приезжать в Днепропетровск регулярно. Приеду, наведу порядок, наготовлю им на неделю — и назад, в Кишинев.

В Молдавии мы поселились в небольшом отдельном доме. Кроме Гали с нами приехала племянница Лера. Они с Галей в одной комнате разместились».

Однако Брежневу впервые за свою партийную карьеру пришлось столкнуться вплотную с вопросами сугубо идеологическими, да еще какими! Здесь необходимо сделать

небольшое отступление.

…В ноябре 1948 года было арестовано несколько столичных деятелей из «Антифашистского еврейского комитета», не без оснований заподозренных в связях с зарубежными сионистами. А 28 января следующего года в «Правде» была опубликована нашумевшая статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», где предъявлялись идеологические обвинения ряду еврейских литераторов, тоже сплошь московских. Статья была без подписи, то есть «редакционная», что означало: газета выступает прямо от имени партийного руководства.

Вряд ли провинциальный партработник Брежнев, занятый сугубо хозяйственными вопросами, тогда понимал всю подоплеку дела. В театры он по своей воле никогда в жизни не заглядывал, исключая, разумеется, парадные выходы с разного рода зарубежными деятелями. О «театральной критике» понятия не имел, а сущность слова «космополит» ему, должно быть, долго растолковывали. Но как опытный политик-практик он без труда сообразил, что дело идет о некотором ограничении влияния еврейских кадров в идеологии, что видели тогда, разумеется, многие. В маленькой республике Молдавия никаких «антипатриотических критиков» не водилось, но… В ту пору в республике евреи составляли около четырех процентов населения, причем более половины их говорили на еврейском жаргоне идиш. Доля еврейского населения была тут выше, чем в любой иной республике.

Первому секретарю Брежневу было о чем задуматься, хотя глубины вопроса он безусловно не понимал (не понял и никогда не хотел понимать). Суть тут, кратко говоря, в том, как это теперь описано в многочисленных и серьезных работах, что после Октября у власти в стране оказалось непомерно большое количество евреев. Более того, они проводили определенную политику вражды к корневой русской культуре, историческим ценностям, Православию и традициям.

Сталин быстро понял, что создавать великую державу с такими руководящими кадрами невозможно, да еще накануне неминуемой войны. В конце тридцатых годов эта русофобская верхушка была срезана в партийных и правоохранительных органах, однако в культуре положение осталось примерно таким же, как и ранее. И почти то же самое в науке, а также в учебных заведениях, особенно гуманитарных.

Война прервала очистительные преобразования в кадрах. А после победы начали происходить любопытные процессы. Далее все факты будут приведены из новейшей научной книги профессора Г. Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и

антисемитизм». Работа выполнялась по заказу «Библиотеки Российского еврейского конгресса», так что самого автора заподозрить в пресловутом «антисемитизме» совершенно невозможно. Однако ученый объективно привел данные, почерпнутые им из архивов, и предал их гласности впервые за нашу историю. Оценки его опустим, а факты приведем.

Война для нашего народа началась уже в 1939 году — Халхин-Гол, Польша, Финляндия. Начались первые серьезные потери и первые мобилизации. На этом фоне следует присмотреться к данным о выпускниках физического факультета МГУ, крупнейшего в этой области. В 1938 году его закончили (в процентах) 54 русских и 46 евреев, в 1939-м — 50 и 50, в 1940-м — 42 и 58, в 1941-м — 26 и 74, а в 1942 году соотношение оказалось уже совершенно невероятным — 2 и 98. Это неопровержимые факты, и ясно, о чем они свидетельствуют.

С 1948 года национальным соотношением в сфере идеологии начали интересоваться, и картина открылась прелюбопытнейшая. Оказалось, например, что среди 823 работников ТАСС — важнейшего информационного источника той поры! — евреи составляли 73 человека, то есть более 22 процентов. В высшем образовании страны на кафедрах истории, философии, экономики и других общественных наук русские составляли 50 процентов всех научных работников, евреи — 20, все прочие — 30. В Московском юридическом институте, тоже крупнейшем в данной важной области, в августе 1949 года среди преподавателей оказалось 74 русских, 56 евреев и 12 всех прочих национальностей. Неудивительно, что в том же институте четверть студентов составляли тогда евреи.

Примеры такого рода можно приводить бесконечно. Отсюда надо сделать только два вывода: либо евреи обладают совершенно выдающимися способностями в областях гуманитарной деятельности, либо среди всех советских народов они пользовались до той поры несомненными преимуществами. Последнее обстоятельство очевидно, сколь бы ни пытались тут вопить сионистские агитаторы (тогда и сейчас).

В конце сороковых — начале пятидесятых годов дела тут были изменены — по обычаям тех лет сурово, но время было такое: страна, поднимавшаяся из руин, противостоящая американскому атомному монополисту, должна была опираться на патриотически настроенные, истинно народные кадры, не обремененные возможным двойным гражданством.

Секретарь ЦК Компартии Молдавии Брежнев, как и другие руководители его уровня, были безусловно в той или иной форме осведомлены о результатах проверок по кадровым вопросам в

центральных и некоторых местных учреждениях. Картина несомненно преувеличенной доли евреев в кадрах идейно-культурных учреждений предстала перед ними впечатляющей и убедительной. И не могла не произвести соответствующего впечатления. То же можно предположить и о реакции Никиты Хрущева. Прямых данных нет, но есть вполне убедительные косвенные.

Уже в самом начале пятидесятых годов для советских граждан еврейского происхождения были введены определенные препятствия при поступлении на работу или учебу. Делалось это сугубо негласно, полвека прошло, в последние годы историки весь архив Политбюро перелопатили, а ни одной постановляющей бумажки по этому пикантному вопросу не обнаружили. Значит, и не было их. Тем не менее на протяжении четырех десятилетий прием евреев на руководящие должности в партгосаппарат, Вооруженные Силы, органы госбезопасности был строго ограничен. Имена вроде крупного хозяйственника Дымшица или генерал-полковника Драгунского встречались в высших сферах относительно редко. А с другой стороны, снизу, еврейскую молодежь ограничивали в приеме в институты, связанные с оборонной промышленностью, а также на ряд гуманитарных факультетов.

Повторим, ничем этот порядок не регламентировался, но соблюдался неуклонно сорок лет. Хрущеву, истерически ненавидевшему Сталина, вроде бы полагалось и эти, им принятые, меры изменить, но нет, даже не попытался. И Брежнев, супруга которого, по нашим данным, все-таки происходит из выкрестов (а Рой Медведев, сам полуеврей, прямо называет ее еврейкой), так вот, и Брежнев до самого своего последнего дня все оставил, как было при Иосифе Виссарионовиче. Видимо, и тот и другой хорошо запомнили Ягоду и Мехлиса. А также те кадры, которые они вокруг себя насаждали.

В качестве партийного вожака маленькой республики Брежнев вел себя точно так же, как и ранее в мощном Днепропетровске, и, забегая вперед, скажем, как и на всех своих будущих постах, вплоть до наивысшего, — осторожно, осмотрительно, избегая каких-либо резких отклонений от общепринятого в той среде, на которую он опирался и к которой сам принадлежал.

Вот осенью 1950 года он выступает на республиканском совещании секретарей райкомов партии. Общие слова, как всегда. Молдавия была еще совсем недавно буржуазной? Значит, надо последние остатки этой самой буржуазности окончательно преодолеть (но, отметим, к крутым мерам не призывает):

«Дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов требует еще более решительной борьбы с остатками кулачества и буржуазных националистов путем улучшения работы наших органов (имеются в виду органы госбезопасности и внутренних дел. — С.С.). Надо еще сильнее возбудить ненависть трудящихся против злейших врагов народа — кулачества и буржуазных националистов».

Все тогда поминали в речах товарища Сталина, к месту и по большей части не очень, и Брежнев тут же, в другой речи: «Укрупнение колхозов рекомендует товарищ Сталин. Колхозники знают, что раз товарищ Сталин рекомендует, значит, это дело важное и полезное». И так далее, и тому подобное. Содержания нет, но и не придерешься! Однако главные достижения Брежнева в Молдавии — кадровые.

Прежде всего именно здесь он встретил и подружился на всю жизнь с Константином Ивановичем Черненко, Костей, как он именовал его в узком кругу. Когда Брежнев прибыл в Кишинев, тот занимал пост заведующего Отделом пропаганды ЦК, был на пяток лет помладше, не отличался совершенно никакими способностями, кроме железного сибирского здоровья и личной преданности своему новому начальнику. Это и только это позволило ему в дальнейшем совершить головокружительное восхождение на самый верх великой державы.

Другое кадровое приобретение — Семен Кузьмич Цвигун, тогда зампред госбезопасности Молдавской ССР, их близкое сотрудничество в дальнейшем скрепляло то, что Цвигун женился на сестре (родной или двоюродной) Виктории. Ну еще помельче — Сергей Павлович Трапезников. Мелкий партаппаратчик, он в 1948 году окончил Академию общественных наук при ЦК ВКП(б), этот своеобразный и совершенно нелепый инкубатор идеологических чиновников, наследник печально знаменитого Института красной профессуры (в свое время этот рассадник местечковых идеологических надсмотрщиков Сталин прикрыл вместе со всеми так называемыми «профессорами»). Трапезников был выпущен «в чине» кандидата исторических наук, потому всю долгую жизнь числился ученым-историком, немало навредив подлинной исторической науке. Но Брежнева его преданная серость вполне устраивала, позже он поставил Трапезникова во главе Отдела науки ЦК КПСС.

Ну а старого знакомого Щелокова в Кишинев перетянул уже сам Брежнев, в 1951 году назначив его зампредом крошечного Совета Министров своей республики. На этом кадровый очерк придется закончить. Брежнев вскоре перебрался в столицу страны, и ему еще предстояло перетянуть их всех туда за собой.

Что он и сделал. Он был верным товарищем, и товарищи платили ему тем же. Все остались ему верны до конца. Кроме одного, который и кончил плохо. Но о нем будет рассказано ниже. Безусловно, верность есть отличное человеческое качество, в том числе и в политике. Жаль лишь, трагически жаль, что и сам Брежнев, и все его товарищи оказались людьми весьма ограниченными. Позже это принесло нашей стране великое горе…

Карьерное положение Брежнева постепенно укреплялось, и не только в провинциальном Кишиневе. Он стал бывать в Москве, завязывая и закрепляя полезные знакомства среди столичной номенклатуры. Летом 1950 года он впервые был избран (ну правильнее надо бы тут выразиться — назначен) депутатом Верховного Совета Союза, так полагалось ему по тогдашней должности (с тех пор в течение трети века он был постоянно депутатом!). Личное обаяние тут ему очень пригодилось.

Между тем приближалось громаднейшее событие в политической жизни страны — XIX партийный съезд. Сделаем краткое пояснение.

Это нынешние российские граждане утомлены до раздражения бесконечными съездами, которые мельтешат повсюду и чуть ли не ежедневно. Тогда — совсем другое дело! За редкими и скупыми газетными сообщениями об итогах какой-нибудь сессии совета или тем более партийного органа внимательнейшим образом следили все заинтересованные граждане. А тут — съезд всей партии, которого — в нарушение Устава! — не собирали целых тринадцать лет, с 1939-го по октябрь 1952 года. И не объясняли причину задержки, и спрашивать о том не полагалось. А теми простофилями, которые спрашивали об этом, интересовались. По-разному…

Итак, долгожданный съезд открылся в Кремле. Телевидение у нас тогда только появилось, было маломощным, да и стояли те малюсенькие и тусклые черно-белые экраны лишь в немногих городских домах. Но радио разнесло на всю страну главную новость: Сталин присутствует на съезде, но с отчетным докладом выступил Г.М. Маленков. Брежнев, естественно, был делегатом с решающим голосом среди 1192 своих коллег (167 — с совещательным, от немногочисленных тогда кандидатов в члены партии, прием в то время был чрезвычайно затруднен).

Выступления шли скучной чередой, ораторы были расписаны заранее. 8 октября, на четвертый день работы «партийного форума», слово предоставили Брежневу. Он прочитал, волнуясь, заранее заготовленную речь. Перечитывать ее сейчас нет ни малейшего смысла, общие слова о расцвете социалистической

Молдавии и клятвы в любви и верности великому вождю товарищу Сталину. Как у всех прочих.

Не место тут оценивать ход и содержание съезда в целом. Кстати, ни одной серьезной работы на эту тему до сих пор нет, не любили и не любят у нас сталинское наследие. Меж тем он опять стал на съезде самой приметной личностью. Все ждали, выступит он или нет. Казалось, один пример уже был, три года назад, на праздновании своего семидесятилетия, Сталин — вопреки всем традициям и обычаям! — промолчал и на приветствия не ответил. Может быть, и тут смолчит, думали все, и в частности Брежнев. Но в заключительный день работы съезда Сталин выступил. Вот главнейшее в его речи:

«Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности», права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять. (Бурные аплодисменты.)

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять. (Бурные аплодисменты.)

Так обстоит дело в настоящее время».

…Так и хочется с горечью добавить тут: именно в нашей любимой России дело сегодня обстоит именно таким образом. Криминальная буржуазия, захватившая власть над нами, выбрасывает за борт независимость страны. Сталин предупреждал о том полвека тому назад, но его никто не понял. За что и расплачиваемся.

Простодушный Брежнев, восторженно и искренне хлопавший Сталину, не понял в его мыслях ровным счетом ничего, ни тогда, ни потом. Но Сталина глубоко почитал до конца жизни, хоть и приходилось это глубоко скрывать, сил переломить поток событий у него не было. Кстати уж, память Сталина чтили все брежневские выдвиженцы: Алиев, Громыко, Романов, Устинов, Черненко, Трапезников. Чтили, но про себя. И эта их общая нерешительность стала их главной политической слабостью.

И вот наступает последний важный час съезда — выборы в ЦК. Ну, тут в душе Брежнева сомнений явно не было, главе республики, даже такой маленькой, место в ЦК вроде бы полагалось, и вот в притихшем зале Брежнев слушает приятный, очень грамотно выговаривающий слова голос Маленкова: «В состав членов Центрального Комитета предлагаются следующие товарищи…» Вот перечислены все на букву «а», теперь идут имена на букву «б»: Бенедиктов, Берия, Бещев, Бойцов, Борков, Брежнев… Сердце Брежнева забилось так сильно, что следующего имени — Булганин — он даже не услышал.

И вот новоизбранные члены ЦК остались в опустевшем зале. Теперь предстояло избрать членов Политбюро, или, как с того же дня принято было именовать, — Президиума ЦК КПСС. Радостно успокоившийся Брежнев приготовился узнать имена тех, кто будет им, рядовым членом ЦК, руководить.

Поднялся Сталин, в одиночестве оставшийся в президиуме. Он неловким старческим движением достал из нагрудного кармана бумажку, не спеша развернул, тихим голосом, который едва усиливал микрофон, начал читать. Список немалый, 25 человек, гораздо более, чем Политбюро последнего состава. Окончив, Сталин переходит к кандидатам. И по алфавиту первым именем он называет Брежнева… Тот потрясен и почти оглушен услышанным. Но затем Сталин зачитывает список новых десяти секретарей ЦК. И вторым он опять услышал свое имя…

В свите «царя Никиты»

Оглушенный неожиданным взлетом на немыслимую властную высоту, Брежнев, несомненно (можно предположить), долго не мог прийти в себя. Никогда, не будучи заносчив и высокомерен, он даже в самых своих честолюбивых мечтах и помыслить не смел о такого рода должностях. Тем более что причины случившегося, и не только с ним, он не понимал и даже не мог толком предположить. Больше того, получив четко прописанную в партийном Уставе должность секретаря ЦК партии, он никаких соответствующих указаний от Сталина не получил, не спешили помочь ему в этом и старшие товарищи по Президиуму.

Но сами-то «старшие товарищи» — Берия, Ворошилов, Каганович, Микоян, Молотов и Хрущев — отлично понимали замысел своего старого вождя. Это сталинское ядро сложилось уже с начала тридцатых годов, а отчасти даже и ранее. Все они в тяжкие предвоенные, военные и восстановительные годы достойно выполняли свой долг перед государством. Да, в том числе и Берия, за ним навсегда останется резкое уменьшение репрессий, чистка кадров госбезопасности от понятно каких лиц, но главное — блистательное выполнение атомного проекта. Однако наступило другое время во внешней и внутренней политике, идеологии и культуре, выросло поколение хорошо образованных людей. Этой новой эпохе «старшие» уже не соответствовали. Так и показало время: только Хрущев нашел в себе силы для перемен, хотя и ненадолго.

Впрочем, практическая часть сталинского замысла по обновлению кадров очевидна, она понятна без труда. Однако главная его суть была сокрыта глубоко, ибо цель слишком велика. Сталин осознал, что, только став на твердую русско-патриотическую почву, Советский Союз преобразуется идейно и сделается государственно несокрушим. Кто же станет исполнителями грандиозного плана? Стоит присмотреться в этом смысле к высшим партийным кадрам.

Берия — якобы грузин, но с явными еврейскими корнями, а главное — осатанелый русофоб, что он сразу и выказал после кончины Сталина. У Ворошилова и Молотова были жены еврейки, обе они дружно проявили свои внутренние симпатии после создания государства Израиль, последнюю даже пришлось изолировать. О Кагановиче нечего и говорить, хотя лично Сталину он остался предан до конца своих преклонных дней. Хрущев был русский и супруга его тоже, но ничего из русских

коренных идей не водилось в его пустоватой голове.

Ранее Сталин надеялся в дальних этих планах на Жданова, но он скончался молодым (помогли ему или нет, до сих пор не выяснено, однако подозрения велики). И вот теперь он избрал русского Маленкова — дельного, способного, образованного — и пытался окружить его молодыми соратниками, готовыми сменить старых. Увы…

В этих условиях, совершенно очевидно, никакой помощи Брежневу оказать «старшие» не могли, да вряд ли и хотели: пусть помогают ему те, кто выдвинул… О действиях же самого Брежнева на рубеже 1952–1953 годов известно до скудости мало. По записям кремлевского кабинета Сталина видно, что в октябре и ноябре он трижды успел принять Брежнева у себя (скорее всего — совместно с Маленковым). Но о чем шла речь, не известно ничего. Более того: даже не выяснено, какой именно участок в партийном хозяйстве ему поручили или собирались поручить.

В жизни любого человека большое, даже великое, всегда соседствует с малым, повседневным. В эту самую сложнейшую для Брежнева пору неожиданно решился исключительно важный для него самого и всей его семьи вопрос: он в новой своей должности получил квартиру в знаменитом впоследствии доме на Кутузовском проспекте, который тогда только-только был построен. Прожить ему там довелось ровно тридцать лет, вплоть до самой кончины.

Вдова четко запомнила время получения квартиры:

«Сразу же, как Леню избрали секретарем ЦК, в октябре 1952 года. Несколько квартир в этом подъезде числились в резерве ЦК. Иногда в них жили руководители зарубежных компартий, приезжая ненадолго в Москву. Вот нам и выделили эту квартиру. В другой, на четвертом этаже, позднее поселился Андропов.

Она не очень удобная, шумная… Став Генеральным секретарем, Леонид Ильич имел возможность взять более удобную квартиру, вот хотя бы в том крыле, — и показала в сторону корпуса, окна которого выходят на Москву-реку.

Тогда этот корпус еще не был построен — его возвели позднее. А мы как-то прижились здесь: так много переезжали в прежние годы, что устали от бесконечных перемен места жительства. Да мы неудобства и не ощущали, потому что больше жили на даче в Заречье. Там и просторно, и воздух чистый. Позднее к нашей квартире присоединили соседнюю трехкомнатную секцию — там жили наши дети. После смерти Лени ее опять отделили. Теперь там живет наш внук Леня со своей семьей. А с другой стороны две комнаты присоединили — в них Галя жила после развода с первым мужем».

…И вот неожиданно случилось событие, последствия которого тающим эхом слышны по сей день: умер Сталин. В ночь на 2 марта у него произошел инсульт, он потерял речь. Утром 5 марта скончался. Подавляющая часть народа искренне скорбела, в том числе и Брежнев. Всех тогда — свидетельствую как молодой очевидец — волновало: что будет, а главное — кто будет…

Ответ не заставил себя ждать. Уже на другой день после кончины Сталина «старшие товарищи» полностью взяли власть в свои руки, бесцеремонно отбросив большинство молодых сталинских выдвиженцев. В особо унизительном положении оказался Брежнев, его «задвинули» одновременно из кандидатов в Президиум, а также из секретарей ЦК. Кажется, с ним даже не побеседовали. Старички спешили поделить меж собой сталинское наследство, до таких ли обрядовых мелочей!..

Поделили. Во главе стала неоформленная «тройка» — Маленков (номинальный глава государства), Хрущев, возглавивший партаппарат, и Берия, который собрал под свою нечистую лапу госбезопасность и МВД, включая войсковые части, он правил фактически, но, видимо, собирался «короноваться» явно. Все это было временно и зыбко…

Теперь уже очевидно, что кадровые изменения Сталина в руководстве партии на XIX съезде имели далеко идущую цель: заместить молодыми его бывшую «старую гвардию». Внезапная смерть помешала ему это осуществить. Напротив, в марте 1953 года именно «старая гвардия» полностью взяла верх. Тут же бесцеремонно задвинули «молодых». Член Президиума (Политбюро), секретарь Ленинградского обкома В. Андрианов лишился обоих постов и стал министром Госконтроля. Первый секретарь Украины и член Президиума А. Мельников — послом в Румынию. Член Президиума и секретарь ЦК Н. Михайлов — послом в Польшу. «Старики» действовали решительно и круто, истинно в сталинском духе.

Ну а Брежнев? Вспомнили в конце концов и о нем. В апреле 1953 года новое руководство назначило нового начальника Главного политуправления Советской Армии и Флота. Им стал молодой генерал-полковник Желтов Алексей Сергеевич, уже в июне сорок первого — корпусной комиссар, прошедший всю войну. А Брежнев-то, пришло кому-то в голову, ведь тоже политработник и генерал. Туда его, в Главпур.

И стал вдруг Леонид Ильич заместителем начальника Главпура. Для недавнего секретаря ЦК, входившего даже в Президиум, это выглядело неслыханным понижением! Тем более что никакой вины за Брежневым не значилось. Ревность к нему со стороны старших, как якобы к любимцу Сталина? Не был он

любимцем, о чем все они хорошо знали,

Дело обычное в политических разборках: надо было очистить место, в данном случае — сократить на две трети число членов высшего партийного аппарата, и все. Но старшие товарищи все же поимели совесть, пожалели обаятельного, обходительного мужика, произвели его из генерал-майоров в генерал-лейтенанты. И на том спасибо.

Главпур, как и все его подразделения от военных округов до полковых штабов, занимался тусклой рутиной, называвшейся «политическим воспитанием личного состава». Брежневу к такому делу не привыкать, он его кое-как тянул, хотя ныне масштаб его деятельности ни в коей мере не соответствовал даже деятельности в провинциальном Кишиневе. Но он был, как обычно, сдержан, своих смятенных чувств и разочарований не выказывал, с генералом Желтовым не капризничал. Есть данные, что хотели поручить Брежневу руководить флотскими политотделами, но с этим что-то не заладилось.

2 мая 1953 года Брежнев обращается к Маленкову с просьбой, полной горечи и тревоги. Напомнив, что возраст его уже приблизился к пятидесяти, что он уже перенес в прошлом году инфаркт, он пишет: «Прошу вас, Георгий Максимилианович, направить меня на работу в парторганизацию Украины. Если я допускал в работе какие-либо недостатки, прошу меня простить».

Нет данных, что ответил Брежневу тогдашний глава правительства и ответил ли вообще — не до него тогда было.

В июне в Москве, а точнее в Кремле, обстановка круто изменилась. Берия и дюжина его приближенных палачей были арестованы и вскоре расстреляны. Обвинения были им предъявлены наспех, часто просто вздорные, но в целом политически это было исключительно важным и положительным решением: во-первых, авантюрист-русофоб Берия представлял собой страшную угрозу для страны. Во-вторых, надо было навсегда и решительно пресечь деятельность внесудебной «тройки», прекратить беззаконные аресты и произвол чинов госбезопасности. Что и было сделано.

Из опубликованных ныне секретных архивов с очевидностью следует, что главным устроителем свержения Берии был Хрущев. Он и добился его казни, хотя Маленков предлагал ограничиться лишь политическими мерами. Но как удалось скрутить всесильного Берию в Кремле, его же людьми охраняемом?

Сорок лет никаких подробностей ареста Берии не было известно, ходили только слухи и сплетни, порой самые дикие. Но автору данной книги тут очень повезло как историку, я узнал подлинную картину гораздо раньше. Дело было так.

…Летом 1979 года мне выпала честь познакомиться с Кириллом Семеновичем Москаленко — маршалом и дважды Героем Советского Союза, членом ЦК КПСС и заместителем министра обороны. Тогда я готовил биографию генерала А. Брусилова для серии «ЖЗЛ». Удалось выйти на помощников маршала, он охотно согласился написать предисловие, мы познакомились, несколько раз встречались в его кабинете на Фрунзенской набережной. В конце концов он рассказал, как вместе с маршалом Жуковым и другими верными людьми они в буквальном смысле слова скрутили руки Берии прямо на заседании Президиума ЦК в Кремле. Но кто же был в их «группе захвата», как выразились бы сейчас? Мне тогда маршал назвал генерала авиации Батицкого, еще кого-то, но упустил имя одного человека — будущего. Генерального секретаря партии Брежнева А он был именно среди тех отважных военных, которые, рискуя головой, связали и вывезли Берию из охраняемого госбезопасностью Кремля.

В своих позднейших воспоминаниях Москаленко рассказал о той драматической истории с суховатой точностью:

«В 9 часов утра (25 июня 1953 года. — С. С.) мне позвонил по телефону АТС Кремля Хрущев, он спросил: "Имеются в вашем окружении близкие вам люди и преданные нашей партии так, как вы преданы ей?.."

После этого Хрущев сказал, чтобы я взял этих людей с собой и приезжал с ними в Кремль к Председателю Совета Министров СССР товарищу Маленкову.

И вот в 11.00 дня 26 июня (а звонок Хрущева был 25-го) мы по предложению Булганина сели в его машину и поехали в Кремль… Вслед за нами на другой машине приехали Жуков, Брежнев, Шатилов, Неделин, Гетман, Пронин. Всех нас Булганин провел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушел в кабинет к Маленкову. Через несколько минут вышли к нам Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов. Они начали нам рассказывать, что Берия в последнее время нагло ведет себя по отношению к членам Президиума ЦК, шпионит за ними, подслушивает телефонные разговоры, следит за ними, кто куда ездил, с кем члены Президиума встречаются, грубит всем и т. д. Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума ЦК, а потом по условленному сигналу, переданному через помощника Маленкова — Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берию. К этому времени он еще не прибыл…

Примерно через час, т. е. в 13.00 26 июня 1953 года последовал условный сигнал, и мы — пять человек вооруженных,

шестой товарищ Жуков, — быстро вошли в кабинет, где шло заседание. Товарищ Маленков объявил: "Именем советского закона арестовать Берию". Все обнажили оружие, я направил его прямо на Берию и приказал ему поднять руки вверх. В это время Жуков обыскал Берию, после чего мы увели его в комнату отдыха Председателя Совета Министров, а все члены Президиума остались проводить заседание, также остался и Жуков».

Брежнев в непосредственном задержании Берии участия не принимал, вместе с другим товарищами он находился в приемной, держа наготове спрятанные пистолеты. Рядом с ними находились ничего пока не подозревавшие бериевские люди, их было, кстати, больше. Только тогда, когда связанного и спрятанного Берию вывезли на машине за ворота Кремля, опасное дежурство Брежнева и других закончилось.

Такие услуги не забываются, и судьба Брежнева вскоре круто изменилась. Отметим тут и другое: Москаленко служил с Брежневым на заключительном этапе войны. Видимо, он и ввел его в состав группы офицеров, отправленных на Парад Победы. Более того, раз Москаленко ввел Брежнева в «группу захвата», значит, не сомневался в его мужестве и верности.

Теперь правила весьма недружная «двойка» — Маленков и Хрущев, первый возглавил правительство, второй прочно взял в руки партаппарат — нервный центр великой державы, откуда шли все нити управления. Теперь, по прошествии полувека, в свете опубликованных документов высшей власти ясно, что предложения о необходимости заботиться не только о великих стройках и атомном проекте, но и о жизненных интересах простых тружеников исходили прежде всего от Маленкова. Более того, у него уже имелась разработанная программа на этот счет, неплохо обоснованная. Существует большая вероятность предположения, что она замышлялась с благословения Сталина, ведь не случайно же он избрал себе наследника. Но крепкий и напористый Хрущев перехватил инициативу в свои руки. В сентябре 1953 года на Пленуме ЦК он выступил с докладом, где, по сути, от своего имени изложил путь положительных преобразований. Теперь именно он становится лидером.

Для опального Брежнева это сыграло громадную роль; с Хрущевым ему приходилось работать, он остался в памяти того с сугубо положительной стороны. Позже, после снятия Хрущева, его совершенно справедливо упрекали в «волюнтаризме и субъективизме». Эти глуповатые слова означали всегдашнюю капризность и неустойчивость Хрущева, опору его на чувства, а не на взвешенные оценки. Так у него было и с подбором кадров: нравится — значит, хороший…

В конце 1953 года в ЦК проходили оживленные совещания по сельскому хозяйству. Всем было очевидно, что запущенное колхозно-совхозное наше хозяйство следует совершенствовать. Но как? Путей было немало, но горячий и сумасбродный Хрущев избрал способ самый, казалось ему, быстрый и надежный — расширение посевных площадей. Ясно, что способ этот слишком прост, чтобы стать наилучшим, что надо искать новые, чисто экономические пути… Но Хрущев оказался настойчивее всех, политика страны пошла по его пути. Возникла целина.

Сказано — сделано. Вмиг было решено распахать миллионы гектаров целинных земель Северного Казахстана и Южной Сибири. Чисто по-хрущевски: немедленно получим необходимое стране зерно, а там… а там посмотрим. Но для того чтобы начать, хотя бы и наспех, нужна была хоть какая-то подготовка. Нужны были и кадры для исполнения. Хрущев начал подбирать их и тут же остановился на своем давнем соратнике по Украине, добродушном, но усердном Лене Брежневе.

И вот скромный заместитель второстепенного армейского ведомства генерал-лейтенант Брежнев снова взлетает на высокую партийно-государственную должность. Хрущев снял прежнее руководство Казахстана, назначил новое: первым секретарем стал Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, кубанец, волею судеб ставший после войны партийным руководителем Белоруссии, крутой партработник, о зерноводстве имевший не очень ясное представление. Вторым секретарем Хрущев назначил Брежнева — из сельскохозяйственной, мол, республики мужик, а то, что он был по образованию и опыту металлургом, Хрущев забыл.

Много позже, уже на склоне лет, Леонид Ильич вспоминал об этом:

«Целина прочно вошла в мою жизнь. А началось все в морозный московский день 1954 года, в конце января, когда меня вызвали в ЦК КПСС. Сама проблема была знакома, о целине узнал в тот день не впервые, и новостью было то, что массовый подъем целины хотят поручить именно мне. Начать его в Казахстане надо ближайшей весной, сроки самые сжатые, работа будет трудная — этого не стали скрывать. Но добавили, что нет в данный момент более ответственного задания партии, чем это. Центральный Комитет считает нужным направить туда нас с П.К. Пономаренко».

Повторим, Брежнев был человек положительный, семейный, склонный к дружбе, общительный. Для него, не как для Ленина или Сталина, политика вовсе не составляла суть всей жизни. Например, сугубо домашние дела волновали его очень серьезно и занимали всегда много места в жизни. И вот как раз во время

невероятных перепадов своей партийной карьеры, Брежневу, как отцу, довелось пережить немало именно семейных неприятностей, очень его волновавших.

Вернемся к беседе его вдовы с писателем Владимиром Карповым. Речь начинается с воспоминаний о Кишиневе, когда дочь Галина неожиданно увлеклась цирковым артистом, да еще не местным:

«Не знаю, кто кого высмотрел: Галя его или он ее, во всяком случае, понравился ей: здоровый, красивый мужчина, умел ухаживать… Он работал эквилибристом. Очень сильный, лежа, на ногах держал лестницу, а по ней забиралось несколько акробатов, трюки выделывали. Тяжелая работа. Нужна не только сила — сложно равновесие держать. Выступление непродолжительное, а тренировки многочасовые, ежедневные.

— Говорят, он цыган?

— Нет. Он русский, донской казак из Ростова-на-Дону. Звали его Евгений Тимофеевич, фамилия Милаев. Галя, когда регистрировалась, стала Милаевой, правда, потом вернулась к нашей фамилии — Брежнева. Он почти на двадцать лет ее старше. Ну, ей нравился… Знаете как — сердцу не прикажешь!

— Надоело, наверное, сидеть дома: папа строгий, мама строгая… Захотелось на свободу…

— Когда мы заметили, что они встречаются, я с ним поговорила: «Евгений Тимофеевич, вы подумайте, Галя только-только начала в университете учиться, ей 20 лет. Вы намного ее старше, у вас все-таки двое детей…» У него в 1948 году жена умерла при родах в Ленинграде, мальчика и девочку родила — двойняшек. Умерла от заражения крови. Ему жена, конечно, нужна, но не такая, как Галя, неопытная девчонка. Вроде бы он меня послушался. Они расстались. Цирк побыл месяц и уехал, а мы в 1950 году перебрались в Молдавию. Юра, как я уже говорила, остался учиться в Днепропетровске. Я часто ездила к Юре: проверить, приготовить еду. И вот я однажды поехала к нему, а Галя: «И я с тобой поеду, провожу до Одессы». Я на машине ездила до Одессы — поездом очень долго: пересадка неудобная, поэтому до Одессы на машине, а дальше — поездом. Приехали в Одессу, пошли гулять по городу, и вдруг вижу афиши — цирк! И выступает Милаев!

— Она знала, что он будет в Одессе?

— Нет. Не знала. Случайность. Но роковая случайность. В июне Леня ушел в отпуск, и мы с ним уехали в Кисловодск. Галю не взяли, потому что она училась, надо в университет ходить на лекции. А она, как только мы уехали, сразу же в Одессу, к Милаеву. Там они и расписались. Бросила учебу — один зачет ей

оставалось сдать, чтобы перейти на четвертый курс. У них уже все сговорено было, конечно. От нас только скрывала, потом я узнала, что она с ним регулярно переговаривалась по телефону. Без нашего родительского согласия и вышла замуж.

Одиннадцать лет они вместе жили, а потом разошлись. Галя вернулась с дочкой к нам. В соседнюю секцию пробили дверь, получилась двухкомнатная квартира у нее. Отец не хотел, чтобы был отдельный вход, хватит, как он сказал, «шляться». И потому дверь, выходящую в другой подъезд, заложили, чтобы, как отец говорил, знать, кто приходит. В общем, в нашей квартире у нее была спальня, гостиная, обставили ей эти комнаты — кресла, столик, буфет небольшой, телевизор, бар-торшер.

…Мне Леня сказал, что едет в Казахстан, хотя официально еще не был избран. Потом позвонил, чтобы мы готовились в дорогу. Леня попросил оставить эту квартиру за нами, потому что мы уже и так наездились. Ему разрешили. Мебель, вещи остались здесь. За квартиру мы, конечно, платили. Повезла я с собой Галину дочку, Витусеньку, ей было два года. Она с нами жила, потому что Галина все время разъезжала с цирком».

Да, недаром толкуют в народе: маленькие детки — маленькие бедки. Добродушному Леониду Ильичу довелось прожить всю свою долгую жизнь, подтверждая правильность этой поговорки…

Меж тем дела на целине разворачивались быстро и круто. Нетерпеливый Хрущев торопил казахстанских руководителей, а те старались изо всех сил. 5 февраля 1954 года в Алма-Ате пленум ЦК компартии Казахстана утвердил прилетевших из Москвы Пономаренко и Брежнева в их новых должностях. Одновременно, по вздорному капризу Хрущева, деятельность прежних руководителей республики по сельскому хозяйству была почему-то признана неудовлетворительной (впрочем, новые хозяева против прежних кадров никаких гонений не проводили).

О целинной эпопее, которая была действительно героическим свершением советского народа, написано у нас очень много. К сожалению, это преимущественно расплывчатые сочинения журналистов-беллетристов или слащавые, составленные для начальства воспоминания. К этому же роду относятся и мемуары самого Брежнева, написанные льстивыми литзаписчиками. Вот один лишь образчик такого рода «художественных» описаний: «С утра раскаленное солнце начинало свою опустошительную работу, медленно плыло в белесом, выцветшем небе, излучая нестерпимый зной, а к вечеру малиново-красное, тонуло в мутной дымке за горизонтом. И снова, почти не дав роздыха, вставало на следующий день, продолжая жечь все живое. И так неделя за

неделей, месяц за месяцем… 1955 год называли «годом отчаяния» на целине…»

Цитировать все это мы не станем, хотя отметим, что не речь самого Леонида Ильича здесь слышна, а стук машинки равнодушного сочинителя. Зато П. Пономаренко, человек умный и суровый, находясь уже в отставке, сумел рассказать кое-что достоверное:

«Знаете, что было там зимой 1954 года? Когда Пленум ЦК принял решение об освоении целинных земель, то сразу в казахстанские степи стали гнать сельскохозяйственную технику, чтобы уже с весны начать работы. Гнать все подряд, без разбора: плуги, комбайны, сеялки, бороны. Станций и то не было. Просто будка в чистом поле. Поэтому все, что сюда приходило, сгружалось, засыпалось снегом, а новые грузы ставились на предыдущие и опять уходили под снег. Портились, ржавели, ломались. Атбасар, Акмолинск, другие железнодорожные станции превратились тогда в кладбище сельскохозяйственной техники. И ничего нельзя было с этим поделать, так как времени на раздумье, на какое-то планирование поставок нам не дали. Хотя отвечать, случись что, пришлось бы все равно нам».

Да, руководители целинного проекта в Казахстане старались, выбиваясь из сил, но из Москвы на них постоянно оказывалось жесткое давление. По докладу Хрущева февральско-мартовский Пленум ЦК 1954 года принял специальное решение «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Согласно этому решению, предусматривалось освоить в 1954–1955 годах в восточных районах страны не менее 13 миллионов гектаров новых земель и получить с них в 1955 году около 20 миллионов тонн зерна. Хрущев лично наблюдал за положением дел на целине не только из своего московского кабинета. Его первая поездка в Казахстан состоялась уже в мае 1954 года, когда он в сопровождении Пономаренко и Брежнева побывал в колхозах и совхозах Кустанайской, Акмолинской и Карагандинской областей, уже начавших освоение целинных и залежных земель. Штурм целины шел безостановочно.

С чисто человеческой, бытовой, отчасти даже просто женской точки зрения тут опять-таки интересно привести краткое свидетельство о той поре вдовы Брежнева:

«Очень уставал Леня: расстояния огромные, только на самолете можно облететь. Дома бывал наездами, отдышится, и опять в дорогу. Единственной радостью его и утешением была внучка Виктория, Витусенька, которая с нами жила. Дедушку очень любила. Как он приедет — с его рук не сходила, и в постель

с ним ложилась. А он, бедный, как до подушки голову склонит, так и засыпает от усталости.

В первый же год целина родила большой хлеб — 250 миллионов пудов зерна. А вот следующий, 1955 год выдался засушливым. Целина как бы сопротивлялась, сжигала людей и хлеба своим степным жаром, засыпала тучами земли, поднятой в бесконечных бурях.

Да, Леонид Ильич назвал 1955-й — «годом отчаяния». Солнце выжигало посевы, которых увеличилось вдвое. Ветры срывали крыши домов, рвали линии, засыпали дороги и пашни поднятой в небо землей. Осенью Леня поехал в Москву на совещание, сказав: «Еду с чувством вины, хотя ни в чем не виноват». На совещании уверял — целина еще себя покажет. А Хрущев сердито упрекал: «Из ваших обещаний пирогов не напечешь!» Вернулся с опущенной головой».

Скверный характер Хрущева лихорадкой отзывался по всей стране. Твердый характером Пономаренко, входивший к тому же в состав Президиума ЦК КПСС, видимо, в чем-то возражал Хрущеву, а тот даже в раннюю свою пору это с трудом переносил. К тому же Пономаренко взлетел с руки Маленкова, хрущевского соперника, а того уже в феврале 1955 года Хрущеву и его сторонникам удалось снять с ключевого поста Председателя Совета Министров. Участь Пономаренко была предрешена. 2–6 августа 1955 года состоялся пленум ЦК КП Казахстана, на котором был заслушан доклад Л.И. Брежнева о задачах партийной организации республики и рассмотрены организационные вопросы. П.К. Пономаренко был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК КП Казахстана «в связи с переходом на новую работу». Новым руководителем Компартии Казахстана был избран Л.И. Брежнев.

Мягкий по натуре Брежнев, не имевший никакой опоры на кремлевских вершинах, оказался теперь в очень рискованном положении. Капризный и сумасбродный Хрущев слишком многое поставил политически на целину. Он требовал успехов любой ценой, и немедленно. Ясно, что работать и без того в сложной обстановке было тяжело. В любой миг ему могла быть уготована судьба Пономаренко. Того мстительный и мелочный Хрущев сперва отправил послом в Польшу, потом в далекую Индию, затем совсем уж в незначительные страны и — на персональную пенсию в еще не преклонные для него годы. Это был, так сказать, типичный пример хрущевской «работы с кадрами». Ясно, что Брежнев намотал этот чужой опыт себе на ус (через десяток лет он припомнит все это своему прежнему «хозяину»).

Однако Хрущев весь конец 1955-го и начало 1956 года был

занят подготовкой XX съезда партии, где он намеревался обновить руководство КПСС, а также низвергнуть неколебимо сохранявшийся в стране, народе и партии авторитет Сталина. Последнее сделать ему удалось, его поверхностный, состоявший из полуправды и явной лжи доклад был зачитан на собраниях всей страны и вызвал у людей нечто вроде нервного шока. Поскольку выступать с обратной точкой зрения, даже по частным вопросам, не дозволялось, то этой своей цели недалекий Никита достиг: память Сталина была опорочена, и надолго. Но характерно, что честолюбивый Хрущев от этого скандального мероприятия никак свой собственный авторитет в партии и народе не повысил. Даже наоборот, что вскоре ему и аукнулось.

Зато кадровые перемены в партийном аппарате Хрущеву удались только в самой малой степени. Сталинские «старики», имевшие огромный авторитет в партии, все остались на своих местах, в Президиуме ЦК. Зато в кандидаты Хрущев провел популярнейшего маршала Жукова, Фурцеву и Шепилова. Здесь он вспомнил про послушного и обаятельного деятеля целины: имея в виду далеко идущие планы борьбы со сталинскими сторонниками, он ввел Брежнева не только кандидатом в Президиум, но и сделал его секретарем ЦК КПСС.

Итак, через три с половиной года Брежнев оказался на той же самой карьерной лестнице, что и после сталинского XIX съезда: он кандидат высшего органа партии и ее секретарь. Но если в первом случае его обязанности в Секретариате так и не были толком определены, то отныне он должен был контролировать как секретарь ЦК работу оборонной и тяжелой промышленности, развитие космонавтики, капитального строительства. Вскоре после XX съезда был создан специальный орган для руководства партийными организациями РСФСР — Бюро ЦК КПСС по РСФСР Это была новая партийная инстанция с неясно определенными функциями. Председателем Бюро стал сам Хрущев, но он почти никогда не только не председательствовал, но и не участвовал в его заседаниях. Эти заседания проходили под руководством заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, которым с 1958 года был Брежнев, сохранивший при этом и свой пост секретаря ЦК.

Тут Брежневу опять повезло. Уже говорилось о повышенном внимании Хрущева к делам целинным. Второй и, пожалуй, главнейшей его слабостью стал космос и все дела, с ним связанные. Надо объективно признать, что личные его заслуги в этой области неоспоримы и останутся навсегда достойной страницей отечественной истории. В этом деле Брежнев смог стать Хрущеву дельным и исполнительным помощником, никаких

инициатив, впрочем, как обычно, не выдвигая. Из Алма-Аты он перебрался опять в Москву, благо квартира на Кутузовском проспекте по-прежнему оставалась за ним и его семьей. Как всегда, Брежнев остался верен себе, заботясь о работавших вокруг него людях. Первым секретарем Казахстана стал (наверняка с его подачи) Динмухамед Ахметович Кунаев, показавший себя впоследствии умелым царедворцем. С Брежневым у них остались самые теплые отношения, Кунаев верой и правдой служил своему покровителю и стал его опорой в республике и в ЦК.

Новые обязанности по руководству оборонной промышленностью были для Брежнева как раз не новы, он получил хорошую практику еще в Днепродзержинске и Днепропетровске, знал многие вопросы, знал отчасти и кадры, работавшие в отрасли. Как всегда, находил общий язык с людьми, а люди на этот раз были поистине выдающиеся. Космическим конструкторским бюро уже тогда руководил СП. Королев, а в Государственную комиссию входили министр вооружения СССР Д.Ф. Устинов, маршал артиллерии Н.Д. Яковлев и генерал-полковник М.И. Неделин. Когда Брежнев стал секретарем ЦК, в Южном Казахстане полным ходом шло строительство космодрома Байконур, возглавляемое генералом Г.М. Шубниковым. В это же время в армии создавались подразделения ракетных войск, производились первые единицы советских межконтинентальных ракет. Брежнев включился в эту работу, и, верный своему стилю, он не стал ничего перестраивать или менять, но старался помочь таким людям, как Королев, Шубников или Неделин. Правда, Брежнев никогда не брал на себя ответственность, когда надо было одобрить или отклонить тот или иной проект, и всегда в трудных вопросах обращался к Хрущеву, и тот решал сложные вопросы.

Нет сомнений, что Брежнев увлекся порученным ему делом. Не станем тут ссылаться на чужих литзаписчиков его слащавых воспоминаний, но вот поздние и очень достоверные свидетельства вдовы на эту тему привести уместно:

«Он, как всегда, загорелся делом, с увлечением говорил о том, что ему поручено. Даже не мог сидеть на месте от волнения, начинал ходить по комнате. А я сижу, слушаю его, и сердце у меня замирает от страха: уж такие направления ему Политбюро назначило курировать — оторопь берет! Судите сами — вся оборонная промышленность, все дела гражданской авиации и самое новое, малоизвестное, тогда оно только начиналось — освоение космоса.

— Да, дела ответственные. Все связано со строгой секретностью. До перестройки мы почти ничего не знали об этих

областях нашей промышленности и экономики. Наверное, много поездок по стране, особенно на космодром Байконур?

— Космодрома тогда еще не было, только шел выбор места для него. Намечалось несколько районов — на Севере, на просторных полях Северного Кавказа и в других местах. А Леня предложил казахстанские степи: он их видел, знал, когда работал на целине. Там осталось еще много нетронутых земель. Что касается северокавказских полей, то придется забирать под космодром плодородную пахотную землю. На Дальнем Севере климат очень суровый. В общем, согласились с его мнением и приняли постановление создавать космодром в Байконуре. Вот там, с первых колышков, начинал Леня практическое освоение космоса. Теорией занимались крупнейшие ученые — академики Келдыш, Королев… Строительством на месте руководил Главнокомандующий ракетными войсками маршал Неделин. Подготовкой ракетоносителей ведал министр оборонной промышленности Устинов».

Да, история освоения космического пространства в тот период — поистине легендарное время! Сейчас это уже воспринимается как прекрасная сказка, а о нынешнем состоянии этой области науки и техники теперь, после утопления в океане космической станции «Мир», даже вспоминать-то больно и неприятно. И тем не менее скромный партработник Брежнев так или иначе стоял и за первым полетом человека в космос и останется в памяти вместе с обаятельнейшим русским парнем Юрой Гагариным, и первой женщиной-космонавтом героической и скромной Валей Терешковой, и, конечно, выдающимся деятелем нашего Отечества Сергеем Павловичем Королевым. Литзаписчики Брежнева несомненно опирались на его собственное мнение, когда написали о Королеве:

«Одни считали его ученым, другие — конструктором, третьи — организатором науки, вольно или невольно противопоставляя эти понятия. Думается, наука и техника XX века настолько тесно слились воедино, что не всегда можно провести грань: вот здесь кончаются фундаментальные исследования, а здесь начинаются прикладные. Масштаб личности Королева тем и велик, что он соединил в себе выдающегося ученого, прекрасного конструктора и талантливого организатора. Именно такой человек необходим был новому огромному делу — человек, всю свою жизнь без остатка посвятивший единой цели. Наверное, иначе и нельзя в век, когда наука становится непосредственной производительной силой, когда роль ее в жизни общества необычайно возросла…

Сергей Павлович приходил ко мне в ЦК всегда с новыми планами, деловым, озабоченным. Это был очень жизнелюбивый

человек, с большим чувством юмора. Случалось иногда так: зайдя по делу, он вдруг откладывал в сторону бумаги и рассказывал какой-нибудь случай, происшедший в конструкторском бюро или на космодроме. Рассказывал увлеченно, с юмором. Иногда пересказывал шутливую историю, выдуманную его сотрудниками о нем самом. Королев был строг, требователен и к себе, и к своим товарищам, но держался всегда просто. Это очень помогало в работе».

Здесь нужно добавить еще немного, чтобы полностью завершить «космический сюжет» в жизнеописании Леонида Ильича. Сменив Хрущева на посту Генерального секретаря, обладая, как кажется, всей полнотой власти в стране, по-прежнему преданно любя космическое дело, он не смог продолжить хрущевского броска в этом направлении на том же уровне. Именно не смог, а не то чтобы не захотел. Не обладал он волей и настойчивостью Хрущева. А тут еще пошли неудачи. Сперва трагически погиб в космосе замечательный Комаров, потом возвратились в спускаемом аппарате сразу три мертвых тела… А расходы росли и росли, и конца тому не предвиделось… И американцы нас тут сумели обогнать и первыми высадились на Луну…

В этих условиях настаивать на проведении и расширении космической программы значило бы брать на себя большую политическую ответственность за все возможные последствия, в том числе и неудачи. А вот к этому Брежнев был органически неспособен по самой сути своей заурядной натуры. И космос не то чтобы он лично свернул, а при нем, так сказать, свернули… Одно ведомство попросило отсрочку… Другое не выполнило заданий… Третье и четвертое попросили дополнительных ассигнований… При Сталине такого быть не могло, при Хрущеве нытиков ждали бы неприятности. А Брежнев сам не хотел уже напрягаться и другим позволял такое же.

Так, еще в семидесятых годах наша Родина уступила первое место в космосе Соединенным Штатам Америки. А теперь… но о том не будем говорить, не станем бередить давние и недавние наши раны…

На политическом своем поприще Брежнев лишь в 1957 году, уже пятидесяти лет от роду, стал непосредственным участником острой схватки в борьбе за высшую власть в Кремле.

Хрущев после XX съезда не приобрел полного всевластия в Президиуме ЦК, более того, его антисталинская истерия, принесшая огромный вред всему мировому коммунистическому и революционному движению, сплотила его многочисленных противников. Маленков, Молотов и Каганович, заручившись

поддержкой большинства других членов Президиума, включая Ворошилова, попытались снять Хрущева с поста Первого секретаря ЦК. 18 июня 1957 года на заседании Президиума они предъявили свои претензии Хрущеву и потребовали его отставки. «Коллегиальность», о нарушениях которой при Сталине неоднократно говорил Хрущев, казалось, торжествовала: большинство диктовало свое решение явному меньшинству. Все по Уставу и традициям партии. Некоторую пикантность событиям придавало то, что новоявленный ставленник Хрущева секретарь ЦК Шепилов вдруг принял сторону его противников (так и остался в истории с длинным и смешным прозвищем: «и примкнувший к ним Шепилов»…).

Наплевал Хрущев на все партийные обряды и отказался подчиниться сталинским старичкам, в том числе и «примкнувшему к ним Шепилову». Он через их голову прямо обратился к Пленуму ЦК, где его назначенцы уже составляли несомненное большинство.

В эти драматические дни Брежнев проявил лучшие свои качества. Оказавшись вместе с Хрущевым в меньшинстве, видя против себя знаменитых в партии и стране сталинских деятелей, он не переметнулся на их сторону, а остался верен тому, который его выдвинул и возвысил. Он деятельно помогал Хрущеву в созыве внеочередного Пленума. По-своему это был шаг вполне революционный. Пленум по докладу Хрущева снял с постов всю сталинскую верхушку, приличия ради оставили на некоторое время лишь престарелого Ворошилова на его декоративном посту Председателя Верховного Совета СССР.

Хрущев щедро вознаградил своих молодых сторонников: Брежнев, маршал Жуков, Фурцева и еще кое-кто сразу вошли в число полноправных членов Президиума ЦК КПСС. Так Леонид Ильич, которому недавно миновало пятьдесят лет, утвердился в высшем органе партии. И довелось пребывать ему там еще ровно четверть века. А вот о его дальнейшем взлете ни его сотоварищи, ни тем более он сам и помыслить в то время даже не могли…

Укрепив свое личное положение в руководстве партии, Брежнев, как всегда, озаботился окружить себя старыми, проверенными соратниками. Первым в Москве появился верный «Костя» — из Кишинева невзрачного Черненко перевели в Москву в аппарат Отдела пропаганды ЦК КПСС. Пару лет спустя непосредственно в Секретариат самого Брежнева был переведен Цуканов, он сделался помощником Брежнева в Бюро ЦК по РСФСР, должность не звонкая, зато определенная. И, наконец, тогда же начал столичную карьеру в качестве пока лишь инструктора ЦК КПСС молдавский сотоварищ Брежнева

Трапезников.

Хрущев был не только деятелен, но и мелочно суетлив. Впавший в глубокую дряхлость Ворошилов на посту липового «президента» Советского Союза ужасно раздражал его, хотя казалось бы, чего уж… Народ привык к нему еще с двадцатых годов. Но неуемный Никита скинул Ворошилова в мае 1960 года, а вместо него переставил на этот заметный, но пустой пост… Леонида Ильича, своего любимца.

…Западные «советологи», знавшие нашу страну по советским газетам и отчетам своих собственных газетных корреспондентов, которые обитали исключительно в столице, были в курсе московских сплетен, но ничего не видели далее Садового кольца. Ясно, чего все это стоило. Так вот, «советологи» непосредственно в 1960-м и позже дружно судачили, что новый пост есть серьезное понижение Брежнева. Разумеется, это полный вздор. В Советском Союзе значимость деятеля определялась не нарицательным должностным уровнем, а фактической близостью к принятию важнейших решений партийно-политическим руководством. Брежнев членство в Президиуме сохранил, близость к Хрущеву тоже. Следовательно, «рокировочка», как выражался один вполне ничтожный будущий наш руководитель, не означала ровным счетом ничего.

Однако для личной судьбы Леонида Ильича как государственного деятеля новая служба сыграла безусловно отрицательную роль. До самого последнего времени об этой стороне его жизни почти ничего не было известно. Лишь относительно недавно появились воспоминания невеликого сотрудника аппарата Верховного Совета СССР в брежневскую эпоху Юрия Королева. Написанные просто и безыскусно, эти свидетельства точны и представляют собой немалый интерес.

«Леонид Ильич Брежнев занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР дважды: в 1960–1963 годах и затем с 1977 по 1982 год. Между восхождением и закатом — двадцать два года. Причем при первом вознесении наверх он был только во главе государства, а при втором — совмещал эту должность с постом Генерального секретаря ЦК КПСС.

Когда Брежнев впервые появился в Президиуме после работы в ЦК, он произвел впечатление человека, который хочет делать на новом посту большие дела. Но это была только видимость. Сам же Брежнев — и это чувствовалось — понимал, что пост главы государства на самом деле в советской структуре не является по-настоящему высоким. Одно то, что здесь он, Брежнев, шел вторым, если не третьим в партийной табели о рангах, показывало степень значимости президента в стране. Забегая

вперед, скажу, что, когда Брежнев возглавил Политбюро, значимость партийных иерархов возросла еще больше, а советских работников, причем любого ранга, стала значительно ниже».

Да, это, к сожалению, верно. Еще со времен «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина роль «президента» страны была сведена на жалкий уровень вручения орденов и наград. Он же подписывал все указы, исходившие от партии и государства, но, как сейчас точно установлено, большую часть их даже не читал, а подпись ставили за него. Это безусловно нездоровое явление проистекало из общего ослабления роли Советов в Советском Союзе, которое началось еще с двадцатых годов и завершилось в конце тридцатых полным их подчинением соответствующим партийным органам. Последствия эти оказались болезненными, ибо способствовали скатыванию народного движения вниз, вели к печальному засилью бюрократии — партийной, государственной или хозяйственной, все равно. В годы пресловутой перестройки потомки Калинина расплатились падением всего государства Советов. К выгоде только буржуазных хищников с двойным гражданством.

Долгие годы своей прежней деятельности Брежнев привык, как и большинство его сотоварищей, напрягаться на работе. Попробуй не выполни плана в цехе Днепродзержинского металлургического! О том и помыслить было страшно. А план по оборонной промышленности в Днепропетровской области? А план по сельскому хозяйству в Молдавской ССР или тем более на целине?

И вот волею капризного Хрущева трудяга Брежнев оказался в высшем органе власти, который был по сути только наградной конторой. Зато сколько приятных встреч, приемов и поездок! И кругом почет и уважение, а требовательности никакой. Конечно, если бы Леонид Ильич обладал сильной волей и честолюбивой страстью, он переждал бы эти бездельные искушения. Но, как мы уже знаем, он таковым не был. И поплыл по вялому течению, что пагубно на нем сказалось. Вновь предоставим слово осведомленному и точному мемуаристу Юрию Королеву:

«Председатель Брежнев поначалу интересовался всем, сам лично проверял, как работают его люди, как исполняются решения, как идет круговорот входящих и исходящих бумаг. Но именно в его время бюрократия начала расцветать с новой силой, становилась все пышней и практически перестала поддаваться контролю и надзору. Именно тогда формальный подход к делу стал главным показателем всей чиновничьей машины, и Брежнев стал одним из вдохновителей махрового формализма. Даже если

его личные решения по существу не выполнялись, президента это мало волновало. Важно, чтобы была соблюдена форма. Наиболее характерный пример — работа Приемной Председателя в те годы. В нее поступало огромное количество писем. Основная их часть уходила на места. Показатель же работы Приемной — количество заявлений, взятых под контроль.

А в чем он заключался? Только в получении отписки с места. Просит гражданин отремонтировать квартиру, мы посылаем заявление в исполком, требуем ответить ему и нам. Через месяц ответ: «Дом намечен к ремонту через год (или два, или три), все будет сделано в свое время».

Такой ответ полностью удовлетворял тех, кто посылал запрос. Гражданин же оставался ни с чем, тем более что ни сам ответ, ни исполнение обещанного не проверялись.

Четыре года, когда главой Президиума был Леонид Брежнев, известны как время, в которое развился и приобрел общегосударственную широту так называемый волюнтаризм Хрущева. Не моя задача подробно рассказывать о том, как произошло его смещение. Мы, работники аппарата, незримо присутствующие везде, видели и понимали, что это заговор, далекий от нормальной партийной процедуры. Да, начудил Никита Сергеевич немало, но и сделал много полезного с точки зрения той эпохи.

Однако дворцовый переворот пока еще только готовился, Брежнев-президент действовал. О его любви к зарубежным поездкам, к встречам иностранных гостей можно говорить долго. За три года он пятнадцать раз побывал за рубежом, используя все возможные поводы и приглашения. И повсюду — объятия, речи. В каждой из них примерно одно и то же. Пока был молодой, еще ничего не путал, а дальше — просто анекдот, но об этом немного погодя. Главное же то, что ни друзья, ни враги не придавали сколь-нибудь серьезного значения его речам и обещаниям.

Желание выступить, показаться на людях сочеталось в нем с некоторой неуверенностью. Видимо, чувствовал недостаточную компетентность, осторожничал, просил все до последнего слова готовить заранее. И едва ли не первым среди политиков стал читать даже крохотную речь по бумажке.

Тем не менее можно смело сказать, что пребывание в Президиуме явилось важным шагом в его политической карьере. Пост этот весьма соответствовал глубинным чертам брежневского характера: не отвечать, не решать, но зато почаще мелькать на экранах и в печати. Таким образом накапливалась известность, рос авторитет. И это при том, что не было у него ни выдающихся способностей, ни твердого характера, ни большого политического

чутья.

Но именно это да еще доброжелательность помогли Брежневу вскоре шагнуть высоко вверх.

На сессии, которая произвела очередную смену государственного руководства страны (президент Брежнев был освобожден от своих обязанностей в связи с занятостью по работе в ЦК КПСС, а на его место избран Анастас Микоян), рассмотрели и еще один «судьбоносный» вопрос — «О мерах по выполнению Программы КПСС в области повышения благосостояния народа». Брежнев в стороне, в центре — Хрущев. Заметьте, пожалуйста, все Хрущев да Хрущев. Обстановка явно накалялась, и совсем недалеко было то время, когда он будет смещен…»

Для всякого политического деятеля второстепенное, но значительное место имеет внешняя сторона дела — публичность. Трудно достичь, чтобы о ком-либо слышали, как говорится, все. Так вот, на новой своей должности Брежнев оказался в положении, когда его фамилия чуть ли не каждый день появлялась на страницах советских газет — или под Указами Президиума Верховного Совета СССР, или в приветствиях зарубежным государственным и общественным деятелям, или в «трудовых рапортах» республик и областей. Мелькает Брежнев все чаще и чаще и на фотографиях в газетах — вместе с Хрущевым или самолично Брежнев должен был принимать, пусть только для протокола, большинство зарубежных политиков и глав государств, приезжавших в СССР. Он и сам все чаще и чаще выезжал с такого рода визитами. Пусть они были пустыми, но имя опять мелькало — у нас и за рубежом. Так партия и народ постепенно привыкали к тому, что Брежнев — крупный государственный деятель.

Впрочем, в тех его делах отмечались и в самом деле положительные события. На них и закончим описание скромной судьбы «президента» Брежнева. Процитируем опять беседу писателя Карпова с вдовой:

«— Виктория Петровна, когда вы лично познакомились с Гагариным — до или после его полета?

— После. До того как он полетел, все связанное с этим полетом готовилось в строгой секретности. Позднее мне Леня рассказывал, что знал Гагарина еще до полета, потому что при нем был произведен первый отбор космонавтов, которые стали готовиться по специальной программе. И вот среди этих молодых летчиков Королеву особенно понравился веселый и обаятельный Юра Гагарин. Он предложил его кандидатуру на первооткрывателя космоса. Я Гагарина увидела, когда он прилетел в Москву с Байконура. Была торжественная встреча,

казалось, все жители Москвы вышли на улицы, где проезжали машины Гагарина и тех, кто его встречал. Я с ним познакомилась на аэродроме. Там была построена специальная трибуна. Юрий очень непосредственный человек, в такой, казалось бы, патетический момент вдруг стал рассказывать нам на трибуне: «Спускаюсь я с трапа, надо идти по ковровой дорожке для доклада Председателю Государственной комиссии, смотрю, а у меня шнурок на ботинке развязался. Что делать? Завязывать? На меня весь мир через телекамеры смотрит, и тысячи встречающих здесь, на аэродроме. Так и прошагал я строевым шагом с болтающимся шнурком. Подумал, может быть, кроме меня, никто и не заметит». И действительно, мы не заметили и не узнали, если бы сам не рассказал. В те минуты мы глядели на его сияющее улыбчивое лицо. Потом я встречалась с Гагариным на многочисленных приемах. Он всегда и везде был желанным гостем.

Кстати, Указ о присвоении Гагарину звания Героя Советского Союза подписал Леня — он тогда был Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Он же и вручил в Кремле Гагарину эту высокую награду.

Добавлю к словам Виктории Петровны. За большие достижения в деле освоения космоса тогда наградили не только Гагарина, но и тех, кто готовил этот исторический полет, кто разрабатывал ракетную технику. Леонида Ильича Брежнева отметили второй Золотой Звездой Героя Социалистического Труда.

Много упреков будет позже высказано в адрес Брежнева по поводу его слабости — любви к наградам, но эти две Золотые Звезды, первая — за освоение целины, вторая — за освоение космоса, на мой взгляд, получены им вполне заслуженно».

Планы и решения Хрущева были поистине неисповедимы. Казалось бы, моложавый и обаятельный Брежнев на посту игрушечного «президента» должен был его вполне устраивать. Кстати, на иностранцев Брежнев производил вполне благоприятное впечатление. О том есть любопытное свидетельство одного американского журналиста:

«Если Брежнев чем-либо отличался от круга одетых в мешковатые костюмы аппаратчиков Хрущева, так это была портняжная отточенность, отделка. Фой Д. Колер, бывший послом Соединенных Штатов в Советском Союзе, обычно говорил, что Брежнев «должно быть, имеет лучшего портного в Москве». Когда в зале приемов Кремля за Хрущевым выстраивались небольшой компактной группой иерархи, грубо красивое лицо Брежнева и его военная выправка выгодно контрастировали с унылым видом

других лидеров. Он выглядел немного менее скованным, выделяясь сильно выраженным профессиональным обаянием. Временами он проявлял что-то из манер человека, хлопающего по спине и трясущего за руку, тех манер, которые ассоциируются с американскими политиками. По советским стандартам он был до некоторой степени покорителем женских сердец и, когда надо, мог обращать свое обаяние на посещавших его высших сановников».

Казалось бы, чего еще нужно было Хрущеву от Брежнева? Охотно и добросовестно выполняет свои обязанности, производит в стране и за границей хорошее впечатление, а главное — лично предан и никаких интриг не плетет и даже не замышляет.

На XXII съезде КПСС, который состоялся в октябре 1961 года, делегат Брежнев в своей речи многократно восхвалял «верного ленинца» и «выдающегося государственного и партийного деятеля Никиту Сергеевича Хрущева». Казалось бы…

В последние годы своей карьеры Хрущев сделался совсем уже непредсказуемым и неуправляемым. Своими непродуманными действиями он, по сути, стал раскачивать и партию, и само Советское государство. То же было и в его кадровой политике. Среди секретарей ЦК, которые вели всю работу по руководству громадным партийным аппаратом, который оставался решающей силой в стране, происходила постоянная перетряска лиц и должностных обязанностей. Перечислять эти забытые ныне имена было бы скучно, заметим лишь, что мелькали они перед гражданами, партийными и беспартийными, не успев толком запомниться.

Всеми делами партии и государства Хрущев стремился заниматься сам. Однако с мая 1960 года его основным помощником в делах по руководству партийным аппаратом стал бывший секретарь Ленинградского обкома Фрол Романович Козлов. То был грубый и малограмотный, под стать самому Никите, деятель, типичный горлодер, который мог заставить проводить весенний сев в феврале, а сбор озимых — к Новому году. Хрущева такой стиль вполне устраивал, но Козлов вздумал с ним вдруг спорить. Они публично разругались, Козлов слег с тяжким инсультом, от которого так и не оправился.

Своей опорой в партии Хрущев решил сделать Брежнева. На Пленуме ЦК в июне 1963 года очередное перемещение Леонида Ильича состоялось. По сути, он стал вторым человеком в партийном аппарате, а так как Хрущев был в вечных разъездах по стране и за рубежом, то тихий Брежнев вскоре прибрал партаппарат к рукам. На его прежнее место «президента» Советского Союза Хрущев поставил вечного Микояна, надеясь на

его всегдашнюю послушность любому руководителю.

Итак, Брежнев вновь, уже в третий раз, становится секретарем ЦК партии. Теперь его властные полномочия чрезвычайно расширены. По распределению обязанностей он отвечал в ЦК за всю оборонную промышленность, «оборонку», как выражались тогда. Это было гигантское хозяйство, вбиравшее в себя едва ли не половину всей советский индустрии, и какой индустрии! Самых передовых технологий, по множеству показателей превосходивших все зарубежные аналоги, включая наших главных соперников — американцев.

Государственная ответственность принимаемых решений была тут огромна. И Брежнев явно растерялся под тяжестью этой ответственности. Он чаще, чем ранее, перекладывал решение вопроса на других, уклонялся от разрешения острых споров и противоречий, которые постоянно возникали в этой быстро меняющейся и растущей отрасли. Особенно часто он прислушивался к мнению Устинова, соглашаясь с ним даже вопреки прежде высказанным своим мнениям. Дмитрий Федорович Устинов (почти ровесник Брежнева) был крупный деятель оборонной промышленности, получивший суровую сталинскую закалку, уже в 33 года стал наркомом вооружений СССР! Однако у Брежнева сложились с ним очень тесные деловые, а потом и личные отношения, которые они сохранили в течение двадцати долгих лет.

Впрочем, Брежневу недолго пришлось томиться на том столь хлопотном посту. Страну и его самого ожидали крутые политические перемены…

Октябрьский переворот

Когда-то, в двадцатых годах, вот так попросту у нас называли революционные события в Петрограде 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 года. Потом их стали пышно именовать Великая Октябрьская социалистическая революция. Да, и Великая, и социалистическая, верно, однако и слово «переворот» тут вполне уместно: «перевернули» историю, и с тех пор пошла она совсем по иному, неизведанному пути.

В октябре 1964 года случилось неизмеримо меньшее событие в мировой истории. Но «переворот» тоже был.

Сумасбродный Никита в конце своего правления надоел буквально всем — и партии, и народу, стране в целом. Верхом его административных нелепостей стало разделение областных и районных комитетов партии на два — по промышленности и сельскому хозяйству. Нелепость этой меры была очевидна всем, а на практике привела едва ли не к параличу партийного аппарата: огромная перетряска кадров, непродуманный передел полномочий, неясность поставленных новых задач. Ко множеству старых анекдотов о Хрущеве добавились новые, очень ядовитые. Например: прибегает мастер в обком и жалуется, что его в цехе ударили молотком по голове… «Вам, товарищ, нужно в промышленный обком, а у нас сельский, вот если бы вас серпом по яйцам, тогда уж к нам…» Или вот еще один: приходит мужик в храм, просит разрешения побеседовать с батюшкой, а его спрашивают: «Вам какого батюшку, по промышленности или по сельскому хозяйству?»

Эта неразбериха касалась верхов советского общества. Но внизу было нисколько не лучше. Вдруг Хрущеву вздумалось ввести «трудовые паспорта». В эту объемистую книжечку, по широкой фантазии Никиты Сергеевича, должны были вписывать все награды и перемещения по службе, все поощрения и даже взыскания… Более нелепого документа, видимо, не изобретали за всю историю человечества. К счастью для людей и нашей полиграфической промышленности, ввести в жизнь этот документ-урод не успели, сняли Хрущева.

Впрочем, что паспорт, пустяки это. Однако в стране через двадцать лет после войны вдруг возникли серьезные затруднения с продовольствием. И не каких-нибудь там деликатесов стало не хватать, а самых необходимых продуктов. В 1963 году во многих городах ввели так называемые «талоны на муку»: их выдавали гражданам по месту работы, а потом приходилось выстаивать немалые очереди за получением пары пакетов муки. В очередях

граждане веселили себя байкой, но не про Никиту уже, а его скромную и вполне достойную супругу Нину Петровну, которая никакими антипатиями в народе не пользовалась:

«— Вы слышали, что Хрущев вчера избил Нину Петровну?

— Как? За что?!

— А потеряла талон на муку…»

Все смеялись, хотя выстаивать в очереди за несчастным пакетом муки было совсем не весело…

А Хрущев закусил удила, никого уже не слушал, ни с кем не советовался. Окружали его в Президиуме, Секретариате ЦК и Совете Министров в основном его молодые выдвиженцы, они перед ним робели. Из оставшихся стариков пожилой лис Микоян, как всегда, ни в какие конфликты не вмешивался, шел за событиями. Очень авторитетный в стране и за рубежом Алексей Николаевич Косыгин был тогда заместителем Хрущева по Совету Министров, и хоть он и тянул все огромное хозяйство страны, Хрущев с ним не считался, даже ревновал его. В итоге к своему семидесятилетию единоличный глава партии и правительства оказался в полной политической изоляции.

Зато семидесятилетие Хрущева отмечалось в апреле 1964 года исключительно пышно. Ему на грудь навесили четвертую Звезду Героя Социалистического Труда (три предыдущих он тоже получил во время своего правления — в 1954, 1957 и 1961 годах). «Соратники» наградили его льстивыми речами, переслащенными похвальбой. Особенно отличился тут, как нетрудно догадаться, Леонид Ильич. В народе этот звездопад вызывал острое раздражение, все еще помнили, что Иосиф Сталин имел всего лишь одну-единственную Звезду Героя…

Недовольство народа стало даже принимать открытые и массовые случаи, чего не наблюдалось в Советском Союзе с двадцатых годов. В июне 1962 года в Новочеркасске забастовка на крупном локомотивостроительном заводе выплеснулась в уличные демонстрации с экономическими требованиями. По приказу Хрущева командующий Северо-Кавказским военным округом генерал Плиев ввел в город войска с приказом применять оружие. Было много жертв, а потом скорый и неправый суд над «зачинщиками» с расстрельным приговором. Происходили иные подобные случаи, хоть и масштабом поменьше.

То были грозные признаки растущего народного негодования, но Хрущев ничего не хотел замечать. Вокруг него в самых верхах партийного руководства зрело недовольство, нашлось некоторое число решительных деятелей, которые поняли: сумасбродного Никиту надо снимать, пока он не вызвал массового движения снизу.

Заговор против Хрущева долго оставался предметом пересудов и пустых сплетен, но в самые последние годы стали известны вполне достоверные, вплоть до подробностей, обстоятельства. Разумеется, участники опасного для себя заговора никаких документов в те времена не оставляли, это были люди осмотрительные и осторожные, однако потом почти все поделились воспоминаниями о столь памятном для них событии. Воспоминания эти, как всегда, кое в чем противоречивы, однако в целом вырисовывается достаточно полная и объективная картина. Заметим попутно, что Брежнев при жизни о том не произнес никому ни слова, а уж записок тем паче не оставил.

Можно установить, что сторонники смещения Хрущева начали осторожно поговаривать о том еще со второй половины 1963 года, когда нелепость и деловая вредность разделения партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные стала очевидной уже на практике. Есть в той связи любопытное свидетельство скромного сотрудника Юрия Королева.

«Не знаю, как это происходило в Политбюро и ЦК, но Брежнев в один из сентябрьских дней 1964 года вызвал к себе группу руководящих работников (в том числе и меня) и дал поручение побывать в нескольких республиках и областях. Мы поняли: надо посмотреть, как реагируют на это решение (раздел партийных организаций на промышленные и сельскохозяйственные) руководители и коммунисты на местах. Но дал задание Леонид Ильич в какой-то неясной форме, намеками. Видно, сам боялся провала собственной миссии. Поэтому говорил примерно так:

— Это правильное мероприятие, верное партийное решение, ЦК одобрил его. Вы только посмотрите повнимательнее, как на местах народ реагирует, довольны люди или нет…

Через некоторое время группа докладывала Брежневу итоги своих поездок. Беседа велась очень осторожно, без каких-либо политических оценок и крайних выводов. Леонид Ильич, как мне показалось, был удовлетворен общими результатами. Они, бесспорно, свидетельствовали о неудаче эксперимента и падении авторитета Хрущева в партийных кругах».

Почерк уже зрелого и опытного политика Брежнева очевиден и четко просматривается как в его прошлом, так и в будущем. Послал скромных сотрудников в провинцию с неясным заданием по поводу раздела парторганов. Ясное дело, что провинциальные партработники были куда прямее и откровеннее столичных, они не могли не поведать гостям о нелепостях очередного хрущевского «преобразования» и об отношении к нему рядовых членов партии. Доклады проверяющих Брежневу были,

разумеется, достаточно осторожны, однако кое-какие факты не могли там не прозвучать. И этого было достаточно! Теперь Брежнев и его сторонники могли ссылаться на мнение партийных «масс».

Брежнев и далее держался очень осторожно. О том есть свидетельство Федора Бурлацкого, партийного баловня эпохи Хрущева и всех последующих генсеков, неважного журналиста, неудавшегося писателя, которого даже друзья-евреи выгнали из «Литературной газеты». Но он знал многие кремлевские сплетни и о некоторых позднее поведал:

«Сергей Хрущев искренне заблуждается, когда утверждает, что главной пружиной в заговоре против его отца был Брежнев. Это заблуждение, впрочем, легко понять, так как именно Брежнев должен был вызывать особую ненависть у Хрущева и его семьи после «октябрьского переворота», поскольку ни к кому другому Хрущев так хорошо не относился, как к нему. Кроме того, Сергей, вероятно, не может признаться себе самому, в какой степени он и в особенности Аджубей были обмануты Шелепиным и Семичастным — комсомольскими «младотурками», как мы их между собой называли. Те не только сумели вкрасться к ним в доверие, выглядеть самыми надежными, закадычными друзьями-приятелями, прежде всего Аджубея, но и самым ловким образом провели родственников Хрущева в драматический момент октябрьского Пленума.

Нет, свержение Хрущева готовил вначале не Брежнев. Многие полагают, что это сделал Суслов. На самом деле начало заговору положила группа «молодежи» во главе с Шелепиным. Собирались они в самых неожиданных местах, чаще всего на стадионе во время футбольных состязаний. И там сговаривались. Особая роль отводилась Семичастному, руководителю КГБ, рекомендованному на этот пост Шелепиным. Его задача заключалась в том, чтобы парализовать охрану Хрущева…

Мне известно об этом, можно сказать, из первых рук. Вскоре после октябрьского Пленума ЦК мы с Е. Кусковым готовили речь для П.Н. Демичева, который был в ту пору секретарем ЦК. И он торжествующе рассказал нам, как Шелепин собирал бывших комсомольцев, в том числе его, и как они разрабатывали план «освобождения» Хрущева. Он ясно давал нам понять, что инициатива исходила не от Брежнева и что тот только на последнем этапе включился в дело. Я хорошо помню взволнованное замечание Демичева: «Не знали, чем кончится все, и не окажемся ли мы завтра неизвестно где». Примерно то же сообщил мне — правда, в скупых словах — и Андропов».

Об этих же растущих антихрущевских настроениях

свидетельствовал и очень серьезный деятель той поры — Председатель Совета Министров Российской Федерации Геннадий Иванович Воронов. То был человек, твердо стоявший на патриотической линии; естественно, что эскапады Хрущева, его антисталинская истерия и одностороннее заигрывание с Западом Воронова остро раздражали. Он вспоминал позже:

«Перед самым октябрьским Пленумом ЦК КПСС пригласили меня поохотиться в Завидово. Был, кстати, там тогда и Сергей Хрущев, сын Никиты Сергеевича. Наверное, взяли его для отвода глаз… Постреляли. И когда стали собираться домой, Брежнев вдруг предлагает мне сесть в его «Чайку»: «Поговорить надо дорогой…»

Там и договорились. Между прочим, с нами ехал еще один секретарь ЦК КПСС — Ю.В. Андропов. Он то и дело вынимал из папки какие-то бумаги и показывал их Брежневу. Тот их просматривал и возвращал со словами: «Хорошо, теперь он от нас никуда не денется».

У меня сложилось впечатление, что дело шло о каком-то компромате… В руках Брежнева я видел справочник «Состав Центрального Комитета и Центральной Ревизионной Комиссии КПСС», в котором он около каждой фамилии ставил крестики, галочки и какие-то другие значки — очевидно, отмечал, кто уже созрел и с кем еще надо поработать, чтобы привлечь его в антихрущевскую кампанию. Такой практики он, между прочим, придерживался при подготовке многих вопросов».

Да, Брежнев действовал очень осторожно, однако находились деятели и порешительнее. Таковыми были прежде всего молодой секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, сугубо русский, твердо патриотических взглядов, ему приходилось по приказанию Хрущева «разоблачать» Сталина на съезде партии, но в душе-то он был за сталинскую линию. О Шелепине речь пойдет дальше. Другим деятельным ниспровергателем всем надоевшего Никиты стал шелепинский ставленник, выходец с Украины Семичастный, который в рассматриваемое время возглавлял Комитет государственной безопасности. Должность для тех дел была одной из ключевых.

Много-много лет спустя, находясь в давней пенсионной отставке, Семичастный рассказал:

«Уже накануне празднования 70-летия Хрущева шли разговоры, что дальше терпеть такое нельзя, то есть это было еще весной 1964 года. И я был в числе первых, с кем вели разговор. Кстати, когда говорили с Косыгиным, первое, что он спросил: какова позиция КГБ, и тогда дал согласие…

Здесь следует подчеркнуть, что заслуга Хрущева состояла в

том, что он создал обстановку, при которой его смещение произошло на Пленуме гласно, без создания обстановки чрезвычайности. Я даже не закрывал Кремль для посетителей, и экскурсанты обычным путем шли на осмотр Кремля…

Брежнев постоянно звонил (вечером 12 октября 1964 года) мне: «Ну как?» Только в полночь мне позвонили, что Хрущев заказал самолет в Адлер. Летел он с сыном, Микояном и своей охраной — взял пять человек, а мог взять и больше в десять раз. Уж 50 человек-то у него были. Дата проведения Пленума не обговаривалась заранее, а сложилась силой обстоятельств. Если бы Хрущев не дал согласия на приезд в тот день, никто бы его силой не притащил, и дата Пленума могла быть иной. Хрущев прилетел (вместе с Микояном) в Москву 13-го в середине дня. Встречали его во «Внуково-2» я и Георгадзе. Обычно встречающих было значительно больше. Но это его не насторожило, он только спросил: «Где остальные?» — «В Кремле». — «Они уже обедали?» — «Нет, кажется, Вас ждут». Поздоровались за руку, обычно. Хрущев был спокоен. Отправились эскортом машин. Я ехал в конце и по дороге остановился на обочине, отстал от них. (Дело в том, что раньше я ездил без охраны, а на эти дни дали мне сопровождающего, поэтому в машине оказался знакомый охране Хрущева человек, и, чтобы не смущать впереди едущих, я отстал.) В Кремле вся охрана была прежняя. Я ее сменил только после начала работы Пленума».

Брежнев и все прочие, составившие заговор против Хрущева, отлично запомнили уроки знаменитого Пленума ЦК летом 1957 года, когда сталинские старики составили антихрущевский заговор: оказалось, что большинства в Президиуме (Политбюро) недостаточно, нужно заручиться также большинством членов всего Центрального Комитета. Работа с ними велась, хотя и чрезвычайно осторожно. Кое-какие точные данные на сегодня уже обнаружены. Вот что сообщил высокопоставленный журналист советской Грузии М. Стуруа. Он хорошо знал тогдашние грузинские дела, верить ему тут можно: «Заговор с целью свержения Хрущева не был экспромтом, разыгранным в одночасье. Его готовили (вернее, он вызревал) долго и тщательно. Кстати, «многолетний партийный лидер» Грузии Мжаванадзе играл в нем далеко не последнюю роль, обрабатывая членов ЦК КПСС от Закавказья, а затем доставив их на самолете в Москву к «историческому» Пленуму октября 1964 года. Брежнев никогда не забывал этой услуги, оказанной ему Мжаванадзе, и уберег его от многих неприятностей, хотя и не смог оставить на посту первого секретаря ЦК КП Грузии и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС».

Заговор осторожно расширялся. Причем можно заметить, что чем дальше от его главнейших фигурантов протягивались его нити, тем откровеннее о том шли разговоры (хоть и наедине, разумеется, о конспирации помнили еще из ленинских сочинений!). Очень интересное свидетельство на этот счет оставил второй секретарь компартии Грузии П. Родионов. Тут следует представить не столько этого второстепенного партийного деятеля, сколько его своеобразную должность.

При Ленине и Сталине партийных руководителей на местах ставили, как правило, из Москвы, причем совершенно не считались с национальной принадлежностью данного деятеля. Главное, не без основания полагали оба великих политика, идейные и деловые качества работника. Русофоб Берия, выскочивший случайно наверх в первые месяцы правления нерешительного Маленкова, провел постановление ЦК, что в каждой национальной республике первым секретарем должен быть деятель коренной национальности. Это привело к большим кадровым переменам в ту пору, например, освободили на Украине очень сильного, просталински настроенного Л. Мельникова (ибо не «украинец»). Берию вскоре убрали, но нелепое то правило осталось как при Хрущеве, так и при Брежневе. Но уже при Хрущеве все вторые секретари в «национальных республиках» стали непременно русскими. Они как бы надзирали над местными кадрами и были очень влиятельны.

Свидетельство Родионова, не входившего тогда ни в члены, ни даже в кандидаты ЦК, четко подтверждает, что недовольство Хрущевым было весьма широко. Характерно в данном случае и то, что мнение это было высказано уже после хрущевской отставки.

«Будучи вторым секретарем ЦК Компартии Грузии, в одну из своих командировок в Москву (примерно год спустя после Пленума ЦК) я позвонил Игнатову, чтобы, как говорится, засвидетельствовать свое почтение. В ответ услышал: «Ты, голубчик, что-то стал зазнаваться. Бываешь в Москве, а ко мне не заходишь и даже не звонишь». Я отшутился: «Не хочу отрывать драгоценное время у президента Российской Федерации». Условились о встрече. И вот я на Делегатской, где в то время размещались Президиум Верховного Совета и Правительство РСФСР. Беседа шла в комнате отдыха за чашкой чая. После обмена несколькими ничего не значащими фразами Игнатов совершенно неожиданно для меня принялся буквально поносить Брежнева. «Дураки мы, — говорил он в нервной запальчивости, — привели эту хитренькую Лису Патрикеевну к власти. Ты посмотри, как он расставляет кадры! Делает ставку на серых, но

удобных, а тех, кто поумнее и посильнее, держит на расстоянии. Вот и жди от него чего-либо путного».

Говоря о людях «посильнее» и «поумнее», мой гостеприимный хозяин наверняка имел в виду самого себя. В нем буквально клокотала обида: столько сделал для подготовки «дворцового переворота», а в результате черная неблагодарность! По ходу тирады он вдруг промолвил: «Никита (именно «Никита», а не «Хрущ»!) сам виноват. Он же получил сигнал о затеваемых против него кознях! Незадолго до своего отъезда в Пицунду, на одном из заседаний, когда остались лишь члены Президиума ЦК, он знаешь, что сказал? «Что-то вы, друзья, против меня затеваете. Смотрите, в случае чего разбросаю, как щенят». По словам Игнатова, многих из присутствующих это повергло в полушоковое состояние. Придя в себя, «друзья» чуть ли не хором стали клясться, что ни у кого из них и в помыслах ничего подобного не было и быть не могло. Тем не менее Хрущев, обращаясь к Микояну, проговорил: «Давай-ка, Анастас Иванович, займись этим делом, постарайся выяснить, что это за мышиная возня».

«Микоян, — продолжал Игнатов, — не проявил особой прыти в раскручивании этой истории… Конечно же, Хрущева сильно подвела его самоуверенность. Мужик он, безусловно, дюже башковитый, а тут промашку дал. Иначе Брежнев и его компания потерпели бы крах».

Ну, о том, как сложилась судьба и об оценке деятельности Брежнева среди его недавних сторонников, позже. Но в заметках Родионова промелькнуло имя Николая Григорьевича Игнатова. Об этой незаурядной, но ныне позабытой личности необходимо хотя бы кратко сказать, он сыграл в данной истории заметную, однако не вполне выясненную роль.

Игнатов был, что называется, «ровесник века», появился на свет в 1901 году в области Войска Донского, но казаком, видимо, не был. Обычная советская карьера: служба в Красной Армии, член партии «ленинского призыва» в 1924 году, затем быстро двигался наверх и уже в 1938 году стал первым секретарем крупнейшего Куйбышевского обкома, а в следующем — кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Хрущев сначала возвысил Игнатова, а потом с обычной для него бесцеремонностью понизил до декоративной должности «президента» РСФСР. Тот стал одним из самых деятельных участников подготовки свержения Хрущева. Свидетели по-разному оценивают это его участие, но нет сомнений, что активен он был в том деле чрезвычайно. Отметим в данном контексте, что Брежнев и Игнатов ни до, ни после описываемых событий между собой близко не общались.

Сегодня достоверный исторический сюжет об отстранении от

власти Хрущева оброс газетными и телекиношными выдумками. Виноваты во всем, разумеется, мерзкие сталинисты, жаждавшие восстановить в стране «тоталитаризм» после «либерального» Никиты (ну, как он проявлял свой «либерализм» в Новочеркасске и во многом ином, уже упоминалось). Нашлись доблестные чекисты, которые бросились спасать хрущевскую «демократию», последовали их кровавые убийства заговорщиками… ну и все такое прочее в традициях провинциального Голливуда, что безраздельно царит на наших экранах.

Да, действительно, некоторая интрига тут была. Она довольно достоверно и подробно изложена в рассказе сына Хрущева — Сергея Никитича. О нем следует сказать несколько слов. При отце еще молодым человеком работал он в самой модной космической отрасли. Потом помогал отцу составлять лживые мемуары (Никита болтал, а его присные вели весьма свободные записи). Главный сюжет — бяка Сталин и его «антисемитизм». Потом Сергей Никитич уехал в США, недавно хвастался как высшим достижением в жизни, что обрел американское гражданство. Однако его рассказ о 1964 годе приведем.

«Пока отец находился на полигоне, на квартиру позвонил по «вертушке» Галюков, бывший начальник охраны Николая Григорьевича Игнатова, и сообщил, что его шеф разъезжает по стране, вербует противников отца. Его освобождение от должности — вопрос ближайшего будущего. Галюков намеревался все рассказать отцу, но так как того не оказалось дома, ему пришлось удовлетвориться разговором со мной. Еще неизвестно, попади Галюков на отца, каким оказался бы результат, стал бы он разговаривать с совершенно неизвестным человеком на такую скользкую тему? У меня самого в первый момент возникли серьезные сомнения. Но осторожность взяла верх, я встретился с Галюковым.

За время вечерней прогулки по подмосковному лесу, вдали от посторонних глаз и ушей, он мне рассказал такое, что в моей голове просто мир перевернулся. Брежнев, Подгорный, Полянский, Шелепин, Семичастный уже почти год тайно подготавливали отстранение отца от власти. В отличие от самонадеянных Маленкова, Молотова и Кагановича, рассчитывавших в 1957 году лишь на поддержку членов Президиума ЦК, на сей раз все обставили обстоятельно. Под тем или иным предлогом переговорили с большинством членов ЦК, добились их согласия. Одни поддержали сразу: перестройки, перестановки им давно надоели. Других понадобилось уговаривать, убеждать, а кое-кого подталкивать ссылками на

сложившееся большинство.

По словам Галюкова, акция намечена на октябрь, до открытия очередного Пленума ЦК, где отец намеревался в числе других вопросов обсудить наметки к проекту новой Конституции. В нее по настоянию отца внесли немало «крамольных» пунктов. К тому же он не скрывал своих намерений на Пленуме расширить, омолодить Президиум ЦК. Времени оставалось в обрез. Наступила последняя декада сентября…

Когда я рассказал отцу о полученной от Галюкова разоблачительной информации, он и поверил и не поверил. Не мне, не Галюкову, а что такое вообще может статься.

«Брежнев, Шелепин, Подгорный — такие разные люди… — Отец на мгновение задумался и закончил: — Невероятно!»

Мне самому очень хотелось, чтобы предупреждение оказалось пустышкой. Брежнева я знал 20 лет, с детства, чуть меньше — Подгорного и Шелепина. Теперь былые друзья превращались во врагов…

Отец попросил меня сохранить все в тайне. Предупреждение казалось излишним. Кому я мог рассказать о таком? Но сам он повел себя странно, нелогично и необъяснимо. Как бы стремясь избавиться от наваждения, он на следующий день после нашего разговора поведал обо всем Подгорному и Микояну.

Ладно Микоян, о нем Галюков не упоминал, но Подгорный… Его имя не однажды фигурировало в рассказах о деятельности Игнатова, который советовался с Подгорным, впрямую получал от него указания.

По словам отца, Микоян промолчал, а Подгорный энергично опроверг подозрения, просто высмеял его. Чего добивался отец? Он хотел услышать признание? Иной раз он совершал наивные поступки, но не в такой ситуации…

Видно, отцу очень не хотелось, чтобы информация подтвердилась. Опровержение из уст Подгорного… Он ему, конечно, не поверил, но, с другой стороны, столько лет он тянул его, сначала на Украине, потом в Москву и в Москве. Предательство друзей всегда ошеломляет…

С Галюковым он попросил разобраться Микояна. Анастас Иванович поговорит с ним и прилетит в Пицунду, там они все обсудят. Сам отец встретиться и выслушать информатора не пожелал.

Вскоре приехал Микоян. Что он рассказал отцу о своей беседе с Галюковым? Ни тот, ни другой мне об этом не говорили.

Вместе они встретились с секретарем Краснодарского крайкома Воробьевым, он приехал их проведать и зачем-то привез в подарок отцу индюков. Воробьев фигурировал в рассказе

Галюкова как одно из главных действующих лиц.

Возможно, его прислали проверить, чем занимается отец. Никто не знает, что доложил в ЦК Подгорному Воробьев. Он провел с отцом и Микояном целый день, вместе обедали. Переговорили обо всем. Отец подробно интересовался, как идут дела в крае, каковы результаты уборки. Все, как обычно. Только в конце встречи отец поинтересовался как бы невзначай, что за разговоры с ним, Воробьевым, вел летом Игнатов. И, не дожидаясь ответа, добавил: «Говорят, снять меня собираетесь». Поведение отца Москве, видимо, представлялось загадочным. Он ничего не предпринимал. На всякий случай оповестили о намечаемых планах Малиновского. Вдруг отец надумает обратиться к нему. Малиновский, выслушав информацию, задал несколько малозначащих вопросов и согласился, что «старику» пора на покой.

В те дни, пока Брежнев находился в Берлине, в ЦК заправлял Подгорный. В кресле Председателя Совета Министров сидел Полянский. Все нити сходились к ним в руки.

Когда я приехал — это произошло, видимо, 11 октября, — то застал идиллическую, безмятежную обстановку.

На мой осторожный вопрос: «Что происходит?» — отец рассказал о своей беседе с Воробьевым. Отметив, что тот «все отрицал», флегматично заметил, что Галюков, наверное, ошибся или страдает излишней подозрительностью.

Я спросил, что мне делать с записью беседы Микояна с Галюковым. Мне казалось, что отец должен заинтересоваться, хотя бы прочитать ее. Отнюдь нет, он не выразил ни малейшего желания. Только бросил небрежно: «Отдай вечером Анастасу»…

В тот же вечер (12 октября 1964 года) в Пицунде, едва успели телевизионщики собрать свои кабели — они снимали репортаж об историческом разговоре с космическим кораблем, — как раздался звонок из Москвы. Кто звонил? Сегодня существует два мнения. В моих записях, сделанных вскоре после событий, и в памяти твердо держится — Суслов.

Все остальные свидетели утверждают — Брежнев. Можно предположить, что память очевидцев услужливо произвела подмену: первенство Брежнева в последующие годы обязывало его в тот день взять трубку. Я бы не сомневался в своей правоте, но меня настораживают слова Семичастного. В интервью, воспроизведенном в фильме «Переворот (Версия)», он утверждает, что Брежнев струсил и его силой волокли к телефону. Такая деталь запоминается, и ее трудно придумать. Так что, возможно, звонил и Брежнев. На самом деле, кто держал трубку в Москве, не имеет ни малейшего значения.

Москва настойчиво просила отца прервать отпуск и прибыть в столицу, возникли неотложные вопросы в области сельского хозяйства. Отец сопротивлялся: откуда такая спешка, можно во всем разобраться и после отпуска, время терпит. Москва упорно настаивала.

Кто-то должен был уступить. Уступил отец, он согласился вылететь на следующее утро. Положив трубку и выйдя в парк, он сказал присутствовавшему при телефонном разговоре Микояну:

«Никаких проблем с сельским хозяйством у них нет. Видимо, Сергей оказался прав в своих предупреждениях».

Итак, Хрущева предупредили о возможных опасностях, причем сделал это не кто-нибудь, а сын, которому отец вполне доверял. Однако Никита Сергеевич, видимо, и в самом деле поверил в свое величие и незаменимость. В июне рокового для себя 1964 года Хрущев отправился с парадным и политически совершенно бессмысленным визитом в Швецию. И не самолетом летал, а шел по морю на тихоходном теплоходе «Башкирия». Судя по всему, он потерял всякое чувство реальности. О последних хрущевских делах обобщенно и дельно сообщил один осведомленный столичный журналист.

«Вернувшись из Швеции, Хрущев в июле выступает на Пленуме ЦК КПСС с неожиданной для всех речью. Он дает понять, что на следующем Пленуме, в ноябре, будет предложена еще одна реорганизация сельского хозяйства, а также реформы в области науки. Затем докладывает на Конституционной комиссии о том, как идет работа над проектом новой Конституции, высказывает ряд «предварительных замечаний» о принципах, которые должны быть заложены в основу проекта. И наконец, выступая 24 июля на расширенном заседании Президиума Совета Министров СССР, требует пересмотреть главное направление и задачи планирования на ближайший период (1966–1970 гг.). По его мнению, уж коль Программа партии предусматривает в ближайшем будущем построение коммунизма, необходимо взять решительный курс на то, чтобы благосостояние народа росло как можно быстрее. А для этого следует быстрее развивать производство средств потребления, не забывая, конечно, при этом о должном уровне обороны.

Поднялся всеобщий ропот… Одни стонали от того, что «пошли под хвост» плоды долгой и упорной работы по составлению народнохозяйственных планов и балансов. Других пугали «идеологические» аспекты грядущей государственной реформы. Третьи со страхом ждали обещанной «перетряски» кадров. Эта атмосфера недовольства, тревоги и неуверенности способствовала тому, что ряды заговорщиков стали быстро

пополняться… А Никита Сергеевич тем временем разъезжал по стране, собирая материал для доклада, который он намеревался сделать на предстоящем Пленуме ЦК партии. Посетил Поволжье, Северный Кавказ, Казахстан и Киргизию. Едва вернулся в Москву, вынужден был срочно вылететь в Крым, чтобы навестить там внезапно заболевшего Генсека Итальянской компартии П. Тольятти. Но не успел: когда он, Косыгин и Подгорный примчались в пионерский лагерь «Артек», им сообщили, что Тольятти умер 40 минут назад. Когда провожали тело покойного в Симферополь, загорелась машина с гробом. «Не к добру это», — качали головами старики.

Хрущев едет в Чехословакию, а вернувшись, посещает выставки, осматривает новые виды оружия и ракетной техники, встречается с иностранными премьер-министрами, президентами, парламентариями. Выступает на Всемирном форуме молодежи и студентов. Наведаться же в Центральный Комитет времени совсем нет. Да и зачем? Ведь там Брежнев и Подгорный вроде бы со всем справляются…

А последние между тем продолжали забрасывать свою сеть, извлекая из нее то большую рыбу, то маленькую. Так им удалось поссорить с «первым» Г.И. Воронова — человека очень принципиального и сугубо делового».

Бесспорно, что наиболее решительным сторонником снятия Хрущева был жесткий и последовательный (хоть и скрытный после XX съезда) Шелепин. Его правой рукой был давний соратник по комсомолу и доверенное лицо Семичастный, возглавлявший в ту пору КГБ. Как ни потрепал Хрущев это ведомство, но охрана Кремля, ЦК, госдач и всех членов высшего руководства была по-прежнему возложена на эти органы. Как и правительственная связь. Ясно, что решение высшего партийного ареопага практически проводили люди с Лубянки.

Шелепин, уже давно бывший на пенсии, рассказал о последних перед октябрьским Пленумом ЦК переговорах среди членов Президиума: «Разговор пошел так: надо Никиту Сергеевича вызвать и поставить перед ним вопрос. Это было накануне. До его приезда мы же почти два дня заседали, все обсуждали, как Хрущева вызвать. Вопрос «снимать — не снимать» не стоял. Он возник только на самом Президиуме. Речь шла о том, чтобы пригласить его и поговорить. Вроде Подгорному и надо звонить. Но он накануне разговаривал с Хрущевым. И Подгорный отказывается: «Я не буду звонить, а то вызову сомнения, я с ним недавно разговаривал, ничего не было, а тут вдруг — вызываем». Решили, что позвонит Брежнев. И мы все присутствовали, когда Брежнев разговаривал с Хрущевым.

Страшно это было. Брежнев дрожал, заикался, у него посинели губы: «Никита Сергеевич, тут вот мы просим приехать… по вашим вопросам, по вашей записке». А Хрущев ему что-то говорит, но мы не слышим что. Положил Брежнев трубку: «Никита Сергеевич сказал, что он… два дня, и вы уже там… обоср… вопросов решить не можете. Ну ладно, вы мне позже позвоните, тут Микоян, мы посоветуемся». В этот же вечер Брежнев снова позвонил. Тот сказал: «Хорошо, прилечу я». 12-го вечером собрались все члены, кандидаты в члены Президиума и секретари ЦК. <…> Долго уговаривали Брежнева позвонить по ВЧ — вызвать Хрущева из отпуска. Брежнев трусил. Боялся. Не брал трубку. Наконец его уговорили, и он, набрав номер, сообщил Хрущеву о готовящемся Пленуме.

Хрущев: «По какому вопросу?»

Брежнев: «По сельскому хозяйству и другим».

Хрущев: «Решайте без меня».

Брежнев: «Без Вас нельзя».

Хрущев: «Я подумаю».

Видимо, уже в Пицунде Хрущев догадался, что его ожидает по прибытии в столицу. Все прояснилось уже на аэродроме — главу партии и государства встречал лишь шеф КГБ да безвластный заместитель Хрущева по его должности «президента» Георгадзе. Все было ясно. Хрущева отвезли прямо на заседание Президиума, где все его ждали в полном составе. Хрущев не сопротивлялся. Об этом сохранилось выразительное свидетельство очевидца, тогда первого секретаря компартии Украины П.Я. Шелеста. Был он человек простой и бесхитростный и на вопрос о тех событиях ответил искренне и даже душевно:

«Скажу… Самые тяжелые испытания я перенес. Самые тяжелые. Потом Никита Сергеевич говорит: «Ладно, дайте мне пару слов сказать на Пленуме». Тут Брежнев: «Нет»; Суслов: «Нет, нет». И у Никиты Сергеевича полились слезы… Просто градом… слезы… «Ну раз так, что я заслужил, то я и получил… Хорошо. Напишите заявление, я его подпишу». Все. И заявление писал не он… Не помню, кто, потому что тяжело было смотреть… Андрюша, я до сих пор вижу лицо Хрущева в слезах. До сих пор. Умирать буду, а это лицо вспомню».

Более сухо и с твердой политической оценкой высказался тогдашний первый секретарь Москвы Николай Егорычев, деятель шелепинского типа, тоже молодой и очень способный (вскоре Брежнев не случайно освободился от них обоих!). Через четверть века после событий он так отвечал на вопросы газетного корреспондента:

«Дело вовсе не в «заговоре» против Хрущева, а в том, что он

сам вел дело к своему освобождению, что ЦК, избранный на XXII съезде партии, нашел в себе силы освободить своего Первого секретаря, не дав возможности разрастись его ошибкам. Но, разумеется, Пленум надо было готовить, а это дело непростое, в известной мере опасное. Однако большинство членов ЦК были внутренне готовы к такому обсуждению, в чем я лично убедился, когда беседовал накануне Пленума с членами ЦК Келдышем, Елютиным, Кожевниковым, Костоусовым и некоторыми другими. Могу лишь добавить, что сам Брежнев в начале октября очень напугался, узнав о том, что Хрущев обладает какой-то информацией на этот счет, и никак не хотел возвращаться из ГДР, где находился во главе делегации Верховного Совета СССР.

— Вы помните, как это происходило?

— Конечно. 14 октября прошел Пленум, где Хрущева и освободили, как было сказано в постановлении, «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Сам он на Пленуме присутствовал, но не выступал. Просто было зачитано его заявление.

Суслов сделал доклад, и вопрос поставили на голосование…

— Кто-нибудь выступал еще?

— Нет, никто.

— Странно. Столько претензий накопилось к Хрущеву; и вдруг никто не захотел высказать их в открытую…

— Думаю, что такое желание было у многих. Я, например, был готов к выступлению. Но перед самым Пленумом мне позвонил Брежнев, который был в то время на положении второго секретаря ЦК, и сказал: «Мы тут посоветовались и думаем, что прения открывать не следует. Хрущев заявление подал. Что же мы его будем добивать? Лучше потом, на очередных пленумах, обстоятельно обсудим все вопросы, а то, знаешь, сейчас первыми полезут на трибуну те, кого самих надо критиковать…»

— Леонид Ильич — лидер?

— Он никогда не был лидером, ни до ни после октябрьского Пленума. Так уж сложилось, что, когда освобождали Хрущева, другой кандидатуры, достойной этого высокого поста, просто не оказалось. В узком кругу друзей я тогда говорил: Брежнев не потянет…»

Ход знаменитого на весь мир октябрьского Пленума ЦК КПСС долгое время был неведом для советских граждан, даже партийный актив о том не был поставлен в известность. Вот почему в народе ходило множество сплетен и пересудов. Теперь выяснилось, что ничего такого уж особенно драматического не происходило. Пожалуй, наиболее лаконично и точно рассказал о том популярнейший деятель хрущевских времен Алексей

Иванович Аджубей. О нем стоит кратко напомнить.

Был он выходец из простой семьи, окончил в 1952 году МГУ, факультет журналистики, и тогда же стал мужем старшей дочери Хрущева Рады Никитичны. Сплетни о его еврейском происхождении, обильно распространенные в те годы, не подтверждаются. Он был баловнем судьбы, типичным советским плейбоем, человеком несомненно способным, но полным либералом и западником по мировоззрению. Он и подталкивал тестя, на которого имел влияние, в ту сторону. Сперва он был главным редактором «Комсомольской правды», проявив на том посту незаурядные способности журналиста-организатора, потом стал редактором «Известий», при нем, в нарушение всех партийных норм и традиций, именно эта газета стала главной в стране. На XXII съезде партии он сделался даже членом Центрального Комитета. Зазнавшись, стал вести себя самоуверенно и даже развязно, что было слишком уж заметно.

Приводим воспоминания Аджубея о ходе октябрьского Пленума:

«Первым появился Брежнев, за ним Подгорный, Суслов, Косыгин. Хрущев замыкал шествие. За столом президиума сидел, опустив голову, не поднимая глаз; он стал как-то сразу совсем маленьким, вроде даже тщедушным…

Доклад, а точнее сообщение, о решении Президиума ЦК сделал Суслов. На моей памяти он в третий раз выступал в качестве великого инквизитора, обрекающего вероотступника на заклание. Он был «запевалой» в деле маршала Жукова, затем — секретаря ЦК Фурцевой, наконец-то добрался до главного еретика, посмевшего покуситься на святая святых — великие принципы марксизма-ленинизма.

Выступление Суслова заняло минут сорок. Он не стал утруждать себя перечнем конкретных обвинений. Заострил внимание собравшихся на том, что вот-де Хрущев превратил Пленумы ЦК в многолюдные собрания, а на Пленумах нужно вести сугубо партийный разговор; давал слово не только членам ЦК, и те не всегда могли пробиться на трибуну. Старый аппаратчик бередил честолюбие таких же, как он. Апеллировал к некой касте неприкасаемых. По ходу его выступления раздавались злые реплики: «Этому кукурузнику все нипочем!», «Шах иранский (?!), что хотел, то и делал», «Таскал за границу свою семейку», и что-то в том же роде. Из выступления Суслова получалось, что Хрущев нарушал ленинские нормы работы Президиума ЦК и пленумов.

Слушали все это люди, совсем недавно славившие Хрущева именно за ленинский стиль работы, научный подход к партийным

и государственным делам. Никто не задал докладчику ни одного вопроса, не захотел взять слово. Двумя-тремя фразами Суслов коснулся и моей персоны. «Подумайте только, — с пафосом воскликнул он, — открываю утром «Известия» и не знаю, что там прочитаю!» Суслов привык знать заранее все…

Завершая короткое заседание октябрьского Пленума ЦК в 1964 году, Брежнев сказал не без пафоса: вот, мол, Хрущев развенчал культ Сталина после его смерти, а мы развенчиваем культ Хрущева при его жизни».

Добавим, чтобы закончить данный сюжет, что с Аджубеем новое партийное руководство обошлось довольно сурово, как ни с кем из других хрущевских приближенных, так он всем намозолил глаза. Его отправили на скромную должность в журнал «Советский Союз», это было номенклатурное, но совершенно пустое по влиянию издание. Там он и просидел долгие годы в крошечном кабинете под лестницей, ничем о себе не напоминая. Напротив, детей Хрущева никак не тронули, а супруга Аджубея осталась редактором популярного журнала «Наука и жизнь». В отличие от своего брата Сергея, она оставила о себе добрую память. Аджубей скончался в 1998 году, так ничем и не проявив себя.

Вопрос об избрании Брежнева Первым секретарем ЦК партии твердо предрешен не был, но сам ход событий двигался именно в его сторону. Страна устала от бесшабашных хрущевских шатаний. Партийный аппарат сверху донизу молчаливо негодовал по поводу бесконечных и непродуманных перемен. Народ был озлоблен неожиданными нехватками продовольствия. Время настоятельно требовало спокойного и осмотрительного руководителя. В этом смысле Брежнев устраивал всех.

Возвышение Брежнева в тех условиях было очевидным. Страна устала от сталинского перенапряжения и хрущевских непоследовательных перекроек и перетрясок. Людям, включая партийный аппарат, нужен был передых, хотя бы для того, чтобы спокойно осмотреться и поразмыслить о прошлом и особенно будущем пути. Терпеливый, осторожный и мягкосердечный Брежнев эти свои качества успел уже достаточно проявить, они были всем известны. Это решало дело.

Конечно, при этом были нарушены некоторые уставные и обрядовые порядки и традиции, за соблюдением которых коммунисты всегда следили очень ревностно. На это, например, сетовал уже известный нам П. Родионов: «Теперь кое-кто утверждает, что октябрьский Пленум готовился по всей форме, в согласии с Уставом, что никакого заговора не было. Позволительно спросить: а зачем тогда предварительно

обрабатывали многих членов ЦК? Почему в ходе подготовки к Пленуму надо было использовать КГБ, а не механизм внутрипартийной демократии? Тогдашний секретарь ЦК КП Украины О.И. Иващенко (а не Насриддинова, как ошибочно указал в «Неделе» М. Стуруа) пытался дозвониться Н.С. Хрущеву в Пицунду, чтобы предупредить его о заговоре, но эти попытки были блокированы. В прессе промелькнуло предположение, что заговор удался потому, что противники Хрущева, извлекая опыт из прошлого, действовали искусно. Пожалуй, это так (по крайней мере по сравнению с 1957 годом)». Да, но на подобные частности в то время никто серьезного внимания не обращал.

Тому свидетельство — суждение авторитетного деятеля той поры К.Т. Мазурова, кандидата в члены Президиума ЦК и зампреда Совета Министров СССР: «Когда освободили от должности Хрущева, не видели замены. Встал вопрос — кто? Вторым секретарем был Брежнев. Доступный, вальяжный, с людьми умел пообщаться, не взрывался никогда. И биография. Всю войну прошел, до войны был секретарем обкома партии. Казалось, подходящий человек. Но главное выявилось потом — что он был очень некомпетентным руководителем. Наверное, чувствуя это, ревновал Косыгина».

Бывший украинский первый секретарь Шелест злился на Брежнева (тот вскоре его прогнал, и не без оснований). Он постфактум считал Брежнева случайной и проходной фигурой, но был безусловно не прав: «Считаю, что Брежнев как руководитель партии и государства был фигурой случайной, переходной, временной. Если бы не Подгорный, его бы через год сменили. Поддерживал Брежнева Подгорный. А почему — не знаю. Брежнев боялся особенно тех руководителей, кто помоложе. Так были убраны Семичастный, Шелепин».

Ну, о Шелепине, Семичастном, Подгорном и самом Шелесте будет поведано в соответствующем разделе, о незавидной судьбе всех тех, кто продвигал к верховной власти Брежнева. Это совсем уже другая история…

Вот таков был в общих чертах «заговор» по отстранению всем надоевшего Хрущева. Слово «заговор» мы не случайно поставили в кавычки. Никакого злодейства не было, да и не замышлялось. Сперва — в полном согласии с Уставом партии! — его отстранил от руководства Президиум ЦК, а потом сразу же единодушно подтвердил это решение Пленум Центрального Комитета. Подчеркнем, что для очень многих из них такое предложение вовсе не прозвучало неожиданным. Они о том знали или догадывались. «Заговор»? Нет, это слово тут явно не подходит. Есть классическая пьеса Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе», она

не сходит по сей день со сцен театров. Так вот на интригана-заговорщика Фиеско добродушный Брежнев никак уж не был похож.

Но вот о «заговоре» Брежнева по сей день ходят всяческие страшилки в печати, они даже тиражируются кино и телевидением. Это безусловный вздор, «черный пиар» самого пошлого антикоммунистического разлива. Уместно привести цитату из воспоминаний самого деятельного участника тех событий Шелепина. Он резко критически отзывается об одном из главных выдумщиков на этот счет — Ф. Бурлацком.

«Странное, на мой взгляд, впечатление производит книга — избыток самолюбования, стремление выдать себя за главного советчика бывших первых руководителей страны: Хрущева, Брежнева, Андропова. К тому же немало фактических искажений, что уже подрывает доверие к работе.

Автор пишет: «…и вот я сам сижу на балконе Кремлевского Дворца съездов в момент октябрьского Пленума ЦК КПСС» (имеется в виду 1964 года). Или сообщает, что на этом Пленуме был выведен из состава ЦК А. Аджубей. В действительности пленум был в Свердловском зале, а не во Дворце съездов, и на него никого не приглашали и А. Аджубея на нем не выводили из состава ЦК.

Ф.М. Бурлацкий в своей книге повествует о том, как вскоре после октябрьского Пленума ЦК он готовил речь для П.Н. Демичева, бывшего секретарем ЦК КПСС. И тот, по словам Бурлацкого, торжествующе рассказал, как собирались бывшие комсомольцы, в том числе и он — Демичев — на стадионе в Лужниках во время футбола и как они разрабатывали план «освобождения» Хрущева. Я зачитал П.Н. Де-мичеву это место из книги. Он с возмущением сказал: «Я никогда на эту тему ни с кем не говорил. На стадион в Лужниках на футбольные матчи вообще не ходил. К тому же и никогда в комсомоле не работал».

И еще о чем нельзя не сказать. В своей книге Ф.М. Бурлацкий особо не жалует комсомол, и прежде всего его Центральный Комитет, а равным образом и всех известных ему товарищей, которые пришли на государственные, советские и партийные посты через школу комсомола. Он пишет, например: «Что касается более молодых деятелей, таких как Шелепин, Демичев, Полянский, то мы в нашей среде очень побаивались их, поскольку все они были выходцами из ЦК комсомола — по тем временам худшей школы карьеризма». Вот так-то! Автор не стесняется в выражениях, когда говорит о воспитанниках комсомола. То честит их «младотурками», то «молодежью» в кавычках, то предателями линии XX съезда КПСС, то просто «комсомольской

бандой». Таков уровень критики».

Нельзя не признать, что оценка Шелепиным всех этих либерально-еврейских злопыхателей задним числом — сдержанна и объективна. Для них «банда» — это все, что покоится на русско-патриотических и государственных основах. Так было, так есть и по сей день.

И еще одно, уже последнее свидетельство очевидца в данном сюжете. Принадлежит оно многолетнему помощнику Брежнева по внешнеполитическим вопросам А. Александрову-Агентову. Фамилия до крайности странная, но по виду русский, зато супруга — ярко выраженная еврейка, и не только внешне. К Брежневу он попал еще в 1961 году, работая в аппарате Президиума Верховного Совета, а потом задержался в окружении Генсека вплоть до кончины его в той же скромной должности, хотя стал даже членом ЦК партии! О его прозападном влиянии на Брежнева еще пойдет речь далее, а пока приведем личное свидетельство о взаимоотношениях его начальника с Хрущевым. В данном случае этому свидетельству вполне можно верить, оно не касается политики (в иных-то случаях этот самый «Агентов» давал оценки и сведения не вполне точные).

«И сотрудничество, и финальное столкновение двух таких деятелей, как Хрущев и Брежнев, были, можно сказать, предопределены их характерами.

Находясь рядом с Брежневым в годы, когда у руководства стоял Хрущев, можно было наблюдать немало любопытных фактов и обстоятельств.

К Хрущеву как человеку Брежнев в общем относился хорошо, помнил и ценил все, что тот для него сделал. Причем не только когда Хрущев был у власти, но и потом. Брежнев, создавая свой собственный «имидж», публично помалкивал о Хрущеве и его заслугах, но в частных разговорах нередко их признавал».

Тут уместно вспомнить, как мстителен и даже мелочно жесток был Хрущев к своим поверженным политическим противникам. Молотова, известного на весь мир политика-дипломата, он отправил послом… в Монголию, полузависимую страну, затерянную во глубине азиатских пустынь. Маленкова, наследника Сталина, он унизительно назначил директором гидростанции за тысячи верст от Москвы (вспомнил, что тот учился в превосходном Высшем техническом училище им. Баумана и знал толк в энергетике). Есть и много других примеров.

Совсем иным стало отношение Брежнева к отставнику Хрущеву. По личному распоряжению Брежнева, за исполнением которого он тщательно проследил, Хрущеву оставили и

московскую квартиру, и просторную государственную дачу в Петрово-Дальнем, что на берегу Истры (заметим, что дачи тогдашнего партийно-государственного руководства напоминают хижины бедняков в сравнении с усадьбами под Москвой нынешних «новых нерусских»; подробно описали недавно, что владения «кремлевского кошелька» Абрамовича по площади точно соответствуют московскому Кремлю). Хрущеву оставили все те блага, к которым он давно привык: и обслугу, и охрану, и приличную по тогдашним скромным ценам персональную пенсию. Как видно, у Брежнева было совсем иное отношение к людям, даже ему неприятным.

Нет слов, то было небольшим, но вполне достойным началом нового советского правителя. Повторим, страна устала от долгого ленинско-сталинского перенапряжения и от бессмысленных хрущевских шатаний. То мир и дружбу с Америкой затевал, то чуть ли не развязал мировой атомный пожар, то армию сокращал чуть ли не наполовину, выгоняя офицеров на улицу, распиливал новейшие корабли и самолеты, то приказывал взорвать на Новой Земле водородные бомбы такой мощности, что вся Земля могла лишиться своей атмосферы…

Все это людям до смерти надоело, и Брежнев, сам человек из народа, скорее всего не осознал, а почувствовал это. Молча, но всерьез.

О востребованности нового Генсека в партии и обществе в целом дельно и лаконично высказался историк Р.А. Медведев. Мы далеко не согласны с его идеями, но фактолог он в общем и целом точный. Вот цитата из его книги о Брежневе:

«Основная часть аппарата опасалась появления во главе ЦК КПСС каких-либо новых сильных лидеров вроде Шелепина, но не симпатизировала и таким догматикам и аскетам, как Суслов. Партийную бюрократию в данном случае больше всего устраивал именно слабый и относительно доброжелательный руководитель, выступавший под лозунгом стабильности, против резких перемен. Под этим подразумевалась в первую очередь стабильность в составе высших партийно-государственных кадров и кадров среднего звена. В сущности, Брежнев стал выразителем интересов и настроений партийно-государственного аппарата, он возвратил ему многие утраченные ранее привилегии, повысил оклады и почти ничем не ограничивал власть местных руководителей и руководителей республик.

Один из знакомых мне журналистов, неоднократно сопровождавший как Хрущева, так и Брежнева во время их поездок по Советскому Союзу, рассказывал мне, что Брежнева и в конце 60-х, и в начале 70-х годов встречали на разных областных,

республиканских и межобластных активах гораздо более сердечно и приветливо, чем Хрущева, приезд которого в любую область страны воспринимался обычно как визит строгого ревизора. Визиты Брежнева становились, напротив, своеобразной демонстрацией единства между ним и партийно-государственной бюрократией на местах, хотя он не обладал ни силой, ни энергией, ни даже ораторскими способностями Никиты Сергеевича. Было видно, что начавшаяся новая эпоха способствовала появлению на высших ступенях власти слабых вождей».

Итак, новое царствие в России началось. Хорошо помню те дни. На Хрущева не очень злобились, но провожали со смехом. Встречали Брежнева тоже весело, самой распространенной шуткой было его прозвище: «Бровеносец в потемках». И еще острили: «Крейсер "Аврору" переводят на Москву-реку, дать залп по временному правительству»…

И наконец, последнее. В русской истории поэт Лермонтов несомненно имеет некое мистическое значение. Столетие со дня его рождения собирались пышно отметить в октябре 1914 года — началась Первая мировая. Столетие смерти поэта намечали вспомнить в июне 1941-го — ясно, что произошло. А 150-летие Лермонтова выпало… на октябрь 1964 года! По этому поводу шутили: одна старушка спрашивает у другой: «Хрущева, бают, сняли, а кто ж вместо него?» — «Да вроде какой-то Лермонтов, целый день о нем по радио болтают…»

Начиналось полное интеллигентское свободомыслие. К хорошему это привело или не очень, нам предстоит обсудить далее вместе с читателями.

«Медовый месяц»

Как и можно было предположить, Брежнев начал свою деятельность в качестве первого лица в партии и стране чрезвычайно осторожно и даже мягко. Хрущев, как известно, занимал пост не только Первого секретаря партии, но и Председателя Совета Министров. Уже в октябре 1964 года пост Председателя Совмина получил популярнейший в стране хозяйственник Алексей Николаевич Косыгин. Брежнев на эту бывшую хрущевскую должность даже не покушался. А Микоян, давний сторонник Хрущева в его антисталинском курсе (вскоре он одумался), остался на посту «президента» Союза ССР, никто его не трогал и не задевал, ни административно, ни тем более в печати.

Кадровые изменения в руководящих верхах страны оказались весьма незначительными. Но примечательными. Уже в ноябре был освобожден от обязанностей хрущевский выскочка на посту секретаря ЦК В. Поляков. Его не унизили, а назначили на пост номенклатурной центральной газеты «Сельская жизнь», на непривычном для себя журналистском занятии он вскоре и зачах. На мартовском Пленуме ЦК освободили от обязанностей секретаря ЦК по идеологии Л. Ильичева. То был способный и образованный человек, но совершенно беспринципный карьерист, он занимался непомерным восхвалением Хрущева. Его уход был закономерен и политически правилен.

В этих осторожных и взвешенных шагах отчетливо просматривалась кадровая политика самого Брежнева. Отметим также, что самый открытый и резкий сторонник смещения Хрущева, «президент» РСФСР Н. Игнатов, никакого должностного повышения не получил, хотя явно его ожидал. Его перемещали туда-сюда, но на прежнем уровне. Это тоже была осторожная линия Брежнева. Не надо, мол, нам скандалистов…

Вообще Брежнев поначалу был подлинно демократичен, общителен и доброжелателен. Сохранился очень выразительный рассказ бывшего члена Президиума ЦК Пономаренко, который в указанное время был всего лишь скромным преподавателем партийного учебного заведения:

«В день, когда состоялся октябрьский Пленум, у меня сгорела дача. Поздно вечером, весь прокопченный, в спортивном костюме я приехал в Москву. У своего дома я внезапно встретился с Брежневым. Ведь мы живем в одном подъезде. Мы поздоровались. «Что у тебя за вид?» — спрашивает. Узнав о моей беде, сказал, чтобы я особенно не переживал. «Необходимую помощь окажем».

Первое, что он сообщил: «Сегодня мы Хрущева скинули!» И предложил пройтись по Шевченковской набережной. «А кого же избрали Первым?» — спрашиваю его. «Представь — меня, — ответил со смехом Брежнев и потом уж серьезно добавил: — Все прошло довольно гладко. Неожиданно сопротивление оказал только Микоян: он возражал, чтобы Хрущева освободили сразу с двух постов». Перечисляя далее тех, кто активно поддержал «инициативу» о смене власти, Брежнев с большой похвалой отозвался о Суслове, Шелесте, Подгорном, Кириленко, Шелепине и других. «Очень полезен был в этом деле Николай Григорьевич Игнатов. Ведь чуть что, все могло сорваться», — подчеркнул Брежнев».

Данная история не только веселая и ярко характеризующая нового Генсека, но и, что для нас особенно важно, вполне достоверная. Вот так он начал свой «медовый месяц» на вершине власти. Впрочем, время там исчислялось не месяцами, а годами.

Первым приметным общественным действием, связанным напрямую с новоизбранным Первым секретарем, стал мартовский Пленум ЦК партии в 1965 году. Был он посвящен в основном вопросам сельского хозяйства. Хрущев особенно много занимался этой областью и в конце концов привел ее в полное расстройство, страна впервые в истории начала ввозить хлеб из заграницы, а граждане — стоять в очередях за мукой. Брежнев делал доклад, он был умеренный в словесной критике, на Хрущева не валил все беды, как раньше сам Хрущев глупо вытворял это в отношении Сталина. Однако вывод докладчика, всех выступавших и решений был тверд: хватит непродуманных мероприятий! Подразумевалось не только село, но и все иные области.

Очень сильно прозвучало тогда выступление секретаря Псковского обкома партии, на ярких примерах он рассказал буквально о вымирании коренного русского края. О том же, хоть и осторожнее, говорили многие другие участники Пленума. Тем самым партия и ее руководство, включая, разумеется, самого Брежнева, выражали полное согласие с народным недовольством позднейшей хрущевской линией и твердо заверяли о своем искреннем стремлении к переменам. Так оно и было, и многомиллионный советский народ это почувствовал и тому поверил.

Перефразируя Пушкина, можно сказать про «дней брежневских прекрасное начало». Однако отказаться от нелепого курса Хрущева — это было еще полдела, причем меньшая его половина. Важнейшим же политическим вопросом той поры было отношение нового руководства к оскверненной памяти Сталина. Народ объелся «поздней реабилитацией», его перекормили

образами «невинно убиенных» Тухачевских и якиров, этих сознательных палачей русского народа. Офицерство армии и флота открыто теперь требовало восстановления памяти Верховного Главнокомандующего. Партаппарат высшего звена оставался в этом вопросе в общем и целом на «курсе XX съезда» — слишком много наболтали в хрущевские времена на эту тему! — но весь грандиозный партактив всего Советского Союза держал в основном обратную сторону.

Брежневу и его сотоварищам надо было искать тут выход. Какой?..

В ближайшем брежневском окружении нашлись, как говорится, и те, и эти. Между противоположными по духу группами началась ожесточенная борьба, сугубо закрытая даже для деятелей Центрального Комитета партии. Как и все современники той поры, отлично помню сплетни и пересуды по этому поводу — кто и как относится к памяти Сталина. Разбирать те сплетни не станем, но достоверные свидетельства ныне обнаружились, они вполне доступны теперь объективно-историческому разбирательству. Получилось так, что свидетельства эти принадлежат только одной группе, антисталинской. Цитируем воспоминания вечного андроповско-брежневского советника Г. Арбатова:

«Помню, в первое же утро после октябрьского Пленума Ю.В. Андропов (я работал в отделе ЦК КПСС, который он возглавлял) собрал руководящий состав своего отдела, включая нескольких консультантов, чтобы как-то сориентировать нас в ситуации. Рассказ о Пленуме он заключил так: «Хрущева сняли не за критику культа личности Сталина и политику мирного сосуществования, а потому, что он был непоследователен в этой критике и в этой политике». Увы, Андропов глубоко заблуждался!

Первый сигнал на этот счет мы получили буквально две недели спустя. Близилось Седьмое ноября. С традиционным докладом, вполне естественно, было поручено выступить вновь избранному Первому секретарю. Андропов (и его группа консультантов) получил задание подготовить проект одного из разделов доклада. Причем, против обыкновения, не внешнеполитического, а внутреннего. Мы восприняли это как знак доверия к своему шефу и с энтузиазмом принялись за работу. Не помню деталей, но был написан очень прогрессивный по тем временам проект. И пошел он к П.Н. Демичеву — ему и его сотрудникам поручили свести все куски воедино и отредактировать.

«Конечный продукт», когда мы его увидели, поставил нас в тупик — все наиболее содержательное, яркое, все, что несло

прогрессивную политическую нагрузку, исчезло. Как жиринки в сиротском бульоне, в тексте плавали обрывки написанных нами абзацев и фраз, к тому же изрядно подпорченные литературно.

В начале 1965 года, перед заседанием Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора, на Президиуме ЦК обсуждался проект директив нашей делегации, подписанный Андроповым и Громыко. Это был первый после октябрьского Пленума большой конкретный разговор о внешней политике.

Андропов пришел с заседания очень расстроенный. Как мы потом узнали, некоторые члены Президиума — Юрий Владимирович был тогда «просто» секретарем ЦК — обрушились на представленный проект за недостаточно определенную «классовую позицию», «классовость» (слово «классовость» потом на несколько лет стало модным и его к месту и не к месту совали во внешнеполитические речи и документы). В вину авторам проекта ставили чрезмерную «уступчивость в отношении империализма», пренебрежение мерами для улучшения отношений, сплочения со своими «естественными» союзниками», «собратьями по классу» (как мы поняли, имелись в виду прежде всего китайцы). От присутствовавших на совещании узнали, что особенно активно критиковали проект Шелепин и, к моему удивлению, Косыгин. Брежнев отмалчивался, присматривался, выжидал. А когда Косыгин начал на него наседать, требуя, чтобы тот поехал в Китай, буркнул: «Если считаешь это до зарезу нужным, поезжай сам» (что тот вскоре и сделал, потерпев полную неудачу).

Реальным результатом начавшейся дискуссии в верхах стало свертывание всех предложений и инициатив, направленных на улучшение отношений с ОША и странами Западной Европы. А побочным — на несколько месяцев — нечто вроде опалы для Андропова; он сильно переживал, потом болел, а летом его свалил инфаркт.

Главные события после октябрьского Пленума развертывались, однако, не во внешней политике, а во внутренних делах. Здесь довольно быстро начали обозначаться перемены — в руководстве кристаллизовались какие-то новые точки зрения. Поскольку у организаторов смещения Хрущева не было сколь-нибудь внятной идейно-политической платформы, они попытались ее сформулировать. Не было, однако, не только платформы, но и единства, и потому перемены проходили в борьбе — подчас довольно острой, хотя велась она в основном за кулисами.

Как я и мои коллеги воспринимали тогда (делаю эту

оговорку, поскольку не уверен в полноте информации, которой располагаю) расстановку политических сил?

Брежнева большинство людей в аппарате ЦК и вокруг ЦК считали слабой, а многие — временной фигурой. Не исключаю, что именно поэтому на его кандидатуре и сошлись участники переворота. Однако тем, кто недооценил Брежнева, его способность сохранить власть, потом пришлось поплатиться. А вот люди, хорошо знавшие нового лидера лично, такого исхода ожидали. Помню, через несколько недель после октябрьского Пленума мой близкий товарищ Н.Н. Иноземцев рассказал о своем разговоре с академиком А.А. Арзуманяном, который был хорошо знаком с будущим Первым секретарем по военным годам. В доверительной беседе Арзуманян так охарактеризовал Брежнева: «Учить этого человека борьбе за власть и расставлять кадры не придется».

Я, как, по-моему, и подавляющее большинство сторонников курса XX съезда КПСС, беспокоился, разочаровывался, но все же верил, как многие, верил, что Брежнев при всех его очевидных слабостях все же более предпочтительная, чем другие, политическая фигура, коль скоро уж сместили Хрущева.

И не остается ничего иного, как Брежнева поддерживать, помогать ему. Тем более очень скоро выяснилось: курс партии толкают вправо прежде всего конкуренты, еще более консервативные соперники Брежнева («слева» у него ни одного соперника не было). Как, впрочем, и некоторые его приближенные. Не говоря уже о консервативных деятелях, не соперничавших с Брежневым, но влиявших на политику, занимая видные посты в руководстве (Кириленко, Суслов, Полянский, Демичев и другие). Развертывалась настоящая борьба, так сказать, «за душу» самого Брежнева, которого многие хотели сделать проводником и главным исполнителем правоконсервативного курса. Курса на реабилитацию Сталина и сталинщины, на возврат к старым, весьма опасным в сложившейся обстановке догмам внутренней и внешней политики.

Выбор позиции, ставшей неизбежной в условиях этой борьбы, я и мои товарищи из числа консультантов ЦК, конечно, должны были делать сами. Но его нам облегчил Андропов, определившийся, поддержавший Брежнева с самого начала, и не думаю, что только в силу ставшей почти второй натурой каждого партийного работника старшего поколения привычки поддерживать руководство. Просто стало очевидным, что в то время приемлемых альтернатив ему не было.

Ключевым, так сказать, исходным в сложившейся ситуации

был все-таки вопрос: во что верит, чего хочет, что думает сам Брежнев? Первое время он был очень осторожен, не хотел себя связывать какими-то заявлениями и обещаниями, и, если бы меня спросили о его изначальной политической позиции, я бы затруднился ответить. Может быть, Брежнев, пока не стал Генеральным секретарем, даже не задумывался всерьез о большой политике, а присоединялся к тому, что говорил сначала Сталин, потом Хрущев, — вот и все. Такое в нашей политической практике тех лет было вполне возможно.

Из тянувших вправо людей, близких к Брежневу, хотел бы прежде всего назвать С.П. Трапезникова. В Молдавии он, кажется, был преподавателем марксизма. Помощником Брежнева стал, когда того перевели в Москву. Когда Брежнев стал Генеральным секретарем, он выдвинул Трапезникова на пост заведующего Отделом науки ЦК. Вот тогда этот закоренелый сталинист и получил возможность развернуться. Под стать ему был один из помощников Брежнева, убежденный сталинист В.А. Голиков.

Они собрали вокруг себя группу единомышленников и объединенными усилиями, очень напористо, ловко используя естественную в момент смены руководства неопределенность и неуверенность, а также, конечно, свою близость к Брежневу, бросились в наступление. Пытаясь радикально изменить идеологический и политический курс партии, они особое внимание уделяли психологической обработке самого Брежнева. Это была, так сказать, «пятая колонна» сталинистов в самом брежневском окружении (в него входили также К.У. Черненко и Н. А. Тихонов, но в идеологии они большой активности не проявляли).

Эти люди вместе с наиболее консервативными членами Президиума и Секретариата ЦК КПСС все же смогли быстро сбить какое-то подобие общей идейно-политической платформы. Во внутренних делах добивались отмены решений XX и XXII съездов КПСС, полной реабилитации Сталина, отказа от выдвинутых после его смерти новых идей и реставрации старых, сталинистских взглядов в истории, экономике, других общественных науках. Во внешней политике целью сталинистов было ужесточение курса, опять же отказ от всех появившихся в последние годы новых идей и представлений в вопросах войны и мира и международных отношений. Все это не только нашептывалось Брежневу, но и упрямо вписывалось в проекты его речей и в проекты партийных документов.

Развернувшаяся атака на курс XX съезда, надо сказать, встретила довольно серьезное сопротивление. Видимо, сами идеи обновления, очищения изначальных идеалов социализма от крови

и грязи уже завоевали серьезную поддержку общества. С ходу, одним махом изменить политическую линию и политическую атмосферу в партии и стране не удалось».

Как всегда и во всех подобных случаях, Г. Арбатов очень осторожен в оценках и выводах и очень многословен, вот почему и цитата из его воспоминаний оказалось длинноватой. Однако суть событий изложена — с точки зрения его сторонников! — довольно точно.

Это подтверждается младшим и в общем-то второстепенным, но осведомленным соратником Арбатова, уже помянутым Ф. Бурлацким: «После Пленума Андропов — руководитель отдела, в котором я работал, — выступал перед сотрудниками и рассказывал подробности. Помню отчетливо главную его мысль: «Теперь мы пойдем более последовательно и твердо по пути XX съезда». Правда, тут же меня поразил упрек, первый за много лет совместной работы, адресованный лично мне: «Сейчас ты понимаешь, почему в "Правде" не пошла твоя статья?»

А статья, собственно, не моя, а редакционная, подготовленная мной, полосная, называлась так: «Культ личности Сталина и его пекинские наследники». Была она одобрена лично Хрущевым. Но на протяжении нескольких месяцев ее не печатали. Почему? Уже после октябрьского Пленума стало ясно, что ее задерживали специально.

Вскоре после того Пленума состоялся мой первый и, в сущности, единственный подробный разговор с Брежневым. Весной 1965 года большой группе консультантов из нашего и других отделов поручили подготовку доклада Первого секретаря ЦК к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Мы сидели на пятом этаже в комнате неподалеку от кабинета Брежнева. Мне поручили руководить группой, и именно поэтому помощник Брежнева передал мне его просьбу проанализировать и оценить параллельный текст, присланный ему Шелепиным. Позже Брежнев вышел сам, поздоровался со всеми за руку и обратился ко мне с вопросом:

«Ну, что там за диссертацию он прислал?» А «диссертация», надо сказать, была серьезная — не более и не менее как заявка на полный пересмотр всей партийной политики хрущевского периода в духе откровенного неосталинизма. Мы насчитали 17 пунктов крутого поворота политического руля к прежним временам: восстановление «доброго имени» Сталина; пересмотр решений XX и XXII съездов; отказ от утвержденной Программы партии и зафиксированных в ней некоторых гарантий против рецидивов культа личности, в частности отказ от ротации кадров; ликвидация совнархозов и возвращение к ведомственному

принципу руководства; установка на жесткую дисциплину труда в ущерб демократии; возврат к линии на мировую революцию и отказ от принципа мирного сосуществования, как и от формулы мирного перехода к социализму в капиталистических странах; восстановление дружбы с Мао Цзэдуном за счет полных уступок ему в отношении критики культа личности и общей стратегии коммунистического движения; возобновление прежних характеристик Союза коммунистов Югославии как «рассадника ревизионизма и реформизма»… И многое другое в том же направлении. (Напрасно Шелепин отрицает сейчас факт подготовки им и его группой параллельного доклада. Об этом знает добрый десяток людей: А.Н. Яковлев, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин и др.)

Начал излагать наши соображения пункт за пунктом Брежневу. И чем больше объяснял, тем больше менялось его лицо. Оно становилось напряженным, постепенно вытягивалось, и тут мы, к ужасу своему, почувствовали, что Леонид Ильич не воспринимает почти ни одного слова. Я остановил свой фонтан красноречия, он же с подкупающей искренностью сказал:

«Мне трудно все это уловить. В общем-то, говоря откровенно, я не по этой части. Моя сильная сторона — это организация и психология», — и он рукой с растопыренными пальцами сделал некое неопределенное движение».

Согласный дуэт «воспоминателей» ясно свидетельствует, как они старались повлиять на нетвердого и не слишком, к сожалению, образованного Леонида Ильича. Кстати, тут попутно высвечивается истинная линия Андропова, которого до сих пор некоторые простачки почитают чуть ли не «сталинистом». Брежневу хрущевский антисталинский курс был явно не по душе, при нем он сразу был сильно умерен, но увы… Найти в себе силы круто повернуть руль он не нашел.

Сделаем одно маленькое отступление. Поскольку ссылки на воспоминания Арбатова и Бурлацкого появятся в нашей книге еще не раз, дадим характеристику этому типу личностей, принадлежавшую тоже тогдашнему сотруднику ЦК Р.И. Косолапову. В отличие от своих либерально-еврейских сослуживцев, он не изменил идеям патриотического коммунизма, остался верен им и по сей день. Он свидетельствует об истинной цене липового «академика» и подлинного политического интригана Арбатова (Бурлацкий был таким же, только менее удачливым):

«Читая «охотничьи» рассказы Арбатова о встречах с «великими», все время ловишь себя на мысли о том, когда же он был искренен — при их жизни или после их смерти. Еще памятны

писания академика и его друзей в связи с брежневскими юбилеями. Мне приходилось пропускать в печать некоторые из подобных дежурных текстов, и от них буквально тошнило. Не забыл я также статью умного и циничного публициста, который подхалимски играл словами «генерал» и «Генеральный». Если уж Арбатов и уличает Брежнева в мещанстве, — и тут он не ошибается, — почему бы не прощупать и другую сторону — то, как наша просвещенная пресса, как ученые и деятели культуры поощряли это самое мещанство в Леониде Ильиче, как он сам, все больше подчиняясь союзу лести и склероза, переставал ощущать себя обычным человеком и уже тонировал свой корпус под бронзу.

Брежнев был ординарен, но не глуп. В декабре 1975 года он позвонил Зимянину, работавшему тогда главным редактором «Правды», и пожаловался на жизнь: «Устал. Чувствую себя плохо. Нахожусь в прострации. А ко мне все лезут, чего-то хотят, и нет выхода». Видимо, подобие выхода, а вернее — разрядки, ему давала вся эта мишура с регалиями, бовински-ми томами «Ленинским курсом», многочисленными сборниками, мнимым писательством. Он не очень-то замечал, что спектакль устраивается не для него самого и вовсе не для страны, а выгоден плотно окружавшей его кучке творцов «археократии». Ведь культ не создается для себя одной личностью. И упрочивается он всегда заинтересованным окружением. Арбатову себя из этого окружения, увы, не исключить».

При Брежневе партийно-государственное руководство было достаточно молодым, средний его возраст, включая самого Первого секретаря, был менее шестидесяти лет. Появились там и новые весьма деятельные и крепкие характером личности. На мартовском Пленуме ЦК членом Президиума стал Кирилл Трофимович Мазуров, бывший белорусский партизан, а потом глава Правительства Белоруссии. Одновременно он стал заместителем Предсовмина, отвечая за работу промышленности. Твердый государственник и сторонник сталинского стиля работы, он сразу стал неудобным соратником для Брежнева. Позже Мазуров откровенно рассказал о начале их совместной работы:

«На Пленуме, после освобождения Хрущева, я выступил с замечанием, что нельзя сосредоточивать всю политику в руках одного человека, руководителя партии. Потому что если она неправильна, то народ связывает все недостатки и провалы с партией, а это вредно для общества. (Кстати, я сам об этом как-то не вспоминал, а много лет спустя перелистывал книжку одного итальянского историка-коммуниста и увидел ссылку на то мое выступление.) Я говорил эти слова искренне, а не подлаживаясь

под ситуацию. Уверен, что многие тогда думали так же. По-настоящему хотели восстановить доброе имя нашей идеологической, партийной службы.

И в области экономики мы тогда под руководством Косыгина начали думать о реформах, в какой-то мере развивать то лучшее, что начинал Хрущев. Поставили вопрос о предоставлении большей самостоятельности местным органам власти, мечтали о хозрасчете. Правда, конкретные детали отшлифовывались с трудом, потому что было много консерватизма и в нас самих. Но, в общем, что-то хорошее мы сделали. Не случайно же восьмая пятилетка — самая высокопроизводительная за всю историю страны.

Тогда же партия восстановила райкомы, обкомы. Повысили требовательность. Дело пошло. Но потом реформа постепенно стала сходить на нет, распадаться, потому что за нее надо браться, а ее не очень-то поддерживал Леонид Ильич. Все-таки многое, хотя я и не сторонник персонифицировать политику, зависит от первого лица. А главной заботой нашего руководителя, к сожалению, стала забота о создании личного авторитета.

«Руководителю нужен авторитет, помогайте», — говорил он в узком кругу. Но под помощью подразумевалось нечто особенное. Например, Подгорный рассказывал мне, что Леонид Ильич просил его, чтобы тот в нужных местах речи Генсека на собраниях общественности столицы вставал и поднимал таким образом зал, чтобы аплодировал в нужных местах. И добавлял: «Может, это и нехорошо, но это нужно, приходится это делать». Вероятно, из тех же побуждений, нежелания делить с кем-то авторитет он на заседании Президиума ЦК перед XXIII съездом партии предложил: «Я выступаю с докладом, вы все его читали, это наш общий отчет перед партией. Поэтому не надо вам выступать. Вот товарищ Косыгин может выступить о пятилетке, остальным не надо».

Следующий этап — была ограничена возможность передвижений. Случилось это так. Первое время мы ездили по стране, например, я с 1965 по 1970 год посетил 29 областей Российской Федерации, где до того не был. Тем более что я в исполнительном органе, заместитель Председателя Совмина. И вот как-то поехал в Свердловск, потом в Кемеровскую область. А там на меня очень серьезно насели шахтеры. Я неделю у них пробыл, разобрался с делами. Приезжаю, вызывает Леонид Ильич: «Как это ты в Кемерове был и мне ничего не сказал? (Я-то предполагал, что приеду и расскажу, какое там положение.) Знаешь, так нельзя, надо все-таки спрашивать, когда ты

уезжаешь». И когда собралось Политбюро, предложил: «Товарищи, нам надо порядок навести. Надо, чтобы Бюро знало, кто куда едет. Чтоб было решение Бюро. И предупреждать, что он там будет делать». Стали было возражать: «Зачем так регламентировать? Ведь мы же члены руководства страны и партии». Но уже не в первый раз прошло его предложение, хотя некоторые члены Политбюро и возражали».

Мазуров точно излагает тогдашнее положение дел на политических верхах страны. Брежнев постепенно набирал силу, менял по своему усмотрению кадры на среднем уровне, готовил благоприятные для себя кадровые перемены в высших эшелонах власти. В общем ничего тут особенного или тем более сугубо отрицательного нет, каждый руководитель, большой или не очень, строит свою линию власти примерно так же. Главное тут не в этой привычной административной тактике, а в политической стратегии — во имя чего все это делается?

Ленин, который по праву считается одним из самых великих политических стратегов XX столетия, еще до вершины своих успехов сделал изречение, которое стало афоризмом: «Принципиальная политика есть единственно правильная политика». Да, так есть, было и пребудет вовек: никакие хитросплетения и интриги, как бы умно и хитро их ни плели, не приведут к решающему успеху, если политик не ставит перед собой ясной и далеко идущей цели. У Ленина и Сталина таковые имелись и были понятны всем. Хрущев разменял принципы на кукурузу и переполненные желудки, потому и неважно закончил дела свои и такую же память о себе оставил. Брежнев, он имел лишь тактику… Усидеть наверху, вот цель. Но он был мягок и добр, потому и жить давал другим, вверху и внизу.

Первое публичное политическое испытание Брежневу как главе партии пришлось пережить в мае 1965 года. Тогда решили торжественно отметить двадцатилетие Победы в Отечественной войне. Известное дело в истории всех государств: когда своих побед не одерживают, то пышно поминают старые. Так, кстати, было в предреволюционной императорской России: широко отмечались юбилеи Полтавы и Бородина, после того, как в Маньчжурии и при Цусиме потерпели поражение…

О подготовке к этой годовщине рассказал кремлевский сплетник Бурлацкий, а он знал подробности.

«Вернемся, однако, к подготовке доклада к 20-летию Победы, потому что именно тогда определился исторический выбор, предопределивший характер брежневской эпохи. «Диссертация» Шелепина была отвергнута, и общими силами был подготовлен вариант доклада, который хотя и не очень последовательно, но

развивал принципы, идеи и установки хрущевского периода. Брежнев пригласил нас в кабинет, посадил по обе стороны длинного стола представителей разных отделов и попросил зачитать текст вслух.

Тут мы впервые узнали еще одну важную деталь брежневского стиля: он очень не любил читать и уж совершенно терпеть не мог писать. Всю информацию, а также свои речи и доклады он обычно воспринимал на слух, в отличие от Хрущева, который часто предварительно диктовал какие-то принципиальные соображения перед подготовкой тех или иных выступлений. Брежнев этого не делал никогда.

Чтение проекта доклада прошло относительно благополучно. Но, как выяснилось, главная битва была впереди, когда он, как обычно, был разослан членам Президиума и секретарям ЦК КПСС. Мне поручили обобщить поступившие предложения и составить небольшую итоговую справку. Подавляющее большинство членов руководства высказалось за то, чтобы усилить позитивную характеристику Сталина. Некоторые даже представили большие вставки со своим текстом, в которых говорилось, что Сталин обеспечил разгром оппозиции, победу социализма, осуществление ленинского плана индустриализации и коллективизации, культурной революции, что стало предпосылками для победы в Великой Отечественной войне и создания социалистического лагеря.

Сторонники такой позиции настаивали на том, чтобы исключить из текста доклада само понятие «культ личности», а тем более «период культа личности». Больше других на этом настаивали Суслов, Мжаванадзе и некоторые молодые руководители, включая Шелепина. Другие, например Микоян и Пономарев, предлагали включить формулировки, прямо позаимствованные из известного постановления «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года.

Особое мнение высказал Андропов. Он предложил полностью обойти вопрос о Сталине в докладе, попросту не упоминать его имени, учитывая разноголосицу мнений и сложившееся соотношение сил среди руководства. Юрий Владимирович считал, что нет проблемы, которая в большей степени может расколоть руководство, аппарат управления да и всю партию и народ в тот момент, чем проблема Сталина.

Брежнев в конечном счете остановился на варианте, близком к тому, что предлагал Андропов. В докладе к 20-летию Победы фамилия Сталина была упомянута только однажды».

Да, это так. Усилиями просионистских помощников-советников Брежнева, с подсказками ему Суслова и Андропова

(первый женат на еврейке, второй сам полуеврей) имя Сталина в праздничном докладе, зачитанном Генеральным секретарем, упоминалось лишь раз в совершенно вроде бы нейтральном виде: некоторую, мол, роль в достижении Победы сыграл Председатель Государственного Комитета Обороны Иосиф Виссарионович Сталин… Да, один раз, но что получилось!

…Речь эта передавалась по всем каналам радио и телевидения, в прямом эфире, я смотрел выступления, как и миллионы сограждан, очень внимательно. Не только кучку советников Брежнева, но и весь народ горячо интересовало, будет ли помянуто сталинское имя, ведь уже десять лет, с февраля 1956-го, его предавали только пошлым поношениям. И вот Брежнев зачитал упомянутый краткий текст. Что началось в зале! Неистовый шквал аплодисментов, казалось, сотрясет стены Кремлевского дворца, так много повидавшего. Кто-то стал уже вставать, прозвучали первые приветственные клики в честь вождя. Брежнев, окруженный безмолвно застывшим президиумом, сперва оторопело смотрел в зал, потом быстро-быстро стал читать дальнейшие фразы текста. Зал постепенно и явно неохотно затих. А зал этот состоял как раз из тех лиц, кого именовали «партийным активом», или иначе, «кадровым резервом». То был именно ИХ глас.

Однако 8 мая 1965 года раздался еще один характерный политический сигнал тогдашнему партийному руководству. Но если о первом сразу же узнала вся страна, то второй стал достоверно известен только тридцать лет спустя, когда писатель В. Карпов в 1994 году опубликовал свидетельства семьи покойного уже маршала Жукова.

Здесь нужно тоже сделать маленькое пояснение. Ранее о Жукове ходили только сплетни, теперь из достоверных публикаций известна подлинная правда. Да, это был величайший полководец Второй мировой войны, что ныне равно признают и бывшие враги, и союзники тогдашние. Так, однажды находясь после победы во главе Группы советских войск в Германии, Жуков, как и некоторые другие генералы и офицеры, что называется, «не удержался»… Выросший в дореволюционной крестьянской, а потом и советской бедности «красного командира», он увлекся сбором и вывозом «трофеев». А его адъютанты за спиной маршала еще более расстарались…

Вагоны, груженные «трофеями», перехватила контрразведка. Естественно, доложили Сталину, он велел негласно расследовать позорное дело. Тяжело, очень тяжело читать опубликованные документы с описями десятков ковров, меховых шуб, хрусталя, часов, драгоценностей и прочего барахла, что привезли в

квартиру и на дачу Жукова в ту пору. Но так было (заметим, никто из иных советских маршалов таковым не соблазнился!). Сталин не стал позорить прославленного воина, его лишь понизили в должности. Свое истинное отношение к бывшему Верховному Главнокомандующему маршал Жуков четко отразил в своих знаменитых воспоминаниях.

Никита Хрущев воспользовался авторитетом прославленного маршала в своих честолюбивых целях, а потом с присущим ему хамством унизительно прогнал его в отставку. Но не только. Сталин простил Жукову некрасивые дела, а мелочный Хрущев отобрал у него дачу и квартиру, урезал пенсию… Народ и все Вооруженные Силы встретили это хрущевское унижение с молчаливым, но общим негодованием. Все ждали от нового партийного вождя перемен и в этом деле.

С октября 1957 года не появлялся на людях прославленный маршал. И вот 8 мая он появился на торжестве в память Победы. Ему было под семьдесят, но он выглядел моложаво и казался крепким, хоть был и невелик ростом. Лишь он появился, его начали приветствовать овациями и здравицами, так он и вошел в зал. О дальнейшем свидетельствует писатель В. Карпов: «А когда в докладе в числе прославленных военачальников была произнесена фамилия Жукова, в зале возникла новая овация, все встали и очень долго аплодировали стоя. Такая реакция озадачила нового генсека Брежнева, и опять возникли неприятные для Жукова последствия. В этот день зародилась болезненная ревность к славе маршала у Брежнева, нового всесильного вождя партии и главы государства. Как выяснилось позже, Леонид Ильич мелко гадил маршалу, задерживая издание его книг, только потому, что в ней не упоминался новый претендент на историческую роль в войне — полковник Брежнев. Ревность и даже боязнь приветственных оваций была так велика, что Генеральный секретарь, не желая видеть и слышать все это, рекомендовал делегату съезда (XXIII) маршалу Жукову, члену партии с 1919 года, не появляться на съезде. Вот что об этом пишет А. Миркина.

«Брежнев по телефону спрашивает Галину Александровну:

— Неужели маршал действительно собирается на съезд?

— Но он избран делегатом!

— Я знаю об этом. Но ведь такая нагрузка при его состоянии. Часа четыре подряд вставать и садиться. Сам не пошел бы, — пошутил Брежнев, — да необходимо. Я бы не советовал.

— Но Георгий Константинович хочет быть на съезде, для него это последний долг перед партией. Наконец, сам факт присутствия на съезде он рассматривает как свою реабилитацию.

— То, что он избран делегатом, — внушительно сказал Брежнев, — и есть признание и реабилитация.

— Не успела повесить трубку, — рассказывала Галина Александровна, — как началось паломничество. Примчались лечащие врачи, разные должностные лица, — все наперебой стали уговаривать Георгия Константиновича не ехать на съезд — «поберечь здоровье». Он не возражал. Он все понял».

Не станем преувеличивать, Брежнев не «задерживал» воспоминаний маршала Жукова, а упомянуть полковника с Малой Земли в книге его заставили цековские холуи, факты эти теперь точно выяснены, имена мелких подхалимов названы. Брежнев испытывал некоторое смущение перед Жуковым именно как перед великим деятелем великой сталинской эпохи. Он сам таковым не был, потому и немного ревновал. Но то была вовсе не личная его неприязнь к маршалу.

Сделаем еще одно уточнение относительно судьбы Жукова. Первой супругой его была еврейка, с которой он развелся после войны, имея от нее двух дочерей, которые потом не очень-то помогали отцу. Галина Александровна, о которой говорилось выше, его вторая жена, врач, лечившая маршала, преданная русская женщина, она скончалась от многих потрясений еще при жизни горячо любимого супруга. Их дочь — Мария Георгиевна Жукова достойно продолжает патриотический путь отца.

Брежнев медленно, осторожно, не делая никаких резких действий и заявлений, неуклонно укреплял свою личную власть. Потом новоявленные «демократы» стали укорять его за это, но кто же из деятелей, имеющих большую власть и честолюбие, поступает иначе? А он в сложившихся условиях поступал не только мягко, но и по-доброму.

В декабре 1965 года подал в отставку (разумеется, сугубо тайно от советских граждан) с поста Председателя Президиума Верховного Совета Микоян Анастас Иванович. Он объяснял свое довольно неожиданное для советских деятелей решение тем, что у него уже семидесятилетний возраст (родился в ноябре 1895-го). Тогда (свидетельствую как очевидец событий) тот возрастной ценз казался и в самом деле предельным — много позже Леонид Ильич справит свое семидесятипятилетие на том же посту очень даже бесстрастно. Но главное тут в ином. Микоян был очевидным сторонником Хрущева, и Брежнев, будь он мстителен, как потом толковали его враги, должен был бы убрать его. Нет, Леонид Ильич устроил старому сталинскому соратнику пышные, на весь Союз, проводы. А на его пост «президента» поставил своего давнего соратника Николая Викторовича Подгорного, бывшего специалиста по сахароварению, потом первого секретаря

Харьковского обкома, потом секретаря ЦК КПСС, сотоварища Брежнева по заговору свержения Никиты Сергеевича. Потом они рассорились, но об этом позже.

Приближался XXIII съезд партии. Брежнев, привычный к неожиданным кадровым перемещениям и решениям, готовился к этому важнейшему в истории партии форуму с повышенным вниманием. Это было разумно, с какой стороны на те события ни посмотри. Съезд в итоге сложных переговоров в высших кругах власти был назначен на март 1966 года. Но перед съездом возникли совершенно неожиданные события сугубо политического характера. Речь пошла о «литературе».

Осенью 1965 года в советской печати вдруг возник шум по поводу никому не известных «писателей» Синявского и Даниеля. Кто они как литературные работники, никто не знал, даже в столичной интеллигентской среде. Потом-то выяснилось, что Синявский, сотрудник Института мировой литературы, писал статьи о ценностях соцреализма, а Дани-ель был скромный переводчик с разных языков. Свои никому не нужные сочинения они передавали за границу, их там печатали не без благословения американских и других западных спецслужб. И вот советское КГБ это все выяснило.

В отличие от иных подобных случаев, об этом написали в газетах. Теперь-то ясно, что это был шаг Шелепина и его ставленника на Лубянке Семичастного: вот, мол, до чего довело страну хрущевское заигрывание с интеллигенцией либерального толка… Конечно, это было несомненное самоуправство органов госбезопасности, они проделали эту операцию самостоятельно, не согласовав ее с партийным руководством. Надо напомнить тут, что никогда, ни при Ленине и Сталине, которые «органы» ценили, ни при Хрущеве, который их недолюбливал, арест мало-мальски значительных людей так не проводился. Дзержинский, Ягода, Ежов и Берия, кто бы уж они ни были, такого себе не позволяли. Они знали твердо: «Партия (ее вождь) — наш рулевой». Шелепин и Семичастный решили «порулить» сами. Видимо, они надеялись на малозначимость обоих сочинителей, никто, мол, за них не вступится. Они ошиблись, да еще как!

Во всем мире (имеется в виду, конечно, мир просионистской печати и телевидения) начался неистовый гвалт: свобода слова… права личности на самовыражение… Ну, партийному руководству к шумихе на Западе было не привыкать, не такое слыхали и переживали, но куда серьезнее разворачивались события внутри страны. Глупость и непоследовательность Хрущева состояла, помимо всего прочего, и в его идеологической политике. Он то бранил художников-модернистов, обзывая их педерастами (как

выяснилось, не без основания), то заигрывал с мальчишками поэтами, сочинявшими нечто фрондерское, хотя и вполне прокоммунистическое. А так как грозная некогда Лубянка при нем сильно притихла, это разбаловало верхушку интеллигенции.

Арест двух неведомых «писателей» вызвал вдруг в этой среде сильное брожение. Нет-нет, никаких публичных действий или высказываний, до «перестройки» было еще далеко, но… начались разговоры, и даже вслух. А потом пошли и письма в разные властные учреждения с просьбой (или порой даже требованием) в этом деле «разобраться». Такого еще не было никогда в Советском Союзе, возникло даже словечко «подписант», сохранившееся и по сей день в языке, хотя уже в смысле сугубо ироническом. Короче, Шелепин и его сотоварищи своими грубыми действиями спровоцировали опасную для них волну, но они не понимали сути происходящего. Их младший сподвижник Сергей Павлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, публично выступал с горячими обличениями всякой крамолы в культуре. Против него и пошел ответный удар, остался в памяти стишок Евтушенко «Румяный комсомольский вождь»…

Многоопытный и осторожный Брежнев, находясь на пике своей карьеры, все это, разумеется, видел и на ус мотал. Шелепин и его дружки действуют без оглядки на партийное руководство и Генерального секретаря? Сегодня они самостоятельно начинают политический процесс, а что сделают завтра и что замышляют вообще? Более того, пошли разговоры — за границей шумно, у нас пока тихо, — что в Москве-де собираются опять вернуться к политике репрессий.

Брежнев и его старшие сотоварищи по Политбюро никаких новых репрессий проводить не хотели, они достаточно хорошо помнили тяжкие испытания партийных кадров в тридцатых годах. Нет, зарвавшимся «комсомольцам» следует дать своевременный отпор, пока они не натворили еще чего-нибудь, куда более крутого. Осторожно и молчаливо Брежнев начал обдумывать и готовить ответные меры.

В ту пору, повторим, он был в хорошей форме. Его аппаратный сотрудник тех времен Ф. Бурлацкий засвидетельствовал с точной наблюдательностью прислуги за своим хозяином: «Свой рабочий день в первый период после прихода к руководству Брежнев начинал необычно — минимум два часа посвящал телефонным звонкам другим членам высшего руководства, многим авторитетным секретарям ЦК союзных республик и обкомов. Говорил он обычно в одной и той же манере: вот, мол, Иван Иванович, вопрос мы тут готовим. Хотел посоветоваться, узнать твое мнение… Можно представить, каким

чувством гордости наполнялось в этот момент сердце Ивана Ивановича. Так укреплялся авторитет Брежнева. Складывалось впечатление о нем как о ровном, спокойном, деликатном руководителе, который шагу не ступит, не посоветовавшись с другими товарищами и не получив полного одобрения своих коллег.

При обсуждении вопросов на заседаниях Секретариата ЦК или Президиума он почти никогда не выступал первым. Давал высказаться всем желающим, внимательно прислушивался и, если не было единого мнения, предпочитал отложить вопрос, подработать, согласовать его со всеми и внести на новое рассмотрение. Как раз при нем расцвела пышным цветом практика многотрудных согласований, требовавшая десятков подписей на документах, что стопорило или искажало в итоге весь смысл принимаемых решений.

Прямо противоположно Брежнев поступал при решении кадровых вопросов. Когда он был заинтересован в каком-то человеке, он ставил свою подпись первым и добивался своего. Он хорошо усвоил сталинскую формулу: кадры решают все. Постепенно, тихо…»

Общительность и простота общения Брежнева были безусловно положительными качествами, которые хороши для любого руководителя. Хрущев кричал и матерился, не терпел чужих мнений и тем более возражений. Ясно, что на его фоне для всего партийного аппарата Брежнев выглядел в высшей степени благоприятно, что было сразу замечено и оценено окружающими.

Брежнев предложил Семичастному и его следователям закончить дело Синявского и Даниеля до партийного форума. Те не возражали, ибо уверены были в успехе: факт незаконной передачи рукописей за рубеж очевиден, сами обвиняемые его признают, эксперты дали заключения об антисоветской направленности публикаций, все, мол, тут ясно, дело обычное, проведем открытый процесс, пусть все видят…

Но дело-то оказалось совсем необычным и неясным. Судебное разбирательство и в самом деле шло открыто, присутствовали иностранные корреспонденты, довольно широко, хотя, конечно, односторонне, освещала дело советская печать. Такого не было со времен знаменитых процессов конца тридцатых годов. На повторение таких же результатов наверняка и рассчитывали простоватые шелепинские чекисты, давно отвыкшие от серьезных дел подобного рода. Однако исполнители нынешнего дела оказались иными, а главное — изменилось время.

Процесс вел образованный и талантливый юрист Лев Николаевич Смирнов (автор имел честь много общаться с этим

замечательным русским человеком). Он совсем не хотел подыгрывать шелепинским лубянцам, вел судебное разбирательство спокойно, как бы отрицая своих невольных предшественников Ульриха и Вышинского. Более того, ясно (хоть и никогда точно не станет известно, однако вполне логично предположить, исходя из общей линии Брежнева в ту пору), что Смирнову так или иначе дали понять, что на самом верху вовсе не собираются требовать от него повторения тридцать седьмого года… Так ли, не так ли, но председатель суда давал обвиняемым высказаться и довел дело до конца.

Конец известен: 12 февраля приговорили Синявского к семи, а Даниэля к пяти годам строгого режима за антисоветские произведения и передачу их за границу. Все было по закону, они оба получили даже меньше, чем полагалось бы по максимуму той статьи. Шум за границей достиг силы шторма, а у нас число «подписантов» возросло. Всем понимающим людям стало ясно, что Шелепин и его команда проиграли: поворота в политике не добились, противников своих не запугали, а только пыль подняли. Брежнев понимал это лучше многих…

Главное теперь было — провести XXIII съезд партии, где ему впервые в жизни довелось выступить с отчетным докладом. Серьезная, хоть и молчаливая, борьба в партийных верхах развернулась о памяти Сталина, продолжать ли непопулярную хрущевскую линию в этом деле, пойти ли на обратную «реабилитацию» его имени или вообще осторожно обойти этот острейший вопрос. Ясно, что Брежнев избрал последнее, не без труда добившись тут большинства сторонников этой точки зрения. Другой его предварительный успех состоял в важном процедурном изменении порядка съезда (Леонид Ильич на такие процедурные игры был уже тогда большой мастак!): было решено, что на съезде от ЦК и от своих ведомств будут выступать только Брежнев, Косыгин и Подгорный. Шелест или Щербицкий будут выступать только от Украины. Другие члены Президиума ЦК должны будут воздерживаться от выступлений. И действительно, ни Суслов, ни Шелепин, ни Микоян, ни Демичев не получили слова на съезде партии. Такой же порядок сохранился и на следующих съездах партии, хотя до сих пор была традиция, что все члены Политбюро обязательно выступали, освещая перед партией свои взгляды, порой противоречивые. Теперь от них требовалось, по крайней мере, показное единство, что, разумеется, уменьшало их возможности оспорить, хотя бы косвенно, мнения Генерального секретаря. Это было немаловажным успехом Брежнева, тоже внешне почти незаметным.

Съезд открылся в Кремлевском дворце 29 марта докладом Брежнева. Ничего принципиального он не произнес. Поразило всех то, что имя Хрущева, снятого с поста всего лишь полтора года тому назад, даже не упоминалось! В стране под руководством партии все идет хорошо, возникли новые задачи, будем их решать… Таковы же были и «прения» по докладу, если их можно было так назвать. Но что характерно, никакого славословия нового Генерального секретаря не прозвучало, даже в хрущевском недавнем варианте.

Главным вопросом был, разумеется, кадровый. Тут Брежнев тоже проявил разумную осторожность, да и сил к крутым переменам у него еще не было. Однако ему, во-первых, удалось не допустить ни одного нежелательного для себя лица в Политбюро и Секретариат, а главное — пополнить их состав всего лишь несколькими, но весьма преданными ему лицами. Кандидатами в Политбюро назначены казахстанский Д. Кунаев и украинец В. Щербицкий, давние знакомые Брежнева. И еще: новым секретарем по промышленности стал А. Кириленко, старинный брежневский сотоварищ по днепропетровским заводским делам. То были не очень значительные, но твердые шаги к укреплению власти. В Политбюро и Секретариате еще заседал Шелепин, но никаких перспектив у него уже не было.

Разумеется, все кремлевское чиновничество отлично видело, что, во-первых, Брежнев укрепился у власти, а во-вторых, что он явно плохо владеет многими вопросами, культурными — тем более, а в идеологических вообще не сведущ. Значит, на него можно влиять. Кто, как, вот вопрос. Цитируем Г. Арбатова:

«На XXIII съезде вопреки требованиям сталинистов решения предыдущих съездов отменены не были. Хотя по духу своему съезд был не только бесцветным, а и консервативным, и уж во всяком случае не сделал ни одного шага вперед, но реставрации сталинизма не произошло. Тогда и это многие считали победой. Сейчас это может казаться невероятным, но само упоминание в официальных документах и речах XX и XXII съездов партии воспринималось как свидетельство того, что «крепость» еще не сдалась, обрело важное символическое значение. Сохранены были и шедшие от XX съезда новшества во внешней политике, включая понятие мирного сосуществования, хотя вокруг него тоже шла острая борьба. А летом 1966 года на заседании Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора была одобрена идея переговоров, направленных на создание системы общеевропейской безопасности, то есть начат путь, который через девять лет привел к Хельсинкскому Заключительному акту.

Став Первым секретарем ЦК КПСС, Брежнев с немалым трудом привыкал к своей новой ответственности, проникался пониманием того, какое огромное бремя легло на его плечи. И хотя столь высокое положение ему, несомненно, очень нравилось, поначалу были и робость, и осторожность, и боязнь ошибиться. Его, конечно, очень серьезно обременял старый, скудный интеллектуальный багаж, провинциальные взгляды на многое, узкий, даже мещанский, обывательский кругозор (потом все это сыграло очень дурную роль). Самонадеянность появилась позже, и не без помощи подхалимов, ставших со сталинских времен, пожалуй, самой большой угрозой для политического руководства страны, собственно, для руководства на любом уровне. А о поразивших его еще позже болезни, старости, даже маразме разговор особый.

В первые два-три года после октябрьского Пленума Брежнев, хотя еще и верил своим прежним советникам, начал понимать, что не может полагаться лишь на них, что он должен радикально расширить круг получаемой информации, знакомиться с мнениями (притом различными мнениями) большего количества самых разных людей. В то время Брежнев действительно многим интересовался и охотно слушал то, что ему говорили (читать он не любил, письменный текст воспринимал хуже устного, потому и направляемые ему записки чаще всего просил читать вслух). И — из песни слова не выкинешь — кое-что воспринимал. Здесь, правда, существовала любопытная закономерность: воспринимал то, что относилось к сферам, в которых он считал себя несведущим, — внешней политике, в какой-то мере в вопросах культуры, даже в идеологии и марксистско-ленинской теории. Зато был убежден, что прекрасно знает сельское хозяйство, да и вообще практическую экономику, а также военные вопросы. И очень хорошо разбирается в людях, в кадрах, знаток партийной работы. На все эти темы, как я заметил, говорить с ним, пытаться его переубедить было почти бессмысленно.

Как бы то ни было, общими, хотя и разрозненными усилиями значительного числа людей удалось серьезно ослабить влияние на нового Генерального секретаря наиболее воинственных сталинистов, включая как отдельных членов Политбюро, так и доморощенных теоретиков из свиты. Давалось это в упорной борьбе.

Одна из самых острых схваток, в которых я участвовал, разгорелась вокруг текста речи, которую он должен был произнести в ходе своей первой в новом качестве поездки в Грузию, в начале ноября 1966 года (для вручения ордена республике, конечно). Первоначальный вариант речи был

подготовлен под руководством Трапезникова и Голикова и их грузинских друзей. Он представлял собой совершенно бессовестную попытку возвеличить Сталина и снова провозгласить его великим вождем. Получив текст, Брежнев передал его Цуканову на «экспертизу». Цуканов же хорошо понял, какой скандал может вызвать такая речь, и попросил меня дать развернутые замечания. Я это сделал. В тот же день он сказал, что назавтра в 9 утра меня приглашает Брежнев.

Подумав, я решил, что наиболее эффективным способом доказательства будут не призывы к политической порядочности (разве можно, разоблачив Сталина как преступника, его теперь восхвалять?) и не абстрактные рассуждения о вреде культа личности и его несоответствии марксизму, а предельно предметные аргументы о пагубных практических последствиях такого выступления нового лидера для него самого, для партии и страны. Первый аргумент сводился к тому, что такая речь вызовет серьезные осложнения в ряде социалистических стран. В двух из этих стран, решился я напомнить Брежневу, лидерами стали люди, в свое время заключенные Сталиным в тюрьму и чудом оставшиеся в живых, — Кадар в Венгрии и Гомулка в Польше. Что ж, там снова менять лидеров? Ведь этого местные сталинисты непременно захотят. Неужто Брежневу нужны такие осложнения? Второй аргумент — реакция компартий Запада. Они с трудом, а кое-где с немалыми издержками переварили XX съезд. Что ж им теперь делать? И третий аргумент — внутренний. Я не поленился выписать из стенограммы XXII съезда партии самые яркие высказывания против Сталина людей, еще состоящих при Брежневе в Политбюро, секретарей ЦК (в том числе Шелепина, Суслова, Подгорного, Мжаванадзе). Как же они, совсем недавно клеймившие Сталина, требовавшие вынести его труп из Мавзолея и воздвигнуть памятник его жертвам, после такой речи нового Генсека будут выглядеть в глазах партии, широкой советской и зарубежной общественности? Как будут смотреть в глаза людям? Или товарищ Брежнев специально хочет их дискредитировать? Да ведь и сам Брежнев участвовал во всех съездах партии, начиная с XIX, и с того же съезда был членом ЦК КПСС.

С тем я и пришел к Брежневу. Единственной неожиданностью было то, что, когда мы с Цукановым зашли в кабинет, поздоровались и сели, Брежнев предложил: «А не позвать ли нам еще Андропова?» И тут же его вызвал. Так что всю «домашнюю заготовку» я выкладывал уже обоим: и Брежневу, и Андропову.

Чувствовалось, что аргументы произвели впечатление, Брежнев выглядел все более озабоченным, время от времени обращался к Андропову: что думает тот? Андропов, по-моему,

очень удачную выбрал тактику. Он каждый раз повторял примерно следующее: конечно, Георгий Аркадьевич горячится, в чем-то, может, и пережимает, преувеличивает, но такого рода издержки, наверное, неизбежны. И добавлял какие-то свои, подчас очень весомые соображения.

В конце концов Брежнев поручил нам троим спешно подготовить новый вариант речи. Не скажу, что он получился глубоким по мысли, богатым новыми идеями. Но имя Сталина там упоминалось (большего я здесь сделать просто не мог) только один раз — в перечне организаторов революционной борьбы в Грузии. Зато наряду с этим упоминался и XX съезд. По тем временам, особенно с учетом того, что в Грузии тогда были очень сильны настроения в пользу реабилитации Сталина, это было подтверждением прежнего курса в отношении всей проблемы Сталина и сталинизма.

Тогда, в 1965–1967 годах, мне казалось, что при всей противоречивости, неопределенности обстановки шансы на выправление политического курса возрастают. Увы, в 1968 году свершился поворот вправо, во всяком случае, во внутренних делах. Не в смысле той формальной реабилитации Сталина и осуждения решений XX съезда, словом, всего, чего поначалу, сразу после октябрьского Пленума, добивались сталинисты. Произошло другое. Ужесточилась политика, стали «закручивать гайки» в идеологии, культуре и общественных науках, заметно ухудшалась психологическая и политическая атмосфера в стране».

Для всей либерально-еврейской публики тогда и по сей день содержанием понятия «улучшение» или «ухудшение» положения в стране вот уже полвека является именно отношение к памяти Сталина. Вот как рассказал о характерном идеологическом событии той поры известный Р. Медведев. «Уже в мае 1965 года Брежнев назначил своего сотрудника по Молдавии С.П. Трапезникова заведующим Отделом науки ЦК. Несомненно, это было одним из худших кадровых назначений Генсека, что еще раз подтверждает его плохую осведомленность о делах идеологических, тем паче научных (в этом Леонид Ильич вообще был не сведущ). В стране самой передовой науки партийным попечителем ее стал серенький спец по истории ВКП(б) — КПСС. Но тогда Брежневу не возразили его противники, ибо Трапезников числился «консерватором», иначе говоря «сталинистом». Далее случилось примечательное дело.

Немалое недовольство в самых различных кругах вызвало быстрое возвышение С.П. Трапезникова, который в свое время директорствовал в Молдавской ВПШ, затем работал с Брежневым

в аппарате ЦК КПСС, а потом стал заместителем ректора ВПШ. И все это — при феноменальной безграмотности. Во время его выступлений слушатели забавлялись тем, что составляли списки грубых ошибок и оговорок, допущенных докладчиком. И вот теперь Брежнев делает его заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС.

Став на XXIII съезде членом ЦК КПСС и укрепив, таким образом, свое положение, Трапезников выставил свою кандидатуру в члены-корреспонденты АН СССР. При предварительном голосовании на Секции общественных наук его кандидатура была одобрена, но на общем собрании действительных членов академии он не получил не только необходимых для избрания 2/3, но даже половины голосов. Разразился скандал, и многие консервативные ученые из Секции общественных наук потребовали повторного голосования.

Президент академии М.В. Келдыш доложил обо всем Суслову. Последний сказал, что если академики требуют провести переголосование, то его надо провести, но не следует оказывать давление на участников голосования. Суслов был человеком консервативным, но все же достаточно грамотным, чтобы понимать, что представляет собой его новый подчиненный, однако не хотел из-за него вступать в конфликт с Брежневым. На повторном заседании общего собрания Академии наук в защиту Трапезникова выступили В.М. Хвостов и Б.А. Рыбаков — оба от отделения истории. Но против выступил выдающийся физик И.Е. Тамм, который весьма квалифицированно разобрал три главные книги кандидата и дал им отрицательную оценку. Приведенные им цитаты не нуждались в комментариях, и при повторном голосовании кандидатура Трапезникова была вновь провалена большинством голосов. Вся эта история получила огласку, и некоторые из членов Политбюро предложили освободить Трапезникова от должности заведующего отделом ЦК. Обсуждался даже вопрос о назначении его министром просвещения, но против этого решительно высказался Косыгин. Вопрос был отложен, и в конце концов Брежневу удалось отстоять своего любимца».

Поражает здесь, конечно, туповатая наглость брежневского выдвиженца! Из провинциального ничтожества вмиг вознесся до членства в ЦК и немыслимо высокой должности заведующего отделом, которому подчинялась вся наука страны, нет, ему еще и академические погоны зачем-то потребовались. Брежнев, как видно, и тут проявил свои обычные черты — потакать любезному ему хаму не стал, но и милости не лишил. Его верность старому товариществу была очень заметна, а это всегда привлекает

соратников. Значит, их не бросят в трудную минуту (начальников обратного толка не ценят). Так и досидел на своем посту дурковатый Трапезников до 1983 года.

В тех же случаях, когда против Брежнева прямо или косвенно выступали, он оставался непримирим и даже порой злопамятен. Таких примеров у него тоже случилось достаточно, вот один из них.

В июне 1967 года великолепно оснащенная американцами армия Израиля в шесть дней разгромила вооруженные силы Египта, Иордании и Сирии. Вооружены были они нашим оружием, хоть и не самым современным, и готовились нашими же инструкторами. Но бежали позорно, бросая нашу технику. Это вызвало острое народное недовольство: чего это мы поганым черным технику нашу задаром даем?! Одновременно вызвало всплеск просионистских активистов в нашей стране, что также не прошло мимо внимания советских людей. Наконец, по всему западному миру прокатилось злорадное хихиканье: да, хваленая советская военная техника на самом-то деле…

Буквально через несколько дней после злополучной «шестидневной войны» в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС. Первым по давнему протоколу выступил столичный первый Н.Г. Егорычев. Уже сразу после газетного сообщения о Пленуме — отлично помню это! — по стране поползли туманные, но настойчивые слухи о каком-то скандале, связанном именно с Егорычевым. Долго-долго не поступало никаких официальных сведений, потом вдруг краткое сообщеньице: тов. Егорычев Н.Г. назначен послом в Королевство Дания… Ну, все стало ясно: сняли бедолагу. Его называли в шутку, пока не забыли напрочь, «принц Датский». Но суть происшествия так и оставалась неизвестной.

Вот как рассказал о тех событиях сам Егорычев двадцать с лишним лет спустя.

«Я, что называется, позиции ПВО Москвы на брюхе прополз, так что знал состояние дел не по докладам подчиненных или заинтересованных лиц, а видел сам. Теперь, двадцать с лишним лет спустя, это уже не тайна. Поэтому можно сказать, что тогда ПВО столицы была ненадежной… Существовавшая система все более морально устаревала.

Модернизация ее должного эффекта не дала. Создание же новой системы ПВО столицы слишком затянулось.

Скорее всего, товарищам из руководства ЦК не очень понравилось и такое мое предложение: «Может быть настало время, продолжая линию октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК, на одном из предстоящих пленумов в закрытом порядке заслушать доклад о состоянии обороны страны и о задачах партийных

организаций, гражданских и военных». Мое предложение могло быть расценено как попытка принизить роль Политбюро, поставить его деятельность под контроль Центрального Комитета, что в общем-то соответствовало бы Уставу КПСС и не позволяло бы принимать такие опрометчивые решения, как, например, ввод советских войск в Афганистан.

Короче, выступление получилось довольно острое и в этой части. Должен сказать, что Пленум очень внимательно и одобрительно принял мое выступление.

Очень задело Дмитрия Федоровича Устинова. Он был в то время секретарем ЦК, курировал оборонную промышленность. А моя критика как раз и была направлена на перекосы, которые были допущены в оборонной промышленности.

После меня в тот день выступило еще человека три, и никто из них ни словом не обмолвился в критическом плане ни обо мне, ни о моих соображениях. В тот день заседание Пленума было прервано на полчаса раньше намеченного времени. До следующего заседания, как мне известно, была проведена определенная работа с членами ЦК, и когда на следующее утро первым на трибуну поднялся Шараф Рашидов, то он начал примерно так: «Николай Григорьевич, противовоздушная оборона начинается не в Москве, она начинается в Ташкенте». Ну и так далее. Примерно в том же духе выступили Мжаванадзе (Грузия), Катушев (Горький), Ахундов (Азербайджан), хотя они и не знали, в каком состоянии находится ПВО Москвы.

Честно скажу, выслушивать все это было не очень приятно… На другой день после Пленума я пришел к Брежневу и сказал: «Я понимаю, что руководить партийной организацией Москвы можно только тогда, когда ты пользуешься поддержкой Политбюро и руководства партии. Мне в такой поддержке, по-видимому, отказано. Поэтому я прошу дать согласие на уход». Брежнев говорит: «Напрасно ты так драматизируешь. Подумай до завтра». На самом же деле не мне нужны были эти сутки, а Брежневу, так как по его заданию в Москве уже шла работа с партийным активом.

Назавтра я снова прихожу к нему. Он спрашивает: «Ну как? Спал?» — «Спал», — отвечаю. «Ну и как решил?» — «Я еще вчера сказал, как решил». — «Ну ладно. Какие у тебя просьбы?» — «Просьба одна: я должен работать…» — «Не волнуйся, работа у тебя будет…»

Лукавит, конечно, излагая давнюю ту историю, бывший московский градоначальник! Он, мол, всего лишь за ПВО столицы беспокоился… Не его это, кстати говоря, дело — следить за секретнейшими ракетными установками, на то сугубо

ответственное военное командование существовало. Но он действительно выступил на Пленуме с этим вопросом. Почему вдруг? Как ни относись к агрессивному государству Израиль, но все же Москве оно тогда не угрожало…

Суть дела была совсем в ином, но Егорычев, пробыв двадцать лет в датской ссылке, как Робинзон на необитаемом острове, о том деле умолчал, а ныне и спросить не у кого: всех участников событий давно уже нет на свете. По сведениям отдаленных свидетелей, шелепинские сторонники решили воспользоваться политическим шоком после позорного поражения снабженных нашим оружием арабов и нанести удар по Брежневу, который отвечал за общее состояние обороноки.

Обобщая все имеющиеся достоверные данные, можно все же выяснить основные подробности заговора и состав его главных участников. Направлен он был прежде всего против Брежнева, замыслили дело те самые «комсомольцы», которые принимали участие в свержении Хрущева, но власти не получили.

Цель была поставлена нешуточная. Генсеком предполагался, разумеется, Шелепин. Косыгин оставался главой правительства, а Микоян возвращался на недавно оставленный им пост Председателя Президиума Верховного Совета. Этим заговорщики как бы создавали впечатление «преемственности» поколений и кадров. Егорычев — первым заместителем Косыгина (с перспективой, так сказать, «роста»), Семичастный — министром обороны, а на его место в КГБ — «комсомолец» Месяцев (он когда-то служил следователем), а министром культуры — зять Хрущева Аджубей (как ни странно, он тоже входил в «комсомольскую» группу).

Приходится заключить, что это была кучка беспринципных карьеристов, а не серьезных политиков. Брежнев заблаговременно был осведомлен об этих замыслах и спокойно подготовился к Пленуму.

«Молодежная группа», как они себя называли, оказалась и слаба, и болтлива, и во всем дилетанты.

Подготовились опять плохо. Пусть, мол, Егорычев начнет, а мы поддержим… Не поддержали, струсили или не сумели, а вот Леонид Ильич не растерялся и неожиданную эту атаку легко отбил.

Судьба Егорычева, неудачного зачинщика плохо подготовленного заговора, была предрешена. И честно говоря, поделом, как-никак на государственный переворот решился. Но и тут Брежнев проявил присущую ему мягкосердечность. Очевидец рассказывал, что уже после освобождения Н.Г. Егорычева с поста секретаря Московской парторганизации ему позвонил Леонид

Ильич и сказал примерно такое: «Ты уж извини, так получилось… Нет ли у тебя каких там проблем — семейных или других?» Егорычев, у которого дочь незадолго до этого вышла замуж и маялась с мужем и ребенком без квартиры, имел слабость сказать об этом Брежневу.

И что же вы думаете? Через несколько дней молодая семья получила квартиру. Брежнев не хотел ни в коем случае вызывать чувство озлобления. Если бы он был сведущ в искусстве, наверное, ему больше всего импонировали бы пастельные полутона, без ярких красок, будь то белых или красных, зеленых или оранжевых… Он часто сам одаривал квартирами свое окружение.

Бурные события 1967 года на том не закончились. В руководстве партии подковерная борьба за власть не прекращалась, но тут впервые Брежнев и его сотоварищи пошли на открытый и резкий шаг.

Семичастного следовало убирать как можно скорее; не ясно было, что готовят Шелепин и его сторонники, враждебные правящей группе. Но как соблюсти видимость формальной законности? Нужны были «служебные несоответствия», причем весомые. Их и «сделали». К празднованию 50-летия Октября советский народ и весь мир получили невиданный политический сюрприз: бежала за рубеж дочь Сталина Светлана Аллилуева.

Уже тогда догадливые современники недоумевали, как такую пикантную персону можно так легко упустить? Но уже вскоре, после «книг», выпущенных удачливой беглянкой за рубежом, стало ясно даже из тех бесхитростных текстов: да ее просто-напросто выталкивали из Союза! А потом, когда сорокалетнюю даму (оставившую, кстати, в Москве двоих детей от разных мужей; за рубежом она и третьего умудрилась родить) наши зарубежные спецслужбы запоздало принялись «ловить», из них многих «засветили». Опять неувязка в ведомстве Семичастного…

Сняли бывшего комсомольца и недолгого шефа Лубянского ведомства не только быстро и внезапно для всех, но с явным унижением. Брежнев и его советники сделали это явно нарочито, даже напоказ: не считайте, мол, нас простачками, интриг вокруг себя мы не потерпим! Нет сомнений, что тем самым давался основательный урок будущему наследнику Семичастного: служи партии (то есть ее Генеральному секретарю) и о дворцовых переворотах не мечтай.

Бывший член Политбюро и первый секретарь ЦК КП Украины Петр Шелест писал в своих воспоминаниях: «Я приехал в Москву на заседание Политбюро. На повестке дня много сложных и важных вопросов… В кратком промежутке Брежнев вынул из

нагрудного кармана какую-то бумажку, посмотрел и сказал: «Позовите Семичастного». В зал заседания вошел В. Семичастный, чувствовалось, что он не знал, по какому вопросу его пригласили на заседание Политбюро, смотрел на нас с каким-то недоумением, даже казался растерянным… Брежнев объявляет: «Теперь нам надо обсудить вопрос о Семичастном». — «А что обсуждать?» — подал реплику Семичастный. Последовал ответ Брежнева: «Есть предложение освободить вас от должности Председателя КГБ в связи с переходом на другую работу». Семичастный подал голос: «За что? Со мной на эту тему никто не разговаривал, мне даже причина такого перемещения неизвестна»… Последовал грубый окрик Брежнева: «Много недостатков в работе КГБ, плохо поставлена разведка и агентурная работа… А случай с Аллилуевой? Как это она могла уехать в Индию, а оттуда улететь в США?»…По всей реакции было видно, что многие члены Политбюро и секретари ЦК были не в курсе этого вопроса. Я был просто поражен, что с Семичастным перед решением этого вопроса никто не переговорил, ему не дали опомниться». Тем не менее решение было принято единогласно. Брежневу никто не посмел возразить, и это стало его первой победой в схватке за полную и единоличную власть.

…Что ж, партия долго терпит, да больно бьет: шелепинского друга не только убрали с Лубянки, но и сослали в провинциальный Киев на ничтожную должность. Итак, важнейший в СССР пост оказался вакантным с середины 1967 года. Кто же должен был его занять?

Конечно, не Сема Цвигун, ближайший кореш Брежнева по Молдавии, — при нем он был уже замом председателя КГБ республики, а затем побывал во главе этой системы в Таджикистане и Азербайджане. Ну, Баку — это в номенклатурном смысле довольно «близко» от Москвы, но… Семи-частному он сменщиком не стал. Был и другой достойный кандидат — Георгий Цинев, приятель Брежнева с молодых лет по Днепродзержинску, свойственник его по супруге, оба были женаты на сестрах. В годы войны — армейский политработник, а после свержения Берии направлен Хрущевым (не Брежневым) в центральный аппарат КГБ. Казалось бы, опыт большой, но… нет.

Почему же? Присмотримся к составу партийной верхушки того решающего для Андропова 1967 года. В составе Политбюро, избранного на Пленуме ЦК в апреле 1966-го, у Брежнева имелось немало недоброжелателей (не станем употреблять тут слово «враги», ибо в политике оно приобретает сугубо идейно-политический смысл, а весь партареопаг ни политической, ни идейной развитостью не отличался). Это сторонники осторожной

просталинской линии Г. Воронов, Д. Полянский, К. Мазуров, А. Шелепин. Давние члены верхушки А. Косыгин, Н. Подгорный, М. Суслов на первую роль никогда не претендовали, но были «сами по себе». Поддерживали Брежнева «молодые» П. Шелест, В. Гришин, Ш. Рашидов, Д. Устинов, В. Щербицкий, но они были еще малоавторитетны в партгосаппарате и стране в целом. В этих условиях направить на один из важнейших постов своего прямого ставленника осторожный Брежнев не решился.

Но почему же Андропов — «человек со стороны»? А именно потому, что «со стороны». Не выходец из Днепропетровска или Молдавии, но и с брежневским соперником Шелепиным и его обширным кругом связей никогда не имел. Наконец, он и для Лубянки — человек новый, волей-неволей ему долго придется держаться там осторожно и повнимательнее оглядываться на начальство. А начальником его при распределении обязанностей в Политбюро стал сам Генсек: он всю свою оставшуюся руководящую жизнь непосредственно «курировал» эти самые «органы». Что бы ни болтали после, но Брежнев в своем деле разбирался неплохо…

Подчеркнем, чтобы больше не возвращаться к этой важной теме: отношения между Брежневым и Андроповым были строго служебными. Никаких чаепитий, общих пребываний на отдыхе, ничего тут не было и в помине. Появился недавно весьма осведомленный свидетель — Юрий Чурбанов, продиктовавший очень откровенную книжку воспоминаний. Неплохо я знал в свое время Юру, работали в одной редколлегии. Понимаю, что навесили потом на него множество лишних грехов, а парень был он простецкий и преданно любил, обожал даже, своего тестя. Человек с психологией, да и биографией типичного денщика, он отчетливо запоминал бытовые свойства хозяина, мало что понимая в политической сути его дел. Тем эти воспоминания и ценны.

Вот описываются охотничьи проказы Леонида Ильича, отрывок столь забавен и вместе с тем выразителен, что его нельзя не воспроизвести:

«Возвращаясь с охоты в хорошем расположении духа, Леонид Ильич всегда говорил начальнику охраны: «Этот кусочек кабанятины отправить Косте (Черненко), вот этот — Юрию Владимировичу, этот — Устинову». Потом, когда фельдсвязь уже должна была бы до них донестись, брал трубку и звонил. «Ну, как, ты получил?» — «Получил». Тут Леонид Ильич с гордостью рассказывал, как он этого кабана убивал, как он его выслеживал, какой был кабан и сколько он весил. Настроение поднималось еще больше, те, в свою очередь, благодарили его за внимание, а

Леонид Ильич в ответ рекомендовал приготовить кабана так, как это всегда делает Виктория Петровна».

Эти добродушные шуточки с кабаньими шматками — едва ли не единственная интимность, которая известна в отношениях Брежнева и Андропова. Нет никаких данных, чтобы между ними возникали какие-то душевные отношения, как это водилось у Леонида Ильича с Устиновым, Щелоковым и тем паче с верным Костей. Так что «кабаньи шуточки» с пожеланием кулинарных рецептов от супруги — пустячки, игра; пожилой Генсек до конца дней оставался хитер и осмотрителен.

К Андропову он всегда относился с подозрением (и, как увидим, не зря). Это отчетливо просматривается в его действиях. Андропов коронуется на Лубянке 19 мая 1967 года. Его, как положено, освобождают с поста секретаря ЦК по соцстранам, но уже на следующем Пленуме он входит кандидатом в члены Политбюро — всем давали ясно понять, что это не только личное повышение самого Андропова, но и повышение престижа его ведомства: после Берии уже полтора десятилетия шефы «органов» в Политбюро не заседали.

Все вроде бы складывалось успешно для новой карьеры Юрия Владимировича. Но… уже в ноябре у него появляется первый зам, второе лицо в ведомстве — многоопытный в сыскных делах Цвигун, доверенное лицо Генсека. В июне 1970-го на должность «простого» зампреда назначается Цинев, в его ведение входила разведка.

Но третий случай в этом ряду особенно характерен. В июне 1950-го закончил Днепропетровский металлургический институт молодой коммунист, скромный участник войны Виктор Чебриков. Получил назначение поначалу самое скромное — рядовым инженером на завод, но прослужил он в этом качестве лишь несколько месяцев, а затем перешел на партийную работу. Карьера была стремительна: уже в 61-м становится первым секретарем огромного промышленного города Днепропетровска (всего-то в тридцать восемь лет, явно не без покровительства!), а в 67-м — вторым секретарем обкома (три миллиона подданных!).

Брежнева перевели из Днепропетровска в Кишинев в июле 1950-го, вряд ли он мог знать способного студента Витю Чебрикова, но Леонид Ильич через своих многочисленных наследников-земляков внимательно следил за кадрами любимой епархии и охотно выдвигал их — примеров тому множество. Так вот его взор (а только он и решал подобные вопросы) остановился на перспективном партработнике Чебрикове: того примерно в одну пору с Андроповым переводят на Лубянку, где он становится начальником Управления кадров.

Итак, Брежнев безупречно провел не только «зачистку» опасного Семичастного, но и надолго полностью обезопасил себя от возможного повторения подобных казусов на Лубянке. И находились же разного рода писаки — любого толка! — что в грош не ставили государственно-политических способностей Леонида Ильича. Нет уж, провести такую замысловатую и успешную операцию мог только политик напористый, целеустремленный и волевой.

Судьба покровителя «комсомольских чекистов» Шелепина решалась одновременно. Тот был, что теперь несомненно, деятель крепкий, с характером и волей, он держался твердо и не отступал. К сожалению для него, он был аппаратчик, а не политик, своей политической или даже идейной линии так и не создал. Уже при С. Павлове вокруг ЦК ВЛКСМ сформировалась команда молодых партийных патриотов, которых Ю. Андропов потом окрестил «русистами». Команда была малочисленна, однако очевидно, что все были способны к росту. Шелепин даже и мысли не допускал опереться на них, хотя политическая перспектива тут четко просматривалась. Словом, ставка на патриотическую линию, взамен брежневской «никакой» линии, не состоялась и даже не обдумывалась. А попытки переиграть Брежнева на поле чисто дворцовых интриг — они оказалось совершенно безнадежными, не тот игрок был Леонид Ильич!

Позднее, уже находясь долгое время на пенсии, Шелепин жаловался на несправедливость к нему Брежнева, приводил разные примеры. Как-то, пребывая на посту секретаря ЦК, вдруг заинтересовался он сельским хозяйством, объехал ряд районов, в итоге «привез истинные цифры и факты, а не те, которые представляло ЦСУ СССР, поддержал и идею о создании животноводческих комплексов, но не в ущерб мелким и средним животноводческим фермам, многие из которых все же были ликвидированы, что, конечно, отрицательно сказалось на снабжении населения мясом, молочными продуктами. В заключение своего выступления внес предложение об освобождении с поста министра сельского хозяйства В.В. Мацкевича.

К моему удивлению, подводя итог заседания Президиума, Брежнев никак не отреагировал на мои замечания и предложения. На другой день вызвал меня. «Как понимать твое вчерашнее выступление?» — резко спросил он. «А так и понимать, как было сказано», — ответил я. «Твоя речь была направлена против меня!» — «Почему?» — удивился я. «А ты что, не знаешь, что сельское хозяйство курирую я? Значит, все, что ты говорил вчера, — это против меня… Затем, какое ты имел право вносить предложение

о снятии с работы Мацкевича? Ведь это моя личная номенклатура!»

Дорого мне обошлось это выступление. С той поры каждый раз записывался для выступления в прениях на пленумах ЦК. Однако ни разу мне не дали возможности выступить».

В данном случае не имеет особого значения существо дела, кто из них был прав по конкретному вопросу. Но ясно любому, что политическая борьба такими детскими способами вестись успешно не может. Но именно так пытались одолеть Брежнева Шелепин и его немногочисленные и постоянно редевшие в верхах власти сторонники. Многоопытный кремлевский придворный Александров-Агентов сообщил:

«Мне вспоминаются пространные замечания и поправки, которые постоянно поступали от Шелепина, к текстам речей, рассылавшихся Брежневым. Все они шли в одном направлении: заострить классовый подход к проблемам, укрепить дисциплину, тверже противостоять происках империализма, покончить с рецидивами «хрущевщины», к которым он относил и курс на укрепление мирного сосуществования во внешней политике, возобновить взаимопонимание с руководством Китая (а ведь это было время «культурной революции» в Пекине). Брежнев эти замечания читал, но в общем игнорировал.

Куда более серьезным, с его точки зрения, был факт, что вокруг Шелепина начала собираться компактная группа его единомышленников, главным образом в сфере госбезопасности и идеологии…

Так или иначе, но поведение А.Н. Шелепина и постоянные публичные выступления его приверженцев становились все более активными и по существу приобрели характер целеустремленной борьбы за «исправление» линии, проводившейся Брежневым.

Сам Леонид Ильич явно воспринял это как доказательство намерения Шелепина выступить его соперником и занять высший пост в стране. Реакция последовала довольно быстро и радикально, хотя и в завуалированных по-брежневски формах. Были смещены и посланы на дипломатическую работу в дальние страны руководители Комитета по радиовещанию и телевидению и ТАСС».

О том же свидетельствовал и главный кремлевский лекарь В. Чазов, который не только (и не столько даже!) врачевал своих высокопоставленных пациентов, сколько наблюдал за политическим соревнованием между ними: «Все первое полугодие 1967 года мне часто приходилось встречаться и с Брежневым, и с Андроповым, и я чувствовал их уверенность в успешном исходе борьбы с Шелепиным, который оказался менее искушенным и

искусным в сложных перипетиях борьбы за политическую власть. Ни в Политбюро, ни в ЦК он так и не смог создать необходимого авторитета и большинства. Старики не хотели видеть во главе страны «комсомольца», как они называли Шелепина, памятуя его руководство комсомольской организацией СССР. Хотя я помню то напряжение, которое царило перед Пленумом ЦК КПСС, на котором Шелепина освободили от должности секретаря ЦК».

Это произошло 26 сентября 1967 года. На другой день о том узнала вся страна. Сообщение для подавляющего большинства народа было неожиданным — Шелепин оставался популярен. Сам он позже достаточно спокойно и, по-видимому, объективно описал ход своей политической опалы:

«В один из дней, когда я приехал на очередное заседание Политбюро, меня неожиданно позвал Брежнев. Зашел к нему в кабинет — там еще и Суслов сидит. Это не удивило: все последние годы Брежнев со мной один никогда не разговаривал. В этот раз, обращаясь ко мне, сказал: «Знаешь, надо нам укрепить профсоюзы. Есть предложение освободить тебя от обязанностей секретаря ЦК и направить на работу в ВЦСПС председателем. Как ты смотришь?» Я ответил, что никогда себе работы не выбирал и ни от какой не отказывался. Хотя прекрасно понимал, что не об «укреплении профсоюзов» заботился Генсек. Ему просто нужно было увести меня от активной работы в ЦК.

Брежнев и Суслов (не проронивший, кстати, ни слова) поднялись, и мы перешли в другую комнату, где уже собрались все члены Политбюро. Брежнев повторил все, что сказал мне, заявил, что он и Суслов рекомендуют направить Шелепина в ВЦСПС и что он останется членом Политбюро для повышения авторитета профсоюзов. Все согласились.

Вскоре состоялся съезд профсоюзов, на котором я выступил с отчетным докладом. Перед съездом в беседе с Брежневым и Сусловым предложил в докладе ВЦСПС сказать о главном — о переориентации профсоюзов на защитную функцию как первейшую задачу. Это предложение ими было категорически отклонено.

Работая в ВЦСПС, я высказывал Брежневу ряд предложений, причем делал так, чтобы они исходили как бы от него, а не от меня. В противном случае любые разумные предложения были обречены. Но не помогала и эта уловка…»

Нет никаких сомнений, что Шелепин, человек настойчивый и деятель принципиальный и бескорыстный, попытался как-то оживить жалкое прозябание советских «рабочих организаций», которые в основном занимались распределением путевок на отпуск и устройством пионерских лагерей (ныне наши профсоюзы

не занимаются даже этим!). Партийному руководству это было не нужно и даже вредно. Так и досидел тут «Железный Шурик» до полной отставки в 1975 году. Вспоминая, А. Аджубей подытожил: «Друзей Шелепина и тех, кого подозревали в близости к нему, разослали кого куда. Среди опальных было немало моих знакомых, вовсе не причастных к его деятельности, — их наказывали для острастки. В высоких кругах возрадовались низложению Шелепина. Так и говорили: «Не хватало нам этого комсомольского диктатора!»

Три года продлился «медовый месяц» Леонида Ильича во власти. Не совершив никаких переворотов, тем паче — силовых действий, он сделался полновластным и законным хозяином огромной страны и великой советской империи. Неумехе и тупице, каким нынешние телешуты до сих пор рисуют Брежнева, такого не свершить, это ясно.

Однако и тут появились первые темные облачка. В декабре 1966 года скромно отметили 60-летие Леонида Ильича. Ну, отметили, и ладно, почему бы нет? Но потом в «Правде» долго печатали многочисленные поздравления новому Генсеку. Это — уже в пародийной форме — напоминало печально памятный «Поток приветствий» товарищу Сталину после его семидесятилетия в 1949 году…

Вольтова дуга Прага — Пекин

Вопросы внешней политики никогда в предшествующей карьере Брежнева не были ему близки, даже в «пограничной» республике Молдавии… За короткий срок своей деятельности «президента» ему, разумеется, немало пришлось поездить по зарубежным столицам и встречаться со множеством видных иностранцев, но то были встречи сугубо парадные, на которых важные деловые вопросы не решались и даже редко обсуждались. В должности Генсека для Брежнева в этой сфере наступало совершенно иное время, хоть и не сразу.

Тут необходимы предварительные пояснения. Внешнеполитическое ведомство Советского Союза изначально было, так сказать, двухголовым. С одной стороны, классическое, как во всех странах, Министерство иностранных дел, со всеми полагающимися посольствами, консульской службой, дипломатическими нотами, занудным ритуалом переговоров и приемов и т. д. С другой стороны, свою внешнюю политику вела непосредственно партия, еще со времен Коминтерна. В этом ведомстве не имелось ни посольств, ни прочих скучных формальностей. Речь шла о контактах партийного руководства с представителями «братских коммунистических и рабочих партий», как это именовалось на официальном языке. А на неофициальном — с нашей политической агентурой во всем мире.

Ну, «агентура», слово это из враждебного нам западного лексикона. Речь шла о неформальной поддержке наших союзников самого различного толка, от помощи солидным коммунистическим парламентариям в проведении достойного отпуска до передачи денежных средств разного рода заговорщикам, а то и кому похуже. Ясно, что через советского посла в смокинге такое выполнить невозможно. А через полулегальных курьеров — очень даже способно. Еще ленинский Коминтерн имел свои негласные представительства и связи. Под другими, самыми разными вывесками, но это же сохранялось и при Брежневе.

Оба эти ведомства Брежнев принял по наследству от своих предшественников, а поскольку они были весьма солидны, устойчивы и несколько обособлены, то дикие хрущевские преобразования их почти не затронули. Брежнев, уважавший все традиционное, тут тоже оставил все, как оно было. Тем паче что и министерство, и Международный отдел ЦК КПСС возглавляли люди чрезвычайно авторитетные в партии и несомненно большие

знатоки своего дела.

Министерство иностранных дел Советского Союза с 1957 года возглавлял Андрей Андреевич Громыко, он провел на своем посту почти тридцать лет бессменно и надолго пережил Леонида Ильича. Конечно, то был не Меттерних, не Бисмарк и не наш князь Горчаков, но деятель он был выдающийся, в чем нет ни малейших сомнений. Крестьянский сын из белорусского села Старые Громыки, он являл собой тип сына трудового народа, допущенного Советской властью к образованию. Был он всего на пару лет старше Брежнева и одного с ним социального происхождения, что облегчало личное общение между ними, а Брежнев, ценивший образование и жизненный опыт, весьма прислушивался к своему министру внешнеполитических дел. К тому же Громыко и в мыслях не имел хоть как-то ослушаться законного Генсека.

Об этой незаурядной личности следует привести некоторые подробности, ибо лучше будет понятен через него образ правления самого Леонида Ильича. Вот что рассказал о покойном начальнике видный советский дипломат А. Добрынин, и вполне объективно:

«Воспитан он был на сталинско-молотовских принципах, хотя как министр имел свою точку зрения. В этом смысле он был более гибок, чем Молотов, но эта гибкость проявлялась им довольно редко. Он мог, не моргнув глазом, десятки раз повторять в беседах или переговорах со своими иностранными коллегами одну и ту же позицию, хотя порой уже было видно, что она изжила или изживает себя. Его отличала высокая дисциплинированность: он самым точным образом выполнял инструкции Политбюро и Генерального секретаря ЦК КПСС, не позволяя себе отойти от них ни на шаг, хотя порой ситуация и могла требовать иного. Судя по всему, эта дисциплинированность и отсутствие каких-либо амбиций в отношении других постов в партийном и государственном руководстве страны и позволили ему так долго находиться на посту министра. К этому следует добавить и следующее: он обладал каким-то природным чутьем определять будущего победителя в периодических схватках за власть в советском руководстве и вовремя становиться на его сторону. Разумеется, его высокий профессионализм никем не ставился под сомнение…

В сущности же в проведении самой внешней политики он (Брежнев) фактически полагался до конца своих дней на Громыко. Последний был для него, пожалуй, как Даллес для Эйзенхауэра, хотя наш министр старался не особенно подчеркивать свою главенствующую роль в этих делах среди

своих коллег по Политбюро. Громыко оставался дипломатом и в высших эшелонах власти, что лишь усиливало общее призвание его особой роли во внешней политике…

В целом же Громыко оказывал на Брежнева позитивное влияние. Будучи умным человеком, он умело поддерживал у Брежнева стремление к стабильной внешней политике без эмоциональных срывов, присущих Хрущеву. Можно не соглашаться с некоторыми его взглядами, но надо отдать должное: Громыко всегда был последователен и предсказуем в своей политике».

Нельзя не привести тут и любопытное свидетельство другого нашего крупнейшего дипломата О. Трояновского:

«Не могу сказать, что Громыко определял внешнюю политику страны, точнее, он претворял в жизнь, иногда вопреки собственным желаниям, тот курс, который устанавливался политическим руководством. Но исполнителем, надо отдать ему должное, он был первоклассным.

Я имел возможность присутствовать на многих его встречах и могу утверждать, что даже в ходе напряженных бесед, когда требовалось выразить недовольство теми или иными действиями противоположной стороны, он сохранял выдержку и спокойствие…

Иногда во время пребывания Громыко в Нью-Йорке возникали неловкие ситуации. На одной из сессий ко мне обратился посол Иордании, сообщивший, что король Хусейн приглашает советского министра на беседу к себе в гостиницу «Уолдорф-Астория», где он остановился. Андрею Андреевичу почему-то очень не хотелось ехать к королю. Он начал придумывать различные варианты, чтобы организовать встречу, так сказать, на нашей территории. Один из вариантов заключался в том, чтобы пригласить Хусейна на чай в наше представительство. Когда я передал это приглашение иорданскому послу, тот взмолился: «Это невозможно. Конечно, наша страна маленькая, но он все-таки король и ехать к министру просто не может». На следующий день, беседуя с нашим министром, я как бы невзначай завел разговор о Тегеранской конференции и сказал: «Между прочим, Рузвельт и Черчилль принимали шаха Ирана в своей резиденции, а вот Сталин поступил иначе, он сам поехал к шаху». Тут Андрей Андреевич задумался, а потом спросил: «Вы уверены, что дело обстояло именно так?» И когда я подтвердил это, сказал: «Ну ладно, поедем к королю. Вы будете меня сопровождать». Пиетет в отношении Сталина у него сохранялся до конца».

Итогом деятельности Громыко-дипломата могут стать слова его сына Анатолия Андреевича, ученого, знатока внешней

политики СССР.

«После смерти Сталина и особенно снятия с поста министра иностранных дел Молотова советский МИД работал под руководством Политбюро и ЦК КПСС. Ни одно, повторяю, ни одно стратегическое по своему значению решение не предпринималось Министерством иностранных дел без того, чтобы оно не было одобрено на Политбюро, а шаги меньшего масштаба — на Секретариате ЦК КПСС. Повседневной работой МИДа руководила его коллегия. В этих условиях продуктивно на посту министра иностранных дел Советского Союза мог работать только тот человек, который помимо профессиональных дипломатических знаний и опыта работы за рубежом, ораторского искусства и умения вести переговоры хорошо знал методы работы в этом кремлевском лабиринте и хрущевско-брежневской системе партийного засилья в государственных делах. Таким человеком и стал мой отец — Андрей Андреевич Громыко, профессиональный дипломат среди могущественных партийных лидеров. Он был бы сумасшедшим, если бы в условиях господства в делах страны партийных боссов всех мастей и оттенков стал козырять или выдвигать какую-либо свою внешнеполитическую стратегию, которую окрестили бы «стратегией Громыко».

В том-то и состояла одна из сильных сторон деятельности отца, что он понимал условия, в которых работал, и не позволял себе на людях выпячиваться, заниматься самолюбованием, подчеркивать свое «я». Членам Политбюро не нужна была «стратегия Громыко», им нужна была эффективная внешняя политика. МИД СССР им ее в течение длительного периода времени обеспечивал».

Итак, Брежнев был вполне уверен в своем внешнеполитическом руководителе, он ему доверял, ценил, уважал и в расцвете карьеры обоих в 1973 году сделал Громыко полноправным членом Политбюро. Тот, в свою очередь, тоже всегда поддерживал Генсека.

Несколько сложнее было с другим внешнеполитическим ведомством — партийным. Международным отделом ЦК КПСС ведал с 1958 года Борис Николаевич Пономарев, в 1961 году он стал секретарем ЦК, хотя подчинен ему остался вроде бы тот же отдел, только его личный статус был значительно повышен. Тоже ровесник Брежнева, уроженец небольшого городка Зарайска, та же советская карьера по молодости: комсомол, армия, партийная работа, получение звания «красного профессора» и, наконец, — перед самой войной аппарат Коминтерна, отчего он навсегда и считался в ЦК знатоком комдвижения во всем мире. Человек он был крайне замкнутый и закрытый, в отличие от популярного

Громыко, о нем пока воспоминаний не написано, деятельность его никак не изучена. Отчасти это объясняется полусекретной деятельностью отдела, но не только.

Автор данной книги в свое время общался с известным востоковедом, автором многих работ против международного сионизма Евгением Евсеевым. Все знали, что он родной племянник Пономарева (сын сестры), на которого, кстати, был очень похож. Он охотно рассказывал, что его дядюшка русский, но супруга его — чистокровная еврейка, а потому и сам он, мол, того же духу… Во всяком случае бесспорно, что Международный отдел был самым «либеральным» в ЦК. И очень характерно, что именно из недр пономаревского ведомства вышли Ю. Андропов, чье происхождение и убеждения сейчас вполне выяснены, а также выразительные личности вроде А. Бовина и подобных ему, но все той же просионистской ориентации в политике.

О деятельности Международного отдела известно пока так же мало, как и о его руководителе. Сотрудники, люди образованные и писучие, с воспоминаниями почему-то не спешат. Впрочем, и Пономарев, и деятельность его отдела нас тут мало интересуют, ибо Генсека здесь слушались беспрекословно, а в полутайные отношения с «братскими партиями» он не имел никакой охоты вникать. Вот с руководителями братских стран — совсем иное дело. Он с ними постоянно встречался, знал каждого. Но это — выше пономаревского отдела. Мы затронули этот вопрос лишь по одной причине: именно здесь, а не через МИД возникли острые трения с Китаем.

Скажем сразу, к истокам тяжелой советско-китайской ссоры Брежнев ни малейшего отношения не имел. Более того, став Генсеком, он много приложил личных усилий, чтобы эти разногласия сгладить. В истоках событий лежат два обстоятельства. Мао Цзэдун и другие китайские руководители с отвращением встретили хрущевские глумления над Сталиным. Не они одни, кстати. Теперь, оценивая те события из вполне объективного далека, можно сделать вывод: чем больше имело в руководстве той или иной партии просионистское влияние, тем больше она поддерживала «идеи XX съезда», и наоборот. Например, Итальянская компартия целиком руководилась еврейскими деятелями, отсюда и их постоянная «прогрессивность» в тех делах.

Китайцы и вовне, и даже у себя дома высказывались по острейшему вопросу о Сталине очень осторожно. Но сумасбродный Хрущев и тут показал свой норов, полез на рожон, проявил обычную свою бестактность, получив, разумеется, должный ответ и отпор. К радости всего мира капитала, две

великие социалистические державы надолго испортили отношения между собой, включая даже экономические.

Ссора шла именно не как государственная, а как партийная. Вот почему «обслуживал» Хрущева в данных его капризах именно Международный отдел. Его сотрудники проводили разного рода совещания, писали бумаги, вербовали союзников и т. д. Со свержением Хрущева в руководстве партии возобладали разумные идеи о необходимости прекратить бессмысленную ссору. Особенно старался Предсовмина Косыгин и во многом тут преуспел (Брежнев, по обыкновению, вперед не лез, но и не возражал). Однако от наших уже теперь мало что могло зависеть, в Китае Мао развязал свою печально знаменитую «культурную революцию». Что это была за «революция», ее подлинное значение и направленность — этого никто за пределами Китая понять не может до сих пор, не можем оценить и мы. А китайцы и не спешат объяснять.

Впрочем, отметим для нас главное в сюжете о Брежневе — пик печального советско-китайского противостояния, дошедшего до кровавых столкновений, пришелся как раз на 1968–1969 годы. Именно в ту пору возник острейший политический кризис в Чехословакии.

В январе 1968-го в Праге сменилось партийное руководство, Коммунистическую партию Чехословакии возглавил Александр Дубчек. То был простой человек, партработник, словак по национальности, далекий от разного рода политиканских интриг, но слабый; его окружили просионистские деятели, коих в Праге всегда было полным-полно. Позже справедливо писал один из них, Зденек Млынарж, о том, что «Дубчек не помышлял о разрыве с Москвой». Его слишком многое связывало с ней: не только то, что он провел в СССР детство и молодость, но и то, что он искренне верил в идеалы социализма, но хотел их освободить от коросты сталинщины. Он наивно верил, что коммунизм можно сделать демократическим. Личные честность и порядочность обеспечили Дубчеку в Чехословакии огромный авторитет. «В период "пражской весны", — писал Млынарж, — народ видел в Дубчеке символ великих идеалов демократического социализма».

Верно, не хотел Дубчек порывать с Советским Союзом, но ему начали напевать на ушко о великих задачах демократии и собственной великой роли в этом деле. И началось. Началось то, что памятно российским гражданам по событиям в столицах перед августом 1991 года. Потом быстро спохватились бедные трудящиеся, да поздновато.

Брежнев чрезвычайно остро переживал события в Чехословакии, справедливо предвидя там антисоциалистический

финал. В Политбюро были сторонники и «мягкого» курса в отношении пражских ревизионистов, но Брежнев не колебался (при всей мягкости его натуры). Он лично проявлял напористость. Например, 14 февраля, всласть поохотившись в Завидове на кабанов, он оттуда звонил Дубчеку и в очередной раз увещевал его. Но тот уже был целиком в чужих руках. В письме на имя Брежнева в июне 1968 года второстепенный деятель КПЧ А. Канек писал: «В ЦК КПЧ группа из руководящего состава партии в лице Смрковского, Кригеля, Шпачека, Шимона, Цисаржа, Славика овладела всеми средствами массовой информации, а эти средства поносят дело социализма. Среди перечисленных лиц разве что первый мог считаться чехом…» (Как это похоже на то, что сложилось в СССР к 1991 году! Только Брежнева уже не было…)

Генерал-политработник Д. Волкогонов, при Горбачеве вдруг ставший яростным антикоммунистом, сумел собрать и отрывочно опубликовать материалы о заседаниях Политбюро по чехословацкому вопросу.

Из них отчетливо видна решительная линия Леонида Ильича.

— Черненко вел рабочую запись заседания Политбюро 15 марта 1968 года по Чехословакии. Брежнев: «Надежды на Дубчека не оправдываются». Андропов констатирует: «Положение серьезное. Напоминает венгерские события».

— Вновь 21 марта 1968 года Политбюро мысленно в Праге. Брежнев говорил о ходе подготовки совещания в ГДР по вопросу о Чехословакии.

— Через три дня, 25 марта, обсудили на Политбюро результаты совещания в Дрездене. Брежнев резюмировал: «В ЧССР идет разложение социализма. Там говорят о необходимости свободы от СССР».

— После праздников, 6 мая 1968 года, обсуждали на Политбюро итоги встречи Брежнева с Дубчеком. «Партия обезглавлена» — так оценил Генсек ревизионизм чехословацкого руководителя.

— Через десять дней, 16 мая 1968 года, вновь заседает Политбюро: среди 24 вопросов, значащихся в повестке дня, два о Чехословакии.

— Заседание Политбюро 23 мая 1968 года. Доклад маршала Гречко о его поездке в Прагу. После мрачного разговора по докладу министра обороны Брежнев констатирует: «И армию разложили. А либерализация и демократизация — это по сути контрреволюция».

— Состоялось заседание Политбюро 27 мая 1968 года. Докладывал на заседании А.Н. Косыгин о своей поездке в Прагу и встречах с чехословацкими руководителями. Бросается в глаза

вопрос Брежнева, но не Косыгину, а министру обороны: «Как идет подготовка к учениям?» На что А.А. Гречко ответил: «Уже сорок ответственных работников в Праге. Готовимся».

— Политбюро заседало 6 июня 1968 года. Обсуждался вопрос: положение в Чехословакии. Брежнев зачитывал шифровки КГБ. Обсуждали дежурные шаги по оказанию давления на руководство КПЧ.

— Вновь 13 июня 1968 года Политбюро заседает по вопросу «О Чехословакии». Брежнев рассказывает о своей беседе с Я. Кадаром, который на днях будет принимать высокую делегацию из Праги.

— Следующее «чехословацкое» заседание Политбюро состоялось 2 июля 1968 года. Брежнев докладывает: Дубчек и Черник окончательно скатились к ревизионизму. Советуются: выводить ли из Чехословакии союзные войска, которые там находились на учениях? Гречко предлагает: создать сильную группировку на границе и держать ее в полной готовности…

— Назавтра, 3 июля, вновь созывается Политбюро. Обсуждают «контрреволюционную сущность 2000 слов». Брежнев информирует соратников о своей телефонной беседе с Кадаром. Отдаются распоряжения об использовании армейских подвижных радиостанций в вещании на ЧССР.

Далее активность Политбюро в «чехословацком вопросе» еще более нарастает. Коммунистический синклит заседает 9 июля, 19 июля, 22 июля, 26 и 27 июля, 16 августа, 17 августа, 21 августа. Вопрос один: положение в Чехословакии и перечень необходимых шагов по «пресечению контрреволюции». Вербально, устно (без записей) идет регулярное обсуждение хода подготовки к массированному военному вторжению.

Напряжение тех дней было таково, что сказалось даже на крепком здоровье Леонида Ильича. О том позже рассказал Е. Чазов:

«Шли горячие дискуссии по вопросу возможных реакций в СССР на события в Чехословакии. Как я мог уяснить из отрывочных замечаний Ю.В. Андропова, речь шла о том, показать ли силу Варшавского пакта, в принципе силу Советского Союза, или наблюдать, как будут развиваться события, которые были непредсказуемы. Важна была и реакция Запада, в первую очередь США, которые сами погрязли в войне во Вьетнаме и не знали, как оттуда выбраться. Андропов боялся повторения венгерских событий 1956 года. Единодушия не было, шли бесконечные обсуждения, встречи, уговоры нового руководства компартии Чехословакии. Одна из таких встреч Политбюро ЦК КПСС и Политбюро ЦК КПЧ проходила в середине августа в Москве.

В воскресенье стояла прекрасная погода, и моя восьмилетняя дочь упросила меня пораньше приехать с работы, для того чтобы погулять и зайти в кино. Узнав у дежурных, что в Кремле все в порядке, идут переговоры, я уехал домой выполнять пожелания дочери. В кинотеатре «Стрела» демонстрировались в то время детские фильмы, и мы с дочерью с радостью погрузились в какую-то интересную киносказку. Не прошло и 20 минут, как ко мне подошла незнакомая женщина и попросила срочно выйти. На улице меня уже ждала автомашина, и через 5 минут я был на улице Грановского, в управлении.

Здесь никто ничего толком не мог сказать. И вместе с П.Е. Лукомским и известным невропатологом Р.А. Ткачевым мы выехали в ЦК, на Старую площадь. Брежнев лежал в комнате отдыха, был заторможен и неадекватен. Его личный врач Н.Г. Родионов рассказал, что во время переговоров у Брежнева нарушилась дикция, появилась такая слабость, что он был вынужден прилечь на стол. Никакой органики Р.А. Ткачев не обнаружил. Помощники в приемной требовали ответа, сможет ли Брежнев продолжить переговоры. Клиническая картина была неясной. Сам Брежнев что-то бормотал, как будто бы во сне, пытался встать. Умница Роман Александрович Ткачев, старый опытный врач, сказал: «Если бы не эта обстановка напряженных переговоров, то я бы сказал, что это извращенная реакция усталого человека со слабой нервной системой на прием снотворных средств». Родионов подхватил: «Да, это у него бывает, когда возникают неприятности или не решаются проблемы. Он не может спать, начинает злиться, а потом принимает 1–2 таблетки снотворного, успокаивается, засыпает. Просыпается как ни в чем не бывало и даже не вспоминает, что было. Сегодня, видимо, так перенервничал, что принял не 1–2 таблетки, а больше. Вот и возникла реакция, которая перепугала все Политбюро». Так и оказалось.

В приемную зашел А.Н. Косыгин и попросил, чтобы кто-нибудь из врачей разъяснил ситуацию. Вместе с Ткачевым мы вышли к нему. Искренне расстроенный Косыгин, далекий от медицины, упирал на возможность мозговых нарушений. Он сидел рядом с Брежневым и видел, как тот постепенно начал утрачивать нить разговора. «Язык у него начал заплетаться, — говорил Косыгин, — и вдруг рука, которой он подпирал голову, стала падать. Надо бы его в больницу. Не случилось бы чего-нибудь страшного». Мы постарались успокоить Косыгина, заявив, что ничего страшного нет, речь идет лишь о переутомлении, и что скоро Брежнев сможет продолжить переговоры. Проспав 3 часа, Брежнев вышел как ни в чем не бывало и продолжал участвовать

во встрече.

Конечно, мы рисковали, конечно, нам повезло. Динамическое нарушение мозгового кровообращения протекает иногда стерто и не всегда диагностируется. Правда, к везению надо прибавить и знания. Но что, если бы на нашем месте были «перестраховщики», они бы увезли Брежнева в больницу, дня два обследовали, да еще, ничего не найдя, придумали бы диагноз либо нейродистонического криза, либо динамического нарушения мозгового кровообращения».

Не вдаваясь в медицинские тонкости, Чазов прав в главном: Брежнев проявил волю и телесный недуг преодолел, руководство событиями из рук не выпускал. Советские десантники захватили незадачливых чешских вождей и привезли их в Москву. 26 августа состоялись решающие переговоры. С нашей стороны были Брежнев, Косыгин, Подгорный, Суслов, Кириленко, Громыко и Пономарев, с другой — все руководство КПЧ во главе с Александром Дубчеком. Цитируем запись:

«Дубчек: Ввод войск был сильным ударом по мыслям и идеям нашей партии… Мы считаем ошибкой, преждевременным актом ввод войск в Чехословакию, который принес и принесет большой ущерб не только нашей партии, но и всему коммунистическому движению… Вступление пяти союзнических армий создает рычаг напряженности внутри партии, внутри страны и вне ее… Ввод войск затронул душу чехословацкого народа, и сам я не знаю, как из этого сложного положения выйдем…

Брежнев….То, что произнес здесь т. Черник, и особенно то, что сказал т. Дубчек, отбрасывает нас далеко, далеко назад… Мы ведь и не думали о вводе войск, когда приглашали вас на совещание в Дрездене. Мы вам тогда сказали: если вам трудновато будет материально, то наша партия и наш народ так настроены, что мы можем оказать помощь чехословацким братьям даже в ущерб себе. У нас 13,5 миллиона коммунистов и 240 миллионов граждан, мы можем по 100 граммов хлеба урезать, сколько-то мяса сократить, у нас никто не заметит даже этого… Вы сказали, что у вас нет контрреволюции, но есть антисоциалистические элементы. А разве это мед? Антисоциалистические элементы для рабочего класса — это сахар?

Стиль вашей работы совершенно невозможный. Такой стиль только способствует тому, чтобы антисоциалистические, контрреволюционные силы развернулись, ободрились… В Дрездене мы вам вовсе не советовали сажать кого-либо в тюрьму. Но мы подчеркивали, что освобождать неподходящих людей от занимаемых постов — это право Центрального Комитета вашей

партии… О Пеликане. Он руководит телевидением, позорит с его помощью КПЧ. Зачем же этот человек сидит на таком посту?

…Потом мы приехали в Софию. Там мы, каждый по очереди, говорили с тобой лично. Помнишь, я сидел на диванчике и говорю: «Саша (именно Саша, а не Александр Степанович), осмотрись, что происходит, что делается за твоей спиной? Нам непонятно, почему средства пропаганды до сих пор не в ваших руках». Если я лгу, назови меня при всех лгуном…

Дубчек: Нет, именно так, как вы говорите…

Брежнев: Я хочу еще сказать о твоей, Александр Степанович, личной беззаботности. Твой стиль работы основан на личном авторитете. А это очень неправильно… Помнишь, был случай, когда я тебе написал письмо, в личном плане, от руки. Оно должно быть у тебя цело.

Дубчек: Цело.

Брежнев: Я, товарищи, хочу сказать всем вам, здесь сидящим: каждый из вас, кто мирился с развитием контрреволюции в вашей стране, кто ничего не предпринимал вплоть до ввода войск, несет личную ответственность».

Нельзя не оценить тут напористость и даже страстность речей Леонида Ильича, его небоязнь взять на себя личную ответственность в этом драматическом и — в мировом масштабе! — явно непопулярном событии. Однако тогда, когда ставились во главу угла коренные интересы государства Советов, он никоим образом не колебался. Это надо иметь в виду всем, кто объективно хочет познать личность Брежнева.

Ладно, то были сугубо закрытые переговоры, но он не оробел и перед публичной ответственностью перед всем миром. Для этого (видимо, не случайно!) была избрана Польша, именно та страна социалистического лагеря, где наиболее глубоко гнездились антисоветские (они же антирусские) настроения. И вот в выступлении Брежнева на V съезде Польской объединенной рабочей партии в Варшаве 12 ноября 1968 года прозвучало: «Хорошо известно, что Советский Союз немало сделал для реального укрепления суверенитета, самостоятельности социалистических стран… Но известно, товарищи, что существуют и общие закономерности социалистического строительства, отступление от которых могло бы повести к отступлению от социализма как такового… И когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран».

Сказано твердо и даже достаточно сурово. Но не на ветер

прозвучали эти слова. Более двадцати лет никто не смел открыто покуситься на целостность и монолитность социалистического строя в Европе. Потребовалось предательство в Кремле, чтобы такое позже началось.

Именно в период наибольшего обострения чехословацких событий достигли высшей точки кризиса советско-китайские отношения. Уже не ограничивалось дело идейно-политическими спорами, дело дошло, к сожалению, до военных столкновений. Даже и сейчас, треть века спустя, тяжело и горько вспоминать об этом. В феврале 1969 года на пустынном острове Даманском начались столкновения между пограничниками, произошли перестрелки, появились первые жертвы с обеих сторон. Наши ответили тяжелой артиллерией и ракетами. К счастью, конфликт не разросся до худшего, но отношения между странами и даже народами были омрачены надолго — пролитая кровь порождает боль, которая затухает чрезвычайно медленно…

Надо твердо сказать, что Брежнев и его товарищи по Политбюро в своем большинстве не несут ответственности за начало этого нелепого противостояния (разве что замшелый догматик-марксист Суслов). Тут они расхлебывали дурное наследство сумасбродного Хрущева и коварного Мао Цзэдуна. Брежнев всячески стремился к примирению с великим соседом и братским народом, но полностью осуществить это при жизни ему не удалось. Более того, проамериканские советники Брежнева осторожно, однако настойчиво подталкивали его на антикитайский союз СССР — США. С этой целью была организована встреча Брежнева с недолгим американским президентом Джеральдом Фордом в 1974 году во Владивостоке. К счастью для нашей страны, интрига та не прошла, Брежнев устоял на коренных государственных интересах страны, от провокаций удержался.

Осторожное сближение с Китаем началось после кончины Мао в 1976-м и в особенности после свержения его наследников (пресловутая «банда четырех» во главе со вдовой Мао), но… грянули события в Афганистане, о чем пойдет рассказ далее. Вопрос о полном сближении с социалистическим Китаем был волею несчастливых судеб отложен.

1968–1969 годы выдались очень тяжелыми для Брежнева, но он с успехом пережил их. Более того, он неуклонно и настойчиво продолжал расставлять вокруг себя преданных ему людей. Так, уже в 1965 году членом Военного совета и начальником Политуправления Московского военного округа стал друг Брежнева генерал К.С. Грушевой. Важный пост управляющего делами ЦК КПСС занял бывший выпускник Днепропетровского

металлургического института Г.С. Павлов, работавший до того на малозначительном посту в аппарате Комитета партийно-государственного контроля. Еще более важный пост заведующего Общим отделом ЦК КПСС занял К.У. Черненко, перешедший сюда из секретариата Президиума Верховного Совета СССР. Друг Брежнева Н.А. Тихонов перешел не только из кандидатов в члены ЦК КПСС, но и с более скромной должности заместителя председателя Госплана на должность заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Стал быстро увеличиваться и личный секретариат Брежнева, возглавляемый Г.Э. Цукановым. К концу 60-х годов в нем имелось около 20 помощников, секретарей и референтов, каждый из которых создавал свою собственную службу.

Более того, в 1966 году было решено восстановить упраздненное при Хрущеве общесоюзное Министерство внутренних дел. По предложению Брежнева новым министром внутренних дел стал его друг, выпускник Днепропетровского металлургического института Н.А. Щелоков, продолжавший все еще работать в Молдавии вторым секретарем ЦК. Щелоков сразу перебрался в Москву и получил большую квартиру в доме на Кутузовском проспекте, где жил и сам Брежнев.

На исходе напряженного 1969 года Брежневу довелось пережить еще два серьезных политических испытания. Первое связано с весьма некруглым юбилеем Сталина, в декабре исполнилось 90 лет со дня его рождения. Вокруг этого в высшей степени сомнительного юбилея разгорелась острая борьба в партийном руководстве. О ходе и важнейших подробностях этого дела будет рассказано далее.

Второе событие большой, кажется, важности происходило тоже на самых верхах власти. Об этом подробно рассказал историк новейших событий в СССР Рой Медведев. Никто из многочисленных публицистов или «воспоминателей» о том не свидетельствует, даже косвенно. Однако, несмотря на различные отношения к идейной и гражданской позиции, Медведев, бесспорно, историк добросовестный и в вымыслах, как некоторые иные, не уличался. Считаем необходимым привести сообщаемые им обстоятельства в его изложении и оценке.

«Уже на XXIII съезде чувствовалось, что дирижерская палочка находится в руках Суслова. Именно к нему обращались в конце 60-х годов работники аппарата для разрешения спорных вопросов. Да и сам Брежнев не предпринимал никаких инициатив, не согласовав их прежде всего с Сусловым. Это обстоятельство раздражало окружение Брежнева, которое состояло в основном из его старых друзей, соратников по

Днепропетровску и Молдавии, и некоторых вновь обретенных друзей и помощников. Они хотели придать Брежневу большую самостоятельность в решении идеологических, политических и внешнеполитических проблем. Но поскольку Брежнев по своей нерешительности и некомпетентности опасался принимать самостоятельные решения, это означало бы увеличение роли его аппарата.

Перелом в отношениях между Брежневым и Сусловым наступил в декабре 1969 года. По традиции в конце каждого года собирался Пленум ЦК КПСС, который в преддверии сессии Верховного Совета СССР обсуждал итоги уходящего года и основные директивы к плану на предстоящий год. Докладчиком выступал обычно Председатель Совета Министров СССР, после чего происходили краткие прения. Но на декабрьском Пленуме 1969 года вскоре после доклада с большой речью по проблемам управления и развития народного хозяйства выступил Брежнев. Эта речь содержала крайне резкую критику органов хозяйственного управления, оратор очень откровенно говорил о плохом состоянии дел в советской экономике. Эта речь была подготовлена в личном секретариате Брежнева. Разумеется, так как он был не рядовым оратором, а лидером партии, то и его речь воспринималась как директивная.

Необычная самостоятельность Брежнева не только удивила, но и обеспокоила многих членов Политбюро, которые опасались, что увеличение влияния и власти Брежнева нарушит ту «стабильность» в кадрах, к которой все начинали привыкать. Естественно, что больше других был недоволен Суслов, с которым Брежнев не нашел нужным проконсультироваться. Выступить в одиночку против Суслов не решился. Он подготовил специальную «записку» для членов Политбюро и ЦК, которую подписали также А.Н. Шелепин и К.Т. Мазуров. В этой записке подвергалась критике речь Брежнева как политически ошибочное выступление, в котором все внимание было якобы сосредоточено на негативных явлениях и в котором оратор ничего почти не сказал о тех путях, с помощью которых можно и нужно исправить недостатки и пороки в народном хозяйстве.

Возникший спор предполагалось обсудить на предстоящем мартовском Пленуме ЦК КПСС в 1970 году. Брежнев был также обеспокоен возникшей в ЦК оппозицией и не желал доводить дело до обсуждения на Пленуме. По совету своих помощников он предпринял необычный по тем временам шаг: отложил на неопределенный срок Пленум и выехал в Белоруссию, где в это время проводились большие маневры Советской Армии, которыми руководил лично министр обороны А.А. Гречко. Никто

из членов Политбюро не сопровождал Брежнева, с ним в Белоруссию отправились лишь некоторые наиболее доверенные помощники. Там он провел несколько дней, совещаясь не только с Гречко, но и с другими маршалами и генералами. Этот неожиданный визит Брежнева на военные маневры произвел немалое впечатление на членов Политбюро. Они видели теперь нового, более самостоятельного и независимого Генсека. Никто не знал содержания его бесед с Гречко и маршалами, да Брежнев и не был обязан в данном случае отчитываться перед членами Политбюро, не входившими в Совет обороны. Однако было очевидно, что военные лидеры обещали ему полную поддержку в случае возможных осложнений.

Вскоре стало известно, что Суслов, Шелепин и Мазуров «отозвали» свою записку, и она нигде не обсуждалась. По возвращении Брежнева в Москву Суслов первым выразил ему свою полную лояльность. Весь аппарат печатной и устной пропаганды, а также весь подведомственный Суслову идеологический аппарат быстро перестроились на восхваление «великого ленинца» и «выдающегося борца за мир», который становился отныне не только руководителем, не только первым среди равных, но и неоспоримым лидером, «вождем» партии и фактическим главой государства. Перед праздниками и некоторыми крупными торжествами на площадях и главных улицах Москвы и других городов вывешивались обычно портреты всех членов Политбюро. Так было и перед 1 Мая 1970 года. Но теперь повсюду появились огромные портреты и одного Брежнева, большие плакаты с цитатами из его речей и докладов. Изображение Брежнева давалось во многих случаях более крупным, чем других членов Политбюро. Газеты почти ежедневно публиковали его фотографии. Передовые статьи в газетах и также теоретические статьи в партийных журналах и в журналах по общественным наукам почти всегда включали цитаты из «произведений» Брежнева. Масштабы всей этой начавшейся с весны 1970 года пропагандистской кампании по укреплению и утверждению авторитета «вождя» партии намного превосходили все то, что делалось во времена Хрущева.

Поведение Брежнева после 1970 года изменилось, что было сразу замечено западными политиками. Вспоминая о своих первых встречах с Брежневым, В. Брандт писал: «Существует ряд взаимоотношений, из которых я почувствовал, какие изменения произошли в положении моего визави. Прежде всего вряд ли можно было более наглядно продемонстрировать его статус в качестве доминирующего члена советского руководства… он обнаруживал величайшую самоуверенность, когда обсуждал

международные дела».

Речь идет о начале 70-х годов, когда Брежнев на самом деле обнаруживал «величайшую самоуверенность» при обсуждении международных проблем и, не будучи еще формальным главой государства, ставил свою подпись на важнейших договорах с западными странами, хотя это и не отвечало общепринятым протокольным нормам.

Повторим, в полной мере данную версию не подтверждает никто. Однако вероятность ее очень велика. Действительно, все обратили внимание на довольно резкие оценки хозяйственных дел в декабрьском докладе Брежнева. Шелепин и Мазуров были его очевидными противниками, а Суслов, по крайней мере, не являлся сторонником. Наконец, верно и про опору Брежнева на армию. Маршал А.А. Гречко на посту министра обороны был его ставленником (вместе служили в 18-й армии с октября 1942-го по январь 1943-го). Их подпирал секретарь ЦК по оборонке Устинов, верный сторонник Брежнева, ставший его приятелем (он позже и стал преемником Гречко). Наконец, верно и то, что начало славословий, пока осторожных, Брежнева проявилось приблизительно в ту пору и неуклонно разрасталось потом. О судьбе Шелепина уже сказано, а о близком политическом конце Мазурова еще предстоит кратко сказать позже. Как видно, суждения Р. Медведева имеют подтверждения, а возражений им нет.

Итак, Леонид Ильич Брежнев встретил начало семидесятых годов полным и неоспоримым правителем Советского Союза и всей советской империи. Сопротивление, довольно уже вялое, оказывал лишь коммунистический Китай, но влияние его в мире тогда было относительно невелико. Брежневу тогда чуть перевалило за шестьдесят, и здоровье пока оставалось крепким.

Идеологические качели

Из всех большевистских руководителей Брежнев менее всего интересовался вопросами идеологическими. Человек очень простой по натуре, получивший сугубо хозяйственно-административный опыт в молодые и зрелые годы, он был далек от всяких гуманитарных интересов. Литературой, музыкой, театром, изобразительными искусствами никогда не увлекался и знал их довольно плохо. Вкусы у него были самые простецкие, как бы сказали раньше — мещанские. Любил Людмилу Зыкину, песенки начинающей Аллы Пугачевой, наших пошловатых эстрадников и Пахмутову с Кобзоном. Все люди его поколения обожали кино, однако Леонид Ильич и этой слабости избежал, только любил до самозабвения «Семнадцать мгновений весны» и смотрел запись снова и снова.

Итак, от Ленина и Сталина он в этом отношении отличался существенно, а вот с Хрущевым, наоборот, были схожи: культурный уровень и вкусы у них были примерно одинаковы. Но и тут Леонид Ильич имел перед своим предшественником огромное преимущество: Хрущев по-дурацки, постоянно «залезал» в идеологические области и культуру, в чем не понимал ни шиша. Брежнев с этими сферами обходился крайне осторожно, по сути, вообще избегал их. Что ни говори, но тут Брежнев был неизмеримо осмотрительнее и политичнее Хрущева, о «культурной политике» которого осталось множество смешных анекдотов. Самый забавный был рожден во времена дурацкой борьбы Никиты с «абстракционизмом» (он же в ту пору поднимал сельское хозяйство и довел людей до талонов на муку): встретились как-то колхозник и художник. «Да, — жалуется колхозник, — вот ругает нас Никита Сергеевич за недоработки». — «Да вот и нас, — говорит художник, — Никита Сергеевич тоже стал ругать». — «Вам-то легче, — вздыхает колхозник, — все-таки Никита Сергеевич в искусстве-то понимает…»

В представлении сегодняшнего обывателя-телезрителя уровень образования подменяется свойством гладко и шустро болтать, поглядите, если не лень, любое ток-шоу. При этом бедный российский человек не учитывает, что всякий популярный «телеведущий» читает лишь написанную для него кем-то «бегущую строку», невидимую зрителем, при этом сам «ведущий» может быть дурак-дураком (как часто и бывает). Журналюги разного рода, с учеными степенями и без оных, очень любили недавно поносить Леонида Ильича за его речевые ошибки. Вот

что писал генерал-политрук Волкогонов:

«Он был малообразованным человеком. В своих рабочих записях, резолюциях, пометах он делал множество ошибок (обезскуражить, Бон (вместо Бонн), хокей, Ново Сибирск, Веньгрия, Дюсендорф, Чаушестку, Шерванадзе, Кисенджер и т. д. и т. п.). Мне несколько раз приходилось присутствовать при выступлениях Брежнева. В начале семидесятых годов он выступал в большом зале Главпура перед военачальниками. Как только отрывался от текста, мы слышали речь малограмотного человека, но довольно живую и житейскую».

В советское время от политического деятеля не требовалось быть эстрадным актером, совсем иных качеств от него ждали. Да, Хрущев и Брежнев были малообразованны, писали и говорили не без ошибок. А вот кто их сменил, присмотримся к ним. О смешных ошибках в речах Горбачева с хохотом говорила вся страна. Речевые уродства Ельцина воспринимали уже с отвращением. Так в лучшую или худшую сторону ушли недавние кремлевские деятели от прежних?.. История еще не закончилась, подождем ответа.

Не имея никакого вкуса к делам культуры и искусства, Брежнев тем не менее на посту Генерального секретаря должен был постоянно заниматься вопросами идеологии и принимать личное участие в решении важнейших из них. А таких в великой идеократической стране набиралось превеликое множество, и постоянно.

В этой области Брежнев двинулся по привычному для него пути, перекладывая основную ответственность на непосредственных подчиненных. Во все брежневское время главнейшим идеологом страны был М. Суслов. Важно знать, что он был выдвиженцем Л. Берии, который в своих заговорщических планах хотел противопоставить его А. Жданову как идеологу патриотического направления (год спустя после неожиданной смерти Жданова, Берия «слепил» так называемое «ленинградское дело», физически уничтожив ждановских сторонников в Питере и Москве). Суслов прослужил в партийных верхах в Кремле тридцать пять лет (только Сталин мог с ним отчасти соперничать по этому своеобразному «стажу») и все время оставался непреклонным интернационалистом, не любил исторической России, а Православие прямо-таки ненавидел. Менялись вожди, но он в этом не менялся.

Колючий, замкнутый, питавшийся одной гречневой кашей, ездивший на лимузине со скоростью не более 40 километров, он был крайне несимпатичен, его звали Кощей. Ярый ненавистник Церкви, именно он подтолкнул глупого Никиту на суровые

гонения против Православия в начале 60-х. При Брежневе, у которого мать была глубоко верующей, а сам простоватый Леня сохранил все же в душе (пусть суеверный) страх Божий, Кощей опять интриговал против Церкви, но тщетно. Лишь 22 сентября 1981 года, когда Брежнев уже сильно ослаб, ему удалось протолкнуть постановление ЦК «Об усилении атеистической пропаганды». Оно было, однако, настолько секретным, что даже идеологические руководители высокого ранга его в глаза не видели (я, например, не встречал ни одного человека, его читавшего). Так и провалились предсмертные антихристовы действия Кощея в бюрократическую бездну…

Таков вот оказался у Генсека Брежнева соратник в Политбюро по идеологии. Простоватый Леня, скучавший по молодости лет над цитатами из Маркса и Ленина и отродясь не открывавший тяжелых томов их сочинений, явно тушевался перед начетническим всезнайством Кощея. Более того, с тем невозможна была охота и послеохотничьи развлечения, что тоже очень сдерживало Брежнева в общении с ним. Подготовку идеологических вопросов он всегда оставлял за Сусловым.

Так было, и о том все знали. Но Леонид Ильич, как мы теперь знаем, был совсем не прост, хотя никогда не корчил из себя знатока «искусства и литературы», как пошлый и самоуверенный Никита — вот уж истинный простак! Недавно о том интересно рассказал А. Байгушев, имевший возможность наблюдать Генсека в домашнем, так сказать, кругу.

«Александр Николаевич Яковлев в «Сумерках» оскорбленно вспоминает, как Брежнев начал рассказывать о том, как еще в Днепропетровске ему предложили должность секретаря по идеологии. «Я, — сказал Брежнев, — еле-еле отбрыкался, ненавижу эту тряхомудию, не люблю заниматься бесконечной болтовней…» «Произнося все это, Брежнев, — сердится Яковлев, — поднял голову и увидел улыбающиеся лица, смотрящие на меня. Он тоже повернулся в мою сторону. «Вот так», — добавил он и усмехнулся».

Могу вполне предположить, что Яковлев не преувеличивает: все именно так и было. На Брежнева страшное впечатление произвел позор Хрущева, и он панически боялся попасть не в дугу. Об идеологии, понимая, что он в ней все-таки не специалист, говорил только в самом узком кругу и всегда не один раз советовался прежде, чем что-то для себя решить.

А на публику Брежнев и вовсе всегда разыгрывал этакого немудреного «простачка», рабочего «рубаху парня». Всегда, явно переигрывая, с нажимом делано отшучивался: «Идеология? Это не ко мне. У нас в партии есть для этой тряхомудии Суслов». Но в

узком кругу на даче в Заречье среди самых, самых своих не было для него больше объекта для постоянного высмеивания, шаржирования, чем Суслов. Между своих он искренне считал Суслова чем-то вроде задника на сцене, который прикрывает его хитрую брежневскую закулисную режиссуру. Он насмотрелся на партийную элиту, искренне в душе ее презирал».

В Советском Союзе во все времена имелись и негласные идеологические области. Ведала ими Лубянка, а во главе ее уже сам Брежнев с 1967 года поставил Ю. Андропова. Ну, о том уже сказано, напомним лишь, что русскую идею он ненавидел куда острее, чем сам Кощей. Итак, оба соратника тут — из одной колоды, и ясно, какого цвета масти были там сокрыты. Остается только оценить здоровую русскую природу самого Леонида Ильича, который на русофобскую сторону не становился никогда, даже на посту Генсека, оставшись советско-русским патриотом.

«Пражская весна» породила в Москве и Ленинграде кучки подражателей, в основном среди так называемой «творческой интеллигенции», а точнее — среди окололитературных, околокиношных и прочих советских «образованцев». Они составляли разного рода машинописные обращения «к мировой общественности», которые распространяли среди им подобной публики. И, разумеется, снабжали этим добром разного рода радиоголоса. Те озвучивали это на всю нашу огромную страну, и потрясенные советские граждане на Урале, в Закавказье или в Заполярье с изумлением узнавали, что в столице кипит борьба за «свободу»… Пиком тут стала крошечная «демонстрация» на Красной площади в Москве в дни ввода наших войск в Чехословакию.

Ну, демонстрантами занялось ведомство Андропова, а более многочисленными протестантами и подписантами — ведомство Суслова. Суровый Кощей словоблудия не любил, причем всякого. Болтунов наказали, хоть и очень мягко, уж совсем не по-сталински. Сохранился затерянный в пыли времени документик — о наказании членов Союза писателей Москвы, в тех делах особенно наследивших. Все отделались выговорешниками разных видов, но куда более характерно другое. Из тридцати пяти фигурантов лишь несколько оказались русскими, включая известного впоследствии Владимира Максимова, а более тридцати прочих — с совсем иными данными в «пятом пункте». И то был точный срез национальных соотношений в данном раскладе. С тех пор и в течение всех семидесятых Суслов и Андропов неуклонно одергивали разного рода «диссидентов» (об этом речь далее), но проделывали это осторожно, ибо Брежнев крайностей не любил и их не одобрял, хотя в непосредственные

дела обоих ведомств не влезал.

Только раз он вмешался в дела сусловского ведомства, и весьма решительно, и по очень важному вопросу, в 1975 году был подготовлен очередной том «Истории КПСС» о первом послевоенном десятилетии. Руководителем был Б.Н. Пономарев, имевший образование «красного профессора», но ставший «академиком от ЦК КПСС». Был он твердым, но скрытым противником Сталина. В макете тома отрицательно осветили XIX съезд партии, прошедший в 1952 году, последний сталинский. Не сообразил пустяковый «академик», что Генсек Брежнев был избран в Центральный комитет, а потом и в Секретариат именно на том самом съезде.

Точно до сих пор не известно, на каком уровне выступил по этому поводу Брежнев, ничего в печати не появилось, до сих пор ученые до подлинных документов не добрались (да пытались ли?). Однако тогда знал о том весь так называемый «идеологический актив» столицы. Пономаревские старатели осудили съезд за низкий, видите ли, образовательный уровень. Но это уже в послесталинское время партчиновники стали навешивать себе ученые звания (тот же Пономарев членкором сделался в 1958-м, а академиком — в 1962 году, ученый от многомудрого Хрущева!). Сюда и направил Брежнев свой упрек, и довольно впечатляющий. Мы, делегаты того съезда, воевали, а потом трудились над восстановлением разрушенной Родины, нам не было времени и возможностей заниматься учеными изысканиями, — вот так примерно, как мы слышали в семидесятых годах, сказал Брежнев.

Злополучный том вернули «на доработку», а Пономарев так и остался кандидатом в члены Политбюро, полноправным членом не стал, не простил ему Брежнев того навета на все сталинское поколение.

Так начались знаменитые брежневские «качели» — шаг в одну сторону (одобрение или осуждение) точно соответствовал шагу в сторону противоположную. Что ж, своя простоватая мудрость тут была.

Теперь Суслов с молчаливого одобрения Брежнева начал выкорчевывать засевших в пропагандистском аппарате сталинистов. Главное свершилось в течение 1969 года, в 90-летие Сталина. Год начался с резкого выпада шелепинских сторонников: появилась в «Коммунисте» статья явно про-сталинского толка, с обвинениями в адрес либеральных идеологов, среди подписавших значилось несколько работников ЦК и один из помощников Брежнева, Голиков. Верхушечные сталинисты получили поддержку со стороны «своего» фланга: в

середине года в «Октябре» появился боевой роман Кочетова «Чего же ты хочешь?» — критика разрядки и сближения с Западом была там последовательной и удивительно смелой. Однако у Кочетова не имелось свежей положительной идеи, а от русского возрождения он резко и враждебно отмежевался (роман был столь скандальным, что его не издали отдельной книгой, это сделали только в Минске — Машеров был последовательный противник разрядки и борец с сионизмом, в конце концов он доигрался). К концу года к изданию готовились сочинения Сталина и многое прочее, но… ничего не вышло, сусловские люди пересилили.

Они все же были мастера высокого класса, поэтому нанесли своим профанам-соперникам удар страшной силы, а главное — с неожиданной стороны. В том же 69-м в тихой Финляндии международный лазутчик, советский гражданин, бывший зэк и мелкий фарцовщик в юности некий Виктор Луи передал западным издательствам «мемуары Хрущева». Документ, как показало время, был в целом подлинным, но хорошо и целенаправленно отредактированным. Основная нехитрая идея «мемуаров» — разоблачение негуманного Сталина, но особенно его «антисемитизма» (то, что простоватый Никита сам был грубым антисемитом, редакторов не смущало). Мировая «прогрессивная общественность» стала на дыбы: как! в Советском Союзе собираются вновь возвысить этого негодяя и антисемита?! Ясное дело, многие руководители западных компартий, а также все «прогрессивные деятели» доложили в ведомство Пономарева о своем негодовании. Пришлось, так сказать, согласиться с «прогрессивным общественным мнением» и реабилитацию Сталина отложить.

1969 год закончился, к несчастью для Шелепина и его сторонников, жалкой статейкой в «Правде», опрокинувшей все надежды сталинистов. В начале 70-го сусловцы извергли из своей среды двух сталинистов, занимавших ключевые посты в идеологии: зав. пропагандой ЦК Степанова и председателя Госкомиздата Михайлова (бывшего сталинского выдвиженца на XIX съезде), а также кое-кого помельче. Шелепин, Полянский и Мазуров еще ходили на заседания Политбюро, но жизнь текла уже мимо них. Вся власть в стране сосредоточилась в двух родственных центрах: Брежнева с его помощниками и Суслова — Пономарева (жены всех троих были одного происхождения). Ну и примкнувший к ним Андропов…

Невидимый, но исключительно важный этот переворот оказал немедленное и очень сильное влияние на текущую идеологическую обстановку. Укрепившейся правящей группе уже не нужна стала шумная антисоветская оппозиция: как великое

общественное движение оно могло привести бог знает куда. Принимаются внешне жесткие меры: снят Твардовский, убраны из журнала наиболее воинственные либералы, усмиряется задиристая «Юность». Более того: резко придавили полулегальное «демократическое движение», теперь не нужна была «пражская весна» в Москве, власть находилась в надежных руках. Наиболее непримиримых диссидентов выслали в Париж, Иерусалим и Калифорнию, чтобы они тут не мутили воду своим честолюбивым нетерпением. Наконец, евреям разрешили широкий и, по сути, ничем не ограниченный выезд за рубеж: недовольство с этой стороны было ликвидировано полностью.

Однако положение стало резко меняться с тех пор, как появилась «Молодая гвардия», возглавляемая Анатолием Никоновым. Об этом человеке со временем будет написано много, а сейчас, когда он скончался в полной безвестности, пришла пора сказать: то был подлинный русский самородок. Получив образование, лишенный литературных и иных гуманитарных дарований, он обладал природным вкусом и безупречным чутьем на все хорошее и дурное. Самодумкой, без подсказки он понял значение русской истории и культуры, распознал разрушительные силы, плясавшие на поверхности в разного рода маскхалатах. Необычайное обаяние и бескорыстие позволили ему сделаться подлинным вдохновителем первых важнейших шагов русского возрождения. Как и положено у нас, недооцененный современниками на Родине, он получил должную оценку у международных русофобов. Сомнительный француз Леон Робель, женатый на выпускнице МГУ и вхожий во многие московские салоны, писал в 1972 году в парижском либерально-марксистском журнале: «Когда Александра Твардовского вынудили отказаться от руководства журналом «Новый мир», во всем мире много говорили об этом… Когда же в начале прошлого года главный редактор журнала «Молодая гвардия» был освобожден от своих обязанностей, это решение, политически намного более важное, прошло при полном молчании…» Да, Робель был прав: снятие Никонова было действительно «политически более важным», чем отставка спившегося и устаревшего Твардовского.

Подчеркнем, что никакой особенной стратегии и тактики у неопытных и наивных молодогвардейских деятелей не имелось. Все казалось очень просто: руководители страны находятся в плену у омертвелой марксистской догмы и русофобской революционной традиции, этим пользуются враги России, подсовывая им разные вредные соблазны; надо объяснить руководителям, что и как, разоблачить подлинное лицо «новомировских» и всяких иных либералов и… все станет хорошо,

постепенно СССР преобразуется в Великую Россию и начнет излечивать застарелые болезни. Раззвонили они обо всем этом в своем журнале на всю страну.

Конечно, если бы Цуканов и Суслов имели бы твердые убеждения и политическую смелость, наплевали бы они на жалкие обрядовые предрассудки и отправили бы наглых мальчишек, куда следует. Но они были боязливые интриганы, более всего опасавшиеся, как бы партия и народ не прознали бы об их истинных симпатиях и склонностях. Рассказы молодогвардейских ветеранов о том, как их «разобрали» тогда, рисуют ужасающе убогий оппортунизм брежневской команды. Но все же дело свершилось, в конце 1970-го Никонов был довольно мягко убран из «МГ» и переведен на почетную должность редактора «Вокруг света». Больше в журнале никого не тронули. Это было куда менее сурово, чем обошлись недавно с «новомировцами». Отсюда возникло суждение, неоднократно отмеченное потом в западных работах, что молодогвардейцы, дескать, были очень сильны и имели крепкую опору в верхах. Совсем наоборот. Это противники «МГ» были невероятно слабы идейно и ничего не могли противопоставить растущему Русскому Возрождению. Отсюда и явная слабость первых репрессий: даже выговоров не последовало, не говоря уж о худшем.

За всей этой внешней слабостью и вялостью явно просматривается, однако, неявная воля самого Брежнева. В угоду остаткам сталинистов убрали «новомировских» либералов, теперь вот приструним расшалившихся молодогвардейских патриотов. Но в обоих случаях тихо, мирно и без особого там публичного скандала… Вряд ли Брежнев даже примерно так про себя думал, поступал он в этой малоизвестной ему сфере скорее по наитию, но поступал в силу своего понимания политики логично.

Эта молчаливая, осторожная, но безусловно принципиальная линия Брежнева в идеологии особенно отчетливо проявилась во время громкого политического скандала, вызванного появлением большой статьи Александра Яковлева в «Литературной газете». Яковлев — деятель известный, его представлять не надо, однако уточним одно лишь обстоятельство. Еще с горбачевских времен он выдавал себя за прирожденного поборника «демократии». Лукавил, как и во многом ином. Был он партийным карьеристом, и только. Хладнокровно организовывал высылку Солженицына, например, поднял шумиху вокруг процесса Синявского — Даниеля…

Опытный аппаратчик, Яковлев знал, что Суслов и правящие помощники Брежнева (а все они были от Андропова) очень не любят все русско-патриотическое. Не поставить это на карту?

Генсек сероват, ничего толком в идеологии не понимает, объяснят ему, надо полагать, каким принципиальным марксистом-ленинцем является товарищ Яковлев… Но недооценил интриган своего Генсека!

Да, что ни говори, но выбор судьбы определяется все же не анкетными данными и даже не пресловутым «пятым пунктом». Например, первый зам. Отдела пропаганды Яковлев родом из ярославского села, жену имел русскую, но целиком поставил на линию разрядки (возможно, тут помогло его долгое пребывание в США в качестве стажера). Соседом Яковлева по даче был Цуканов, что облегчало дело.

Конечно, никаких глубоких идей у Яковлева не имелось, но, как ярый карьерист, он почуял, что хотелось бы идеологическому руководству, а как бойкий человек не побоялся рискнуть. Он повел атаку на молодогвардейцев по всему фронту, используя для этого весь громоздкий идеологический аппарат. Недостатка в разоблачениях не было, но брань стала уже привычной, ее перестали бояться. Сами молодогвардейцы не стеснялись ее вовсе, огрызались и наступали, создавая тем самым в Советском Союзе опасный пример. Надо было снимать и наказывать, это ясно, но как? Как сделать это под руководством вялых бюрократов, страшившихся малейших потрясений? Нужно было «решение» по поводу «МГ». Яковлев долго интриговал, но пробиться сквозь бюрократическую трясину не сумел. Играть так играть, и он решил состряпать партийное решение сам. Советники и помощники охотно подтолкнули его под локоток (дурака не жалко), и вот в ноябре 72-го появилась громадная статья Яковлева «Против антиисторизма».

Вся убогость сусловской внутриполитической линии потрясающе точно выражена в этом кратком заголовке! Во-первых, выступление ведущего идеолога направлено не на утверждение неких партийных истин, а против чего-то, — партия, стало быть, идет по чьим-то следам? Во-вторых, что это за обвинение — «антиисторизм»? В марксистском лексиконе накопилось множество жутких политических ярлыков, но о таком не слыхивали. Наконец, просто смешна словесная убогость заголовка: если латинское «анти» перевести на русский язык, то получится: «Против противоисторизма»!..

Брежнев был хитер и осмотрителен, очень осторожен, он действительно отличался миролюбием, то есть неприязнью к резким и крутым мерам. Его личное влияние на политику страны в 70-е годы нельзя недооценивать. Перебор Яковлева для осторожной и оппортунистической линии Брежнева был слишком уж вызывающим: если всякий замзав, даже и дружный с

помощниками, начнет так действовать, то… Не надо забывать, что Брежнев в 1972 году не успел еще превратиться в живой труп, как десять лет спустя. Итак, Яковлева срочно и унизительно сослали в провинциальную Канаду. При этом Генсек якобы произнес: «Этот м…к хочет поссорить нас с интеллигенцией!»

Очень интересна судьба яковлевской той статьи уже в нынешнее буржуазное время. О ней стали вспоминать, давая самые разные, порой противоположные, оценки. Казалось бы, Яковлев должен был высказаться в этой связи широко и полно, теперь-то его не сковывала партийная дисциплина. Нет, высказался он кратко, явно неохотно, избрав трибуной малотиражный архивный журнал «Источник»:

«Пустое дело разбирать сегодня мою статью, оценивать ее формулировки, примеры, весь ее стиль. Она была опубликована в определенное время. В своей критике национализма я опирался на цитаты из Маркса и Ленина. Любые отклонения от сложившихся стереотипов были бы пресечены партийной цензурой, независимо от служебного положения автора. Добавлю, что с некоторыми своими оценками я и сам сегодня не согласен.

Главное — в политической сути статьи, ее направленности. Взяться тогда за перо меня побудило осознание той угрозы, которую несла все возрастающая сила националистических и шовинистических взглядов, все более опутывавших общество с конца 60-х годов. Это неминуемо влекло за собой сползание к национал-коммунизму с его основными известными миру атрибутами, характерными для национал-социализма. На этом пути было бы завершено дело, начатое «вождем всех времен и народов», — создание имперской идеологии коммуно-фашизма.

К сожалению, время подтвердило мои опасения. Сегодня, когда речь заходит о возрождении большевизма в форме коммуно-фашизма, корни этих трагедий следует искать именно в национализме, имперской идеологии. Кстати, многие литературные деятели, упомянутые в моей статье, и сегодня являются глашатаями особого рода спекулятивного «патриотизма», по сути своей агрессивного шовинизма».

Очень скромно, даже застенчиво высказался автор русофобской статьи в 1996 году, при полном всевластии Ельцина, Березовского и Чубайса! Имен не назвал — ни тех, о ком сожалеет, и тех, кого и тогда обзывает «нацистами». Словом, уклонился от обсуждения. Понимал, что выглядит он с любой течки зрения, как партийный карьерист, и только. А статью свою, имея огромные издательские возможности, так и не опубликовал. Автору данной книги пришлось за него проделать эту работу.

…Точно такую же осторожную осмотрительность проявлял

Брежнев и во всех прочих острых идеологических вопросах. В 70-х годах самыми шумными в этом ряду стали дела писателя Солженицына, академика Сахарова и других. Брежнев вмешиваться во все эти скандалы не желал, перекладывая решение на Суслова, а потом все чаще и чаще на Андропова, который все более входил в силу. Зять Брежнева Ю. Чурбанов вспоминал в этой связи:

«Помню, как-то раз он с Андреем Андреевичем Громыко обсуждал вопрос о выезде из СССР. Тогда Леонид Ильич достаточно резко сказал: «Если кому-то не нравится жить в нашей стране, то пусть они живут там, где им хорошо». Он был против того, чтобы этим людям чинили какие-то особые препятствия. Юрий Владимирович, кажется, придерживался другой точки зрения по этому вопросу, ведь многих людей не выпускали из-за «режимных соображений», это было вполне естественно. Сейчас тоже выпускают не всех. Не помню, чтобы в разговорах Леонида Ильича возникало имя Солженицына, — кажется, нет, ни в положительном, ни в отрицательном аспектах. Может быть, Щелоков что-то докладывал Леониду Ильичу о решении Вишневской и Ростроповича, с которыми был дружен, но Леонид Ильич в эти вопросы не вмешивался. Все-таки это была прерогатива Юрия Владимировича Андропова. А вот об Андрее Дмитриевиче Сахарове разговоры были. Леонид Ильич относился к Сахарову не самым благожелательным образом, не разделял, естественно, его взгляды, но он выступал против исключения Сахарова из Академии наук. Суслов настаивал, причем резко, а Леонид Ильич не разрешал и всегда говорил, что Сахаров большой ученый и настоящий академик. Какую позицию в этом вопросе занимал Юрий Владимирович, я не знаю, все-таки это были вопросы не для домашнего обсуждения. Одно могу сказать твердо: письмо Сахарова к Брежневу в домашнем кругу никак не комментировалось. Может быть, оно просто не дошло до Леонида Ильича? Трудно сказать. Но никаких разговоров вокруг этого письма не было и в доме о Сахарове не говорили».

Да, Брежнев стремился уклониться от неприятных его натуре острых мер против известных интеллигентов, к которым он, человек из трудового народа, привык относиться почтительно, как к людям образованным и наделенным талантами. Однако подчиненные «доставали» его в таких делах, стремясь переложить ответственность. Особенной настойчивостью отличался тут темный интриган Андропов. 7 февраля 1974 года он направил Генсеку в высшей степени характерное письмо:

«Совершенно секретно Особая папка.

Леонид Ильич!

Обращает на себя внимание тот факт, что книга Солженицына, несмотря на принимаемые нами меры по разоблачению ее антисоветского характера, так или иначе вызывает определенное сочувствие некоторых представителей творческой интеллигенции… Исходя из этого, Леонид Ильич, мне представляется, что откладывать дальше решение вопроса о Солженицыне, при всем нашем желании не повредить международным делам, просто невозможно, ибо дальнейшее промедление может вызвать для нас крайне нежелательные последствия внутри страны. Как я Вам докладывал по телефону, Брандт выступил с заявлением о том, что Солженицын может жить и свободно работать в ФРГ. Сегодня, 7 февраля, т. Кеворков вылетает для встречи с Барром с целью обсудить практические вопросы выдворения Солженицына из Советского Союза в ФРГ. Если в последнюю минуту Брандт не дрогнет и переговоры Кеворкова закончатся благополучно, то уже 9—10 февраля мы будем иметь согласованное решение, о чем я немедленно поставлю Вас в известность. Если бы указанная договоренность состоялась, то, мне представляется, что не позже чем 9—10 февраля следовало бы принять Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы нашей Родины (проект Указа прилагается). Самую операцию по выдворению Солженицына в этом случае можно было бы провести 10–11 февраля.

Все это важно сделать быстро, потому что, как видно из оперативных документов, Солженицын начинает догадываться о наших замыслах и может выступить с публичным документом, который поставит и нас, и Брандта в затруднительное положение. Следовало бы не позднее 15 февраля возбудить против него уголовное дело (с арестом). Прокуратура к этому готова.

Уважаемый Леонид Ильич, прежде чем направить это письмо, мы в комитете, еще раз самым тщательным образом взвешивали все возможные издержки, которые возникнут в связи с выдворением (в меньшей степени) и с арестом (в большей степени) Солженицына. Такие издержки действительно будут. Но, к сожалению, другого выхода у нас нет, поскольку безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае выдворения или ареста Солженицына.

С уважением Ю. Андропов».

Весьма необычный документ в партийно-советской переписке,

на это нельзя не обратить внимания! Внешне похож на личное письмо некоего Юрия Владимировича к Леониду Ильичу, в конце даже «с уважением» поставлено. Но хитрый Андропов знал свое дело! Вопрос острый, и, прежде чем ставить его на Политбюро, как бы оно ни было уже послушно тогда Генсеку, надо упредить его лично, и только его. А уж пусть он решает… Андропов, помня судьбу своего предшественника Семичастного, пуще всего боялся потерять доверие Брежнева. А заодно и вовлекал его в свои дела…

По тогдашнему идейному раскладу Солженицын считался «славянофилом», его ссылка, согласно уже устоявшимся брежневским «качелям», с очевидностью подсказывала некие карательные меры против западника Сахарова (уж тот-то был поборником буржуазного Запада без всяких кавычек!).

С Сахаровым еще долго возились, перекидывая его с ладони на ладонь, как горячий блин: и уронить нельзя, и съесть горячо. Но вот в декабре 1979 года наши войска вдруг ввели в Афганистан, о чем подробнее далее. В мире поднялась такая шумиха, что нашему руководству стало уже все равно — одним воплем больше или меньше… Пусть уж будет больше: и сослали Сахарова в Горький. Выглядела эта ссылка странновато — огромный город в сердце России, старейший образовательный, культурный и научный центр. А миллион его жителей, они что, тоже были ссыльными? Но Андропову плевать на все было, лишь бы прикрыть дело: въезд в город иностранцев был наглухо закрыт. И решили. Вряд ли эти и все подобные меры радовали Леонида Ильича, но что ж делать? Они оба были явные и нескрываемые антисоветчики, а Брежнев с юности и до конца преклонных дней был всей душою за Советскую власть.

Весьма выразительно брежневские «идеологические качели» выявились в его отношениях с писателем Михаилом Шолоховым. Они были знакомы, и давно, внешние отношения их оставались самые благоприятные. Нет прямых свидетельств, но и сомнений нет, что Брежнев относился к писателю с подобающим уважением, хотя роман «Тихий Дон» вряд ли когда-либо одолел до конца — длинно это было бы, да и тяжеловато ему читать. Русско-патриотическая линия Шолохова была всегда очевидной и твердой, он ее никогда не скрывал, напротив. Брежнев, разумеется, о том знал, как и про то, что старый интернационалист Суслов писателя чрезвычайно не любил.

19 июня 1970 года Шолохов из станицы Вешенской обратился к Генсеку с кратким письмом, отчасти деловым, отчасти личным:

«Дорогой Леонид Ильич!

В этом году исполняется 400 лет со дня официального узаконения царем Иваном Грозным существования Донского казачества. Событие это, как известно, имеет немаловажное значение для истории государства Российского…

Не писал по этому вопросу раньше потому, что подходили юбилейные дни Владимира Ильича и все остальное, естественно, отодвигалось на задний план.

Шлю добрые пожелания и обнимаю.

Ваш М. Шолохов».

Для современного читателя, который постоянно видит на телеэкране упитанных мужиков, украшенных неизвестными погонами и наградами и одетых в казачьи мундиры, может возникнуть непонимание, что за сложность такая — провести юбилей Донского казачества? Нет, в те годы еще твердо придерживались догмы, что казаки — сословие «реакционное», а Григорий Мелехов — «отщепенец»… Все это советские граждане воспринимали еще со школьных учебников. В этой связи письмо Шолохова следует признать исключительно смелым.

Отметим попутно, что писатель очень хорошо понимал душу своего высокого адресата: на юбилей Ленина ссылается, называя его Владимиром Ильичем, хотя со дня апрельских торжеств прошло уже четыре месяца, можно было бы уже отдохнуть… Отметим, наконец, что последнее слово письма — «обнимаю», значит до того обниматься им уже приходилось, и возможно — не раз.

Шолохов был членом ЦК КПСС, поэтому пользовался в необходимых случаях фельдсвязью, письмо достигло Кремля быстро, помощники передали его «самому». Уже 25 июня Брежнев собственноручно наложил резолюцию: «Тов. Демичеву П.Н. Прошу рассмотреть — затем обменяемся мнением по поднятому вопросу» (отметим уж сразу две ошибки тут: тире вместо запятой, а слово «мнение» в единственном числе).

Тогдашний секретарь ЦК по идеологии Петр Нилович Демичев был ничтожеством из ничтожеств. Инженер-химик по анкете, химические проблемы он знал еще хуже, чем вопросы культуры, хотя этой областью долго руководил в масштабах всего Советского Союза. Главная его задача была — всячески избегать личной ответственности за любое мало-мальски серьезное решение. И вдруг Генсек подкидывает ему такое дельце — решать вопрос о юбилее политически подозрительного казачества!

Демичев велел своему аппарату подготовить соответствующие бумаги по поводу 400-летия донцов. Идеологические чиновники пришли в ужас от этой дерзости,

запаслись соответствующими бумагами от историков-марксистов и подготовили справку на Секретариат ЦК: «Развертывать какую-либо пропагандистскую работу, посвященную 400-летию Донского казачества, было бы нецелесообразным». Отметим, что готовил русофобский документик А. Яковлев, будущий «демократ».

«Справку», подготовленную командой Яковлева, утвердили на Секретариате 18 сентября. Ее подписали Суслов, Кириленко, Демичев и другие, но подписи Брежнева под документом нет. Хоть был он «совершенно секретный», но не хотел Леонид Ильич оставаться в истории недоброжелателем великого писателя, которого весьма чтил. А донские казаки? Ну, они и куда худшие времена переживали…

В семидесятые годы в общественной жизни страны уже не происходило шумных гласных идеологических скандалов. Прекратились кампании «подписантов», престиж журналов «Новый мир» и «Юность» упал, наиболее решительные люди из либерально-еврейского лагеря перебрались за рубеж, оставшиеся перешли на «самиздат». С другой стороны, уже не нужно было менять руководство журнала «Молодая гвардия», прежняя патриотическая линия там продолжалась, но уже без резких выпадов. Брежнев был, видимо, доволен этой «тишиной» в идеологии, но тишина эта была обманчивой. О подлинном положении дел в области идеологии изложено в новом письме Шолохова к Брежневу восемь лет спустя. Цитируем основные положения письма:

«Дорогой Леонид Ильич!

Одним из главных объектов идеологического наступления врагов социализма является в настоящее время русская культура, которая представляет историческую основу, главное богатство социалистической культуры нашей страны. Принижая роль русской культуры в историческом духовном процессе, искажая ее высокие гуманистические принципы, отказывая ей в прогрессивности и творческой самобытности, враги социализма тем самым пытаются опорочить русский народ как главную интернациональную силу советского многонационального государства, показать его духовно немощным, неспособным к интеллектуальному творчеству. Особенно яростно, активно ведет атаку на русскую культуру мировой сионизм, как зарубежный, так и внутренний. Широко практикуется протаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру, противопоставление русского социалистическому. Симптоматично в этом смысле появление на

советском экране фильма А. Митты «Как царь Петр арапа женил», в котором открыто унижается достоинство русской нации, оплевываются прогрессивные начинания Петра I, осмеиваются русская история и наш народ. До сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому остаются запретными. Чрезвычайно трудно, а часто невозможно устроить выставку русского художника патриотического направления, работающего в традициях русской реалистической школы. В то же время одна за другой организуются массовые выставки так называемого «авангарда», который не имеет ничего общего с традициями русской культуры, с ее патриотическим пафосом.

Деятели русской культуры, весь советский народ были бы Вам бесконечно благодарны за конструктивные усилия, направленные на защиту и дальнейшее развитие великого духовного богатства русского народа, являющегося великим завоеванием социализма, всего человечества.

С глубоким уважением Михаил Шолохов.

14 марта 1978 г.».

Ныне к письму уже необходимы пояснения. Давно позабытый фильмик про царя Петра и его арапа вызвал по выходе в 1976 году большой, хоть и негласный, скандал. Режиссер А. Митта (Рабинович) единственным наследником Петра Великого показал его арапа в исполнении Владимира Высоцкого. Суть картины очевидна: в дикой России только нерусский человек может быть умным и благородным. Сценарий слепили опытные драмоделы Ю. Дунский и В. Фрид, а взвинченную музыку сочинил А. Шнитке — будущий великий гений, а тогда лишь скромный лауреат Госпремии им. Н.К. Крупской.

Русофобское то киноизделие было настолько открытым, что вызвало многочисленные письменные протесты. В августе 1977 года автор данной книги привез эти материалы к Шолохову в Вешенскую, писатель очень ими заинтересовался.

Теперь, после великого погрома государства Российского и его культуры, ясно видно, как далеко глядел и временно призывал великий русский писатель! Впрочем, рассказ тут не о Шолохове, а о Леониде Ильиче Брежневе. Сразу отметим чисто внешнее различие тональности писем.

В своем новом послании Шолохов уже не шлет Генсеку «добрых пожеланий» и тем паче не «обнимает» его. Тон письма крайне серьезен и к шуткам никак не располагает. Далее. На полученном документе нет одобрительных резолюций Брежнева, однако невозможно предположить, чтобы Генсеку такого рода письмо не доложили бы. Значит… обиделся Леонид Ильич,

усмотрел в шолоховских упреках упрек и самому себе, своей ничтожной политике в идеологической сфере (правильно усмотрел!). Обиделся, рассердился и отправил письмо для рассмотрения и ответа новому секретарю ЦК по идеологии, сменившему Демичева, — им стал бывший редактор «Правды» М.В. Зимянин. Был он примерно таких же дарований, как и его предшественник, но, человек Суслова, он явно был сторонником его интернациональной линии.

Зимянин, в отличие от Демичева, не постеснялся проявить свои взгляды. Он подписал записку, направленную в Секретариат ЦК, в которой выступлению писателя давалась недвусмысленная оценка: «Записка тов. Шолохова, продиктованная заботой о русской культуре, отличается, к сожалению, явной односторонностью и субъективностью оценки ее современного состояния, как и постановки вопроса о борьбе с нашими идеологическими противниками».

Итак, русско-патриотические заботы писателя не воспринимаются вовсе, но это еще далеко не все, далее Шолохов осторожно намекает на тех, с кем он как раз призывал бороться! Читаем: «Главную задачу наши противники видят в том, чтобы подорвать или ослабить социалистические принципы русской советской культуры, противопоставить ее культуре других народов СССР». Каких именно «народов», не уточнялось, но о сионизме тут далее сказано кое-что:

«Изображать дело таким образом, что культура русского народа подвергается ныне особой опасности, связывая эту опасность с «особенно яростными атаками как зарубежного, так и внутреннего сионизма», — означает определенную передержку по отношению к реальной картине совершающихся в области культуры процессов. Возможно, т. Шолохов оказался в этом плане под каким-то, отнюдь не позитивным, влиянием». Во как! Писателю уже шьют «групповщину». А никакого сионизм в СССР нет. Тысячи граждан в Израиль не уезжают. И Высоцкий, исполняющий в русофобском фильме Митты главную роль, не носит постоянно галстук с могендовидом.

И вот итог: «Разъяснить т. М.А. Шолохову действительное положение дел с развитием культуры в стране и в Российской Федерации, необходимость более глубокого и точного подхода к поставленным им вопросам в высших интересах русского и всего советского народа. Никаких открытых дискуссий по поставленному им особо вопросу о русской культуре не открывать». Ясно, четко и вполне оскорбительно. Безликий партаппаратчик должен, видите ли, «разъяснить» великому писателю нынешнее положение в русской культуре. А то он не

понимает этого, засев в своих Вешках и находясь «под каким-то влиянием»…

Секретариат ЦК 27 июня многостраничные бумаги Зимянина и иных утвердил, там красуются подписи Суслова, Кириленко, Черненко, всех остальных, но подписи Брежнева опять нет. Однако теперь эта обычная его уклончивость выглядела совсем иначе, нежели в 1970 году. Тогда речь шла о принципиальном, но все-таки второстепенном деле, теперь же — о корневых вопросах духовного развития страны. У Брежнева была прекрасная возможность — с помощью писателя, обладавшего громадным нравственным авторитетом во всем мире, начать хотя бы очень осторожное движение навстречу пробуждающейся духовности русского народа, основы и опоры социалистического Советского Союза. Но Брежнев ничего не понял и ничего не сделал.

Никаких оправданий тут ему нет и никогда не будет.

К концу жизни Брежнев оказался почти полностью окружен идеологическими советниками вполне определенного политического и национального толка. Особой его любовью пользовался очень сомнительный ученый из журналистов, ставший академиком, Николай Израилевич Иноземцев (отчество по паспорту — Николаевич), на XXVI съезде в 1981 году он стал даже членом ЦК КПСС. Но как острили соплеменники Иноземцева, жадность фраера сгубила… На посту директора Института мировой экономики начал подворовывать, попался, а тут еще его молодые забалованные сотруднички создали нечто вроде подпольного кружка. Вмешалось КГБ, Московский горком начал партийное дело. Иноземцев от страха скончался, но дело продолжалось.

Однако тут вовремя вступились друзья-советники Иноземцева. Позже об этом рассказывал Г. Арбатов с неприличной даже откровенностью:

«Мы с Бовиным решили попытаться во время уже намеченной встречи с Л.И. Брежневым, хорошо знавшим Иноземцева, поговорить об этом деле, если, конечно, состояние Генерального секретаря позволит завести такой разговор. Обстановка сложилась благоприятно. И мы рассказали Брежневу о невзгодах, которые обрушились на Иноземцева и, видимо, ускорили его смерть, и о том, что на послезавтра намечено партийное собрание, где постараются запачкать саму память о нем. Сказали также, что планируется учинить погром в институте.

Брежнев, для которого, судя по его реакции, это было новостью, спросил: «Кому звонить?» Мы, посовещавшись, сказали: лучше всего, наверное, Гришину, который был председателем партийной комиссии, тем более что и директива о проведении

партсобрания исходила из МГК. Сделав знак, чтобы мы молчали, Брежнев нажал, соответствующую кнопку. Тут же в аппарате раздался голос Гришина: «Здравствуйте, Леонид Ильич, слушаю Вас».

Брежнев сказал, что до него дошло (источник он не назвал), что вокруг ИМЭМО и Иноземцева затеяно какое-то дело, даже создана комиссия по расследованию во главе с ним, Гришиным. А теперь намереваются посмертно прорабатывать Иноземцева, разбираться с партийной организацией и коллективом. «Так в чем там дело?»

Ответ был, должен признаться, такой, какого мы с Бовиным, проигрывая заранее все возможные сценарии разговора, не ожидали. «Я не знаю, о чем вы говорите, Леонид Ильич, — сказал Гришин. — Я впервые вообще слышу о комиссии, которая якобы расследовала что-то в институте Иноземцева. Ничего не знаю и о партсобрании».

Я чуть не взорвался от возмущения, но Брежнев, предупреждающе приложив палец к губам, сказал Гришину: «Ты, Виктор Васильевич, все проверь, если кто-то дал указание прорабатывать покойного, отмени, и потом мне доложишь». И добавил несколько лестных фраз об Иноземцеве.

Когда он отключил аппарат, я не смог удержаться от комментария: никогда не думал, что члены Политбюро могут так нагло лгать Генеральному секретарю! Брежнев только ухмыльнулся. Возможно, он считал такие ситуации в порядке вещей. Нас с Бовиным обуревали смешанные чувства. С одной стороны, мы были рады, что удалось предотвратить плохое дело. А с другой — озадачены ситуацией наверху и моральным обликом некоторых руководителей, облеченных огромной властью».

После циничного рассказа, как высокопоставленные прислужники обдуривали престарелого Генсека, очень смешно читать возмущение Арбатова, как он страдал от низкого морального облика «некоторых руководителей»… Уж чья бы корова мычала! Интриган-партаппаратчик Георгий Аркадьевич, старательно скрывавший от начальства свой «пятый пункт», к тому времени уже успел пролезть кандидатом в члены ЦК КПСС и депутаты Верховного Совета СССР, заслужить два ордена Ленина и орден Октябрьской Революции, множество иных наградных побрякушек и званий. И всего этого он достиг при безупречном моральном облике и никогда «нагло не лгал» своему Генеральному секретарю…

Впрочем, гораздо любопытнее иное. Николай Израиле-вич ушел в иной мир, похоронен по высшему разряду на

номенклатурном кладбище, чего же потом-то было беспокоиться его друзьям-соплеменникам Арбатову и Бовину? А было отчего. Партийная комиссия горкома могла многое бы раскопать не только в денежных злоупотреблениях, а и во многом ином. Например, о своеобразном «подборе кадров» в элитном институте, про частые зарубежные командировки и странный подбор иностранных гостей, многое иное. Еще опаснее с КГБ: их люди без труда определили бы, что рекомендации Института мировой экономики, направляемые в ЦК и правительство, почему-то выгодны экономике не нашей, а западной… А ведь эти опасные ниточки потянулись бы и за пределы иноземцевского заведения… Куда же?

Однако Леонид Ильич все это уже плохо понимал…

В конце его деятельности брежневские «идеологические качели» перестали делать осторожные движения вправо-влево и застыли в некой вполне определенной позиции. Русско-патриотической ее никак уж нельзя было назвать. Это принесло потом неизмеримые несчастья и горести всему многонациональному советскому народу.

Итак, из Кремля и Старой площади на здоровую и спокойно развивающуюся страну пополз, как удушающий туман, пресловутый застой. Ясно, что именно оттуда выполз предатель Горбачев. Тут нельзя не удержаться от сравнения. Вся прозападная либерально-еврейская тусовка уже с начала нынешнего века галдит о наступившем в России новом застое. Не без оснований галдит, нельзя тут не согласиться.

Вспомним русофобские шабаши на березовско-гусинском телеэкране — теперь приутихли. Или жуткую истерию, которую учинили при трагедии с подводной лодкой «Курск» — ныне сквозь зубы рассказывают о новейших ракетах, лучших в мире. Всенародно рыдали о судьбе чеченских работорговцев и фальшивомонетчиков — умолкли. Застой для этой публики наступил? С их точки зрения, да, но мы, российские граждане, о том жалеть не должны. После того, как пик тяжелейшей болезни у человека прошел, ему крайне полезно крепко выспаться или хотя бы подремать. Так что нынешний якобы «застой» российскому обществу ныне полезен, а вот брежневский застой (уже без кавычек) принес стране самые тягостные последствия.

Остановка брежневских «качелей» на мертвой точке породила неизбежный застой в идеологии. Для идеократической Советской страны это было смертельно опасно, ибо политика определилась сверху, от тех идей и взглядов, которые в каждый данный период господствовали в правящих верхах. И вот всякое движение идей исчезло, быстро превратилось в окаменелую догму, своей

тоскливой скукой раздражавшую всех — левых, правых, красных, белых, любых.

Конечно, обе стороны продолжали как-то бороться и в этих условиях. Либералам-западникам помогал Запад и его «голоса». Патриоты пытались действовать исподтишка, пользуясь отдельными сочувствующими в армии и даже госбезопасности.

Однако именно руководство госбезопасности (лично Андропов и тогдашний начальник Пятого управления Ф. Бобков), действуя решительно и даже нагловато, полностью разгромили «русскую партию». А «еврейскую партию» они же, так сказать, законспирировали. Об этом мы подробно тут говорить не станем, ибо к описанию деятельности Брежнева данный сюжет прямо уже не относится. Мрачная та история изложена в наших книгах об Андропове. Чего стоит одна лишь андроповская записка от 28 марта 1981 года «Об антисоветской деятельности Иванова А.М. и Семанова С.Н.». Всем членам Политбюро разослал, а не только одному Брежневу, как когда-то! Добавим уж в заключение, что совсем недавно о борьбе «русской» и «еврейской» партий вышли две монографии: Н. Митрохин. Русская партия. М., 2003 и А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС. М., 2005. Читайте и размышляйте. Первой заявила о себе, как и следовало ожидать, «еврейская партия». «Русская» же, естественно, медленно запрягала, зато быстрее поскакала. Книга А. Байгушева и ярче, и глубже по выводам.

Теперь — о мелком политическом происшествии в заключительную пору Брежнева. Впрочем, это весьма характерный случай для той эпохи и некоторых известных лиц. 11 мая 1982 года исполнилось 80 лет маршалу Москаленко. Ввиду его высокой номенклатуры вопрос рассматривал Секретариат ЦК. Так как вторую Звезду Героя он получил три года назад, то решили наградить его орденом и дать статью в журнале «Огонек». Редактор «Огонька» многоопытный Сафронов позвонил маршалу и спросил, кого бы он пожелал видеть своим автором. А как раз в декабре 1981-го вышла моя статья о его мемуарах в «Молодой гвардии», ему весьма понравившаяся. Он и предложил Сафронову меня. А я тогда после записки Андропова был выкинут из журнала «Человек и закон» и обитал в скромнейшем «Альманахе библиофила». Ведал ли Москаленко о моих приключениях? Не знаю. Но редактор-то «Огонька» знал все точно. И он молча взял на юбилейную статью другого автора. А мог ведь осторожно намекнуть о том маршалу, а лихой маршал, не привыкший к отказам, мог бы по спецсвязи позвонить, что называется, кому угодно, включая и своего бывшего начальника Политотдела… Это мы к вопросу о роли личности в истории.

В самые последние несколько лет своего правления Брежнев совсем отошел от идеологических вопросов. Этим полностью занялись престарелый интернационалист Суслов, но особенно Андропов, чьи взгляды и пристрастия ныне хорошо известны. Их руками «русский фланг» был в ту пору разгромлен. Со скандалом сменили руководство патриотических центров — издательства «Современник», газеты «Комсомольская правда», журналов «Человек и закон» и саратовской «Волги». Другим в назидание, что все «другие» и поняли.

То, о чем предупреждал Брежнева мудрый Шолохов уже в 1978 году, еще более усилилось, не встречая отпора с противоположной идейной стороны. У либералов-западников был и оставался мощный пропагандистский союзник за рубежом. А русские патриоты? Их ни на каком Западе, да и ни на каком Востоке не жаловали тогда. И тут придется вспомнить слова простого русского мужика из замечательного кинофильма «Чапаев»: «Некуда крестьянину податься»…

Личная жизнь, она же общественная

Не так уж много лет миновало со дня кончины Леонида Ильича Брежнева, но уже можно сказать, что вся его жизнь, включая семейные обстоятельства, известна подробно и достоверно. Так далеко не всегда случается в биографиях видных политических деятелей. До сих пор, например, много неизвестного или неясного в судьбах Ленина и Сталина, даже излишне разговорчивого Хрущева. А в случае с Брежневым — все налицо, никаких тут неясностей, сомнений или тем более тайн. И документы опубликованы самые когда-то секретные, и воспоминания написаны во множестве, включая супругу, зятя, племянницу и чуть ли не всех соратников и приближенных.

Это вроде бы сугубо вторичное наблюдение говорит в действительности о многом. Открытый был человек Леонид Ильич, простая душа, даже его дворцовые интриги и аппаратные хитрости лежат, в общем-то, на поверхности, некоторая секретность там присутствовала, слов нет, однако коварства не было никакого. Не способен был на коварные, тем паче жестокие действия простой и добрый мужик Брежнев, будь он землеустроителем или Генеральным секретарем.

Семейная обстановка вокруг Брежнева, более того — его образ жизни, привычки, пристрастия, вкусы и все прочее четко изменялись по мере изменения его общественного положения. Это, в общем-то, закономерно, прилагаемо к подавляющему большинству людей. Только истинно великие личности (мы говорим здесь о политических деятелях) становятся выше своего должностного или всякого иного общественного положения, когда не внешнее определяет их поведение, а напротив — они сами подчиняют внешнее, руководствуясь при этом лишь собственными убеждениями, взглядами и чувствами. Таковыми были, повторим, Ленин и Сталин.

Уже говорилось, каким славным сыном, братом, мужем, отцом и дядей был с молодых лет Леонид Брежнев. Подчеркнем, и это очень важно, что таковым он, в общем-то, остался до конца жизни — хорошим семьянином, добрым и гостеприимным человеком, верным товарищем. Однако по мере возвышения его на вершины власти, со всеми вытекающими отсюда материальными благами и неизбежными соблазнами, он сам несколько изменился, и не в лучшую сторону, а его окружение — семейные и круг приближенных — изменились чрезвычайно.

Тут же отметим, что с началом пресловутой «перестройки», а тем более при власти «новых нерусских», в желтых газетах и по

еще более желтому нашему телевидению над памятью покойного Брежнева глумились без стыда и совести, преувеличивая его подлинные слабости и придумывая самые грубые и пошлые анекдоты о нем и его житье-бытье. Теперь во всем этом есть возможность разобраться объективно и во всеоружии истинных фактов. Это тем более необходимо, что, обливая помоями Брежнева, порочили Советскую власть.

Все взрослые люди помнят, как в конце восьмидесятых годов так называемые «демократы» истошно вопили о немыслимых привилегиях тогдашней партийной номенклатуры. Доставалось тут и Леониду Ильичу. И что же? Вот что рассказал, например, бывший зять его Юрий Чурбанов, много позже, отсидев несколько лет в лагере (как теперь оказалось, по вполне липовым обвинениям):

«Сколько же было публикаций об этой даче Генерального секретаря! Вся беда в том, что я, например, не видел ни одной фотографии к этим публикациям. А кто-нибудь их видел? Интересно, почему бы не показать? Ведь Леонид Ильич жил не на какой-нибудь супердаче: это был обычный трехэтажный дом кирпичного исполнения с плоской крышей. Наверху располагалась спальня Леонида Ильича и Виктории Петровны, они все время предпочитали быть вместе, и, когда Леонид Ильич 10 ноября 1982 года принял смерть, Виктория Петровна спала рядом; небольшой холл, где он брился (сам, но чаще, приглашая парикмахера). На втором этаже две или три спальни для детей, очень маленькие, кстати говоря, от силы 9—12 метров с совмещенным туалетом и ванной. Мы спали на обычных кроватях из дерева. Внизу жилых комнат не было, там находились столовая, рядом кухня и небольшой холл. На третьем этаже Леонид Ильич имел уютный, но совсем крошечный кабинет. Там же была библиотека. Обычно он отдыхал здесь после обеда, и никто не имел права ему мешать. Всех посетителей Леонид Ильич принимал в основном на работе. На дачу приезжали только близкие товарищи, это было довольно редко, обычно гости собирались к ужину и разъезжались, как правило, часов в десять — в половине одиннадцатого, но не позже. Леонид Ильич старался жить по строгому распорядку, мы знали этот распорядок, и его никто не нарушал. В одиннадцать он уже спал. Леонид Ильич ложился с таким расчетом, чтобы проснуться не позже девяти.

На всю дачу приходился один видеомагнитофон и один телевизор — советского производства, по-моему, «Рубин»… На первом этаже был кинозал, в нем стоял бильярд, на котором Леонид Ильич почти не играл, — но это не кинотеатр, именно

кинозал, где Леонид Ильич обычно смотрел документальные фильмы. Он их очень любил, особенно фильмы о природе.

В доме был бассейн, где-то метров пятнадцать в длину, а в ширину и того меньше — метров шесть. Утром Леонид Ильич под наблюдением врачей делал здесь гимнастику. Рядом с домом был запущенный теннисный корт, на нем никто не играл, и он быстро пришел в негодность, зарос травой».

Как видно, личные вкусы Брежнева были весьма скромны, а стремления даже к минимальной роскоши не наблюдалось никакого. О его довольно-таки простой квартире на Кутузовском проспекте, где он с семьей прожил тридцать лет, не предпринимая никаких попыток перемен на лучшее и большее, уже говорилось. Дачи, на которых он отдыхал на юге, преимущественно в Крыму, были сугубо казенными и использовались им (как и другими советскими вождями) лишь как официальные резиденции для приемов именитых гостей.

Брежнев обладал спокойным и уравновешенным характером, был доброжелательным и ровным по натуре человеком. Природа в равной степени не наделила его ни талантами, ни пороками. Ныне, когда о его жизни известно буквально все, это особенно ясно. Например, опубликованы его черновые заметки на листках перекидного календаря, сделанные исключительно для памяти. Цитируем небольшой отрывок за 1976 год, Брежнев уже всевластен, но еще здоров (авторская пунктуация сохранена).

«10 мая 1976 г. Вручение большой маршальской звезды. Говорил с тов. Копенкиным А.Н. — он сказал голос офицера слышал, голос генерала слышал — а теперь рад, что слышу голос маршала».

«16 мая 1976 г. Никуда не ездил — никому не звонил мне тоже самое — утром стригся брился и мыл голову. Днем немного погулял — потом смотрел как ЦСК проиграл Спартаку (молодцы играли хорошо)».

«30 мая. Был в Завидово с тов. Черненко К.У. Убил 8 штук».

«26 июня. Суббота. Разговаривал с тт. Черненко К.У., Русаковым — о Польше. Примерка и прием костюмов. Был вечером у Музы Владимировны и Валентины Александровны».

«25 июля. Воскресенье. Утро как обычно никого не найдешь Завтрак — бритье — плавание Сегодня заснул на качающемся снаряде на берегу. Сегодня Т. Николаевна — продолжила чистку зубов — а Муза посмотрела протез Говорил с тов. Черненко К.У. — он пока нездоров, все что можно делается».

«31 июля. Суббота. Заплыв — 1 час бассейн 30 м. Бритье — забили в косточки с Подгорным. Подарки Гусаку Г.Н. — вручены в 11 ч. утра. Андропов о Косыгине. Подгорный играл в домино

затем я ему рассказал о Косыгине».

«7 августа. 19 день отпуска. Плавал в море 1.30 — массаж, бассейн 30 минут. Вымыл голову — детским мылом…»

«17 августа — вторник 29 день отпуска. Спросить когда Косыгин перевернулся на лодке. Чазов Е.И. — в сознании хорошо разговаривал, спокойно реагировал что ему придется до средины октября лечиться. 17 августа улетели в Москву Галя и Юрий Михайлович. Суслов М.А. сегодня вылетает в Сочи».

«21 августа. Вылетел с Н.В. Подгорным в Астрахань. Вечером был на охоте (вечерка) Убили 34 гуся».

«23 августа — понедельник. Утро — разделка белуги — осетра изготовление икры. Отлет в Симферополь — он не принял посадили на морском военном аэродроме Саки. Встретили Блатов и Виктория. Приехали в дом к обеду ел борщ…»

Воистину прост и благодушен был Генсек! По-детски, а главное — в равной мере! — радуется полученной Звезде Маршала Советского Союза и охотничьей добыче, с одинаковым вниманием «забил косточки» с Подгорным (с «президентом» СССР в домино сгоняли!) и выслушал доклад шефа КГБ о несчастном случае с Предсовмином Косыгиным. Нет, Леонид Ильич был по натуре своей никак не способен на крутые решения или поступки, а жестокость вообще не свойственна его душевной природе. Отчего и не осталось за ним в памяти каких-либо мрачных или темных дел. Он был добродушен и покладист в домашних делах и в равной мере — в делах большой политики.

К сожалению, совсем иное дело — его близкие и приближенные…

Общую картину довольно-таки многочисленного семейства Брежневых дал личный врач Генсека (и его близких тоже) Евгений Чазов. Он о том был очень хорошо осведомлен, и не только как слуга Гиппократа, но и как сотрудник так называемого Четвертого управления Минздрава, подчиненного (неофициально) КГБ, а сам Чазов был весьма близок к Андропову, так что осведомленность его была, так сказать, двойной. Вот что он писал много лет спустя:

«Не хочу уподобиться многочисленным «борзописцам», смакующим несчастье и злой рок в семействе Брежневых.

Большинство из этих несчастий выносила на своих плечах жена Брежнева, которая была опорой семьи. Она никогда не интересовалась политическими и государственными делами и не вмешивалась в них, так же, впрочем, как и жена Андропова. Ей хватало забот с детьми. Сам Брежнев старался не вмешиваться в домашние дела. При малейшей возможности он «вырывался» на охоту в Завидово, которое стало его вторым домом. Как правило,

он уезжал днем в пятницу и возвращался домой только в воскресенье вечером.

В последние годы жизни Брежнева у меня создавалось впечатление, что и домашние рады этим поездкам. Думаю, что охота была для Брежнева лишь причиной, чтобы вырваться из дома. Уверен, что семейные неприятности были одной из причин, способствующих болезни Брежнева. Единственно, кого он искренне любил, это свою дочь Галю. Вообще, взаимоотношения в семье были сложные. И не был Чурбанов, как это пытаются представить, ни любимцем Брежнева, ни очень близким ему человеком.

Всю заботу о Брежневе в последнее десятилетие его жизни взяли на себя начальник его охраны А. Рябенко, который прошел с ним полжизни, и трое прикрепленных: В. Медведев, В. Собаченков и Г. Федотов. Более преданных Брежневу людей я не встречал. Когда Брежнев начал превращаться в беспомощного старика, он мог обойтись без детей, без жены, но ни минуты не мог остаться без них. Они ухаживали за ним, как за маленьким ребенком. Как оказалось, в конце концов именно они стали нашими союзниками в борьбе за здоровье и работоспособность Брежнева.

К моему удивлению, меня ждало полное разочарование в возможности привлечь жену Брежнева в союзники. Она совершенно спокойно прореагировала и на мое замечание о пагубном влиянии Н. на Брежнева, и на мое предупреждение о начавшихся изменениях в функции центральной нервной системы, которые могут постепенно привести к определенной деградации личности. В двух словах ответ можно сформулировать так: «Вы — врачи, вам доверены здоровье и работоспособность Генерального секретаря, вот вы и занимайтесь возникающими проблемами, а я портить отношения с мужем не хочу». Более того, в конце 70-х годов, когда у Брежнева на фоне уже развившихся изменений центральной нервной системы произошел срыв, связанный с семейным конфликтом у его внучки, никого из близких не оказалось на его стороне. Уверен, что этот срыв усугубил процессы, происходившие и в сосудах мозга, и в центральной нервной системе».

Печальная картина открывается вокруг личной жизни Брежнева, ничего не скажешь! И на любимую охоту он ездил, оказывается, от печальных переживаний в собственной семье, и ухаживали за немощным Генсеком его заботливые охранники, а не дети или иная родня. Известно, что Леонид Ильич особенно любил свою старшую дочь Галину. Она же доставила ему более всего неприятностей, особенно на склоне жизни, когда здоровье

его стало сдавать. Вот что отвечала на вопросы писателя В. Карпова вдова Брежнева Виктория:

«— Галя росла очень своевольной девочкой. Наши родительские нравоучения ее стесняли. Она очень рано вырвалась из-под нашей опеки, в восемнадцать лет выскочила замуж.

— Может, артистическая богема ее испортила? Не в цирке ли с акробатом Милаевым она пристрастилась к спиртному?

— Нет, Евгений Тимофеевич — человек хороший. Его работа не позволяла ему пить — он постоянно должен быть в форме. Он сам не пил и всем участникам своего номера не позволял выходить из рабочего режима. Пить ее приучил Чурбанов. Он сам запойный пьяница, и Галю приучил.

— Как она познакомилась с Чурбановым?

— Я и Леня относились к Милаеву доброжелательно. Когда у них происходили ссоры с Галей, мы всегда были на его стороне. Даже после того, как они разошлись, Леня поддерживал его: Милаева назначили директором нового цирка, построенного в Москве на проспекте Вернадского. После развода с Милаевым отец, как я уже вам говорила, поселил Галю рядом в нашей квартире, строго сказал: «Хватит шляться!» Галя начала работать в «Агентстве печати Новости». В нашем подъезде жил министр внутренних дел СССР Николай Щелоков. Леня знал его еще по работе в Днепропетровске. У нас были добрые отношения с этой семьей. Вот сын Щелокова Игорь и познакомил Галю с Юрием Чурбановым».

Начиналось все вроде бы хорошо. Галине было при вступлении в брак сорок лет, она выглядела хорошо, отличалась здоровьем. Юрий — статный красавец, из русской трудовой семьи, подполковник МВД, тридцати трех лет, уже разведенный с бывшей женой. Брежнев и его супруга, как добрые родители, радовались за дочь, надеясь на благополучный брак, ибо Галя давно начала погуливать, причем это обрастало дурными сплетнями. Свадьба была очень скромной, но Леонид Ильич выказал себя простым и радушным хозяином. Чурбанов рассказал о том, уже вернувшись из долгой лагерной отсидки:

«Мы расписались в загсе Гагаринского района. Леонид Ильич категорически запретил нам обращаться во дворцы бракосочетания; он хотел, чтобы все прошло как можно скромнее. Мы специально выбрали день, когда загс был выходной, приехали, нам его открыли, мы расписались, поздравили друг друга, — что и говорить, пышное получилось торжество при пустом-то зале. Свадебный ужин проходил на даче и длился часа три. Можно представить себе робость моих родителей, когда их доставили на большой правительственной машине на дачу

Генерального секретаря ЦК КПСС. Из двух костюмов отец выбрал самый лучший, что-то подыскала мама, все считали, что они нарядно одеты, а мне их было до слез жалко. Конечно, они очень стеснялись, мама вдобавок ко всему еще и плохо слышит, но отец держался с достоинством, не подкачал. Гостями с моей стороны были брат, сестра, несколько товарищей по работе в политотделе мест заключения Министерства внутренних дел, Галя тоже пригласила двух-трех подруг, — в общем, очень узкий круг. Было весело и непринужденно. Леонид Ильич сам встречал гостей, выходил, здоровался».

С Юрием Чурбановым автору этой книги приходилось сотрудничать несколько лет — в должности замминистра МВД он входил в редколлегию сверхпопулярного тогда журнала «Человек и закон». Журнал был самого боевого русско-патриотического направления, но материалы те никакого возражения от Чурбанова не встречали. Свидетельствую с полной ответственностью, что распространяемые тогда (оставшиеся и по сегодня) слухи о его разгулах и приобретательстве неимоверно преувеличены, попросту лживы. Интриган и хапуга Горбачев наводил тут тень на плетень вполне сознательно. Чурбанов вел себя вполне скромно, единственная слабость, которую замечали все и над чем подтрунивали, — тяга к красивой одежде.

Совсем иное дело — Галина Леонидовна. После непродолжительного семейного мира, что очень радовало отца, она опять вернулась к светским похождениям самого дурного свойства. Возник ее скандальный роман с неким Борисом Буряце по прозвищу Боря Цыган, мерзким авантюристом и проходимцем, который числился стажером Большого театра. Для полноты картины придется процитировать одного свидетеля, чтобы понять, сколь тяжко приходилось от всего этого Брежневу:

«Я видел первый раз Галину Брежневу в 1977 году, летом, в Доме творчества театрального общества в Мисхоре, в Крыму. Она приезжала туда с дачи отца к своему любовнику Борису Буряце, цыгану. Ему тогда было 29 лет, он закончил отделение музыкальной комедии Института театральных искусств. У него был неплохой тенор, но весьма слабые актерские данные. Это был красивый брюнет с серо-зелеными глазами, довольно полный для своего возраста. Он имел весьма изысканные манеры и утонченные вкусы — в еде, в одежде, в музыке. Носил он джинсы, джинсовую рубашку на молнии, остроносые сапоги на каблуках и иногда черную широкополую шляпу. На безымянном пальце сверкал перстень с огромным бриллиантом, а на шее красовалась толстая крученая золотая цепь, которую он не снимал, даже купаясь в море. Он появлялся на пляже в махровом халате.

Иногда читал, но чаще играл в карты с несколькими знакомыми и с младшим братом Михаилом. Борис жил в двухкомнатном «люксе» с душем, телевизором, холодильником. Питался он не в ресторане, а дома — с друзьями…

Галину при всем желании нельзя было назвать красивой. У нее были грубые, крупные черты лица, очень напоминающие отцовские, темные волосы, забранные в пучок, и темные, густые брови. На пляж она выходила в длинном до полу шелковом халате. В свою речь Галина часто вставляла матерные слова. Отношения Бориса и Галины выглядели очень странными. По его словам, их связь началась, когда ему еще не было и 20 лет. Вряд ли он любил эту женщину. Но Галина, казалось, была влюблена в своего цыгана, причем страсть ее была властной, изнуряющей и утомительной. Она ревновала Бориса, устраивала ему сцены — зачастую только из-за того, что он ушел куда-то, вместо того чтобы целый день ждать ее звонка. О женитьбе Бориса на какой-либо из его знакомых не могло быть и речи — он был обречен на роль вечного любовника стареющей и своевольной «мадам».

Борис, умный и изощренный человек, умел держать себя в руках. Галина же была крайне раздражительна. Она могла закатить истерику только потому, что Борис напомнил ей, что пора уезжать, дабы не огорчать папу и маму. Галина называла родителей «двумя одуванчиками», что не мешало ей восхищаться их преданностью друг другу и взаимной заботой. Иногда она говорила об отце, который, несмотря на возраст и болезни, каждый день купался в Черном море: «О нем много болтают, но он все-таки борется за мир. Он искренне хочет мира». Напившись, она громко говорила: «Я люблю искусство, а мой муж — генерал».

Естественно, что семейная жизнь любимой дочери Брежнева развалилась, а отцу обо всем этом, разумеется, докладывали. Ясно, что этот добрый человек должен был переживать в связи со всем этим. А для замминистра МВД Чурбанова жизнь превратилась в настоящий ад. Когда горбачевские люди начали его «дело», они собрали показания окружающих. Многое можно себе представить, познакомившись с абсолютно достоверным документом, который появился в «Деле Чурбанова» после его ареста. Это выдержка из допроса Новиковой Зинаиды Александровны, которая была вхожа в дом Чурбановых, помогала им убирать дачу и оказывала услуги по хозяйству. Дело происходило в конце 1970-х:

«С того времени, как я стала работать в кафе «Жуковка», я и познакомилась с Галиной Леонидовной, которая все эти годы довольно часто посещала кафе, в большинстве случаев со своими друзьями. Жила она на даче — в километре от кафе, и,

познакомившись с ней, по ее просьбе стала выполнять не очень обременительные просьбы. То Галина Леонидовна просила прийти на дачу сделать уборку, то принести спиртные напитки, то пойти с ней сделать уборку на квартире по улице Щусева. Женщина она добрая, в расчетах никогда не скупилась… Выполняя поручения Галины Леонидовны, бывая у нее на даче, я познакомилась и с ее мужем Юрием Михайловичем. У него была служебная машина «Чайка», его сопровождала охрана, все ему козыряли, старались услужить. За Галиной Леонидовной была закреплена служебная машина «Волга», хотя она нигде не работала. Оба они злоупотребляли спиртными напитками, и не было вечера, чтобы не напились и не устроили обоюдный скандал. В ссоре они были невыносимы, оскорбляли друг друга нецензурными словами, бросались первыми попавшими под руку предметами, наносили побои. Причем присутствующие люди, друзья, сослуживцы, знакомые, не являлись для них помехой, на посторонних они просто не обращали внимания, а то и их начинали честить теми же словами. Не было какого-либо вечера, на котором я присутствовала, чтобы он не закончился подобным скандалом. А недостатка в средствах на ведение такого образа жизни у них не было, хотя постоянно у Галины Леонидовны с языка не сходили слова об отсутствии денег. Но вскоре она появлялась с набитым деньгами кошельком, говоря, что мать «немного подбросила»…»

Мы остановились на этой пикантной истории кратко, опуская многие дурные подробности. Важно лишь осознать обстановку, в которой оказался стареющий Генсек. К сожалению, с его младшим сыном Юрием дела оказались не намного лучше.

Поначалу все у него шло очень даже хорошо. Пошел по трудовым стопам отца, окончил в 1955 году Днепропетровский металлургический институт, работал там же по своей уважаемой тогда профессии. Но отец стал Генсеком, и о Юрии Леонидовиче стали очень «заботиться». Он был переведен в штат весьма балованного тогда Министерства внешней торговли, оказался его представителем в Швеции.

Внезапная перемена скромного, добропорядочного Днепропетровска на Стокгольм, переполненный всяческими соблазнами, не прошла бесследно для молодого инженера-металлурга. Вот как вспоминал о нем ответственный работник Минвнешторга:

«Как-то я был в Швеции в командировке. Юра пригласил меня к себе домой, был очень гостеприимен, мы долго беседовали и расстались лишь в 3 часа ночи. Потом мы долго не виделись. Юра был назначен торгпредом в Швецию, в министерство уже

вернулся председателем объединения, а вскоре стал первым заместителем министра внешней торговли, моим начальником.

К тому времени Юрий Леонидович сильно изменился. Почему? Что произошло? Он был отзывчивым, и этим многие пользовались. Его все приглашали в гости, все были «друзьями». Всегда старались, чтобы он побольше выпил. Юра после выпивки обычно становился совсем добрым, и тогда возникали просьбы. Я считаю, что именно эти «друзья» способствовали тому, что Юра стал много выпивать. Он взял помощником красивую женщину, ездил вместе с ней за границу. Стал посещать ночные заведения, часто бывал пьян. Мы как-то встретились в торгпредстве в Токио. Уже днем Юра был навеселе. Я искренне жалел, что обстоятельства портили хорошего, честного, доброго человека.

К сожалению, кончилось это плохо. Его досрочно отправили на пенсию по болезни. Я должен сказать, что за весь период своей работы в министерстве Юра только помогал людям, никому не причинил зла, хотя власть его была велика. Мало кто отваживался отклонить его предложение или какую-нибудь просьбу».

Можно предположить, что о слабостях сына Брежневу даже не докладывали. В 1981 году на XXVI съезде КПСС Юрия Брежнева избрали кандидатом в члены ЦК, уже спившегося к тому времени несчастного человека! Ясно, что, находись его отец-Генсек в здравом состоянии, он бы этого не допустил, должность сына отнюдь не соответствовала вхождению его в высший орган партии. Это лишь подтверждает, в каком болезненном состоянии находился Леонид Ильич в свои последние годы, как он потерял все рычаги управления и надзора, и не только как глава огромного государства, но и как глава семьи. А несчастного Юру после кончины отца сняли с должности… В настоящее время Галина Леонидовна скончалась, проведя последние годы в очень тяжелом состоянии, а Юрий Леонидович тихо живет на пенсии.

Да, действительно, приходится согласиться, что охота в подмосковном заповеднике Завидово стала не только любимым издавна отдыхом стареющего Брежнева, но и уходом его от непрекращающихся семейных неурядиц, которые его чрезвычайно печалили. Сейчас над этим любят подсмеиваться и ерничать, но ничего предосудительного или даже чего-то особенного в благородном занятии охотой нет. Кстати уж, первые советские вожди тоже очень любили эту забаву: Троцкий, Киров, Ворошилов, Жуков с Рокоссовским, даже сам Владимир Ильич в молодые годы. Сталин охоту не признавал, зато Хрущев весьма почитал. Почти все соратники Брежнева тоже очень любили.

Об охотничьих забавах Брежнева имеется уже множество

рассказов, приведем один, весьма забавный (со слов одного работника партийного аппарата):

«Достойна упоминания охота в подмосковном Завидове, куда, в знак особого расположения, Леонид Ильич приглашал с собой лишь людей очень близких… Каждый понимал — приглашение на охоту как знак особого доверия. Болея, дряхлея, люди не могли отказаться от благорасположения Генерального, а открыть свое недомогание не хотели.

В квартире Черненко раздавался телефонный звонок. К телефону подходила жена. Звонили от Брежнева, кажется, кто-то из охраны, передавали приглашение на охоту.

— Вы знаете, — отвечала Анна Дмитриевна, — Константин Устинович плохо себя чувствует. Вы как-то скажите Леониду Ильичу…

Но, услышав, с кем говорит супруга, трубку брал сам Черненко и вмешивался:

— Да, чувствую себя неважно. Но вы про это не говорите Леониду Ильичу. Скажите, что допоздна работал, очень устал…

Просьбу передавали в точности — в этом не приходилось сомневаться. Но Брежневу нужен был Черненко. Нужен даже для совместного отдыха. Без него было скучно…

Следующий звонок от самого Брежнева — минуя помощников — раздавался не прямо с утра, а чуть позже, похоже, с телефонного аппарата в несущейся в Завидово машине:

— Костя, бросай работу. Тебе надо отдохнуть. Приезжай, жду!

«Косте» ничего не оставалось делать, как вставать и ехать.

Частенько он возвращался с этих охот простуженный и с температурой. Но отказываться от подобных предложений было не в его правилах.

Я, конечно, на эти охоты не ездил, нечего на них помощникам делать. Там для охраны работы вдоволь. Но трофеев вкушать удавалось не раз…

Сегодня многие журналисты вдоволь поиздевались над этими охотами — мол, вот до чего дошли в подхалимстве, больной, с температурой, а с начальством едет, отказать не может… Думаю, что в этом современные «судьи» ошибаются. Черненко тоже любил побродить по лесу с ружьишком в руках. Почему с Брежневым, а не с кем-нибудь другим? Ну, извините, товарищей не выбирают…»

К слову сказать, охотничьи развлечения издавна служили прекрасным поводом для ведения самых серьезных переговоров, в том числе и международных. Об одном таком случае рассказал тогдашний генерал КГБ В. Крючков:

«После завершения официальной части Кадар пригласил

советских гостей поехать на охоту в одно хозяйство на юге страны, под городом Печем. Приглашение было с готовностью принято — Брежнев и Подгорный были заядлыми охотниками. В путь отправились специальным поездом. В вагон-салоне Кадар старался разговорить гостей, подбрасывал то одну, то другую тему, предлагал в менее официальной обстановке обсудить ряд конкретных проблем, но беседа как-то не клеилась. Всем показалось, что Брежнев, не имея под рукой заранее заготовленных материалов (а существом дела он не владел), просто растерялся. В конце концов, по-моему, понял это и сам Кадар.

Перешли на охотничьи темы, и тут уж беседа пошла вовсю. Особенно был активен Подгорный. У него наготове была масса охотничьих историй, приключившихся будто бы лично с ним. Успел он, правда, рассказать не больше двух-трех, так как краткостью явно не отличался…

Вскоре прибыли на место. Наблюдал я охоту впервые, и она мне запомнилась на всю жизнь.

Охотники заняли места и изготовились к стрельбе. Я стрелять отказался, сославшись на то, что не охотник.

Егеря тем временем начали выгонять фазанов, которые буквально сотнями стали вылетать из зарослей, многие из них тут же падали камнем, сраженные меткими выстрелами. Кадар и его товарищи стреляли редко, больше просто наблюдали, обмениваясь между собой впечатлениями. Брежнев же палил вовсю! С ним рядом находился порученец для того, чтобы перезаряжать ему ружья.

Леонид Ильич, отстрелявшись в очередной раз, не глядя протягивал пустое, еще дымящееся ружье порученцу и принимал от него новое, уже заряженное. А бедные фазаны, которых до этого прикармливали несколько дней, все продолжали волнами лететь в сторону охотников.

Эта бойня, которая и по сей день стоит у меня перед глазами, прекратилась лишь с наступлением темноты.

У охотничьего домика разложили трофеи, к фазанам добавили еще нескольких зайцев, двух кабанов. Кадар и его товарищи взяли по одной птице — таков порядок, за следующий трофей надо уже платить коммерческую цену. На гостей, разумеется, эти порядки не распространялись.

Вечером состоялся дружеский ужин. Первым охотником был признан Брежнев, вторым — Подгорный. Как и в поезде, начался обмен впечатлениями, опять пошли бесчисленные охотничьи байки. Впрочем, Кадар все-таки ухитрился затеять серьезный разговор, причем весьма полезный. Речь пошла о реформах…»

Другим увлечением Брежнева, столь же давним и не менее страстным, были автомобили и езда на них. Водителем он был умелым и лихим, часто с немыслимой у нас скоростью носился по дорогам Подмосковья, благо дороги те были пустынны, ибо находились в охраняемой зоне правительственных дач и заказников. Впрочем, приходилось ему лихачить в иных местах Союза и даже за рубежом. Один из чинов охраны позже вспоминал не без изумления:

«Он был ярым автолюбителем и если садился за руль сам (а это он делал до конца 70-х), то развивал на автомобиле просто бешеную скорость. Несколько раз он чуть было не разбился насмерть.

Однажды, когда он лихо гнал автомобиль, у него на ходу лопнуло правое колесо. Машину сразу стало заносить. Брежнев, хоть и был уже в возрасте, буквально всем телом налег на руль и сумел удержать машину от аварии.

В другой раз в Крыму он с утра влез в машину, а на заднее сиденье посадил двух женщин-врачей. Желая блеснуть перед дамами своей лихостью, он развил такую скорость на горном серпантине, что в конце концов не справился с управлением и проскочил один из поворотов. В самый последний момент он все-таки успел нажать на тормоз, и машина буквально повисла над обрывом».

Брежнев ужасно любил автомашины, особенно мощные. Иностранные руководители, его принимавшие, знали о том и делали соответствующие подарки. Порой об этом им приходилось вскоре сожалеть. Бывший президент США Ричард Никсон с ужасом вспоминал о таком случае:

«Я сделал ему официальный подарок на память о его визите в Америку: темно-голубой «линкольн-континенталь» индивидуальной сборки. В нем была черная велюровая обивка. На приборной доске была выгравирована надпись: «На добрую память. Самые лучшие пожелания». Брежнев — коллекционер роскошных автомобилей — не пытался скрыть своего восхищения. Он настаивал на том, чтобы немедленно опробовать подарок. Он сел за руль и с энтузиазмом подтолкнул меня на пассажирское сиденье. Глава моей личной охраны побледнел, когда увидел, что я сажусь в машину, и мы помчались по одной из узких дорог, идущих по периметру вокруг Кэмп-Дэвида. Брежнев привык беспрепятственно продвигаться по центральной полосе в Москве, и я мог только воображать, что случится, если джип секретной службы или морских пехотинцев внезапно появится из-за угла на этой дороге с односторонним движением. В одном месте был очень крутой спуск с ярким знаком и надписью: «Медленно,

опасный поворот». Даже когда я ехал здесь на спортивном автомобиле, я нажимал на тормоза, для того чтобы не съехать с дороги вниз. Брежнев ехал со скоростью более 50 миль в час, когда мы приблизились к спуску. Я подался вперед и сказал: «Медленный спуск, медленный спуск», но он не обратил на это внимания. Мы достигли низины, пронзительно завизжали покрышки, когда он резко нажал на тормоза и повернул. После нашей поездки Брежнев сказал мне: «Это очень хороший автомобиль. Он хорошо идет по дороге». — «Вы великолепный водитель, — ответил я. — Я никогда не смог бы повернуть здесь на такой скорости, с которой вы ехали». Дипломатия не всегда легкое искусство».

Даже в Америке, на родине автомобиля, с лучшей в мире дорожной сетью, изумлялись лихости водителя Брежнева. Его переводчик В. Суходрев рассказал в связи с тем случаем любопытные подробности:

«У этой истории было продолжение. Спустя несколько месяцев, уже в Москве, Брежнев позвонил мне домой и так, по-свойски, сказал:

— Витя, помнишь, нам машину американцы подарили? Так вот я хочу разобраться в запчастях к ней. Мне тут каталог принесли. Ты не можешь ко мне подъехать и помочь в нем разобраться?

Я приехал в Кремль и вижу такую картину: сидит Брежнев и сосредоточенно листает толстенный том — каталог запчастей к лимузину. Сердце мое сжалось: откуда я мог знать, какая деталь этому лимузину в будущем понадобится. Я знал только то, что машина классная и ей до ремонта еще очень далеко. Решил убедить Брежнева, что лучше отложить каталог, а уж если он и понадобится, тогда и воспользоваться им.

Он недоверчиво взглянул на меня:

— Нет, Витя, давай за работу, выписывай запчасти.

Делать нечего, я засучил рукава и взялся за эту идиотскую писанину. Сижу, выписываю, что бог на душу положит. Тут звонит телефон, и я становлюсь невольным свидетелем разговора Брежнева с А.П. Кириленко. Чтобы не брать трубку, он нажимает кнопку громкой связи. Кириленко говорит, что хотел бы съездить в отпуск. Леонид Ильич спрашивает его:

— А зачем?

Тот отвечает, что, мол, надо здоровье поправить. Брежнев вновь ему добродушно говорит:

— Ну ладно, поезжай. Да, кстати, тут Косыгин предлагает провести Пленум по вопросам пьянства. Не знаю, не думаю, что это сейчас своевременно.

Кириленко, тогда второй человек в партии, немедленно соглашается:

— Да нет, не надо. У нас пили, пьют и будут пить».

Воистину простым русским мужиком был Генсек Брежнев!

Раз есть возможность бесплатно обзавестись запчастями, так надо на всю катушку… А бороться с пьянством? Кому оно у нас мешает…

Закончим сюжет о Брежневе-автолюбителе следующим любопытным сообщением, хотя случившееся к его биографии отношения не имеет, произошло после его кончины. Однако нравы эпохи той поры характеризует весьма выразительно. Один из офицеров кремлевской охраны засвидетельствовал:

«После смерти Брежнева осталось десять личных автомашин, подаренных ему различными иностранными фирмами и государственными деятелями. Четыре из них остались у родственников, в основном у внуков, три сдали в ЦК КПСС и три — в КГБ. Сдано было также большое количество охотничьего оружия, которое позднее продали музеям и частным лицам».

У главы великого государства было к концу долгой жизни всего десять машин! И они не обошлись советскому трудовому народу ни в единую копеечку — то были почтительные подарки глав других государств, очень не бедных. Да, кое-что получили внуки, но большую часть — то же Советское государство. Все познается в сравнении. Вот сообщает печать, что у «президента нищей Калмыкии личный автопарк насчитывает 70 автомашин. Семьдесят. И это не считая шахматных и прочих дворцов. Самой дорогой машиной ныне считается «роллс-ройс». Так вот у подозрительного «банкира» Смоленского таковых набралось с полдюжины, но держит он свой личный автопарк почему-то в Вене… А нам еще болтали про «золото партии»…

Почти всю свою жизнь Брежнев был очень крепким человеком и следил за своим здоровьем довольно тщательно. Охранники свидетельствуют:

«Леонид Ильич был отличным пловцом. В московских условиях он ежедневно плавал в небольшом бассейне на даче. Во время летнего отпуска в Крыму он уплывал, как правило, в море на 2–3 часа и возвращался с купания только к обеду. В таких заплывах с ним рядом постоянно находились два сотрудника охраны, недалеко шла шлюпка с охраной и катер с аквалангистами. Такие меры принимались не случайно, ибо возраст был не тот, чтобы оставлять его одного, да и однажды был случай, когда у него случилось головокружение и он стал тонуть. Вообще же он держался на воде очень легко и подолгу».

«Однажды Л. Брежнев попал в сильное течение, но от помощи

охраны отказался и боролся с течением сам. В результате его и охранников отнесло далеко за зону, аж в район профсоюзного санатория. А оттуда им всем затем пришлось несколько километров шагать пешком обратно».

Как и большинство советских мужчин, Брежнев был большим любителем футбола и хоккея. Точно известно, что болел он за команду ЦСКА, однако до сих пор не имеется никаких данных, даже сплетен, будто Генсек хоть как-то покровительствовал своим любимцам и способствовал их успехам. Люди, вспоминающие о нем, любят рассказывать, что верный «Костя» (К.У. Черненко) болел за «Спартак», они любили посещать матчи «своих» команд, причем Брежнев подначивал «Костю» в случае успеха ЦСКА. Словом, все как у всех советских граждан…

Брежневу были не чужды и другие любимые забавы простых советских тружеников, например, очень любил домино («забить козла», говаривали по таким случаям в народе, так же выражался и Генсек). О том сохранилось множество любопытных свидетельств, приведем лишь два из них. Вот вспоминает недоброжелатель Брежнева, сын Никиты Хрущева Сергей:

«Отец ушел. На палубе остались Брежнев, Подгорный, Кириленко, Гречко, Устинов, министры, адмиралы, конструкторы. У Леонида Ильича спало напряженно-внимательное выражение. Глаза его повеселели.

— Что ж, Коля, — обратился он к Подгорному, — забьем «козла»?

Принесли домино. Брежнев, Подгорный, Кириленко и Гречко отдались любимому занятию. К возвращению отца стол очистили».

Вот еще одно свидетельство от бывшего зятя, Юрия Чурбанова, который почитал своего тестя не только при жизни, но остался верен его памяти и после кончины, после развода с Галей:

«Субботними вечерами, в основном на отдыхе, он очень любил играть в домино с охраной. Вот эти игры просто сводили с ума Викторию Петровну, так как они обычно заканчивались около трех часов ночи, и она, бедная, не спала, сидела рядом с Леонидом Ильичом и клевала носом. Начальник охраны вел запись этих партий. Они садились за стол где-то после программы «Время» — и пошло! Игра шла «на интерес». Веселое настроение, шутки-прибаутки, но проигрывать Леонид Ильич не любил, и когда «карта» к нему не шла, то охрана, если говорить честно, старалась подыграть, а Леонид Ильич делал вид, что не замечает».

Сейчас разного рода телевизионные шуты высмеивают домино. А ведь совсем неплохая была игра, требовавшая

внимания, да и смекалки. И уж во всяком случае много полезнее игорных домов, наркоты, гей-клубов и всех прочих подобных забав, которые нынешнее Останкино рекламирует нам с утра до ночи.

И последнее из любимых привычек Леонида Ильича: он с детства любил разводить голубей. Еще совсем недавно по всей Руси Великой это было одним из любимых мужских занятий, причем очень серьезным, породистые голуби ценились исключительно высоко. Даже в Москве до конца семидесятых годов на окраинах сохранялось множество голубятен, а полеты этих красавцев так украшали столичное небо! Брежнев остался верен любимым птицам до конца жизни. Один из его приближенных рассказывал о том: «Очень любил возиться с голубями. На даче у Леонида Ильича была своя голубятня. Голубь — это такая птица, которая прежде всего ценится за красивый полет. Из числа охраны на даче был прапорщик-любитель, следивший за голубями, — но Леонид Ильич сам очень любил наблюдать голубей, их полет, кормил своих любимчиков, знал их летные качества. Он был опытным голубятником».

Теперь коснемся вопроса, который кому-то может показаться пикантным и соблазнительным. Речь идет об отношениях Брежнева с женщинами (имеются в виду, конечно, не члены семьи). По этому поводу тоже распущено множество сплетен, называются известные имена, подробности всяческие размазываются. Что ж, рассмотрим и эту сторону.

Вот например, рассказ внучки Брежнева Виктории, опубликованный в нескольких газетах уже много лет спустя после кончины ее знаменитого деда. Якобы во время войны сорокалетний Брежнев увлекся молодой женщиной по имени Тамара и имел с ней долгий роман.

«Позднее я с ней встретилась, — рассказывает Виктория. — Она была элегантной русской красавицей, голубоглазой блондинкой с длинными волосами. Он хотел жениться на Тамаре и вернулся с войны с твердым намерением развестись, чтобы начать новую жизнь. Он так и сказал моей бабушке: «Я ухожу от тебя, потому что больше тебя не люблю».

Но в ответ услышал: «По правде говоря, я тебя тоже разлюбила. Но если ты так решил, то должен пойти и сказать о своем намерении нашим детям». Когда Брежнев вошел к ним в комнату, ему на шею бросился 10-летний Юрий. Леонид сразу же передумал и не стал менять семью на новую любовь».

Достоверность этих сведений пусть останется на совести словоохотливой внучки, но для нас самое важное тут одно: Леонид Ильич всю жизнь оставался семьянином, для которого

брак всегда и при любых обстоятельствах оставался долгом неколебимым. Так оно и было.

Скажем с полной уверенностью, что достоверных свидетельств имеется немного, точнее говоря, — одно-единственное. Исходит оно от всезнающего Чазова, которому были известны все личные стороны жизни Генсека. Более того, время показало, что приводимые им факты достаточно достоверны. Вот подробно описанный подлинный случай. Заканчивается 1975 год, в начале следующего грядет XXV съезд КПСС, на котором Брежнев должен читать доклад, а самочувствие его неважное. Более того, Генсеку следовало бы и с текстом доклада хоть чуть предварительно ознакомиться… Ну хоть для порядку.

Окружение Генсека, в том числе, конечно, и Чазов, понимало, что его надо отвезти в спасительное Завидово, подтянуть телесно, а между охотничьими забавами дать ему просмотреть некоторые странички будущего доклада, составляемого уже прыткими помощниками. Но вот беда, в Завидове обитала некая скромная женщина…

Впрочем, скромная она была только по своему общественному положению, в остальном же — весьма уверенная и настойчивая. Брежневская охрана с тревогой докладывала о событиях в Завидове: «Приглашая, например, в Завидово своих, как ему казалось, друзей-охотников Н. Подгорного и Д. Полянского, он не только усаживал за стол медсестру Н., но и обсуждал в ее присутствии государственные проблемы.

Мне позвонил возмущенный Д. Полянский и заявил, что это безобразие, что медицинская сестра нашего учреждения садится за стол вместе с членами Политбюро, которые обсуждают важные государственные проблемы. Что это не только неэтично, но и бестактно. Согласившись с ним, я поинтересовался, а сказал ли он то же самое хозяину дома? Несколько замявшийся Полянский ответил, что что-то в этом духе он Брежневу сказал, но считает, что прежде всего я обязан удалить Н. из Завидова и предупредить ее о необходимости строго соблюдать профессиональную этику. Не знаю, что на самом деле сказал Полянский Брежневу, но в их отношениях появился холодок, который в конце концов привел к разрыву.

Несмотря на углубляющиеся изменения личности Генерального секретаря, учащающиеся приступы срывов в его состоянии, страна в 1975 году продолжала еще жить активно и творчески».

Надо было принимать меры, но как? Кто посмеет вслух сказать Генеральному секретарю ЦК КПСС о подобном

непотребстве? Согласился Чазов, благо повод приличный нашелся: здоровье Брежнева вдруг резко ухудшилось. Кремлевский Гиппократ взялся за дело решительно:

«Первое условие, которое я поставил, — удалить из окружения Н., уехать на время подготовки к съезду в Завидово, ограничив круг лиц, которые там будут находиться, и, конечно, самое главное — соблюдать режим и предписания врачей.

Сейчас я с улыбкой вспоминаю те напряженные два месяца, которые потребовались нам для того, чтобы вывести Брежнева из тяжелого состояния. С улыбкой, потому что некоторые ситуации, как, например, удаление из Завидова медицинской сестры Н., носили трагикомический характер. Конечно, это сегодняшнее мое ощущение, но в то время мне было не до улыбок. Чтобы оторвать Н. от Брежнева, был разработан специальный график работы медицинского персонала. Н. заявила, что не уедет без того, чтобы не проститься с Брежневым. Узнав об этом, расстроенный начальник охраны А. Рябенко сказал мне: «Евгений Иванович, ничего из этой затеи не выйдет. Не устоит Леонид Ильич, несмотря на все ваши уговоры, и все останется по-прежнему». Доведенный до отчаяния сложившейся обстановкой, я ответил: «Александр Яковлевич, прощание организуем на улице, в нашем присутствии. Ни на минуту ни вы, ни охрана не должны отходить от Брежнева. А остальное я беру на себя».

Кавалькада, вышедшая из дома на встречу с Н., выглядела, по крайней мере, странно. Генерального секретаря я держал под руку, а вокруг, тесно прижавшись, шла охрана, как будто мы не в изолированном от мира Завидове, а в городе, полном террористов. Почувствовав, как замешкался Брежнев, когда Н. начала с ним прощаться, не дав ей договорить, мы пожелали ей хорошего отдыха. Кто-то из охраны сказал, что машина уже ждет. Окинув всех нас, стоящих стеной вокруг Брежнева, соответствующим взглядом, Н. уехала. Это было нашим первым успехом.

То ли политические амбиции, о Которых говорил Андропов, то ли сила воли, которая еще сохранялась у Брежнева, на что рассчитывал Щербицкий, но он на глазах стал преображаться. Дважды в день плавал в бассейне, начал выезжать на охоту, гулять по парку. Дней через десять он заявил: «Хватит бездельничать, надо приглашать товарищей и садиться за подготовку к съезду»».

Итак, рассмотрим внимательно этот несомненно достоверный случай в популярном для газетчиков сюжете «Брежнев и женщины». Отметим прежде всего весьма невысокий социальный уровень его симпатии — только лишь медсестра, и, судя по всему,

даже не очень молоденькая. Для Генерального секретаря, обладавшего немыслимой тогда в мире полнотой власти и материальных возможностей, это был более чем скромный выбор. Деятели его уровня, да чего там — уровня куда менее значительного! — предпочитают совсем иной набор возлюбленных — кинозвезды, прима-балерины, светские красавицы… А тут медсестра.

Опять-таки сравним сравнимое. Не станем забираться в глубь веков, остановимся на веке двадцатом. Кто из знаменитых политических деятелей остался в памяти своим пристрастием к женщинам? Назовем Муссолини, Геббельса, Мао Цзэдуна, Тито, мужчин семейства Кеннеди. Кто были предметами их часто менявшихся страстей? Да те, кого мы выше назвали, — актрисы, светские львицы и все такое прочее. Например, американскую секс-куклу Мэрилин Монро пользовал не один брат Кеннеди (просим прощения за скабрезную подробность).

Какая бы строгая охрана ни окружала Геббельса или Мао, но об их любовных интрижках знали очень-очень многие, «все, кому надо», и судачили об этом, хотя бы шепотом. Ясно, что авторитет любого политического руководителя такие пересуды не укрепляли. О Брежневе за все его долгое правление не судачили по этому поводу ровным счетом ничего, только уж самые дикие провинциалы толковали о его симпатии к пышнотелой певице Зыкиной, но это был уж чистейший умозрительный вымысел. Да, некоторые обстоятельства позволяют обоснованно предположить, что предметом кратких увлечений Генсека могли быть горничные, подавальщицы, портнихи, медсестры, но ни одного шумного романа с какой-нибудь знаменитостью не было и в помине. Сознательно ли, обдуманно ли, а скорее всего по здоровому народному чувству он таких опасных историй сторонился.

И в тех своих скромных похождениях он оставался осторожен и добродушен. Немыслимо даже вообразить Леонида Ильича на месте похабника Клинтона, недавнего американского президента. Тот развратничал со своей израильской стажеркой прямо в Овальном зале Белого дома. Просим прощения, но это равносильно тому, что Брежнев назначал бы свидания медсестре Н. в кабинете Ленина в Кремле… Да Леонид Ильич умер бы от одной такой мысли!

В сюжете о медсестре обращает внимание одно мимолетное обстоятельство, которое, однако, заслуживает внимания. Судя по тому, что потребовалось вмешательство приближенных и охраны, увлечение Брежнева на этот раз оказалось более или менее сильным. Она же явно проявляла тут женскую настойчивость. И что же? Генсек легко послушался уговоров и дал увести себя от

его пассии. Это явно свидетельствует, что увлечения Леонида Ильича были мимолетны, поверхностны и не имели на него никакого влияния. Для крупного политического руководителя это весьма важное обстоятельство. Известно, какое пагубное влияние оказывали порой любовницы на поведение и даже решения царей, президентов и премьеров. Примеры тому памятны всем — давние и не очень давние…

Для оценки личных качеств Брежнева очень характерно его поведение во время и после неудавшейся попытки покушения на его жизнь в 1969 году. Дело это теперь во всех подробностях известное, однако лучше всего изложить эту нелепейшую историю по рассказу вдовы Виктории, записанного писателем В. Карповым:

«Настоящее, продуманное покушение на Леню произошло 22 января 1969 года. В тот день встречали группу космонавтов после очередного полета. Торжественная встреча началась, как обычно, на аэродроме, куда космонавты прилетели из Байконура. Все шло своим чередом, шумела, приветствуя, публика, говорили речи. Я в тот день на аэродром не поехала. Уже до того была на нескольких встречах. Начиная с Гагарина. Ничего нового не предстояло увидеть, поэтому я смотрела передачу по телевидению. После окончания митинга на аэродроме слышу слова диктора о том, что колонна машин направляется в Кремль, в первой едут космонавты Береговой, Николаев и Терешкова, во второй едет Генеральный секретарь… Это сообщение по радио транслировалось на весь город, слышал его, видимо, и убийца. Как выяснилось позднее, им оказался младший лейтенант Советской Армии Виктор Ильин. Он похитил милицейскую форму своего брата, взял его и свой пистолеты и приехал к Боровицким воротам Кремля, через которые должны проследовать правительственные машины. Ильин встал в оцепление, между милиционерами, одетыми в такую же форму. Причем встал на стыке двух команд. Те, кто был правее и левее его, не будучи с ним знакомыми, принимали Ильина за офицера из соседней команды. Правда, один бдительный офицер из охраны КГБ заподозрил что-то неладное, подошел к Ильину и спросил: «Ты почему здесь стоишь?» На что Ильин ответил: «Поставили, вот и стою». Вопросов больше не возникло, шла обычная работа, какой занимались совместно с милицией много раз прежде.

Когда подъехали правительственные машины, Ильин, зная по радио, что Брежнев едет во второй, пропустил первую, выскочил навстречу второй, выхватил оба пистолета и стал стрелять по сидящим в «Чайке». Он успел выпустить все патроны, прежде чем его схватили. Этими выстрелами он смертельно ранил водителя.

— А где же был Леонид Ильич?

— А он, как бы предчувствуя что-то, приказал охране везти его не через Боровицкие, а через Спасские ворота. Там и не был, где его поджидал Ильин. Очень тогда все переволновались, в охране произошел настоящий переполох.

— А как Леонид Ильич отнесся к этому покушению? Что он вам говорил?

— Удивился. «Не пойму, — говорит, — зачем ему это надо?! Что плохого я для него и для народа сделал?! Вот так, всю войну прошел, жив остался, а тут во время торжества мог погибнуть от руки своего же офицера!»

Придурковатый Ильин совершил тягчайшее преступление. По тогдашним законам любой страны его казнили бы немедля. Однако Генсек Брежнев велел не предавать заслуженному приговору нелепого террориста, его поместили в психиатрическую больницу. Уж сколько ужасов наболтали о тех «психушках» наши пресловутые диссиденты! А вот Ильин отсидел там десяток лет, и ничего! Даже потом давал развязные интервью о своем «подвиге» и судился с государством за какие-то деньги…

Не станем уж вспоминать, как поступали с подобного рода людьми суровые Ленин и Сталин. Но и пресловутый «борец с культом личности» Никита Хрущев и по меньшим поводам входил в ярость и требовал расстрельных приговоров, случаи такие известны и теперь достоверно описаны. Да и в «демократической» Америке убийцу президента Кеннеди примерно в те же годы «замочили» без всякого суда и следствия. Чтоб другим неповадно было…

А вот Леонид Ильич всегда был добр и незлобив. И навсегда останется таковым в памяти нашего народа.

В заключение еще об одном исключительно важном духовном обстоятельстве, о котором мы знаем лишь смутно и по косвенным источникам. Леонид Брежнев с детства крещен был в православной вере, ходил в детстве в храм Божий, в первых классах гимназии изучал Закон Божий. Революционная смута все это затмила в его душе, как и в душах великого множества его русских ровесников. Так, однако, истинным атеистом, как его соратник Суслов и иные, он не стал — отчасти под влиянием глубоко православной матери, которую он нежно любил. Два американских президента оставили любопытные свидетельства по этому весьма скрытному в советское время обстоятельству. Цитируем:

Президент Картер любил вспоминать, как на переговорах о «разрядке» и прекращении «холодной войны» Брежнев нажимал: «Нам Бог не простит, если мы потерпим неудачу». Как и Сталин,

особенно перед смертью, Брежнев в узком кругу все настойчивее обращался к Православию.

Джордж Буш-старший вспоминал о похоронах Брежнева: «Я находился на гостевой трибуне и, имея исключительно хороший обзор, видел, как охваченная горем вдова покойного подошла к гробу Брежнева с последним прощанием. Она посмотрела на него, наклонилась над гробом, а затем, вне всяких сомнений, перекрестила тело своего мужа. Я был поражен».

Краткие, но весьма выразительные свидетельства! И подчеркнем, это публиковалось в ту пору, когда на родине Леонида Ильича его поносили самым беззастенчивым образом.

От Хельсинки до Кабула

До того как стать Генеральным секретарем, Брежнев к вопросам внешней политики прямого отношения не имел, да и вкуса к тому не испытывал. Мировую географию он знал очень плохо, а наименования чужеземных стран и городов вечно путал, как и имена иностранных государственных деятелей. Его частые встречи с руководителями зарубежных стран и даже поездки в эти страны носили, как уже говорилось, парадный характер, важных дел там не решалось.

Однако уже с началом семидесятых годов, когда Брежнев полностью укрепился во власти в Кремле, он волей-неволей должен был оказаться в самом центре всех принимаемых решений по внешнеполитическим вопросам. Конечно, влияние Громыко на Брежнева в этих делах было исключительно сильным до самых последних дней Генсека, но и он свое личное отношение к внешней политике неизбежно проявлял. Брежнев капризами не отличался, скандалов не любил, невозможно представить его стучащим ботинком по столу или изрыгающим ругань, как Хрущев. Нет, он был вполне корректным переговорщиком.

Кремлевская жизнь советских времен была крайне замкнутой. О подлинной расстановке политических сил в то время советскому народу не сообщали газеты, радио и телевидение, а зарубежные «голоса» об истине тоже не заботились, занимаясь пропагандой в пользу Запада. Вот почему, когда Брежнев выезжал с официальными визитами за рубеж или даже принимал иностранных государственных деятелей в Москве или иных местах, внимание к нему с «той» стороны было очень велико.

Руководители стран Запада были нашими очевидными противниками, они целили свои ракеты на нас, а мы — на них. Естественно, что на переговоры с советским руководителем они прибывали в окружении асов своих спецслужб, которые глядели во все глаза, подмечая характерные черты наших деятелей, а в особенности — их слабости самого разного свойства. Они без труда заметили то, что долгое время удавалось скрывать от советских граждан — слабое здоровье советского Генсека. Тогда они помалкивали о том, позже подробно рассказали.

Примечательны в этом смысле наблюдения бывшего президента Франции Валери Жискар д'Эстена (его мемуары опубликованы на русском языке в Москве в 1990 г.). Взгляд Жискара внимателен и точен:

«Свой первый официальный визит Леонид Ильич Брежнев нанес мне в декабре 1974 года. Предполагалось, что в день

приезда, в среду вечером, Брежнев пожелает отдохнуть и поэтому поужинает один в своих апартаментах. На следующий день по программе — общий завтрак с участием основных членов обеих делегаций, всего на восемь персон, а наша первая беседа наедине в присутствии лишь переводчиков была назначена на 17.30. На нее отводилось два часа.

Завтрак состоялся по графику, после чего мы разошлись. В 15 часов — первое послание: Генеральный секретарь спрашивает, нельзя ли перенести переговоры на 18 часов. Никаких объяснений. Я даю согласие и в небольшом кабинете, примыкающем к моей комнате, перечитываю материалы для беседы.

В 16.15 — новое послание: господин Леонид Брежнев хочет отдохнуть, нельзя ли начать переговоры в 18.30? Воображаю, какую реакцию это вызовет. По договоренности ход наших встреч не будет предан гласности. Однако допускаю, что произойдет утечка информации, и тогда легко представить комментарии: «Брежнев заставляет ждать Жискара! Никогда он не позволил бы себе такого по отношению к де Голлю! Он явно хочет показать, какая между ними разница».

Я передаю через генерального секретаря Елисейского дворца свой ответ: если мы хотим, чтобы у нас было достаточно времени для переговоров, откладывать их начало крайне нежелательно. Я буду ждать господина Брежнева в 18 часов в условленном месте…

Но вот вдали отворяется первая дверь. Брежнев движется мне навстречу. Он ступает нерешительно и нетвердо, словно на каждом шагу уточняет направление движения. За ним следует его адъютант, — по-видимому, это врач — и переводчик. Поодаль, как обычно, довольно многочисленная группа советников в темных костюмах».

Как видно, западные политические деятели, даже такие крупные, как тогдашний президент Франции, еще не были осведомлены о телесных недугах Брежнева (и их спецслужбы, надо полагать, тоже). Шел еще только 1974 год, Брежневу было далеко до семидесяти, он пока оставался крепок, но признаки грядущих разрушительных недугов уже были заметны заинтересованным наблюдателям. В западной печати сведения о том, разумеется, не публиковались («свобода слова» на Западе всегда была и остается четко управляемой и послушной!). Но «все, кому надо», получили точные сигналы: Брежнев нездоров.

Вторая встреча Жискара с советским Генсеком происходила в 1979 году, пять лет миновало с первой. Брежнев начал ее словами:

«— Должен признаться, я очень серьезно болен.

Я затаил дыхание. Сразу же представляю, какой эффект могло бы произвести это признание, если бы радиостанции разнесли его по всему миру. Знает ли он, что западная печать каждый день обсуждает вопрос о его здоровье, прикидывая, сколько месяцев ему осталось жить? И если то, что он сказал мне, правда, способен ли он в самом деле руководить необъятной советской империей? Между тем он продолжает:

— Я скажу вам, что у меня, по крайней мере, как мне говорят врачи. Вы, наверное, помните, что я мучился из-за своей челюсти. Вы, кстати, обратили на это внимание в Рамбуйе. Это раздражало. Но меня очень хорошо лечили, и все теперь позади.

В самом деле, кажется, дикция стала нормальной и щеки уже не такие раздутые. Но с какой стати он сообщает это все мне? Понимает ли он, чем рискует? Отдает ли себе отчет в том, что рассказ об этом или просто утечка информации губительны для него?

— Теперь все намного серьезней. Меня облучают. Вы понимаете, о чем идет речь? Иногда я не выдерживаю, это слишком изнурительно, и приходится прерывать лечение. Врачи утверждают, что есть надежда. Это здесь, в спине.

Он с трудом поворачивается.

— Они рассчитывают меня вылечить или, по крайней мере, стабилизировать болезнь. Впрочем, в моем возрасте разницы тут почти нет!

Он смеется, сощурив глаза под густыми бровями. Потом следуют какие-то медицинские подробности, касающиеся его лечения, запомнить их я не в состоянии. Он кладет мне руку на колено — широкую руку с морщинистыми толстыми пальцами, на ней словно лежит печать тяжелого труда многих поколений русских крестьян.

— Я вам говорю это, чтобы вы лучше поняли ситуацию. Но я непременно поправлюсь, увидите. Я малый крепкий!»

Даже сейчас, читая эти скупые и суховатые строки, явственно видно, как изменилось в худшую сторону телесное состояние Брежнева. И еще характерно: он вовсе не пытается скрыть от Жискара свои недуги. По-человечески это его даже хорошо характеризует, ибо нелепо скрывать то, что всем явно и очевидно. Но в ту пору сильные недомогания советского Генсека были уже известны всему свету. Ибо проявились они уже неоднократно и вполне очевидно.

В 1974 году Брежнев летал во Владивосток на важную встречу с тогдашним американским президентом Фордом. Дело происходило осенью, погода была ужасная, пришлось совершить вынужденную посадку в Хабаровске. Тут Генсеку стало плохо, его

едва смогли привести в более или менее приемлемое состояние. Переговоры с американцем состоялись, но провел их Генсек с большим трудом.

Примеров подобного рода можно приводить сколь угодно много, это, разумеется, отрицательно сказывалось на ходе важнейших международных переговоров, только тщательная подготовка их работниками МИД спасала порой дело. Но один из самых неприятных случаев произошел с Брежневым на празднике 30-летия ГДР в Берлине в 1979 году. Даже в позднем рассказе Чазова виден драматизм той обстановки.

«Для того чтобы успокоиться и уснуть, он вечером, накануне выступления, не оценив своей астении, принял какое-то снотворное, которое предложил ему кто-то из услужливых друзей. Оно оказалось для него настолько сильным, что, проснувшись утром, он не мог встать. Когда я пришел к нему, он, испуганный, сказал только одно: «Евгений, я не могу ходить, ноги не двигаются». До его доклада оставался всего час. Мы делали все, чтобы восстановить его активность, но эффекта не было. Кавалькада машин уже выстроилась у резиденции, где мы жили. Громыко и другие члены делегации вышли на улицу и нервничали, боясь опоздать на заседание. Мы же ничего не могли сделать — не помогали ни лекарственные стимуляторы, ни массаж.

Я предложил, чтобы делегация выехала на заседание и, если через 30 минут мы не появимся, принимала решение о дальнейших действиях. Нервное напряжение достигло апогея. Наконец вместе с охраной, которая переживала ситуацию не меньше нас, врачей, мы решили вывести Брежнева на улицу, в сад, и попытаться заставить его идти. Удивительные от природы силы были заложены в организме Брежнева. Из дома мы его в буквальном смысле вынесли, когда же его оставили одного и предложили ему идти, он пошел самостоятельно, сел в машину, и мы поехали на заседание.

Истинное состояние Брежнева на заседании знали только я и начальник охраны правительства Ю.В. Сторожев. Ответственный и честный человек, он не меньше меня переживал ту ситуацию, в которой мы оказались, и попросил немецких друзей проследить за Брежневым, когда он будет выходить на трибуну. Мы сидели вдали от него и ничем ему помочь не могли.

Герек описывает, как он вместе с немецкими товарищами помог Брежневу выйти на трибуну. Он пишет, что впоследствии ему через посла был выражен официальный протест в связи с его желанием помочь Брежневу подняться. Я бы выразил ему благодарность, потому что не уверен, смог ли бы вообще встать

Брежнев со стула без посторонней помощи.

Тридцать минут выступления Брежнева мы сидели как на углях — выдержит он или не выдержит? К счастью и к моему удивлению, все закончилось благополучно. Но, я думаю, и у меня, и у Сторожева, и у всех, кто вместе с нами пережил этот тяжелейший момент визита, память о нем должна была остаться либо еще одним седым волосом, либо еще одной отметкой на сердце или сосуде.

В ходе визита были и другие моменты, указывающие на немощь Брежнева, — было перенесено из-за него начало торжественного шествия; с официального обеда он, сославшись на мои пожелания, которых на самом деле я не высказывал, ушел раньше, чем он закончился. Громыко и другие члены делегации были свидетелями всех этих печальных ситуаций, но ни один из них, вернувшись в Москву, словом не обмолвился о том, что происходило в Берлине.

Вот почему, когда сейчас иногда раздаются голоса, в том числе и со стороны бывшего руководства, о том, что Политбюро и ЦК не были проинформированы об истинном состоянии здоровья Брежнева, то это даже не лукавство, не уловка, а «ложь во спасение». Ведь тем, кто знал и мирился с ситуацией, надо как-то оправдать свое молчание и бездействие. Да, по правде говоря, что они могли сделать? Вся власть в то время была в руках «группы Брежнева», а тех из руководства, кто не входил в эту группу, вполне устраивала сложившаяся ситуация, ибо она сохраняла их положение и их будущее при немощном Брежневе».

Кремлевский интриган от медицины Чазов в данной своей оценке вполне справедлив. Да, Леонид Ильич был не только мужественный человек, способный преодолевать боли и телесную немощь, он всегда оставался лицом общественным, ставившим долг советского руководителя выше личного состояния, даже ценой здоровья. И справедливо тут напомнить, вслед за брежневским лейб-медиком, что нынешние претензии к бывшему Генсеку со стороны его бывших прихлебателей и подхалимов прямо-таки стыдно читать. Уж молчали бы лучше…

В окружении Брежнева, пожалуй, только один Андропов смотрел дальше других и ценил выдержку Брежнева. Конечно, у него был свой честолюбивый интерес, стремление стать брежневским наследником, но это в данном случае вопрос все же второстепенный. Вот свидетельство болтливого Горбачева (здесь ему можно поверить):

«Помню, как на одном из заседаний Политбюро председательствовавший «вырубился», потерял смысловую нить обсуждения. Все сделали вид, что ничего не произошло. Хотя все

это оставляло тяжкое впечатление. После заседания я поделился своими переживаниями с Андроповым.

— Знаешь, Михаил, — повторил он почти дословно то, что и раньше мне говорил, — надо делать все, чтобы и в этом положении поддерживать Леонида Ильича. Это вопрос стабильности в партии, государстве, да и вопрос международной стабильности…»

Андропов был тут безусловно прав. Авторитет Брежнева в международных делах был уже с начала семидесятых годов весьма велик. С ним считались, к нему привыкли и приспособились многие крупные зарубежные государственные деятели, что немало способствует успеху международных переговоров. И действительно, личная роль Брежнева была очень велика в благоприятных для нашей страны итогах Совещания по безопасности в Европе 1975 года.

На переговорах тех долго, начиная с осени 1972 года, разрабатывался Заключительный акт, который должен был закрепить существующее на то время политическое положение в Европе (кроме всех европейских стран участвовали США и Канада). Для нас важнейшим тут было закрепление послевоенных западных границ и признание ГДР. Брежнев понимал значение этого акта и не жалел личных усилий. Чазов интересно рассказал именно об этой стороне дела на важном Совещании:

«Он вдруг вспомнил, что в 1975 году намечается окончание переговоров на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписание соответствующего соглашения. Оживившись, Брежнев стал вспоминать, как настоял несколько лет назад на необходимости ведения таких переговоров. Видимо, у него было немало оппонентов, потому что он с удовлетворением сказал: «Если заключим соглашение, а к этому все идет, то посмотрим, что скажут некоторые товарищи, которые были против переговоров. Они самого главного не понимают, что это соглашение является юридическим признанием статус-кво в Европе, подводит черту под разговорами о границах, признает ГДР, а это залог того, что не только внуки, но и правнуки наши будут жить спокойно, не боясь нападения со стороны Германии. А то, что, говорят, в гуманитарном разделе много пунктов с вмешательством во внутренние наши дела, так ведь большинство из этих пунктов имеется в нашей Конституции. А потом — у каждой страны есть свои законы внутренней жизни и их никакое соглашение не отменяет. Главное в нем — не права человека, а границы государства, предупреждение войны — вот что не могут понять некоторые из наших».

Я привел эти два примера в доказательство тому, что в

первой половине 1974 года Брежнев был не только работоспособен, но и обладал даром аналитического мышления…

К августу 1975 года было подготовлено Соглашение по безопасности в Европе. Подписание соглашения, о котором так мечтал Брежнев, должно было состояться в августе в Хельсинки. Естественно, на этот период надо было обеспечить активность Генерального секретаря. Мы изучили все известные мировой медицине методы стимуляции функций организма, в том числе и центральной нервной системы. Кстати сказать, Андропов очень заинтересовался этими методами и попросил достать соответствующие препараты. Будучи страстным болельщиком хоккейной команды «Динамо», он в шутку сказал: «Посвятили бы вы во все тонкости руководство «Динамо», может быть, играть стали бы лучше». Помолчав, добавил: «Думаю, даже при этом они ЦСКА не обыграют». (Это были годы острого соперничества «Динамо» и ЦСКА.) Действительно, вскоре ко мне пришли руководители «Динамо», которым я не только прочитал лекцию о возможностях скрытых резервных сил организма, но и передал ряд средств, которые еще не числились в разряде допинговых.

Не знаю, как команду «Динамо» (судя по тому, что они не завоевали первенства, игроки вряд ли принимали стимуляторы), а вот Брежнева нам удалось перед поездкой в Хельсинки вывести из состояния мышечной астении и депрессии. Андропов очень волновался перед поездкой Брежнева в Хельсинки. Разработанный план дезинформации общественного мнения в отношении здоровья Брежнева рушился. Внутри страны еще можно было как-то мириться с ситуацией, связанной с болезнью Брежнева. Другой вопрос — как ее воспримут на Западе? Не будут ли болезнь лидера, его слабость влиять на позиции нашей страны? Не поднимут ли голову ее недруги? Боялся Андропов, да и я, и не без оснований, возможного срыва в ходе Хельсинкского совещания. Чтобы предупредить разговоры внутри страны, делегация и число сопровождающих лиц были сведены к минимуму — А.А. Громыко и начавший набирать силу К.У. Черненко. Мы поставили условие: чтобы во время поездки (в Хельсинки мы ехали поездом) и в период пребывания в Финляндии у Брежнева были бы только официальные встречи, и ни Н., ни кто-либо другой не встречался с ним наедине (кроме Громыко и Черненко).

Надо сказать, что и в этот период, и в последующих сложных политических ситуациях, когда надо было проявлять хоть минимум воли и мышления, Брежнев с нами соглашался».

Да, прост был Брежнев, не шибко образован и даже грамотен, но чутьем простого русско-советского человека понимал: надо,

надо юридически закрепить западные границы Советского Союза, ради того он, офицер-политработник, четыре года без единого дня отлучки провел на фронте! А что кучка еврейских «диссидентов» будет шуметь… Да они и так шумят, и пусть их, на то есть ведомство товарища Андропова, те за ними наблюдают и опекают их должным образом…

Не хочется даже вспоминать, что с 1991 окаянного года все международные гарантии наших западных границ рухнули, а сами те границы отступили на сотни верст на восток… Но это уже совсем другой сюжет, и пусть расскажут о нем другие.

Повторим, для Брежнева внешнеполитические вопросы, даже важнейшие, были всегда на втором месте по сравнению с делами внутриполитическими. В первом случае он вполне доверял высококвалифицированному МИДу и его главе, во втором — всегда сам брал на себя решение, в особенности по вопросам ключевым — кадровым. Тут он полностью следовал заветам Сталина (Ленин и Хрущев этим пренебрегали).

Брежнев осторожно и не спеша, никогда не прибегая к резким и тем паче жестким мерам, убирал из своего окружения тех, кто хоть как-то ему противился. Первым в опалу попал видный член Политбюро Д. Полянский, зампред Совмина. Очевидец событий А. Гаврилюк рассказал о той интриге с весьма примечательными подробностями:

«Отношения Полянского с Брежневым, судя по рассказам Дмитрия Степановича, строились но принципу «Митя — Леня». Он принял активное участие в отстранении Хрущева и избрании Брежнева Первым секретарем ЦК в октябре 1964 года, и сначала ничто не омрачало их отношений. В декабре 1966-го торжественно отмечалось 60-летие Леонида Ильича, ознаменованное вручением ему первой Звезды Героя Советского Союза. Дмитрий Степанович так расчувствовался, по его собственному признанию, что написал стихи, точнее, целую поэму по этому поводу.

Однако после того как на одном из заседаний Политбюро Полянский выступил против решения Леонида Ильича организовать набор 93 тысяч сельских жителей для работы в строительных организациях, он вдруг заметил, что все вопросы, связанные с сельским хозяйством, стали решаться без него. Именно в это время он оказывался в командировках. Брежнев объяснил: «Извини, Митя, но решаю не я, а Политбюро». Так же легко Леонид Ильич «отбился» и от письма Полянского, ему адресованного и переданного через Черненко, где Дмитрий Степанович утверждал, что награждения различными орденами и знаками отличия становятся смешными и неприличными.

Брежнев пригласил его к себе и опять произнес: «Митя, не я сам себя награждаю. Это решает Политбюро».

Отношения Полянского и Брежнева усложнились еще больше после письма, полученного от 92 коммунистов из Свердловска, где они утверждали, что Леонид Ильич окружил себя своими людьми, перестал прислушиваться к советам, возрождая новый культ, теперь уже своей личности. Опять через Черненко Дмитрий Степанович передал письмо Брежневу. Реакция его была своеобразной. Леонид Ильич позвонил и спросил: «Митя, а у тебя что, в Свердловске своя мафия?» Политическая карьера Полянского закончилась».

В марте 1976 года на XXV съезде партии Полянского подвергли критике и вывели из Политбюро. А потом, чтобы не маячил в Москве, отправили послом на другой конец света — в Японию. Полянский в отличие от большинства своих сотоварищей отчасти придерживался русско-патриотических взглядов. Теперь, после ухода его и Шелепина, в окружении Брежнева людей с такими взглядами уже не осталось.

Летом 1976 года Генсек опять показал свой характер. Уже несколько расслабившись от тщеславия и лести своего нынешнего окружения, он решил без всякой особенной надобности возложить на себя и пост «президента» — ничтожную во властном отношении должность Председателя Президиума Верховного Совета. Он на этом месте уже побывал ранее, с удовольствием ушел оттуда на партработу. Теперь там сидел его дружок по охоте и «забиванию козла» Коля Подгорный, уроженец села Карловка Полтавской губернии, бывший секретарь Харьковского обкома, большой специалист по сахароварению. Было ему уже за семьдесят, старше Генсека. Ему бы уступить место товарищу по домино, а он заупрямился, показывая дурной характер. О судьбе Подгорного подробно рассказал П. Шелест, давая интервью в отставке.

«— А какие отношения были у Брежнева с другими членами Политбюро? Кто был к нему наиболее близок? С кем он больше всего считался?

— Поначалу, наверное, с Н.В. Подгорным. Ни один кадровый, организационный, политический, идеологический, хозяйственный вопрос не решался Брежневым без консультации и совета с ним. Во всем они действовали заодно. Между ними и существовали самые близкие отношения, и они друг друга называли просто по имени — Леня и Коля. Хотя Подгорный высказывал свое несогласие с некоторыми предложениями Брежнева, критиковал его недостойные действия, в том числе самовосхваление и властолюбие. В большинстве случаев Брежнев уступал, ибо знал,

чем ему грозит потеря поддержки Николая Викторовича.

Почти все члены Политбюро обращались к Подгорному за помощью. Когда надо было какой-нибудь вопрос решить или отложить, просили: «Николай Викторович, ну скажите ему (Брежневу), он вас одного может послушаться». В таких случаях Подгорный часто доводил до сведения Генсека мнение, высказанное товарищами, при этом не ссылаясь ни на кого персонально, зная, что кое-кому это может даром не пройти. Справедливости ради надо сказать, что Подгорный много делал для создания и укрепления авторитета Брежнева. Но вместе с тем решительно выступал против непомерного раздувания его культа. Однако Брежнев, волей случая взобравшись на вершину власти, не жаловал правды и не прощал никому опрометчивых высказываний о себе.

— Ив разряд этих людей попал Подгорный. Что же произошло между ними?

Брежневу захотелось стать Председателем Совмина СССР. По этому поводу он повел разговор с Подгорным, последний отговаривал Брежнева от такого шага, говорил ему, что мы ведь на октябрьском Пленуме осудили за это Хрущева. Но Генеральный настаивал на своем. Не устояв, Подгорный «провел определенную работу» — склонил многих членов Политбюро к решению этого вопроса, но все держалось в строгом секрете от самого Председателя Совмина А.Н. Косыгина. Осуществить этот замысел помешали случай и трусость Брежнева, в это время он сильно заболел, к тому же ему Подгорный сказал, что Совмин — это исполнительная власть, надо много работать, а за недостатки в работе придется нести ответственность.

Брежнев отказался от своей затеи, но на этом не успокоился и начал новую игру. На этот раз вокруг Подгорного, намереваясь занять пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Эта политическая интрига развернулась в период подготовки к XXV съезду партии. Подгорного хотели дискредитировать среди партийного актива страны. Во время выборов делегатов от Харьковской областной партийной организации, от которой Николай Викторович избирался неоднократно, произошло нечто невероятное: против Подгорного проголосовали 250 из 650 коммунистов, но все же он большинством был избран на XXV съезд. Зная наши порядки, это само по себе не могло произойти. Здесь был написан «специальный сценарий» и «разыгран» спектакль по команде из Центра, по прямому указанию Брежнева…

И вот вскоре на одном из пленумов ЦК КПСС выступает секретарь Донецкого обкома КПУ Качура и вносит предложение:

соединить пост Председателя Президиума Верховного Совета с постом Генерального секретаря ЦК КПСС. И вновь знакомый прием: внезапность, быстрота и натиск. До того момента с Подгорным никто не обмолвился об этом ни единым словом. Ну а дальше пошло по заведенному порядку: пленум одобрил такое предложение, а заодно, на этом же пленуме, совершенно неожиданно для Подгорного его освободили от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС. Вот так самым подлым образом, тихой сапой и внезапным приемом Брежнев рассчитался с Подгорным как с основным оппонентом и критиком его действий в составе Политбюро.

На сессии Верховного Совета СССР формально освободили Н.В. Подгорного от обязанностей председателя, даже не сказав ему нескольких слов благодарности за 12 лет работы. Но зато когда Суслов внес предложение избрать Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР, то это «вызвало бурю восторга». После ухода в «отставку» Н.В. Подгорный неоднократно пытался связаться по телефону или встретиться, поговорить с Брежневым, но каждый раз это откладывалось под «благовидным» предлогом. В последний раз Подгорный звонил Брежневу и разговаривал с его помощником Цукановым, просил организовать встречу с Генеральным. Через несколько дней Цуканов передал Подгорному: «У Леонида Ильича нет к вам вопросов»».

Здесь уместно процитировать малоизвестный документ, где сам Леонид Ильич высказывает собственное отношение к данному событию, случай вообще-то довольно редкий, писать он не любил и не был к тому горазд. В июне 1977 года, когда Брежнева «короновали» на пост президента, его верный Черненко находился в больнице и принимать участие в делах любимого Генсека не мог, отчего очень переживал. И вот по окончании тех хлопот Брежнев отправил больному, но верному Косте трогательное письмо, оно датировано 16 июня, приводим его полностью:

«Дорогой Костя!

С большим волнением я прочел твое поздравление в связи с избранием меня на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Твои слова в этом поздравлении не могли не тронуть мое сердце, не взволновать меня.

Заседание сессии Верховного Совета прошло хорошо, я бы сказал, великолепно. Бесконечные аплодисменты. Особенно бурно было встречено выступление Михаила Андреевича Суслова. После него я выступил с благодарностью и обещал, как солдат,

оправдать доверие нашей любимой Родины и нашей великой партии, сделать все, чтобы укрепился мир на земле и развивалось доброе сотрудничество между народами. Мой ответ был принят депутатами очень тепло.

Считай, что ты был среди нас. Остальные дела нормально. Ты не волнуйся. Ну, еще раз говорю: не торопись, в этом необходимости никакой нет. На ближайшее время ты все сделал.

Обнимаю тебя, крепко целую, желаю выздоровления».

В высшей степени характерное свидетельство, и для оценки как самого Леонида Ильича, и для оценки его отношений с «Костей». Смешно и грустно осознавать, как по-детски радовался Брежнев своему возвращению к пустой должности «президента». Из одного этого яснее ясного, что крупным политиком он не был, куда уж! А вот молчаливый Черненко выглядит тут довольно впечатляюще. Ясно, что всесильный глава великой Советской империи испытывал к старому соратнику самые искренние дружеские чувства. И эти неподдельные отношения искренней взаимной привязанности выглядят прямо-таки трогательно. Политика — дело суровое и неверное, здесь мало искренности, но много коварства. Поэтому наблюдать в политической сфере добрые, истинно товарищеские отношения приходится редко, но они порождают и добрые человеческие чувства в ответ. Значит, не все подвластно честолюбию и корыстолюбию, и даже в самых политических верхах были обычные для всех порядочных людей товарищество и верность.

Итак, несговорчивого своего приятеля Подгорного Брежнев прогнал в полную отставку, хотя тот был еще вполне здоров и благополучно пережил Генсека. Это было уже проявление капризности Брежнева, граничащей с самодурством, чего у него ранее никогда не наблюдалось. Да и соединение должностей Генерального секретаря и «президента», в деловом смысле совершенно ненужное, вызвало недовольство как в партийных кругах, так и в народе. Тут Брежнев стал постепенно утрачивать самоконтроль, столь нужный политику. Отсюда потянулась череда его нелепых, до смешного мелочных поступков, которые по сей день бросают на него неприятный отсвет.

В ту же пору предметом ревнивых интриг Брежнева сделался Алексей Николаевич Косыгин, заместитель Предсовмина с 1940 года и Председатель Совета Министров со дня смещения Хрущева. То был достойнейший деятель в советском руководстве еще со сталинских времен. Умелый и строгий хозяйственник, он никогда не злоупотреблял, как теперь выражаются, «административным ресурсом» и уж тем более избегал жестоких

методов руководства. Авторитет его в хозяйственной сфере был общепризнан. Это стало раздражать Брежнева. Вот выразительный рассказ деятеля спецслужб М. Докучаева:

«В марте 1978 года А.Н. Косыгин совершал поездку по Тюменской области и Красноярскому краю. С большой группой ведущих работников Совмина и Госплана он побывал в Тюмени, Сургуте, Нижневартовске, Красноярске, на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС и в Норильске. Основной целью его поездки было знакомство с новостройками этих регионов. В ходе поездки решались также вопросы благоустройства городов и их снабжения, прокладки дорог в отдаленные северные районы и организации доставки туда строительных и других материалов.

На меня тогда возлагались обязанности по обеспечению безопасности А.Н. Косыгина, в связи с чем мне приходилось выступать в роли координатора всех мероприятий с местными властями. Поездка была плодотворной, и в ходе ее встал вопрос о посещении Свердловска на обратном пути в Москву. Естественно, все вопросы пребывания А.Н. Косыгина и сопровождавших его лиц в Свердловске были своевременно согласованы мною с местными руководителями и доложены в Москву. Никаких встречных вопросов или предложений не поступило.

Однако, несмотря на такую согласованность, я решил накануне вечером позвонить своему руководству и еще раз доложить о времени вылета из Норильска и прилета в Свердловск. Начальника управления в это время на месте не оказалось, и я решил выйти на связь с его первым заместителем генерал-майором В.П. Самодуровым. После доклада о полете в Свердловск я услышал в трубке крик удивления: «Как, вы летите в Свердловск и будете там завтра в 12 часов? Вы что, ничего не знаете?» Я подтвердил сказанное и добавил, что все детали поездки А.Н. Косыгина согласованы со Свердловским обкомом партии и управлением КГБ по этой области, что об этом сообщалось в Совмин и другие инстанции.

Тогда генерал Самодуров сказал мне: «Слушай, я тебе сообщаю, но на наш разговор нигде не ссылайся. Считай, что я тебе этого не говорил. Завтра, в 14 часов, в Свердловск прибывает из Москвы Брежнев. Отсюда он полетит дальше, а потом поедет поездом во Владивосток. Что означает их стыковка в Свердловске, ты сам понимаешь. Принимайте там решение на свое усмотрение».

В ответ я сказал, что мне картина ясна и я начинаю действовать. Мысленно же я представил себе, что будет с Косыгиным, если он прилетит в Свердловск и узнает, что туда спустя 2 часа прилетает Брежнев. Мне также пришла в голову

мысль о том, как этот факт воспримут в Москве и Свердловске, как это будет выглядеть в глазах советской общественности и особенно как это расценит пресса. Одновременно передо мной встал вопрос, почему о поездке Брежнева не предупредили Косыгина как члена Политбюро и Председателя Совета Министров СССР.

Нужно было немедленно докладывать об этом самому Алексею Николаевичу, который в это время проводил большое совещание в горкоме партии. Мне было неудобно входить в зал заседаний, но и дело не терпело отлагательства. Помогло то, что как раз оттуда вышел Н.К. Байбаков, и я обратился к нему с убедительной просьбой срочно вызвать Алексея Николаевича, чтобы довести до него весьма важное сообщение.

Через некоторое время Косыгин вышел с совещания, и я рассказал ему о предстоящей поездке Брежнева по районам Сибири и Дальнего Востока. Когда я сообщил ему, что завтра в 14 часов Брежнев будет в Свердловске, Косыгин побледнел. Он сказал: «Почему я ничего об этом не знаю?» Он переспросил меня снова и очень хотел узнать, из каких источников исходит моя информация. Я ответил ему, что эти данные получил только что из 9-го управления, но уклонился от ссылки на конкретный источник.

Косыгин был человеком мудрым, любил советоваться с другими по любым вопросам, знать их мнение и только тогда принимал и высказывал свое решение. Вот и на сей раз он прямо задал мне вопрос: «Что вы думаете по этому поводу?» Вопрос не застал меня врасплох, и я ответил: «Мне трудно вникать в существо дела, но мне кажется, что нам необходимо срочно вылетать в Москву и прибыть туда завтра до отлета Брежнева. У нас мало времени, но мы успеем. В Свердловск нам ехать нельзя, — добавил я, — ибо этим можно вызвать недоумение у советской общественности. Кроме того, мы зададим много хлопот руководителям Свердловска».

Я не договорил при этом, но подумал, что отсутствие Косыгина при проводах Брежнева в Москве также может быть расценено как неуважение к первому лицу в партии и государстве и может стать предметом кривотолков о том, кто же остался вместо Брежнева в Кремле.

Алексей Николаевич сразу же распорядился готовиться к отъезду в Москву. Было около полуночи, и на сборы оставалось мало времени. Были подняты по тревоге все необходимые службы, и машина сработала весьма четко и быстро.

Когда я прибыл в резиденцию, чтобы взять свои вещи, мне сказали, что в моем номере не смолкает телефон. Вызывал

Свердловск. Начальник УКГБ по Свердловской области тонко и деликатно спросил меня о том, как проходит поездка и когда мы думаем завтра вылететь к ним. Я ответил, что мы вылетаем по графику, и доверительно добавил, что летим не к ним, а в Москву.

Я услышал в ответ вздох облегчения и слова благодарности за информацию. Со своей стороны, начальник УКГБ сообщил мне, что звонит по просьбе секретаря обкома, который в большом раздумье и не знает, что ему делать, как организовывать встречу, где поселять Косыгина в связи с приездом Брежнева и, главное, почему такая встреча должна произойти в Свердловске».

М. Докучаев не указал, что тем секретарем обкома, кто так беспокоился о прибытии к нему сразу двух руководителей страны, был Ельцин Борис Николаевич. Грубый до хамства с подчиненными, он всегда был очень заискивающим по отношению к начальству. Тогда к советскому, а потом к зарубежному… Докучаев завершил свой рассказ такими словами:

«Этот эпизод, который, надо полагать, был не единственным в жизни и деятельности А.Н. Косыгина, показывает, что во времена Брежнева имела место скрытая междоусобная борьба среди руководителей высшего эшелона власти и выживал в ней сильный и ловкий. Поэтому-то, наверное, А.Н. Косыгин, будучи больным, вынужден был подать в отставку. Он оказался первым в то время высоким советским руководителем, который по своей воле ушел на пенсию с поста члена Политбюро, Председателя Совета Министров СССР. Видимо, у него были весьма веские на то основания».

Устранив капризного Подгорного и заметно снизив влияние авторитетнейшего Косыгина, Брежнев приблизил к себе других людей, хотя все они были уже не новичками в Кремле, да и по возрасту немногим уступали самому Генсеку. И тут прежде всего следует выделить сакраментальную фигуру Черненко. Это типичный случай в политической истории, когда «брадобрей» (адъютант, секретарь, помощник) становится вторым лицом в государстве или даже правит от лица правителя. Черненко, конечно, не правил, но влияние его на Брежнева с середины семидесятых годов было чрезвычайно сильно.

Осведомленный В. Чазов рассказал о ревности Брежнева к Косыгину, как тот стойко переносил эти несправедливые напасти, как он тяжело заболел, но благополучно вылечился и приступил к работе:

«Это был уже не тот Косыгин, смело принимавший решения, Косыгин — борец, отстаивающий до конца свою точку зрения, четко ориентирующийся в развитии событий. После ухода в 1978

году на пенсию К.Т. Мазурова остался лишь один первый заместитель Председателя Совета Министров — Тихонов, который активно забирал власть в свои руки, пользуясь прямыми связями с Брежневым. Это был человек Брежнева, преданный ему до конца. Но и по масштабам знаний, и по организаторским возможностям ему было далеко до Косыгина. Экономика страны потеряла своего талантливого руководителя».

В этот период на политическую арену активно выходит Черненко. Для многих в стране, да и в окружении Брежнева его быстрый взлет на самые первые позиции в руководстве партии был неожиданностью. Однако, если исходить из нарастающей недееспособности Брежнева, которому в связи с этим требовался честный, преданный и ответственный человек, в определенной степени второе «я», то лучшей фигуры, чем Черненко, трудно было себе представить. Его пытаются изобразить р простым канцеляристом, оформлявшим документы. Это глубокое заблуждение. Да, он не был эрудитом, не имел он и своих идей или конструктивных программ. Ему было далеко не только до Андропова или Косыгина, по даже до догматика Суслова. Но вряд ли кто-нибудь лучше, чем он, мог обобщить коллективное мнение членов Политбюро, найти общий язык в решении вопроса с людьми прямо противоположных взглядов — Андроповым и Сусловым, Устиновым и Косыгиным. Но самое главное, благодаря чему он всплыл на поверхность, было то, что никто лучше его не понимал, чего хочет Брежнев, и никто лучше Черненко не мог выполнить его пожелания или приказания.

О Черненко написано теперь много, гораздо больше, чем эта незначительная личность того заслуживает, такое часто случается в мире, причем не только в отношении отдельных личностей, но и целых исторических событий. Например, знаменитый историк В.О. Ключевский остроумно заметил об известнейшем восстании декабристов: то была историческая случайность, обросшая литературой… В случае с бедным Черненко история повторилась уже комическим образом, ведь ни злодеем, ни заговорщиком он не был даже в мыслях.

Внимательный наблюдатель кремлевской жизни генерал-политработник Волкогонов собрал и обнародовал много сплетен, в том числе и об отношениях Генсека с Черненко:

«Пожалуй, он (Брежнев) был единственным из высших советских вождей, кто имел персонифицированного фаворита. В «классическом» выражении. Это знало все высшее руководство. При всей закрытости жизни партийного клана ведали об этом и многие советские люди. Хорошо известно было и заграницe, кто является фаворитом Брежнева.

Вы это тоже знаете: Константин Устинович Черненко. Познакомились Брежнев и Черненко в июле 1950 года в Кишиневе, где уже два года Константин Устинович работал заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК республики, а Леонид Ильич приехал, чтобы «избираться» первым секретарем, фактически советским губернатором Молдавии. Их отношения были не дружбой, а скорее деловыми контактами благожелательного патрона с одним из своих подобострастных подчиненных. Но у Брежнева что-то осталось в душе и памяти об этом среднего роста, сутуловатом человеке с невнятным говорком. Черненко никогда шефу не возражал, был строго пунктуален, всегда кстати приносил нужную справку, делал вовремя нужное предложение, исправно поставлял Брежневу тексты многочисленных речей, выступлений, статей «первого» для республиканской газеты. Конечно, писал их не Черненко; он никогда так и не научится складно «лепить» фразы ни устно, ни письменно».

Да, верю, стареющему Брежневу, уже переутомленному выпавшей на него огромной ответственностью, нужен был такой тихий, неприметный, ненавязчивый и уж совершенно преданный помощник. Он был ему благодарен и в знак признательности постоянно повышал в партийных чинах и разного рода награждениях. Выглядело это комично.

Опытный аппаратный работник ЦК В. Прибытков осведомленно сообщил о немыслимом взлете Черненко все необходимые подробности:

«1976 год — за отличную подготовку и проведение XXV съезда партии (вся организация съезда — на Общем отделе, возглавляемом Черненко) он избирается секретарем ЦК и награждается Звездой Героя Соцтруда. При этом остается, как и раньше, заведующим «стратегическим» Общим отделом!

Вообще, пока Брежнев будет у руля, Черненко непременно будет у руководства Общим отделом. Никто даже не мог помыслить, чтобы этот отдел возглавил кто-то иной — не столь близкий и преданный Брежневу человек. Только Черненко! В этом, кстати, мудрость Брежнева, которого иногда недооценивают, пытаются представить чуть не выжившим из ума стариком. Где это было нужно, он был хорошим стратегом и тактиком: Черненко знал многие партийные тайны, и не было никакого смысла увеличивать число людей, к ним допущенных. Черненко — в этом не раз мог убедиться Брежнев и его окружение — вполне предан, умеет держать язык за зубами и не способен на предательство… Снова служебная лестница!

1978-й — Черненко — кандидат в члены Политбюро,

оставаясь при этом заведующим тем же самым Общим отделом! 1979-й — член Политбюро. Общий отдел — при нем! Никуда не девается! Черненко был единственным членом Политбюро, который продолжал заведовать отделом! Это «заведование» дает ему особый статус — он может не просто по-приятельски, а и по делу входить, звонить напрямую, минуя помощников и секретарей, обращаться к Генсеку в любое время дня и ночи. Подобной привилегией обладали далеко не все секретари ЦК».

Второй опорой Брежнева в Кремле становится в те же годы всемогущий глава оборонки, выдвиженец самого Сталина еще во время войны Дмитрий Федорович Устинов. По своим личным качествам, да и по характеру жизненного пути он был полной противоположностью вялому и бесхребетному Черненко. Сходство у них обнаружилось только в одном, это печально сказалось на жизни страны. Оба они были коренные русаки из простых трудовых семей, всегда оставались горячими русско-советскими патриотами, боготворили великое Советское государство, ни о каких злоупотреблениях не могли и помыслить. Но… оба смутно разбирались в идеологии, а в этой области и шла главнейшая тогда борьба между миром социализма и буржуазным. Они ничего не могли противопоставить советникам Брежнева, которые все были одной масти и исподволь, осторожно готовили будущие большие потрясения и перевороты. А министр обороны Советского Союза даже на свое огромное дело смотрел лишь как простой хозяйственник.

«Помощник всех генсеков» известный А. Александров-Агентов, деятель совсем не патриотического лагеря, дал высокую оценку Устинову, оценку вполне объективную:

«Пожалуй, самым близким из окружения Леонида Ильича Брежнева по руководству партией и страной был Дмитрий Федорович Устинов…

Брежнева и Устинова объединяло многое. Начать с того, что это были люди практически одного возраста — Устинов был на два года моложе Брежнева. Между ними было большое сходство и в плане, я бы сказал, культурного уровня и профессиональной направленности. Как и Брежнев, Устинов был довольно далек от всякого рода культурных проблем. Более того, я бы сказал, что между ними было очень большое сходство характеров, чисто человеческих качеств. Устинов, как и Брежнев, был человеком общительным, доброжелательным, оптимистом по натуре. Им легко было понимать друг друга, они во многом одинаково смотрели на окружающий мир. Однако по характеру Устинов был намного тверже и решительнее Брежнева. И, уж конечно, был гораздо более неутомимым работником. От его помощников я

знаю, что Устинов никогда не работал меньше 12 часов в день, но часто больше. И, как правило, приезжал на работу в выходные дни. Тут, конечно, сказывались привычки, выработанные еще в годы войны и вообще в те времена, когда он входил в ближайшее окружение Сталина».

Надо признать, что деловые и человеческие качества Устинова ценили, видимо, все, во множестве мемуарных свидетельств о нем не сыскать ни одного резко отрицательного суждения. Среди многих отзывов такого рода приведем лишь один, принадлежащий много знающему работнику ЦК В. Болдину (из его позднейших воспоминаний):

«Я неплохо знал Д.Ф. Устинова, ибо еще в 1965 году по его просьбе некоторое время работал с ним, хотя тогда уже готовился и сдавал экзамены для поступления в Академию общественных наук. Он попросил помочь ему, «пока будет входить в курс нового дела». В то время его избрали секретарем ЦК, и он курировал вопросы оборонной промышленности и химии. Я видел его в работе. Он обладал тогда достаточно хорошим здоровьем, огромной работоспособностью, сохранившейся еще, видимо, с военных лет. Дмитрий Федорович ежедневно приходил к 8 часам утра и уходил после 12 ночи, а часто и позже. В его кабинете постоянно были люди, проходили большие совещания, приглашались крупнейшие ученые, военачальники, конструкторы…

Вел заседания Д.Ф. Устинов жестко, по-деловому, давал высказаться всем, но решения принимал сам или просил подготовить их для рассмотрения на Совете Обороны или в Политбюро ЦК. После таких многочасовых заседаний Дмитрий Федорович оставлял еще некоторых конструкторов и долго обсуждал конкретные вопросы, часто звонил на места, иногда в далекие восточные районы, несмотря на то, что в Москве было 2–3 часа ночи. В результате огромной работы того периода и были заложены принципы и основы современной оборонной мощи и развития военно-промышленного комплекса. В последующем с переходом на работу в Министерство обороны Д.Ф. Устинов приобрел такой вес и поддержку среди военных и работников-оборонщиков, что являл собой по существу главную и авторитетную фигуру в Политбюро, правительстве и государстве».

Итак, Устинов, как и Черненко, были управленцами, причем первый из них даже талантливым, но оба — именно управленцы, а не политические руководители. В идеологических делах они разбирались совсем уж неважно, в вопросах культуры, даже в простейших советских измерениях, не были сведущи вовсе. Своих

следов в этом они не оставили никаких. Теперь, вспоминая такое, можно лишь грустно вздохнуть…

Свято место пусто не бывает. Суслов и Андропов, прямо руководившие идеологическими вопросами, были крайне осторожны и резких движений в этой области предпринимать не решались. Конечно, оба они враждебно относились к первым начавшимся при них шагам русского возрождения, а Андропов даже тайно сочувствовал евтушенкам и прочим шатровым. Но к Брежневу они с этим не ходили. (Помнили, конечно, чем завершилась скандальная вылазка Александра Яковлева.)

Однако с этого фланга на Генсека влияли совсем иные люди, неизмеримо более нижестоящие по партийной номенклатуре. Их имена уже назывались, включая известного Г. Арбатова. С середины семидесятых возросло тайное воздействие главного брежневского помощника — Г. Цуканова. Тот же Арбатов откровенно свидетельствует, что первые годы, находясь рядом с Брежневым, он всего лишь «помогал ему в делах, связанных с общим руководством оборонной промышленностью. После того, как Брежнев занял пост Генерального секретаря, Цуканов, функции которого стали более широкими, начал помогать ему в экономических, а со временем и в других делах. И для этого (сказалась, видимо, привычка руководителя крупного дела, каким был завод) привлекал в качестве экспертов специалистов, которым склонен был доверять. Не могу сказать, чтобы у него с самого начала были четкие идейно-политические позиции по вопросам, вокруг которых развертывалась особенно острая борьба, — о Сталине и курсе XX съезда, и о мирном сосуществовании и других; он раньше просто стоял от них в стороне. Но быстро определился. Не в последнюю очередь потому, что, лично зная многих консерваторов, роившихся вокруг Брежнева, относился к ним с глубокой антипатией. Может быть, это заставляло искать людей, определенным образом настроенных, нередко спрашивая совета у Андропова, которому очень доверял. В число тех, кого привлекали для выполнения заданий Брежнева либо для рецензирования поступающих к нему от других помощников материалов, попали Н.Н. Иноземцев, А.Е. Бовин, В.В. Загладин, автор этих воспоминаний, а также Г.Х. Шахназаров, С.А. Ситарян, Б.М. Сухаревский, А.А. Агранович и некоторые другие».

Строки эти писались и публиковались осторожным всегда советником Арбатовым в пик горбачевской «перестройки», когда уже почти все скрепы великой Советской державы были подточены. Вот почему непривычно откровенен мемуарист — ив отношении подлинной роли всегда державшегося в густой тени

Цуканова, и в особенности — в приводимом им списке иных влиявших на Генсека лиц. О, этот список и в самом деле заслуживает внимания! Отметим прямо и четко: русских там нет ни одного, малоизвестный Ситарян, видимо, армянин, зато все остальные, включая Цуканова и самого Арбатова… они вполне могли бы обрести ныне двойное гражданство, и нет никаких сомнений, какое именно. Вот эти-то люди нашептывали дряхлеющему Брежневу про опасных «консерваторов-сталинистов», о необходимости дружбы с Западом и готовили будущих «перестройщиков». Отпора всем им в окружении Генсека тогда уже не находилось.

В заключение следует привести краткое, но очень точное наблюдение осведомленного сотрудника партийно-государственного аппарата Ю. Королева, опубликованное много лет спустя после событий:

«Итак, в 1977 году президентом опять стал теперь уже семидесятилетний, довольно потрепанный жизнью Леонид Ильич Брежнев. Что-то в нем сильно изменилось, видно, не прошли даром годы политических баталий, напряженная работа на посту Генсека, разного рода излишества. Заматерел и обрюзг некогда привлекательный мужчина. Только, пожалуй, густые брови остались неизменными, что породило в народе выражение: «Бровеносец в потемках».

Правда, был он еще довольно энергичен. Председатель занялся делами сразу же: как большими государственными, так и партийными — беседы, встречи, совещания».

И именно в эту пору Брежневу довелось пережить неожиданное и никем не предвиденное испытание, которое легло на страну тяжким бременем, последствия которого, к несчастью, пережили самого Генсека. Речь идет о взрыве в соседней мирной стране Афганистан.

Сколько же нелепейших домыслов гуляет до сих пор в умах нашего народа о причинах возникновения этой несчастной войны! Что Брежнев был уже в «отключке» и ему кто-то подсунул это нелепое решение. Назывались имена Андропова, Громыко, Устинова, Тихонова или их всех сразу. Или такая вот байка: и Брежнев, и все они четверо были уже без разума, а кто-то за них решил…

Все это вздор. Теперь, основываясь на документах, которые уже опубликованы, мы можем объективно в этом деле разобраться.

На карте мира Афганистан кажется небольшой страной, особенно в сравнении со своим северным соседом — огромным Советским Союзом. Это впечатление обманчиво, Афганистан

гораздо больше Франции, хотя его население (до всех трагических событий) ненамного превышало 20 миллионов человек. Разноплеменный народ страны всегда отличался патриотизмом и свободолюбием. Британская империя в расцвете своего могущества трижды пыталась покорить Афганистан и трижды терпела военное поражение. С Россией и с Советским Союзом у Афганистана всегда были самые мирные, самые дружеские отношения. О том, почему туда были введены наши войска, объективно и точно рассказал, уже находясь в отставке, А.А. Громыко:

«Афганистан много пережил. И все же особое место в его истории занимают события последних лет, после революции И апреля 1978 года и образования Республики Афганистан.

Советский Союз исходил и исходит из того, что только афганский народ имеет право решать свою судьбу. Однако события повернулись так, что афганское общество раскололось. Потоками полилась кровь людей. Та часть общества, которая не приняла революции и вызванных ею преобразований, встала на путь вооруженной борьбы против новой законной власти, опираясь на внешние силы.

5 декабря 1978 года был подписан советско-афганский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Он предусматривает, что СССР и Афганистан будут консультироваться и с согласия обеих сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран, в интересах укрепления обороноспособности сторон продолжать развивать сотрудничество в военной области.

В соответствии с этим договором правительство Республики Афганистан обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать вооруженную поддержку афганской народной армии, отстаивавшей завоевания Апрельской революции.

Эта просьба взвешивалась в Советском Союзе долго и тщательно. В конце концов Политбюро ЦК КПСС единогласно приняло решение об оказании такой помощи. При этом руководство Советского Союза действовало в соответствии с Уставом ООН, которым предусматривается право любого государства обратиться к любому другому государству с просьбой о помощи. Число обращений, направленных из Афганистана в адрес СССР, тогда превышало десяток.

Дополнительную остроту обстановке придало убийство генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана Тараки, от правительства которого исходили просьбы о помощи. Этот кровавый акт произвел гнетущее

впечатление на все советское руководство.

В конце концов в такой обстановке и было принято решение о введении ограниченного контингента советских войск в Афганистан.

После того как это решение было принято на Политбюро, я зашел в кабинет Брежнева и сказал:

— Не стоит ли решение о вводе наших войск оформить как-то по государственной линии?

Брежнев помедлил с ответом. Потом взял телефонную трубку:

— Михаил Андреевич, не зайдешь ли ко мне? Есть нужда посоветоваться.

Появился Суслов. Брежнев информировал его о нашем разговоре. От себя он добавил:

— В сложившейся обстановке, видимо, нужно принимать решение срочно — либо игнорировать обращение Афганистана с просьбой о помощи, либо спасти народную власть и действовать в соответствии с советско-афганским договором.

Суслов сказал:

— У нас с Афганистаном имеется договор, и надо обязательства по нему выполнять быстро, раз мы уж так решили. А на ЦК обсудим позднее.

Состоявшийся затем в июне 1980 года Пленум ЦК КПСС полностью и единодушно одобрил решение Политбюро.

Еще во время рабочих совещаний перед принятием окончательного решения о вводе наших войск начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР маршал П.В. Огарков высказывал мнение о том, что отдельные части афганской армии могут оказать сопротивление. Однако этого не было. Наблюдалось противоположное: подразделения и части афганской армии встречали советских солдат радушно.

Первоначально предполагалось, что наши войска будут только помогать местным жителям защищаться от вторгшихся извне банд, оказывать населению содействие продовольствием и предметами первой необходимости, горючим, тканями, мылом и т. д.

Мы не хотели ни увеличивать численность своего контингента, ни втягиваться в серьезные военные действия. Да и разместились наши войска в основном гарнизонами в городах. Только по истечении полугода наш контингент начал принимать участие в отражении нападений вооруженных бандформирований, проникавших в Афганистан. Пик боевых действий пришелся на 1984–1985 годы».

Громыко изложил положение дел в Афганистане точно и объективно, однако касаясь лишь поверхностных явлений. Да,

заключения специалистов из Минобороны, КГБ и МИДа были в Политбюро получены, однако по замшелой марксистской традиции, которая существовала, к несчастью для нашего народа, вплоть до самого развала СССР, эти добросовестные советники не могли осознать мистической сущности Афгана: народ этой страны чужих войск не переносит, будь эти войска хоть и самой дружественной страны. Вот в чем была суть вопроса, но Громыко, даже постфактум, этого так и не понял.

Неопровержимые факты с очевидностью свидетельствуют: наши части, входившие в ту свободолюбивую страну, народ встречал приветствиями и цветами. Да, именно так было, о чем сегодняшние «демократические» политиканы предпочитают не вспоминать. Но потом… Вошли, а дальше что? А дальше ничего. Суть в том, что Брежнев и его престарелые сотоварищи по Политбюро никаких уже стратегических вопросов политики не понимали. Ни внешней, ни внутренней. Это обернулось бессмысленной трагедией в Афгане и застоем в СССР.

Тяжкие последствия этого известны и понятны теперь всем…

Интересные подробности о военном решении вопроса в Афганистане засвидетельствовал Волкогонов, тогда генерал-лейтенант Главпура. Уже говорилось, что доверять этому политическому перевертышу надо с опаской, но в данном случае ему пришлось быть объективным: сам в том деле участвовал и даже агитировал там в войсках и кишлаках. Он со знанием дела описывает события в конце 1979 года:

«Весь сентябрь шла борьба между Тараки и Амином, завершившаяся сначала попыткой убийства последнего, а затем официальным отстранением лидера афганской революции от власти и его арестом.

Амин стал генеральным секретарем НДПА, председателем Революционного совета, премьер-министром и министром обороны… Уж он не промахнулся… Об арестованном Тараки 9 октября 1979 года кабульское радио мельком сообщило, что бывший генсек НДПА и его жена скоропостижно скончались… В действительности же Тараки был задушен подручными Амина на тюремной койке.

Брежнев был шокирован, возмущен, потрясен. Он ведь совсем недавно, три недели назад, с почестями принимал Тараки в Москве, у себя в кабинете, обещал ему всяческую поддержку (пока кроме помощи войсками), а здесь такое вероломство! Посол в Кабуле А. Пузанов, генерал армии И.Г. Павловский сообщили в Москву об очередном акте афганской трагедии: лидеры так называемой «апрельской революции» начали пожирать друг друга.

Амин слал в Москву телеграмму за телеграммой, просил Брежнева принять его: он все объяснит. Тараки, писал новый афганский лидер, сам стал инициатором междоусобицы. «Я прошу Вас принять меня», — в отчаянии телеграфировал Амин. Подозревая, что его телеграммы не доходят до Кремля, он передал конфиденциальное письмо кремлевским руководителям через советского советника генерала В.П. Заплатана. В послании Амин уверял в своей полной лояльности Москве и вновь просил Брежнева принять его.

Но песня его была спета. В Кремле уже решили покончить с ним и поставить во главе «революции» новую марионетку — Б. Кармаля…

На заседании Политбюро 6 декабря 1979 года приняли решение: согласиться с предложением Ю.В. Андропова и Н.В. Огаркова (начальник Генштаба) о направлении «для охраны резиденции Амина» специального отряда ГРУ ГШ «общей численностью около 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежность к Вооруженным Силам… В связи с тем, что вопросы о направлении отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолетами военно-транспортной авиации в первой декаде с.г.

…Я оказался в Кабуле для укомплектования и налаживания работы агитотрядов подразделений спецпропаганды. В те годы я был начальником этой службы, которую американцы называли «службой психологической войны». Агитотряды, сопровождаемые обычно усиленным взводом, а то и ротой, колесили, особенно в первые годы после вторжения, по провинциям Афганистана. Я был в одном рейде. Мужчины в кишлаках сразу же убегали в горы. По машинам стреляли. Звукоустановки часами убеждали мусульман поддержать Апрельскую революцию, объясняли, зачем сюда пришли «шурави» (советские). Иногда выходили к бронетранспортерам десяток-другой стариков, дети. Настороженно брали у солдат кулечки с мукой, чай, сахар, конфеты, игрушки и уходили молча в свои бедные жилища.

Диалога обычно не происходило. Мы были в их глазах, как и англичане здесь в XIX веке, завоевателями. Постепенно враждебность и пустота вокруг советских войск в Афганистане нарастали… Уже тогда многие офицеры были убеждены в глубокой бесплодности нашей миссии. Полковник Ю.И. Шершнев, работавший в моем ведомстве, открыто говорил об ущербности советского военного вмешательства. Он даже написал об этом записку в ЦК. Мне с трудом удалось защитить его от неизбежных неприятностей.

В январе 1980 года, через месяц после вторжения, Политбюро

направило в Кабул шефа КГБ Ю.В. Андропова для бесед с новыми афганскими руководителями. По возвращении в Москву, 7 февраля, высокий посланец доложил партийной коллегии. В целом Андропов считал устранение Амина правильным, после чего «положение в стране улучшилось». Поддержавший все положения Андропова Устинов легковесно заявил, что наш «ограниченный контингент до окончательной стабилизации в Афганистане пробудет год, а то и полтора…». Брежнев, подводя итоги обсуждения, предложил «увеличить численность войск в Афганистане…». Хотя еще в начале января первоначальную численность войск уже увеличили на 50 тысяч человек».

Мы привели только два свидетельства в связи с вводом наших войск в Афганистан, их сохранилось еще немало, но все единодушны в одном: во-первых, Брежнев никак уж не был вдохновителем той несчастной кампании, а во-вторых, и это главное, он уже плохо руководил событиями, следуя подсказкам приближенных и советников.

И тут самое время вспомнить о советниках. Где были тогда все эти сверхвлиятельные шептуны в брежневское ухо, эти иноземцевы — агентовы, как мы их тогда именовали? Вот, например, тайный сверхлиберал и еще более тайный антикоммунист Волкогонов помалкивал, даже несчастным феллахам вдалбливал что-то про «братскую помощь». Но он хоть печатно признался в этом, а все иные? Не подали ведь в отставку Арбатов, Бовин, Загладин, Шахназаров и все прочие, хотя потом дружно осуждали то самое «вторжение». А тогда? Нет, держались за теплые и влиятельные места, возражений не высказали, а может быть (это, конечно, предположение), даже злорадствовали… Уж пусть быстрее рухнет этот социализм, запрещающий «свободный рынок». Быстрый антикоммунистический вираж Волкогонова это подтверждает.

При оставшихся днях жизни Брежнева положение в Афганистане в принципе не изменилось. Шли там вялые военные действия, потери наших войск были невелики. Очевидно, Леонид Ильич махнул на это дело рукой, возложив ответственность на Устинова и Андропова, а главное — по русской привычке надеясь на всемогущий авось…

Тут в Кремль постучалась новая беда: резко обострилось политическое положение в Польше. На этот раз речь шла не о фрондирующей молодой интеллигенции, руководимой местными сионистами (по примеру своих чешских собратьев), как то было в 1968 году, нет, выступил с дружными забастовками рабочий класс.

Одряхление кремлевского руководства немало

способствовало всяческим политическим брожениям в социалистическом лагере Европы. Местные просоветские руководители, тоже уже лица преклонного возраста, чувствовали некоторую неуверенность, прекрасно зная о состоянии больного Брежнева и не имея никакой уверенности, кто будет его наследником. Они все помнили, что начал творить Хрущев, придя к власти в Советском Союзе после кончины Сталина.

В Польше антисоветские и традиционные антирусские настроения были особенно велики в части пробуржуазно настроенного польского общества. На Западе польские эмигрантские центры были чрезвычайно сильны и действенны, их пропагандистское влияние на социалистическую Польшу было несравнимо с аналогичным же в любой иной европейской стране. К тому же польское руководство тогда вело крайне неудачную социально-экономическую политику, приведшую к перебоям с продовольствием и сильному повышению цен.

В августе 1980 года политический кризис в Польше приобрел открытый и массовый характер, вспыхнули забастовки, центром которых стали крупные балтийские судоверфи. Внезапно возник псевдопрофсоюз «Солидарность», явно руководимый из-за рубежа. Католическая церковь, ведомая националистами и опираясь на антисоветский (антирусский) Ватикан, еще более накаляла обстановку в стране.

В Польше в любой миг мог случиться антисоциалистический переворот, более резкий и острый, чем то могло быть в Чехословакии двенадцать лет назад. В Кремле открыто стали обсуждать вопрос о возможном введении войск в Польшу, ибо переворот там вызвал бы цепную реакцию во всей Восточной Европе.

28 августа 1980 года Андропов, Громыко, Суслов, Устинов и Черненко подали Брежневу записку всего на одной странице. Вот ее краткое изложение: «Обстановка в ПНР продолжает оставаться напряженной. Забастовочное движение приобретает общегосударственный масштаб». Далее в документе испрашивалось разрешение «на случай оказания военной помощи ПНР» привести с 18.00 29 августа в полную боевую готовность три танковые дивизии (ПрибВО-1, БВО-2) и одну мотострелковую дивизию (ПрикВО). Предусматривалось в общей сложности призвать из запаса 100 тысяч военнообязанных и 15 тысяч машин из народного хозяйства.

«При дальнейшем обострении обстановки в Польше, — говорилось ниже в записке, — потребуется доукомплектовать также дивизии постоянной готовности Прибалтийского, Белорусского, Прикарпатского военных округов до штатов

военного времени, а при выступлении на стороне контрреволюционных сил основных сил Войска Польского увеличить группировку наших войск еще на пять-семь дивизий…»

Легко себе представить, какая кровавая каша могла бы завариться на западных границах Союза! Поляки — народ лихой и свободолюбивый, это не чехи, вечно кому-то подчинявшиеся. И это еще вдобавок к тому, что на наших южных рубежах уже шла затяжная война.

Стареющий Генсек и тут нашел в себе осторожную мудрость и рискованный шаг своих соратников не поддержал. Говорят, что по прочтении названной бумаги Брежнев долго думал, а потом сказал:

— Повременим пока…

Что ж, на этот раз «повременили» успешно. В Польше нашелся сильный политический руководитель, генерал Ярузельский, который сделал с мятежом то, что не сумели сделать в Москве и Ленинграде жалкие убожества из ГКЧП: вожаков мятежа забрали и изолировали, народу дали некоторые облегчения и еще больше пообещали. Социализм в Восточной Европе был продлен еще на одно десятилетие.

Личная заслуга в этом Леонида Ильича чрезвычайно высока.

Застой и закат

О последних годах и днях жизни главы Советского государства Леонида Ильича Брежнева вспоминать, а тем паче писать трудно и тяжело всякому российскому гражданину, любящему свою Родину. И напротив, охотно глумятся над ним наемные журналюги и пошлые эстрадники: «бровеносец в потемках», «сосиски ср…е» (вместо «социалистические страны»), всякое прочее в том же духе. Да, были и густые характерные брови, и очевидные, весьма неприятные недостатки речи. Но это не забава, а трагедия. Для него самого и страны.

…В Вене состоялось подписание поистине исторического договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2). Подписывали Брежнев и президент США Д. Картер. Громыко вспоминал о том:

«…18 июня 1979 года. Дворец Хофбург. Обстановка торжественная. Залы блестят. Они не раз становились свидетелями важных встреч, результаты которых накладывали определенный отпечаток на европейскую историю.

Приближается момент подписания договора. Юристы уже не раз проверили точки и запятые в документе. Упаси боже, чтобы какой-либо неположенный прыжок одной или другой из них исказил смысл важного документа. Ведь его ожидает весь мир.

Церемония происходит в Редутном зале дворца. Оба руководителя делегаций берут ручки, присаживаются поудобнее и ставят свои подписи.

Не успели они еще привстать, как я задаю министру обороны СССР Дмитрию Федоровичу Устинову — мы стоим чуть сбоку — вопрос:

— Как думаешь, расцелуются или нет?

— Нет, — слышу в ответ, — незачем целоваться.

— Не уверен, — ответил я. — Хотя согласен, необязательно прибегать к этому жесту.

Но нас обоих в общем приятно удивила инициатива, которую проявил Картер. Договор скрепился поцелуем — в зале раздались аплодисменты».

Как видно, даже близкие соратники Брежнева, по-доброму к нему относившиеся, посмеивались над его любовью к поцелуям в любых подходящих (и не очень подходящих) случаях. Но бывало и похуже.

Подписанию договора об ОСВ-2 предшествовали переговоры Брежнева и Картера один на один. Переводчик В. Суходрев приводит подробности:

«Тогда Брежнев уже без бумажки ничего не произносил. Беседа один на один заключалась в том, что Брежнев зачитывал подряд заранее приготовленные тексты, плохо воспринимая то, что говорил в ответ Картер. Для того чтобы отреагировать на возможные вопросы, несколько заготовок дали и мне. В случае необходимости я должен был передать их Брежневу. Среди бумаг одна была особой. Все зависело от того, как Картер поставит вопрос: или следовало читать всю заготовку ответа, или только половину. Когда Картер задал вопрос, я зачеркнул в тексте ненужную часть и передал листок Брежневу. Он начал читать и, добравшись до зачеркнутого, обернулся ко мне: «А дальше читать не надо?» — «Не надо», — ответил я и с ужасом посмотрел на Картера и его переводчика, которые внимательно наблюдали за этой сценой, прекрасно понимая, что происходит. Мне стало по-настоящему стыдно».

Тут только можно добавить известную фразу: за державу обидно… Эти «обиды», невольно наносимые дряхлеющим Генсеком своему терпеливому народу, со временем множились, вызывая раздражение.

Да, в памяти нашего народа об этом подписании ОСВ-2 осталось именно такое: нелепые целования, затруднения с чтением бумаг… Так, но объективно-исторически это совсем несправедливо к истинной оценке Брежнева-политика. Ведь договор об ограничении ядерных арсеналов двух сверхдержав был поистине крупным достижением советской дипломатии, более чем на два десятилетия он установил некую передышку в смертельной и уже совершенно ненужной гонке ядерных боезапасов. Это забыто, а память о поцелуях осталась. Ныне, когда Соединенные Штаты по-наглому «кинули» обрезанную Российскую Федерацию с этим самым ОСВ-2, впору бы задуматься над истинной, а не карикатурной оценкой Брежнева во внешней политике.

Но, увы, Генсек порой и в самом деле выглядел почти карикатурно, что с огорчением подмечалось советскими патриотами и вызывало нескрываемое злорадство всех наших врагов. Сохранилось бесчисленное число свидетельств немощного состояния Генсека в его последние годы. Вот мнение сотрудника ЦК В. Печенева:

«Дело в том, что в последние годы жизни Брежнев (и это я видел собственными глазами) и физически, и интеллектуально был не в состоянии руководить партией и страной, тем более руководить единолично. Хотя и публично, и в кулуарах поддерживалась (да и сегодня пропагандируется некоторыми людьми) обратная версия, удобная кое-кому, поскольку снимает с

них ответственность. Однако по мере ухудшения состояния здоровья Брежнева (очевидного для всей страны и всего мира) эта версия принимала все более анекдотичный вид. В то же время нельзя сказать, что кто-то вертел им, как хотел, а сам Брежнев вообще перестал играть какую-то роль. Ситуация была более сложной и запутанной, более драматичной для такой великой державы, как наша».

Вот еще свидетельство одного очень осведомленного лица — брежневского охранника В. Докучаева:

«Брежнев страдал недугом. Он плохо говорил и стеснялся этого дефекта, хотя жизнь и положение требовали от него выступлений с длинными докладами. Кроме этого, он еле передвигался и не мог подниматься по лестницам. Все это создавало массу проблем для сотрудников протокола и безопасности. Это видели иностранные представители, посещавшие Советский Союз с визитами, и особенно журналисты, которые буквально охотились за ним, фотографировали его и изучали, чтобы дать свой прогноз о возможной его смерти. Они понимали, что это событие может привести к серьезным переменам в жизни советского общества».

Даже А. Громыко, остававшийся соратником Брежнева и ему даже симпатизировавший, признался в позднейших своих мемуарах, написанных уже после кончины старого Генсека:

«Надо сказать, что в последние два-три года до кончины он фактически пребывал в нерабочем состоянии. Появлялся на несколько часов в кремлевском кабинете, но рассматривать назревшие вопросы не мог. Лишь по телефону обзванивал некоторых товарищей. Для большинства руководящих работников, особенно в Центре, становилось ясно, что силы его на исходе. Не смог он укрепиться в мысли о том, что пора честно сказать о невозможности для него занимать прежнее положение, что ему лучше уйти на отдых. Вполне возможно, что, избрав именно такой путь, он мог бы еще свою жизнь и продлить.

Состояние его было таким, что даже формальное заседание Политбюро с серьезным рассмотрением поставленных в повестке дня проблем было для него уже затруднительным, а то и вовсе не под силу».

Да, Брежнев был уже тяжело болен, да, он плохо контролировал порой свои поступки, да, некоторые из них казались уже тогда, и кажутся теперь, нелепыми и даже анекдотичными. Один из тогдашних брежневских помощников, весьма либеральный А. Черняев, деятель того же «разлива», что и более известные Иноземцев и Арбатов, описал в позднейших мемуарах вроде бы смешной, но весьма печальный случай:

«Александров рассказал такую «историю». Леонид Ильич очень любил смотреть многосерийку «Семнадцать мгновений весны». Смотрел раз двадцать. Однажды, когда в финале фильма Штирлицу сообщают, что ему присвоено звание Героя Советского Союза, Брежнев обернулся к окружающим и спросил: «А вручили уже? Я бы хотел сделать это сам». Рябенко (начальник охраны) стал хвалить актера Тихонова. Другие подхватили. Брежнев прервал их: «Так за чем же дело стало…» И через несколько дней лично вручил Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина… артисту Тихонову в полной уверенности, что это и есть Штирлиц. Блатов (другой помощник Брежнева, а потом Андропова и Черненко) добавил: «Вы, Андрей Михайлович, при этом не присутствовали. А я там был сам, на вручении Звезды. И то, что при этом Леонид Ильич говорил, не оставляло сомнений в его уверенности, что все подвиги Штирлица совершил именно Тихонов!»

Мы никак не намерены сплетничать или тем паче злословить в отношении благодушного старца, впавшего в возрастную немощь, однако еще один случай нельзя не воспроизвести для полноты общей картины событий. Осенью 1981 года Брежнев приехал вручать награды в Баку:

«На торжественном республиканском заседании в Баку, посвященном 60-летию Азербайджана, многочисленная свита Брежнева переусердствовала и всучила ему текст выступления, которое он должен был произносить не в этом, а совсем в другом месте и только на следующий день.

В течение нескольких минут Генеральный секретарь старательно, добросовестно, с расстановкой читал написанное, не реагируя на подаваемые из-за кулис реплики. В конце концов его помощник приблизился к трибуне и дернул его за рукав.

— А-а-а? — обернулся Брежнев и, получив комплект совсем другого доклада, улыбнулся в зал. — Я не виноват, товарищи!..

Все не только посмеялись, но даже поаплодировали этой шутке».

За этот случай, произошедший, так сказать, в своем кругу, можно было особенно не переживать. Но вот на Брежнева перед всей страной и миром посыпался непрерывный дождь наград. Начиналось это так:

«Особая волна вручения подарков пришлась на семидесятилетие Брежнева, в конце 1976 года. Иностранные представительства считали своим долгом, зная нравы Генсека, преподнести ему что-то нетленное. Не отставали и местные руководители. Не стану называть весь перечень картин, часов, кубков, дорогой видеотехники и прочих и прочих даров. Да всего

я и не знаю. Но о судьбе одного подарка должен сказать. Речь идет о драгоценном чороне — якутском национальном сосуде для кумыса. Якуты решили преподнести Брежневу такой подарок, какой не мог сделать никто. Одновременно он должен был показать возможности Якутии, щедрость этого народа. Чорон изготовил народный художник РСФСР Т. Амосов. Работа над ним кипела не один месяц. Он выточил из редкого по величине бивня мамонта кубок, подготовил места, где должны быть вставлены бриллианты и другие драгоценные камни с серебряными оправами. Пять кристаллов природных алмазов редчайшей чистоты общим весом почти 12 каратов отправили на ювелирный завод для гранения и изготовили оправы. Работу эту вели московские гранильщики, и из пяти камней сделали шесть бриллиантов. Кроме того, из обрезков камней были выточены бриллианты для 12 роз. На московской ювелирной фабрике изготовили три ножки для кубка и пластинчатый обруч. Отлили из серебра шесть фигурных оправ, в которые было вставлено по бриллианту. В трех верхних оправах между бриллиантом и розами вставили по два альмандина — красных драгоценных камня. Чорон вручал Брежневу Г. Чиряев — первый секретарь Якутского обкома КПСС. На выставке подарков, как мне говорили, чорона не было. Брежнев отвез его домой».

Это свидетельствовал опытный в кремлевских делах В. Прибытков. А вот интересное сообщение сотрудника Президиума Верховного Совета Ю. Королева, когда Брежнев уже во второй раз сделался там Председателем:

«В обязанности Президента входило награждение. И раньше Леонид Ильич любил эту церемонию, а теперь она, по общему мнению, превращалась в чудовищную вакханалию. Награждали все, вся и всех и по любым поводам. За то, что задание выполнено, и за то, что оно перевыполнено; за начало выполнения задания, за то, что «проделан важный этап», за достигнутые «определенные» результаты и за то, что имеются успехи (тогда же появилось выражение «недоперевыполнение»). Любые формулировки подходили, чтобы отметить юбилеи, наградить руководителей партийных, советских органов, министров, зарубежных деятелей. Потрясающе выглядели миллионные награждения орденами и медалями в связи с окончанием первого года пятилетки, самой пятилетки, началом следующей пятилетки.

«Известия» печатали убористым шрифтом многостраничные списки; их присылали из министерств, из республик, краев и областей, согласовывая с местными «вождями». Общий список кандидатов бегло просматривался в отделах Центрального

Комитета; пытались соблюсти баланс по регионам, отраслям, наградам. Наконец, бумаги приходили в наш Отдел наград.

Тут же начиналась работа (очень срочная и важная), мобилизовывались десятки специалистов из министерств и ведомств, которые прочитывали эти не поддающиеся нормальному восприятию списки, находили «двойников», «тройников», то есть людей по два-три раза представленных к награждению разными знаками отличия в разных разделах проекта. Вносились исправления, потом по уже принятым указам принимались новые поправки. Было это одной из главных функций аппарата в брежневский период.

Особое значение придавалось процедуре вручения орденов, дипломов. Церемония была пышной, торжественной. Награды получали герои — космонавты, писатели, ученые, секретари обкомов. Присутствовал и «народ»: уже рано утром работники аппарата наполняли зал, готовились аплодировать. Все снимала кинохроника, показывали по телевидению.

Раскрою немного «кухню» изготовления речей при вручении орденов и медалей. Вообще-то «болванки» приветственных речей на все случаи жизни были уже заготовлены и размножены и даже заведена на них небольшая картотека. И все же…

— Что-то такое я где-то уже говорил. И о волжских богатырях, и о героях целины, или я ошибаюсь? — интересовался Председатель.

Но никто не решался сказать, что речи эти в одно ухо входят, а в другое выходят, не оставляя следа (только, может, у самого Председателя). Поверьте, подготовка таких текстов была поистине сизифовым трудом — изо дня в день одно и то же, но с обязательной новизной».

Если бы «президент» Брежнев только награждал других! Нет, он сам до страсти любил получать награды — любые, всякие. Вскоре, не встречая противодействия или даже возражений, это превратилось у него в нечто болезненное, почти маниакальное. Сильно раздражало народ, а Вооруженные Силы особенно, его пристрастие к высшим воинским званиям и военным наградам. И это в сугубо мирное время?

В мае 1976 года Министерство обороны направляет представление в ЦК КПСС о присвоении Генеральному секретарю ЦК КПСС, Верховному Главнокомандующему звания Маршала Советского Союза. Естественно, Брежнев тут же им становится… Но маршальский мундир украшают ордена… И они посыпались как из сказочной корзины. Брежнев не чувствовал и не понимал сомнительности своего положения, а ему о том не говорили.

К маршальскому мундиру одна за другой прикреплялись

Звезды Героя Советского Союза — высшей награды страны. В 1966, 1976, 1978, 1981 годах он был «удостоен» звания Героя Советского Союза и еще раньше, при Хрущеве, стал Героем Социалистического Труда. Звездопад орденов на старческую грудь больного Генсека продолжался до последних дней жизни.

Немаловажен тут вопрос, а что товарищи Брежнева по Политбюро, ответственные руководители государства, они что, не видели пагубности подобного поведения Генсека? Несомненно видели, но все они помнили о судьбе не только брежневского соперника Шелепина, но и близких ему когда-то Полянского и Подгорного. И помалкивали, блюдя свои личный покой и властное положение, которое так ценили.

Впрочем, отдельные осторожные попытки предпринимались. Помощник В.В. Щербицкого Я. Врублевский поведал такую историю про своего шефа. Он «однажды рассказал о том, что во время пребывания в Варшаве (Брежнев возглавлял делегацию КПСС на съезде ПОРП) в неофициальной обстановке, в резиденции, где они разместились, состоялась необычная беседа.

— Я деликатно, — подчеркнул В.В., — завел разговор о том, что годы идут, сил не прибавляется, пора, видимо, подумать о переходе на покой.

— Да ты что, Володя, — обиделся на меня Леонид Ильич, даже слезы на глазах выступили. — Не ожидал я этого от тебя…

— Больше, — вспоминал В.В., — к этому вопросу я не возвращался. Брежнев в отставку уходить явно не собирался».

Совершенно немыслимая вакханалия началась вокруг вышедших в конце семидесятых годов воспоминаний Брежнева. Очень выразительно рассказал о том В. Чазов:

«В принципе нет ничего зазорного в том, что руководитель такого ранга, как Брежнев, издает мемуары — он многое видел, встречался со многими интересными людьми, он непосредственный свидетель важнейших событий в жизни страны и мира. Вопрос только в том, как создаются эти мемуары, какой характер они носят и как они воспринимаются. Мемуары Брежнева создавались в период, когда у него в значительной степени отсутствовала способность к критической самооценке и когда карьеристы и подхалимы внушили ему веру в его величие и непогрешимость.

Над мемуарами трудилась группа журналистов, среди которых я знал В.И. Ардаматского и В.Н. Игнатенко, работавшего затем помощником президента М.С. Горбачева по связям с прессой. Воспоминания, может быть, представляющие интерес с точки зрения оценки истории, в литературном отношении оказались серенькими и скучными. Но и это было бы полбеды,

если бы не созданная ответственными работниками ЦК обстановка своеобразной истерии вокруг книги, вызвавшей обратную реакцию в народе. Воспоминания читались по радио и телевидению, изучались в школах и институтах, в системе партийного просвещения. Те, кто заронил в сознание больного Брежнева мысль об издании мемуаров в том виде, в котором они были опубликованы, сыграли с ним злую шутку. Брежнев воспринимал весь ажиотаж как истинное признание его литературных заслуг. Да и как было иначе воспринимать человеку с пониженной самокритикой высказывания, например, секретаря правления Союза писателей СССР В.А. Коротича, являющегося сегодня редактором журнала «Огонек», опубликованные в журнале «Политическое самообразование»:

«Воспоминания» Леонида Ильича Брежнева — книга удивительно своевременная. Впервые изданная в дни, когда вокруг советской страны особенно энергично возбуждали целый океан недружелюбия, когда все те силы, что до сих пор еще не простили нам Октябрь, стремились в очередной раз скомпрометировать и унизить завоевания Революции, вышла честная и точно адресованная книга Леонида Ильича Брежнева, сразу же прозвучавшая на весь мир!..

…На наших рабочих столах лежит новая, очень злободневная и точная книга Леонида Ильича Брежнева. Адресованная нам с вами, она не случайно вызвала такой интерес во всем мире. Глава наших государства и партии с самого начала вспоминает свой жизненный путь; уроки этого пути поучительны и незаурядны».

Очень интересное сообщение! Брежневскую страсть к славословию поддерживали вовсе не Суслов с Кириленко и Андроповым (те, кстати, насчет чинов и наград вели себя весьма сдержанно). Вовсю зато кадили больному старику карьерные писателишки, в особенности из будущих перестройщиков. Услужливый советский стихотворец Коротич из их числа. И проклиная потом Советскую власть, его вскормившую, хоть бы словечком покаялся: грешен, восхвалял Брежнева… Книгу толстую выпустил о себе, но там места для таких слов нет.

Да что там мелкий поэт и сомнительный украинец Коротич, кто его сейчас помнит! Молчат о своих околобрежневских грешках личности куда более известные. Осведомленный партработник В. Печенев сообщил недавно, что именно любимейший помощник Брежнева — Александр Бовин, не слезавший в недавнее время с московского телеэкрана, являлся автором «наиболее ярких лозунгов брежневского времени: «Экономика должна быть экономной!», «Мы встали на этот путь и с него не свернем!» и т. д. и т. п. Во всяком случае, находясь в

минуты отдыха в веселом, бодром состоянии духа и своего мощного тела, Саша любил говорить, показывая на зеленое, многотомное собрание сочинений Л.И. Брежнева: «Это — не его, а мои лозунги читает по вечерам советский народ на сверкающих огнем рекламах наших городов!» Это, правда, не мешало ему же позднее, во времена перестройки и гласности, упрекать Брежнева (!) в том, что тот в последние годы жизни склонен был к сооружению себе пьедесталов и т. п. Побойся Бога, Александр Евгеньевич, ведь мы с тобой знаем, кто и как их сооружал?!

Что ж, теперь все о том знают. Вся страна и весь народ. Но бывший посол в братском Израиле тоже повиниться в грехах своих не торопился. Или думал, мы об этом не вспомним? Зря…

Мы здесь описали и даже упомянули малую часть наградных и подарочных потоков, коими был отмечен Брежнев. Эту тему любили размазывать желтые журналюги, мы этим заниматься не станем. Да, это бросалось в глаза, раздражало в равной мере и народ, и советский правящий слой, именуемый тогда как «партийный актив». Люди чуть ли не открыто смеялись над главой государства и Верховным Главнокомандующим по Конституции. И напомним еще раз — многочисленные Арбатовы — Бовины помалкивали. Им не нужно было укрепление и развитие могучей Советской державы, скорее наоборот.

И в семье, которую так любил Леонид Ильич, все оказалось не слава Богу. Виктория занималась только домашними делами, дочь и сын лишь огорчали отца, тесть и брат тоже, племянница тоже… И друзей не осталось, только приближенные царедворцы.

Скромный работник с Украины с горечью писал о той поре:

«Я вспоминаю две фотографии. Первая — во время Парада Победы на Красной площади, здесь генерал-майор Брежнев вместе с командующим во главе сводной колонны своего фронта. На груди молодого политработника гораздо меньше наград, чем у других генералов: два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Богдана Хмельницкого и две медали. Уж не в этом ли кроется загадка синдрома орденомании позднего Брежнева? И вторая — дряхлая фигура Брежнева в маршальском парадном мундире, увешанном, точно иконостас, многими десятками орденов и медалей. Всего их насчитывалось около 200».

Тяжелое телесное и духовное состояние Брежнева усугубилось различными несчастиями, которые с ним случались со зловещей постоянностью. Об одном таком случае расскажем подробно со слов его охраны.

«Весной 1982 года произошли события, которые оказались для Леонида Ильича роковыми. Он отправился в Ташкент на празднества, посвященные вручению Узбекской ССР ордена

Ленина.

23 марта по программе визита мы должны были посетить несколько объектов, в том числе авиационный завод. С утра, после завтрака, состоялся обмен мнениями с местным руководством. Все вместе решили, что программа достаточно насыщена, посещение завода будет утомительным для Леонида Ильича. Договорились туда не ехать, охрану сняли и перебросили на другой объект.

С утра поехали на фабрику по изготовлению тканей, на тракторный завод имени 50-летия СССР, где Леонид Ильич сделал запись в книге посетителей. Управились довольно быстро, и у нас оставалось свободное время. Возвращаясь в резиденцию, Леонид Ильич, посмотрев на часы, обратился к Рашидову:

— Время до обеда еще есть. Мы обещали посетить завод. Люди готовились к встрече, собрались, ждут нас, нехорошо… Возникнут вопросы… Пойдут разговоры… Давай съездим…

…Мы знали, что принять меры безопасности за такой короткий срок невозможно. Что делают в таких случаях умные руководители? Просят всех оставаться на рабочих местах. Пусть бы работали в обычном режиме, и можно было никого не предупреждать, что мы снова передумали и высокий гость все-таки прибудет. Здесь же по внутренней заводской трансляции объявили: едут, встреча — в цехе сборки. Все бросили работу, кинулись встречать.

Мы все-таки надеялись на местные органы безопасности: хоть какие-то меры принять успеют. Но оказалось, что наша, московская, охрана успела вернуться на завод, а местная — нет. Когда стали подъезжать к заводу, увидели море людей. Возникло неприятное чувство опасности. Рябенко попросил:

— Давайте вернемся?

— Да ты что!

Основная машина с Генеральным с трудом подошла к подъезду, следующая за ней — оперативная — пробраться не сумела и остановилась чуть в стороне. Мы не открывали дверцы машины, пока не подбежала личная охрана.

Выйдя из машины, двинулись к цеху сборки. Ворота ангара были распахнуты, и вся масса людей также хлынула в цех. Кто-то из сотрудников охраны с опозданием закрыл ворота. Тысячи рабочих карабкались на леса, которыми были окружены строящиеся самолеты, и расползались наверху повсюду, как муравьи. Охрана с трудом сдерживала огромную толпу. Чувство тревоги не покидало. И Рябенко, и мы, его заместители, настаивали немедленно вернуться, но Леонид Ильич даже слушать об этом не хотел.

Мы проходили под крылом самолета, народ, наполнивший леса, также стал перемещаться. Кольцо рабочих вокруг нас сжималось, и охрана взялась за руки, чтобы сдержать натиск толпы. Леонид Ильич уже почти вышел из-под самолета, когда вдруг раздался скрежет. Стропила не выдержали, и большая деревянная площадка — во всю длину самолета и шириной метра четыре — под неравномерной тяжестью перемещавшихся людей рухнула!.. Люди по наклонной покатились на нас. Леса придавили многих. Я оглянулся и не увидел ни Брежнева, ни Рашидова, вместе с сопровождавшими они были накрыты рухнувшей площадкой. Мы, человека четыре из охраны, с трудом подняли ее, подскочили еще местные охранники, и, испытывая огромное напряжение, мы минуты две держали на весу площадку с людьми.

Люди сыпались на нас сверху, как горох.

…Леонид Ильич лежал на спине, рядом с ним — Володя Собаченков, с разбитой головой. Тяжелая площадка, слава Богу, не успела никого раздавить».

Брежневу шел семьдесят шестой год, последний год его жизни. И нельзя не отметить его мужество и хладнокровие во время всей той ужасающей передряги. И еще немаловажное: обычно в подобных случаях начальники ужасно раздражаются на своих подчиненных, ища среди них якобы виновников, щедро раздавая наказания и взбучки. У Леонида Ильича — ничего даже отдаленно похожего. Он мужественно пережил этот тяжелый случай, проявив достойную выдержку и спокойствие.

19 января 1982 года у себя на даче вдруг застрелился давний приближенный Брежнева Семен Цвигун, зампред КГБ. Был он здоров и крепок, не пил и прочими слабостями не отличался. Почему — до сих пор точно не ясно, однако понятно и то, что кадровые сотрудники органов от несчастной любви не кончают с собой. Отметим другое: в официальном некрологе подписи Брежнева не было… Серьезный знак. Видимо, Цвигун чем-то провинился перед Генсеком, а ведь долгие годы был на Лубянке его доверенным лицом. Изменил, запутался?..

29 января того же 1982 года похоронили на Красной площади Суслова. Несмотря на мороз и ветер, Брежнев всю долгую траурную церемонию отстоял на трибуне, даже прощальное слово сказал. У него с покойным никогда не возникало близких отношений, но доверял он ему полностью. Кого теперь поставить на руководство идеологией? Решение Брежнева в этом важнейшем вопросе выглядело неожиданным: преемником Суслова стал Андропов, освобожденный от обязанностей главы КГБ.

Здесь надо затронуть такой немаловажный вопрос: задумывался ли Брежнев о своем наследнике? Есть сведения, что да, думал и решил.

Почему-то распространено мнение, что именно волею Брежнева наследником его в Кремле сделался Андропов. Скажем сразу, такое никак не подтверждено документально, а наблюдения и свидетельства имеются самого противоположного толка. На майском (1982 г.) Пленуме ЦК Андропов снова был избран секретарем — якобы на место покойного Суслова, хоть это нигде не объяснялось. Пост главы КГБ он оставил, а назначен туда был глава КГБ Украины В. Федорчук — кадровый офицер, потом генерал органов. Это был не человек Андропова, тот держал киевского начальника в тени, зато Брежнев его хорошо знал, часто отдыхая в Крыму, где Федорчук его по должности опекал. Андропов возглавил все идеологические отделы ЦК, как было при Суслове, но власть над охраной Кремля, спецсвязью и прочим утратил.

Теперь приведем сведения, сообщаемые словоохотливым М. Горбачевым в его очередных воспоминаниях, опубликованных уже в 1995 году. Там он как раз касается вопроса о «престолонаследии»:

«Один из работников, помогавших Брежневу, поведал мне однажды следующий эпизод. Приехал в очередной раз к Леониду Ильичу Щербицкий. Долго рассказывал об успехах Украины, а когда стали расставаться, довольный услышанной информацией, Брежнев расчувствовался и, указав на свое кресло, сказал:

— Володя, вот место, которое ты займешь после меня. Шел тогда 1978 год, Щербицкому исполнилось 60 лет. Это была не шутка или минутная слабость. Леонид Ильич действительно питал к нему давнюю привязанность и, как только пришел к власти, сразу вытащил Щербицкого из Днепропетровска, куда его отправил Хрущев, добился назначения Председателем Совмина Украины, а потом и избрания членом Политбюро — в пику Шелесту и для уже предрешенной его замены».

Да, конечно, Горбачеву можно верить весьма условно, да, он никогда не был близок к Брежневу, почему и ссылается не на него самого, а на кого-то, ему «помогавшего». Так, но Горбачев был внимательный собиратель кремлевских сплетен и что-то мог услышать. А писалось все это, когда и Брежнев, и Андропов, и Щербицкий уже скончались, а сам «воспоминатель» давно пребывал в полной отставке.

К счастью, имеется еще одно, гораздо более надежное свидетельство — от столичного первого секретаря и члена Политбюро В. Гришина. В отличие от провинциала Горбачева он-

то отлично был осведомлен о всех кремлевских планах и слухах о них. Андропов, готовя себя в «наследники» Брежнева, заблаговременно начал тайное наступление на московского градоначальника. Тот был деятель положительный (его подчиненные не совсем) и очень авторитетный. Позже Гришин писал об Андропове:

«Повысилась роль, место КГБ в системе государства. Они стали активнее проявлять себя в делах охраны страны, в выработке ее внутренней и внешней политики. Однако в партии и народе повышение их роли и влияния в значительной мере воспринималось со страхом, боязнью попасть в поле зрения органов госбезопасности и, следовательно, с возможными осложнениями по службе, ущемлением некоторых прав (поездки за границу, продвижение по работе и др.) и даже привлечением к уголовной ответственности, ссылкой и высылкой из страны с лишением советского гражданства».

В свете вышесказанного перемещение Андропова убедительнее выглядит как устранение его с ключевого поста в государстве. И назначение председателем КГБ Федорчука это подтверждает. Оно было чрезвычайно многозначительным. Вернемся к книге В.В. Гришина:

«В. Федорчук был переведен с должности председателя КГБ Украинской СССР. Наверняка по рекомендации В.В. Щербицкого, наиболее, пожалуй, близкого человека к Л.И. Брежневу, который, по слухам, хотел на ближайшем Пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого Генеральным секретарем ЦК

КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии».

В.В. Гришин пишет: «по слухам». Но вот свидетельство более определенное. Иван Васильевич Капитонов (при Брежневе он был секретарем ЦК КПСС и занимался партийными кадрами):

«В середине октября 1982 года Брежнев позвал меня к себе.

— Видишь это кресло? — спросил он, указывая на свое рабочее место. — Через месяц в нем будет сидеть Щербицкий. Все кадровые вопросы решай с учетом этого.

Вскоре на заседании Политбюро было принято решение о созыве Пленума ЦК КПСС. Первым был поставлен вопрос об ускорении научно-технического прогресса. Вторым, закрытым — организационный вопрос. Но Брежнев внезапно умер, и «организационный вопрос» поставлен не был…»

Также неясно было, изменилось ли положение Черненко. Вся Москва говорила, что после кончины Суслова он самовольно занял его кабинет. Он стал вмешиваться в идеологию, хоть и по

второстепенным вопросам. Словом, густой туман опустился тогда над Москвой, а реальных обстоятельств мы не ведаем и по сию пору. Тогда, как и сейчас, я полагаю (как многие мои товарищи), что Брежнев переиграл Андропова, дав ему огромное аппаратное поле в ЦК, но… оставив ли ему КГБ?.. Теперь ясно, что в планах Брежнева просматривается именно осторожное отстранение Андропова от мощного лубянского ведомства. Но не прошло и полгода, как самого Леонида Ильича не стало. И Щербицкий не успел стать его наследником. Теперь можно твердо сказать — к великому несчастью для всего нашего народа.

Здесь необходимо еще раз вернуться к роли Константина Устиновича Черненко в последние годы деятельности Брежнева. Нет, он не предполагался в его наследники, у Генерального, как уже говорилось, были иные тут намерения, да и сам Черненко, лишенный властолюбия, в верховную должность не рвался. Бесспорно одно: он был не только соратником своего давнего шефа, но и его верным другим. Впоследствии судьба все же вынесла его на пост Генсека — у наследников Брежнева после кончины нелюбимого ими Андропова просто не оказалось тогда иной кандидатуры. В историческом смысле Черненко тут явно не повезло. Он очевидно не подходил на роль главы великой всемирной империи, был уже стар, дряхл и болен. Однако о нем, как о ближайшем соратнике Брежнева тут следует кратко рассказать.

.. Опять-таки для полной объективности нашего рассказа вернемся в то минувшее время. В пору правления Черненко автор этих строк продолжал (еще по воле покойного Андропова) досиживать под неким «домашним арестом» и вынужден был, как тогда выражались, «писать в стол». Тогда же я составил для себя некую памятную записку о правлении Черненко. Показал ее узкому кругу соратников, они в общем и целом с моими тогдашними оценками согласились. Ныне полный текст записок хранится в Рукописном отделе Государственной библиотеки (фонд 887), а здесь мы процитируем основное содержание этого теперь уже исторического свидетельства.

Повозка без кучера, или Езда со слепой лошадью

«Удивительные события замелькали на наших телеэкранах в последние годы! Совсем недавно там красовался впавший в младенчество Брежнев, которому чуть ли не каждую неделю навешивали очередную награду. Его сменил старый, пораженный многими болячками Андропов — неладный, неловкий и нелюдимый, он так и не успел показаться толком своему народу. Вскоре его сменил новый — рябой, косноязычный, страдающий старческой одышкой. Известно, что маленькие дети-инвалиды не понимают присущих им уродств — хромоты, кривизны, даже частичного паралича — и не страдают от них в общении с детьми здоровыми. Подобно младенцу, Черненко не ощущает своей неловкой внешности и обожает показываться по телевизору, выставляя себя на посмешище всему миру и на огорчение несчастных патриотов нашей страны.

Первые годы после Хрущева были эпохой «семибоярщины», шла подспудная борьба между умеренными сталинистами и сторонниками «разрядки». Последние были много сильнее и с мощными международными связями, и они разумеется, победили. Царство Брежнева, точнее — его подставное правление, началось лишь с начала 70-х. Теперь видно, что при Брежневе у правящей группы сложилось мощное опорное корневище, едва ли не менее крепкое, чем у Сталина. У властвующей верхушки появилась невиданная досель привилегия — «право на воровство». Бесспорно, что и в эпоху «ленинских норм партийной жизни» весьма многие любили хорошо пожить, как Зиновьев, устраивал пышные охоты Троцкий, широко сладострастничал Луначарский, примеры можно продолжить. В хрущевское время приобретательство не расширилось, но сделалось более официальным. Так, но воровство брежневское отличалось тремя новыми свойствами: возможность незаконного обогащение получил громадный круг людей — от Генсека до райкомовс-кого деятеля; приобретательство стало бесстыже явным и появилась возможность передачи уворованных благ по наследству.

«Право на воровство», как эпидемия, в немыслимо короткий срок заполыхало по всей стране. В самые последние годы более или менее вскрылись повальные хищения в Северной Осетии, на Кубани и Дону, в Узбекистане. Пришлось наказывать, снимать и даже сажать буквально «всех», затронув чуть ли не целиком то, что именуется у нас «партийно-хозяйственным активом», и даже

шире, захватывая множество их челяди. Спрашивается, кто сможет поручиться, что положение обстоит лучше в других «республиках, краях и областях»?..

Правящая группа Генсека была прекрасно осведомлена об этой вакханалии воровства, не являлось секретом и острое народное недовольство, которое осенью 1981 года вызвало массовые волнения в столице Сев. Осетии городе Орджоникидзе (подавлять пришлось традиционным способом — танками). Почему же не делалось никаких попыток утишить жуткую эпидемию? Не только потому, что всесильные иноземцевы и агентовы воровали сами. Нет, «право на воровство» дало брежневской группе весьма широкую социальную опору.

Не боялась правящая верхушка народа, и события в Орджоникидзе ничуть их в этом не озадачили. Исподволь, в течение долгих уже советских десятилетий власть научилась не только властвовать, но и разделять. Опасно брожение в столице — вот почему Москва снабжается по сравнению о другими городами на порядок лучше («коммунизм в одном городе», острят советские граждане, приезжая в столицу страны за обувью и колбасой). Ленинград — вторая столица, особое положение в стране, — тоже подкармливают. Прибалтику — тоже. Прочее население может жить, как угодно, однако и тут есть подразделения. Рабочих крупнейших предприятий немножко подкармливают, ибо брожение в скученных людских массах довольно опасно. Закармливают верхушку интеллигенции, даже провинциальной, как-никак — выразители, идеологи, а в зачатке — народные трибуны в возможной перспективе.

Престарелый Черненко и черненковское Политбюро решили ничегошеньки не менять. Это полностью соответствовало интересам всех составляющих власти. Половинчатая чистка, предпринятая Андроповым, вызвала сильное, хоть и очень прикровенное, раздражение на всех уровнях правящего сословия — понятно отчего. Теперь особо беззастенчивое хапание вроде бы не допускается, но почти все ворюги, благополучно пережившие февраль 84-го, могут спать спокойно. Это «почти» — очень характерное уточнение. После смерти Рашидова началась чистка в Узбекистане, ибо рок унес верховного заступника узбекских казнокрадов. Смерть Шолохова неминуемо повлекла за собой падение ростовского Бондаренко: автор «Поднятой целины» находился в последние годы в полнейшей слабости, но кто его знает, вдруг он там вступился бы как-то за своего земляка, лучше уж не спешить; со смертью его Бондаренко лишился даже этой призрачной защиты. Итак, в двух уездах чистка продолжилась только в силу исключительных обстоятельств. Хорошо известно,

что сосед Узбекистана — громадный Казахстан — прямо-таки погряз в лихоимстве, причем тамошний шеф, его бездетная супруга и их родня задают тому пример; если вдруг в обозримое время шеф преставится, всех его присных ждет дурная судьба, пока же они могут не беспокоиться и продолжать свои дела.

Черненко и возглавляемая им власть прочно оседлали страну, никаких неприятностей для них в обозримом будущем не предвидится. Какова же программа этой власти, чего они хотят, куда ведут великую империю? Оказывается, никуда. У власти есть только одна цель — царствовать вечно. А для этого прежде всего не надо проводить никаких перемен, это вызовет общественное, а то и народное движение, последствия же понятны всем.

Окостеневшая, бессмысленная марксистская догма остается по-прежнему гипсовой повязкой, сковывающей тело великой России и десятка подвластных Москве стран. При сохранении верности этой догме нельзя провести никаких, даже самых простейших и насущных преобразований. Идейная бесплодность власти бросается в глаза в дурацких документах, принятых недавно и пышно озаглавленных, как «программы», — продовольственная и энергетическая. Убогость и полная практическая бессмысленность этих текстов настолько очевидны, что их не стоит даже разбирать всерьез. К 2000 году следует увеличить производство тракторов на столько-то, выработку киловатт — на столько-то. Зачем? Может быть, надо сделать хотя бы так, чтобы трактора не ломались на другой день, а киловатты не прогорали бы напрасно? Но даже краешком эти простейшие вопросы не затрагиваются в названных «программах». Помимо прочего, бессмыслие при современной индустрии грозит опаснейшими последствиями: предполагается развивать атомную энергетику, меж тем уже в ФРГ и в Скандинавских странах все они закрыты и не будут строиться, на очереди то же в иных развитых странах. Задуматься бы хоть над чужим опытом, но…

Слепая, высохшая кляча тащит громадную телегу, заваленную самоновейшими ракетами. На облучке дремлет бессмысленный кучер — его как бы и нет, вожжи давно выпали из одряхлевших рук. Куда же тащится неуправляемая повозка? Никто не сможет предсказать этого. Положение трагическое, ибо грохот опрокинутой клади грозит сотрясти весь мир.

Ноябрь 1984».

Вот примерно так оценивали Черненко и его недолгое правление тогдашние русские патриоты. Правильна ли эта оценка? Да, если рассматривать действительность с помощью четырех правил арифметики. Но ведь есть еще и алгебра и

высшая математика, с помощью коих можно проверить даже гармонию… Как же с этой точки зрения?

Теперь, усилиями многих очевидцев, и прежде всего сообщениями Александра Байгушева, о закрытом Константине Устиновиче, стало известно многое. Он не показывался публично, не общался с журналистами, мемуаров не оставил, архив его пока не разобран. Однако уже при нынешнем состоянии источников, можно уверенно заключить, что был Черненко твердый государственник-патриот и поддерживал Брежнева именно в этом настроении. Более того, сибиряк, глубоко русский человек и гражданин, получивший гуманитарное образование, хоть и не очень уж блестящее, он неплохо разбирался в так называемых ныне «русско-еврейских разборках». Следует даже прямо сказать: сочувствовал Русской партии и осторожно помогал ей.

Черненко несет ту же историческую вину, что и Брежнев, что все их русские сотоварищи по Политбюро. Об этом уже достаточно сказано выше. Однако та резко отрицательная оценка, которая дана в наших двадцатилетней давности записях, очевидно пристрастна и лично в отношении Черненко явно несправедлива. Подтверждается тут давняя истина: «лицом к лицу лица не увидать»…

…Господь даровал Леониду Ильичу легкую кончину, дома в своей постели, среди близких ему людей он тихо отошел во сне. Подробности последних часов его жизни очень хорошо известны, написано о том много, серьезных противоречий в различных источниках нет. Мы приведем тут лишь три важнейших свидетельства — преданного ему зятя, вдовы и лейб-обермедика Чазова. Вспоминает Ю. Чурбанов:

«10 ноября 1982 года, утром, в начале девятого, мне на работу позвонила Витуся, дочь Галины Леонидовны, и сказала: «Срочно приезжайте на дачу». На мой вопрос: «Что случилось?» — ответа не последовало. Я заехал за женой в МИД, и в скором времени мы уже были на даче. Поднялись в спальню, на кровати лежал мертвый Леонид Ильич, рядом с ним находились Виктория Петровна и сотрудники охраны. Юрий Владимирович Андропов уже был там. Позже подъехал Чазов.

Смерть наступила внезапно, ночью. Все произошло настолько быстро и тихо, что спавшая рядом Виктория Петровна просто ничего не слышала. Вскрытие показало, у Леонида Ильича оторвался тромб, попавший прямо в сердце.

Врачей рядом не было. Леонид Ильич по вечерам всегда отпускал врачей домой; он еще думал о том, что врач — тоже человек и ему, наверное, хочется провести вечернее время дома вместе со своей семьей. Девятого, накануне, Леонид Ильич

приехал с охоты. Он был в очень хорошем настроении, поужинал, посмотрел программу «Время», несколько документальных фильмов, передал начальнику охраны, чтобы его разбудили в восемь часов утра, и пошел отдыхать. Утром он собирался поехать на работу, чтобы еще раз посмотреть материалы к Пленуму ЦК по научно-техническому прогрессу, который должен был состояться в Москве 15 ноября. Врач померил давление — это мне уже рассказывала Виктория Петровна — давление было 120 на 80. Смерть наступила где-то под утро.

Леонид Ильич еще собирался пожить. В последнее время, кстати говоря, он чувствовал себя гораздо лучше, чем прежде. А накануне Леонид Ильич был просто в великолепном настроении, много шутил, читая газеты. Вот такая внезапная смерть».

Кратко, но очень точно. Подчеркнем тут одно: кончина пожилого Брежнева была и в самом деле неожиданной (давление 120/80, это же для молодых физкультурников!). И еще отметим: Андропов прибыл к месту событий первым, опередив даже врача… А ведь он не был уже главой Лубянки и официальным преемником покойного Генсека…

Теперь приведем позднейший рассказ вдовы в беседе ее с писателем В. Карповым. Рассказ подробный, со множеством частностей бытового свойства, вполне искренний, ему можно доверять:

«Машина-реанимация за ним последние годы постоянно следовала. У него все-таки два инфаркта было. Первый перед маем в 1952 году в Кишиневе. Проснулся: "Витя, не могу, разрывает грудь!" Вызвали Ревенку, опытного врача. Много уколов сделал. Позднее из Москвы прислали профессора-сердечника. Месяц не разрешали подниматься. Потом еще полтора месяца Леня был в Барвихе и вернулся страшно похудевшим. Говорит, лежал и ничего не ел. Но чувствовал себя хорошо.

А второй инфаркт случился уже в Москве. Почему случился? Кто знает… Леня не любил жаловаться. Редко, когда признавался в служебных неприятностях.

— Вы начали рассказывать, что было после того приема в 1982 году (имеется в виду 7 ноября. — С. С.).

— Вернулся на дачу рано — там в четыре часа закончилось торжество. Отдохнул, а в семь часов приехали товарищи. Посидели недолго: до девяти — половины десятого, отметили праздник и разъехались. А на другой день, 8 ноября, он говорит: "Я, Вить, поеду в Завидово. Там, на воздухе, лучше отдыхается". И впрямь — в лесу все время, в охотничьем хозяйстве. Ездил туда и просто поохотиться, и поработать, готовясь к съезду или к

пленуму. Тогда не только он — все помощники ездили.

В Завидове два больших дома, Московское море, утки дикие, рыбалка… Привозил мне карасей. Отправились в Завидово. 8-го вечером и 9-го охотились. 9-го же вернулись в Москву. Позвонил мне, что домой не заедет — что-то нужно сделать по работе. Даже переодеться не захотел. Там, в Завидове, правда, костюмы и рубашки, и галстуки на всякий случай, если внезапно понадобятся, в специальном чемодане были: его всегда с собой брали.

Леня попросил на вечер пожарить налима, привезенного из Завидова. Он любил жареного налима. За столом Леня говорит: «Что-то мне много три кусочка». А повар: «Ну что вы, Леонид Ильич, кусочки такие маленькие. Скушайте, если вам нравится!» Скушал. И пошел спать. Прикрепленные помогли ему раздеться, дали снотворное, положили добавочное — вдруг еще понадобится.

— «Прикрепленные» — кто такие? Помогать — входило в их обязанность?

— Нет. Дежурные из охраны делали это из уважения. Все уже так привыкли. Если кто дежурит — Медведев, или Собаченков, или Давыдов — пойдут, помогут ему переодеться, уложат, а потом и кличут: «Виктория Петровна, идите, уже зовет». Спальня у нас была на втором этаже, а телевизор — на первом. Если он видит, что я не иду, кричит: «Витя, ты что там делаешь? Я не сплю!» В тот последний вечер, когда пришла, он лежал, потушив свет.

— Может, предчувствия были какие?

— Нет. Ничего не говорил. Только я сказала: «Лень, ты включаешь вентилятор, и мне холодно…»

Это был маленький вентилятор, но он очень любил, чтобы в лицо дуло. И он его выключил. Я хорошо спала. И вдруг Леня тянет одеяло, а я ворчу: «То тебе жарко, и вентиляцию включаешь, а то одеяло с меня тянешь, и я раскрытой остаюсь». Я полежала. Вижу; между шторами полосочка светится чуть-чуть. Думаю: «Надо вставать!» Встала. Его одеяло на полу. Подняла одеяло. Он лежал на правом боку, и вентилятор был включен. Я одеялом Леню прикрыла. Дежурила Зина Павловна. Она как раз заглянула и говорит: «Виктория Петровна, уже пришли уколы делать». В полдевятого я обычно завтракала, после того как укол сделают. И тут Зина Павловна говорит: «Ой, как-то странно Леонид Ильич лежит на спине — с подушки спустился и одеяло руками смял…» Я отвечаю: «Не видела, чтобы странно лежал и одеяло как-то держал…» Завтракаю. Слышу — бегают. Думаю, ну опять, наверное, Володя что-то забыл — а дежурил Медведев — и

бегает туда-сюда. Оказывается, уже все случилось… Вызвали Чазова. А я ничего не знаю, завтракаю в столовой. Дверь прикрыта была.

Потом пришел Михаил Титыч, врач лечащий. Смотрю — без галстука, рубашка расстегнута. Говорит: «Виктория Петровна, Леониду Ильичу что-то не особенно хорошо». Я туда, к спальне, открываю дверь, но меня не пустили. И тут же Юрий Владимирович Андропов приехал. Успокаивают: ничего, надежда есть! Чазов объясняет, что сделали укол длинной иглой, давление вроде поднимается… А потом резко опустилось… Кровь к голове прилила, а потом обратно ушла. И все. Но они не говорили мне.

Я позвонила Вере Ильиничне, своей сестре, детям, конечно, Юрию Михайловичу. А в тот день — праздник милиции. Галя в парикмахерской сидела. Дежурные передали Юрию Михайловичу. Он за ней примчался в парикмахерскую, потом рассказывал: «Я срываю с нее бигуди и думаю: «Господи, кто? Папа? Мама? Мама болеет все время…» Они за меня боялись. И Леня все повторял: «Я так боюсь за Витю! Я так боюсь за Витю!» А Витя до сих пор, вот видите, жива!

Дали посидеть с ним, а затем говорят: «Больше нельзя, пока не совсем застыл, надо анализы сделать». Потом врач тихо сказал мне на ухо, что лопнул сосуд. Спрашиваю: «Михаил Титыч, почему же не сказали раньше?» Он: «А кто бы согласился операцию делать?» Говорю: «Это другое дело. Но мы обязаны были спросить — может, он и согласился бы… Делают же такие операции!..» Уже десять лет, как нет Лени…

В этом году я не ездила к нему на могилу — не пропускают. Галя пошла с паспортом, попросила, чтобы пропустили, — отказ. Дежурный сказал, что нужно в комендатуре запрашивать разрешение. Хотели цветы положить. На День Красной Армии не была, и на 9 Мая. Машину не пускают, а далеко идти — нет сил. Раньше комендант договаривался и провожал меня в Кремль, а там подъемник, который поднимает правительство, — через маленькую дверь выходишь прямо к елкам. А сейчас новый комендант. Теперь, конечно, они меня не пустят.

В прошлый раз очередь была, когда внуки ходили. Им сказали, чтобы, как все, стояли в очереди.

Мемориальную доску тут, на доме, сняли. Под ней была полочка, на которую мы цветы ставили. Сначала предупредили: вазу уберите, неприлично вазу или корзинку с цветами… Мы стали просто так цветы класть, привязывая проволочкой, чтобы не упали. А раз пришли — нету! Нам отвечают: дворничиха думала, что цветы старые, и убрала. А вскоре и полочку, и доску сняли».

Рассказ В. Чазова точен, сух и никаких чувств не выражает.

По сути, лейб-лекарь Брежнева давно уже поставил свою карьерную карту не на августейшего пациента, а на главу Лубянки Андропова, которому подчинялся не только по должности в 4-м управлении Минздрава…

«10 ноября, после трех праздничных дней, я, как всегда, в 8 утра приехал на работу. Не успел я войти в кабинет, как раздался звонок правительственной связи, и я услышал срывающийся голос Володи Собаченкова из охраны Брежнева, дежурившего в этот день. «Евгений Иванович, Леониду Ильичу нужна срочно реанимация», — только и сказал он по телефону. Бросив на ходу секретарю, чтобы «скорая помощь» срочно выехала на дачу Брежнева, я вскочил в ожидавшую меня машину и под вой сирены, проскочив Кутузовский проспект и Минское шоссе, через 12 минут (раньше, чем приехала «скорая помощь») был на даче Брежнева в Заречье.

В спальне я застал Собаченкова, проводившего, как мы его учили, массаж сердца. Одного взгляда мне было достаточно, чтобы увидеть, что Брежнев скончался уже несколько часов назад. Из рассказа Собаченкова я узнал, что жена Брежнева, которая страдала сахарным диабетом, встала в 8 часов утра, так как в это время медицинская сестра вводила ей инсулин. Брежнев лежал на боку, и, считая, что он спит, она вышла из спальни. Как только она вышла, к Брежневу пришел В. Собаченков, чтобы его разбудить и помочь одеться. Он-то и застал мертвого Брежнева. Вслед за мной приехали врачи «скорой помощи», которые начали проводить в полном объеме реанимационные мероприятия. Для меня было ясно, что все кончено, и эта активность носит больше формальный характер.

Две проблемы встали передо мной — как сказать о смерти Брежнева его жене, которая только 30 минут назад вышла из спальни, где несколько часов лежала рядом с умершим мужем, и второе — кого и как информировать о сложившейся ситуации. Я не исключал, что телефоны прослушиваются, и все, что я скажу, станет через несколько минут достоянием либо Федорчука, либо Щелокова. Я прекрасно понимал, что прежде всего о случившемся надо информировать Андропова. Он должен, как второй человек в партии и государстве, взять в свои руки дальнейший ход событий. На работе его еще не было, он находился в пути. Я попросил его секретаря, чтобы Андропов срочно позвонил на дачу Брежнева. Буквально через несколько минут раздался звонок. Ничего не объясняя, я попросил Андропова срочно приехать.

Тяжело было сообщать о смерти Брежнева его жене. Виктория Петровна мужественно перенесла известие о кончине мужа. Возможно, внутренне она была готова к такому исходу.

«Неисповедимы пути Господни» — говорят в России. В 1972 году, когда Брежнев был еще полон сил, активно работал, мы боялись за жизнь его жены, у которой произошло обострение тяжелого диабета и развилась сердечная недостаточность. Давно нет Брежнева, в далекое прошлое уходят годы его руководства страной, а его жена, которую мы чуть было не похоронили в начале 70-х годов, еще жива.

Появился взволнованный и растерянный Андропов, который сказал, что сразу после моего звонка догадался, что речь идет о смерти Брежнева. Он искренне переживал случившееся, почему-то суетился и вдруг стал просить, чтобы мы пригласили Черненко. Жена Брежнева резонно заметила, что Черненко ей мужа не вернет и ему нечего делать на даче. Я знал, что она считает Черненко одним из тех друзей, которые снабжали Брежнева успокаивающими средствами, прием которых был ему запрещен врачами. Может быть, это сыграло роль в тоне отрицательного ответа на предложение Андропова. Андропов попросил меня зайти вместе с ним в спальню, где лежал Брежнев, чтобы попрощаться с ним.

Медицинский персонал уже уехал, и в спальне никого не было. На кровати лежал мертвый лидер великой страны, 18 лет стоявший у руля правления. Спокойное, как будто во сне, лицо, лишь слегка одутловатое и покрытое бледно-синей маской смерти. Андропов вздрогнул и побледнел, когда увидел мертвого Брежнева. Мне трудно было догадаться, о чем он в этот момент думал — о том, что все мы смертны, какое бы положение ни занимали (а тем более он, тяжелобольной), или о том, что близок момент, о котором он всегда мечтал — встать во главе партии и государства. Он вдруг заспешил, пообещал Виктории Петровне поддержку и заботу, быстро попрощался с ней и уехал».

Таков обстоятельный, и в общем-то весьма бесстрастный, равнодушный даже, рассказ о кончине Брежнева его номенклатурного лечащего врача, подчинявшегося к тому же чекисту Андропову. Тут придется добавить, что по сей день гуляют пересуды, сперва устные, ныне печатные, что Леонида Ильича, мол, отравили. Называются имена «отравителей» — Андропов с помощью Чазова.

Юридически эти сплетни безусловно несостоятельны, «убийцами» оба они не были. Однако, обозревая все данные о недомоганиях Брежнева, можно ясно заключить, что Чазов и вся его команда кремлевских врачей не лечила Брежнева, а залечивала. Генсеку нехорошо — дадим лекарство. Мало? Дадим двойное. Эти таблетки мало помогают? Ничего, резиденты КГБ тут же достанут за рубежом другие, еще более сильные. Даже на

уровне советской районной медицины (которая, как сейчас видно, была довольно добросовестна), даже по этой простой мерке лечили Брежнева плохо, и по сути говоря, — небрежно, по-казенному о нем заботились.

У Леонида Ильича был один лишь верный помощник — Виктор Андреевич Голиков, проработавший с ним почти всю жизнь, и Генсек доверял ему полностью. Формально он был помощником по сельскому хозяйству, но по сути много занимался вопросами идеологии. Он почитал Сталина, не скрывая этого, и был стойким русским патриотом, помогавшим — осторожно и негласно — «Русской партии».

Голиков рассказал о «кремлевской медицине»: «Чазов — фигура зловещая, не врач он, а Бог знает кто еще, иначе не допустил бы такого лечения и смерти Леонида Ильича… Какие он давал ему лекарства? Я могу сказать. Это были сильнодействующие средства. Они его и доконали… Чазов всю информацию тащил в КГБ. И там решали, как лечить больного, что рекомендовать».

Грустно узнавать об этом, но так было. Леонид Ильич был добр, но ответной доброты в своем холодном окружении не нашел.

Эпилог

В русском народе издавна и твердо считали: как жил, так и помер…

Так ли, не так, но что-то справедливое в этой примете несомненно имеется. Легко расстался с жизнью Леонид Ильич — совсем не так, как его суровый и темноватый во многих отношениях наследник («самопровозглашенный наследник», если выражаться современными словами).

Да, рассказывали о Брежневе забавные анекдоты, и немало их набралось, но злых не было, а когда он скончался, никто не проклинал его. Ибо народ чувствовал — добрый он был «царь», хоть и непутевый. А сейчас, когда благополучная в его пору страна… не станем говорить о том, что всем известно… Так вот нынешний обездоленный русский народ и другие народы развалленного Советского Союза дружно вспоминают о своем житье-бытье при Леониде Ильиче, как о времени благополучном, покойном, почти счастливом…

С нашей точки зрения, эта народная оценка в общем и целом справедлива. Двадцать лет миновало, а память о Брежневе не приобретает темных оттенков, как то не раз случалось в истории, а делается светлее и светлее. Он обожал награды, не вполне четко говорил? Господи, да какие же это мелочи! Зато искренне любя стою Родину и ее народ, дворцов себе не строил, деньги в зарубежные банки не переводил. Теперь-то уж есть с кем его сравнить…

Вдова и дочь Леонида Ильича скончались, сын и зять ведут скромную жизнь пожилых пенсионеров. Один из внуков занялся было политикой, но неудачно. Племянница Люба уехала за рубеж и вела там жизнь довольно пеструю.

А в заключение — последний отрывок из бесед с вдовой Брежнева:

«— Вам одной скучно?

— Скучно, конечно. Но когда дети приходят, мне с ними еще скучней.

— Они со своими проблемами?

— Нет, разговоры, знаете… Сейчас они редко приходят — мне уже нечего им отдавать. Вот у меня портреты висят: их повесили сюда, потому что негде хранить. А картины, которые здесь раньше висели, детям подарила. Кому что нужно — все разобрали…

Иногда навещает правнучка Аля. Такая спокойная девочка, говорливая. С куклой войдет, на кресло ее положит, разденет…

Купает ее и волосы расчесывает. Потом спать укладывает с разговорами, песенки поет. И мне развлечение. Она так хорошо все запоминает. Ей четыре года исполнилось. У меня уже пять правнуков.

— Когда начались притеснения, отобрали дачу, тогда же, говорят, и награды Леонида Ильича у вас забрали?

— Я сама сдала все. Помните, писали, как бандиты убили адмирала Холостякова и его жену, чтобы завладеть иностранным орденом с бриллиантами? И я решила (уже при Горбачеве) все награды сдать: и ордена Ленина, и Золотые Звезды Героя, и орден Победы — он же с бриллиантами? — и иностранные, и цепи золотые — какой-то орден с цепью был… А мне говорят: «У вас сабля подарочная, маршальская…» И ее сдала. Потом ко мне пришел товарищ из Общего отдела ЦК, говорит, прислали письмо в ЦК… Будто рабочий написал: «Где моя работа, которую я делал, — клык моржа, украшенный бриллиантами? Мне бриллианты, когда я вставлял, каждый раз выдавал работник КГБ и проверял, чтобы не подменил, — вечером уносил, а утром приносил. Я месяц трудился — где эта работа?» Вспомнила — был небольшой клык, с одной стороны — портрет Ленина, с другой — Спасская башня. В два ряда мелкие рубиновые камешки, как звездочки, а сверху мелкие бриллиантики, посередине большие… Кажется, восемь. Это подарили якуты.

— Там добывают алмазы, они могли такой подарок сделать.

— Думаю, хорошо, что клык сохранился в ободранной коробке, веревкой перевязанной. Отдала… Да еще потом допытываться стали: «Где золотой сервиз?» Говорю, золотого сервиза у меня нет, есть только серебряный, заказанный в Кубачах, с эмалью. Забрали. «Подарки нужно сдавать — не положено…» Не знаю, может быть, так теперь заведено… Но выходит, только Брежневу нельзя, а другим будто и подарков не дарили.

— А кто забирал? КГБ? ЦК?

— Общий отдел ЦК, а сдавали, по их словам, в Министерство финансов. Каждую вещь осматривали, оценивали, качество проверяли — по пять человек, бывало… Кто-то сказал: «Вам дарили перстень, очень массивный». «Не знаю, — говорю, — вот у меня пять перстней есть — выбирайте, какой хотите». Один взяли…

— С бриллиантом?

— Какие бриллианты?! Они все были без бриллиантов. Потом говорят: «У вас ваза должна быть золотая». — «Не знаю, — отвечаю, — золотая она или нет. Есть вот ваза без коробки — я ее в горку поставила. Сверху как золотая. Там портрет Лени.

Написано: «От народа Азербайджана». Забрали. Проверяли. Оказалось — не золотая, а серебряная и позолоченная. Но не вернули.

— Не понимаю, откуда заведующий отделом ЦК знает, какие у вас вещи?!

— Объяснял, что поступают письма трудящихся: «Подарены золотые чашки…» Перстень, что забрали, был подписан: «От малоземельцев». Отдала…

— Я слышал, что Леониду Ильичу, когда он был в Узбекистане, Рашидов якобы подарил бюст, отлитый из золота.

— Нет, из белого мрамора сделанный. Он все время у нас стоял. Я предлагала — вот он стоит, возьмите. А золотого бюста не было! Его же не поднимешь!

— А мраморный бюст сохранился?

— Нет. Когда переезжали с дачи, не знаю, куда задевали. Потом еще один из постпредства Казахстана притащили. Дежурный говорит: «Вот, привезли бюст Леонида Ильича». Был Кунаев — бюст стоял, а Кунаева сняли — бюст мне привезли. Куда я его дену?! Так и остался на даче.

Когда все у меня забрали — отстали! А теперь и вовсе забыли. Машину не дают, если куда надо поехать. Говорят, вы такому-то позвоните — вас в списке нет. Оставьте, мол, номер вашего телефона. Оставляла, но никто не звонит. И я звонить перестала.

— У детей есть машины, если куда надо поехать? У Гали, например?

— Машина у нее есть, но она сама не водит, не научилась. Говорит, продавать не хочется, обесцениваются деньги…

Живет Галя в городе. На даче жить нельзя — ремонт надо делать, а начинать его глупо: боится, что отберут дачу… Пусть бы, говорит, поскорее решалось, а то ждешь… Все описано, что не описано — продала. На сто пятьдесят рублей живет. У меня не хочет брать.

— Когда работы Леонида Ильича печатались, у него же большие гонорары были. У вас остались эти деньги?

— Да, на книжке. У Гали деньги отобрали. Я не сообразила, что нужно было написать, что я ей, Витусе и Юре передаю деньги по наследству. А я просто перевела. У нее книжку и забрали. А теперь суд ей вернул, но тоже не сразу отдали.

— И все же «Воспоминания» ведь хорошо издавались. И у нас, и за рубежом.

— Да. И после его смерти, даже в прошлом году, какие-то деньги приходили. Да мне теперь много не надо. Хорошо хоть, что в больнице пока лечат: инсулин есть, а то ведь в аптеках и

анальгина-то нет.

— Где находится ваша поликлиника? На Сивцевом Вражке?

— Пока еще там. Но хотят разделить по районам. И уже не знаю, в какой буду больнице. Мне ведь самое главное — каждый день уколы надо делать.

— Ас чего диабет начался?

— Многолетний. Может, лет тридцать назад.

— И все время на уколах?

— Нет, сначала ничего, диабет был такой молоденький… А потом таблетки. Уколы позже прописали. Инсулин был наш, отечественный — каждый раз колоться за полчаса до еды. А уж потом появился датский инсулин, укол которого один раз в день делают. Пока еще дают этот инсулин. Но не знаю, как дальше будет.

— А глаза как? Совсем ничего не видите? Хоть тени мелькают?

— Нет. Совсем ничего. И левый глаз начал болеть. Без всякой причины болит. Веки опускаются, будто свинцовые. Но что поделаешь, уже и по возрасту, слава Богу, пожила.

— Сколько вам сейчас лет?

— 11 декабря будет 84 года[1].

— Ухудшение зрения, наверно, связано с переживаниями? Когда Леонид Ильич умер, вы еще видели?

— Видела, видела все. А после этого ухудшение пошло резкое. И когда началось с Юрием Михайловичем. Все это, знаете, нервы… И вот три… Нет, около четырех лет как я совсем не вижу».

Приложение

Имена и названия, которые дает сама История, неоспоримы и неотменяемы. Обратимся тут к опыту Великой Русской революции. Остались навсегда в памяти знаменитые слова: «большевики» и «меньшевики». Ясно, что в самом наименовании первые неоспоримо предпочтительнее вторых. Сколько уж написано, и справедливо, что оба наименования случайны, возникли в связи со второстепенными событиями, сколько бы ни отрицали меньшевики свою кличку, именуя себя на европейский манер «социал-демократами», все напрасно. Как были «при жизни» меньшевиками, так и остались таковыми в истории, то есть как бы вторичными, даже второстепенными по сравнению с их соперниками большевиками.

То же произошло и с главной партией тогдашней русской буржуазии. Ее деятели уже летом 1905 года выспренно назвали себя конституционно-демократической партией. Тяжеловесное это название тут же в народном восприятии сократилось в аббревиатуру «к. д», а в произношении просто «кадеты» — в ту пору очень распространенное слово, обозначавшее младших воспитанников военных училищ. Так они в истории и прописаны. Ужасно обижались интеллигентные кадетские деятели на такое название, после Февраля 1917 года сами себя нарекли Партией народной свободы, но этого никто и не заметил-то, тем паче внимания не обратил. И тогда, и ныне в исторических трудах у нас и за границей именуют тех неудавшихся политических западников коротко и просто: «кадеты»…

Русское духовное возрождение, потерпевшее страшный погром революционеров-интернационалистов в двадцатых годах, переживало, как можно заключить, два этапа, весьма разнящиеся как хронологически, так (и в особенности) по политическому содержанию. В первый раз оно проводилось сугубо «сверху» при Сталине в конце сороковых — начале пятидесятых годов. Это очень интересный исторический сюжет, до сих пор не получивший сколько-нибудь серьезного научного изучения и тем паче осмысления. Рассмотрение вопроса выходит за рамки нашей скромной работы, скажем совсем кратко. Сталин на подъеме послевоенного патриотизма повел широкую кампанию по возрождению государственного российского патриотизма (он именовался, разумеется, советским). Одновременно повелась борьба с космополитизмом (тут слова точно соответствуют смыслу событий). Увы, Сталин не имел тут ни четкого плана, а главное — достойных исполнителей, особенно после внезапной

кончины убежденного русского деятеля А. Жданова. По смерти Сталина эта кампания была прекращена тоже «сверху» и глубоких корней в народе не породила. В качестве язвительного анекдота осталось в памяти: «Россия — родина слонов». А многое положительное было затоптано и забыто.

Брежнев не управлял страной, а плыл вместе с ней по течению судеб. В этом, кстати, была его главная положительная сущность. Он не мешал (или не очень мешал) естественному росту природных сил и течений. А уже с начала тридцатых годов в поверженной недавно России отчетливо наметился вектор движения в сторону русского национального самосознания. Более того, по сравнению с дореволюционным уровнем это сознание было сильно обогащено грандиозным опытом Великой Русской революции, имевшей именно всемирный размах и последствия. Так и наш русский опыт естественным путем сделался опытом всемирно-историческим.

В этих благоприятных, по сравнению не только с двадцатыми годами, но даже и с дурацким богоборцем Хрущевым, почти тепличных временах, с середины шестидесятых дружно, быстро и широко стало развиваться и расти Русское Возрождение. Не исключено, что когда-нибудь его назовут великим. Да, ибо как уже теперь видно, всходы те принесли устойчивые плоды. Как истинно серьезное явление, оно шло снизу, от обширного слоя русского образованного сословия. Не вдаваясь в терминологические дебри, можно четко обозначить этот слой как народную интеллигенцию. Русскую.

И вот тогда вдруг по всей Руси Великой взросло и живет по сию пору, падая и поднимаясь, то народное движение из самых его глубин, которое ныне получило уже наконец общепринятое название — Русская партия. Что ж, значит, так и станем себя именовать.

А уж как только не называли нас в недавнем прошлом! «Славянофилы», «русофилы», «патриоты» («квасные патриоты»), а вспомнив прошлое — «черносотенцы» или, оглядываясь на Запад, «нацисты». Но самым забавным в этом ряду стало нелепое слово «русисты». Именно так обозвал нас шеф КГБ Ю. Андропов в своей знаменитой записке на Политбюро с убойным названием «Об антисоветской деятельности Иванова А.М. и Семанова С.Н.», поданной 28 марта 1981 года. Марк Любомудров печатно возмущался потом: почему это слово с одним «с», ведь так именуют лишь зарубежных специалистов по русской культуре?! Теперь-то, набравшись сведений из самых разнообразных источников, можно запоздало разъяснить, сославшись на беседу с одним из бывших подчиненных Андропова, что подсказал это

слово лубянским грамотеям… один из видных членов Русской партии, давно осведомлявший КГБ. Был он человек образованный и начитанный и обнаружил выражение «русист» в сочинениях одного из крупных русских публицистов начала XX века.

Как бы то ни было, но все эти и иные прозвища не прижились, а в итоге сам наш великий язык стихийно определил: Русская партия. Конечно, никакой «партией» в точном смысле слова мы не были ни в шестидесятых годах, ни позже, ни теперь, но выражение это приживется безусловно надолго. От судьбы не уйдешь, как и от собственного имени, нравится уж оно или нет.

Чаще всего бывает, что дату рождения многих крупных общественных движений очень трудно определить, даже приблизительно. Но есть и примечательные исключения. Например, знаменитая в будущем партия большевиков создалась на скромном русско-еврейском собрании, названном в истории Вторым съездом РСДРП, дело произошло в июле — августе 1903 года. Так и отмечала большевистская партия свои юбилеи — ив подполье, и будучи у власти, так и поминают себя ее нынешние никудышные наследники.

Не знаем, будет ли отмечать свои юбилеи Русская партия, но дата основания тут есть еще более точная — май 1965 года. Именно тогда в журнале «Молодая гвардия», который только еще восходил к своей будущей славе, была опубликована в номере пятом статья со знаковым, как теперь выражаются, заголовком «Берегите святыню нашу!». Каждое событие, большое или самое незначительное, может быть правильно истолковано лишь тогда, когда оно рассматривается в общем историческом контексте своей эпохи. Так и тут.

Слово «святость» и все производные от него были всегда враждебны материалистам-атеистам, а марксизму — в особенности. В двадцатых и начале тридцатых годов за неосторожное употребление этого слова могли и посадить. Перед войной слово это осторожно и постепенно разрешил к употреблению И.В. Сталин. В трагическом 41-м оно прозвучало в песне, ставшей военным гимном: «Идет война народная, священная война». После войны употребление слова расширилось, не пресекаясь даже при Хрущеве, но смысл имело только гражданский, а отнюдь не духовный, тем паче, не православный. И вот почти через полвека после русофобского переворота слово «святыня» обрело наконец свое первоначальное значение, и не в тихой храмовой молитве, а в многотиражном общественно-политическом издании. Это было не только нечто новое, но и поистине революционное (или контрреволюционное?). Но тут опять-таки все зависит от точки

зрения.

Авторами этой статьи (а по сути — обращения и призыва к новому, молодому поколению) стали известные и уважаемые деятели старшего поколения — скульптор Сергей Коненков, художник Павел Корин и писатель Леонид Леонов. Все они родились еще в XIX веке и пережили, не изменяя русскому искусству, страшные послереволюционные потрясения, но сохранили ту вековую народную традицию, без которой гибнет всякое человеческое общество. Сохранили и русскую православную традицию. И завещали ее молодежи, восстанавливая разорванную связь времен. Значение этого невозможно переоценить.

Так возникло то духовное начало, которое потом станут называть Русским Возрождением, а из деятелей его составится Русская партия. Явление это уже получило свою периодизацию. Начальный этап — 1965–1970 годы. То было время начальных, порой наивных, а потому и по-юношески задорных, открытых выступлений. Первыми приметными выступлениями в «Молодой гвардии» стали заметки И. Глазунова и В. Солоухина. Они имели широкий успех, но тут же получили осуждающий отзыв со стороны кругов либеральных. Впрочем, эти яркие публикации носили, так сказать, оборонительный характер: нехорошо, мол, недооценивать русскую культуру и ее памятники. Нехорошо, конечно, а почему это происходило и происходит? Ответ на эти серьезные вопросы и попытались дать молодые публицисты «Молодой гвардии», а это был уже переход в наступление.

На исходе 60-х в «Молодой» (мы так и называли журнал) появился ряд боевых публикаций, и наиболее известными в том ряду стали статьи М. Лобанова, В. Чалмаева и С. Семанова. О них уже накопилась обширная библиография, как у нас, так и за рубежом. Русская партия заявила о себе открыто и громко. И если раньше «Молодую» кусали, так сказать, отдельные литераторы, то на исходе 70-го последовал уже осудительный приговор высшего идеологического начальства. В сентябре — брюзгливый отзыв от редакции «Литературной газеты», а в декабре — самого главного журнала, «Коммунист». Этому предшествовало заседание Секретариата ЦК КПСС, которые в тот раз вел сам Л. Брежнев (редко он это делал, обычно — А. Кириленко или М. Суслов). Линию «Молодой гвардии» осудили, но очень мягко, всего лишь за увлечение «стариной». Редактора А. Никонова освободили, но перевели (тоже главным) в старейший журнал «Вокруг света».

Второй этап — 1970–1972 годы. Оказалось, что осуждающий глас со Старой площади никак не повлиял на лихих молодогвардейцев, они не только продолжили свое наступление,

но и расширили его. Появились крепкие публикации в «Нашем современнике», «Москве», «Огоньке», даже в ряде провинциальных журналов, начали выходить боевые книги в издательстве «Молодая гвардия». Как будто и не снимали Никонова, не сердился теоретический орган ЦК «Коммунист». Русофобскую часть партийного идеологического аппарата это тревожило и даже раздражало. Так появилась известная статья фактического главы Отдела пропаганды ЦК А. Яковлева в ноябре 1972 года в «Литературной газете». Там осуждались в привычных идеологических ярлыках почти все деятели молодой еще Русской партии.

Статья эта хорошо известна, не станем обсуждать ее. Скажем только, что Яковлев в своем карьерном нетерпении совершил главную оплошность азартного картежника — допустил перебор. И переиграл сам себя. Его осторожный Брежнев сослал послом в провинциальную Канаду, а русофобское выступление не стало «линией партии», как предполагалось по замыслу.

Получилось, что Яковлев, как ядовитый скорпион, сам себя укусил, однако в либеральном лагере это восприняли совсем иначе: мол, Русская партия имела сочувствующих ей на самом-самом верху, среди членов Политбюро. Тут следует разобраться.

Ныне стало известно много достоверного из эпохи Брежнева, и не по сплетням, а по самым подлинным документам кремлевских архивов и многим достоверным воспоминаниям осведомленных лиц. И оказалось, как это часто случается в подлинной истории, что многие расхожие суждения той поры оказались несостоятельными. Например, все мы полагали в 70-х, что сухой и мрачный Суслов есть наш недоброжелатель, а внимание его помощника В. Воронцова к нам есть нечто вроде контрразведки или даже похуже. Теперь выяснилось, что мы ошибались. Михаил Андреевич никаким русским патриотом, разумеется, не был, как истинный марксист-ленинец, но как твердый советский государственник полагал, и разумно, что патриотическое начало необходимо так или иначе поддерживать. Что он и делал.

А вот «железный Шурик», как именовали А. Шелепина, выдвиженца Хрущева, никаким покровителем Русской партии не был, хотя именно это ему приписывала расхожая молва тогдашняя. Более того, ныне точно установлено, что он и его присные русской идее были совершенно чужды, партийные карьеристы, и только. Даже своему наследнику, лихому вождю комсомола в шестидесятых годах С. Павлову, он был совершенно безразличен. Зато Павлов проводил именно русскую линию. Он помогал Никонову в «Молодой гвардии», за что и поплатился.

Павлов несомненно был выдающимся русским политическим деятелем, и его жизнеописание еще ждет своего автора.

Сочувствовал Русской партии и Д. Полянский, открыто помогавший отважному И. Шевцову в его трудной литературной судьбе. Крупным и твердым русским государственником был белорусский партизан П. Машеров. Из провинциального Минска он осторожно, однако исключительно твердо помогал русским патриотам в Москве. В Кремле к нему относились настороженно, избрали его в 1966 году кандидатом в Политбюро, да так и остался он в этом половинчатом состоянии почти на 15 лет. Вплоть до странной своей кончины.

Особенно тут следует сказать о Константине Устиновиче Черненко. Кажется, в ту далекую пору в Русской партии к нему относились, судя по внешности: старый, невзрачный, невнятно говорящий… Теперь-то все выяснилось, образ его высветился совсем иначе. Как второстепенное, заметим, что в брежневском Политбюро он оказался единственным человеком с гуманитарным образованием (Шелепин не в счет, он был там недолго и на дела не влиял). Но главное в ином: он твердо придерживался не только советского, но и русского патриотизма, был враждебен Суслову, но особенно — русофобу Андропову. У слабохарактерного Брежнева он служил как бы противовесом им обоим. Он издалека, осторожно помогал деятелям Русской партии, хотя решающего влияния в Политбюро не имел. А Генсеком стал уже в больном состоянии и полностью взять власть в свои руки так и не успел, умер всего лишь через год.

Учитывая все эти несомненные обстоятельства, следует тем не менее признать, что поддержка «сверху» Русской партии была весьма незначительна. Все названные лица были не политическими деятелями, а серыми аппаратчиками, не умели толком даже интриговать (в отличие от Арбатова, Бовина, Иноземцева и прочих), имели весьма слабое представление о международной политической обстановке и месте в ней СССР — России. Они не могли не проиграть своим замаскированным противникам, и проиграли, что закономерно.

Но характерно, что молодогвардейские патриоты никогда не уповали и даже не надеялись на поддержку сверху. Они действовали как истые партизаны, сами, без приказа выходили «на железку» и подрывали по мере сил и возможностей вражеские составы. Именно в таком наступательном порыве проходил третий этап Русского Возрождения — последние годы семидесятых. Крупные победы перед грядущим разгромом.

Оглядываясь назад, нельзя не поразиться удивительным успехам наших публицистов и литераторов тех лет, а также их

размаху и расширению по стране. Успехи эти следует признать тем более впечатляющими, что они сопровождались непрерывными поношениями в печати. И не только от литераторов-интернационалистов, нет, русских патриотов бранили в «Правде», «Коммунисте», иных партийных изданиях. Никакого значения это все не имело. Как будто и не было никогда в СССР «диктатуры пролетариата» и не стояла у власти партия твердокаменных марксистов-ленинцев, воспитанных в духе «воинствующего атеизма»! Более того: «демократический Запад» охотно поддакивал партийной печати и тоже осуждал «русских националистов», публикуя «жареные факты», которые в целомудренной советской печати поминать было бы неудобно. И тем не менее, Русская партия наступала, завоевывая все новые рубежи.

Почему же такое стало возможным?

Тут приходится сказать слова, которыми слишком часто злоупотребляли и злоупотребляют: Русскую партию поддерживал народ. Оговоримся уж для исторической достоверности: большинство советского многонационального народа и слыхом не слыхали о книгах, статьях и делах русских патриотов. Так, но знало о том все «образованное сословие», и не только в обеих столицах. Боевые публикации замелькали в ту пору в целом ряде изданий и издательств в провинциальных центрах: Ростове, Саратове, Новосибирске, Иркутске, Петрозаводске, Вологде. Более того, за линией Русской партии внимательно наблюдал средний слой идеологических работников и средний совпартаппарат, ведь журналы выходили тиражами в несколько сот тысяч, а «Комсомольская правда», «Советская Россия» и «Человек и закон» — миллионами. Было что читать! По множеству откликов, которыми мы уже тогда располагали, народ, низовой госпартаппарат, военные и правоохранительные органы весьма сочувствовали призывам к порядку, русским корням и укреплению народной нравственности. Осмотрительное брежневское руководство о том, разумеется, ведало и не могло не учитывать в своей идеологической политике.

И учитывали. Несмотря на печатную брань в адрес русских патриотов, Брежнев, Суслов и Черненко, руководившие и внимательно следившие за идеологией, строго избегали главного воздействия советской эпохи — так называемых «оргвыводов», то есть, проще говоря, снятия и замены руководящих кадров. Попытки таких мер предпринимались партработниками разного уровня, но на самом верху это не встречало поддержки. Так дело могло бы тянуться сколь угодно долго, но резко и неожиданно сыграл тут зловредную роль мрачный, замкнутый и молчаливый

шеф Лубянки Андропов.

Теперь русофобские настроения его документально выявлены и описаны, мы тут об этом говорить не станем. Важно напомнить лишь тогдашний политический контекст: через свое доверенное лицо, главного кремлевского лекаря Е. Чазова, отлично был осведомлен Андропов о тяжелом состоянии здоровья руководства Политбюро — Брежнева, Суслова, Кириленко и Черненко. Снедаемый неуемным и тайным честолюбием, он торопил свой час, а некоторые деятели Русской партии уже стали числиться в «кадровом резерве» высоких партийных подразделений. Ясно, что Андропову такое было совсем не на руку, не говоря уже про общее неприятие и русского патриотизма. И он решился на крайние меры, хотя, надо полагать, понимал, что дело это обнажит его истинную суть.

Все спецслужбы всего мира действуют только исподтишка, основной характер их деятельности — провокации, так было всегда, для чего эти органы и создаются. Приклеить к деятелям Русской партии политические обвинения было нельзя, все они искренне и открыто стояли за Советскую власть, в диссиденты не стремились, с иностранцами не якшались, взяток не брали. Андропов применил способ, который с гениальной краткостью выразил Мао Цзэдун: «Огонь по штабам!» В декабре 1980-го некий мелкий чиновник подал в партийные органы записочку, что недавно слышал, как Ганичев, один космонавт и несколько их друзей, находясь в бане, произнесли якобы некие слова о желательности… ну, несколько обновить высшее партийное руководство. Известно, что Ганичев, космонавт и их товарищи спиртным не злоупотребляли и языки не распускали. Нет сомнений, что донос был изготовлен в «Пятке» (5-е Управление КГБ, глава — Ф. Бобков).

Увы, бумага была рассчитана толково. Старцы тогдашнего Политбюро крайне ревниво и раздраженно относились к таким пересудам. Вряд ли до них лично изделие дошло, но в аппарате ЦК (в особенности, в отделах пропаганды и культуры) было немало врагов Русской партии. Они и постарались дать делу ход, благо внешне все выглядело обыденно: баня, выпивка, лишние слова. Парторганы такие дела разбирали постоянно и с высказываниями не стеснялись.

Ганичев, как главный редактор центральной многомиллионной газеты, был в номенклатуре самого Политбюро, высшая номенклатурная ступень, поэтому ему объявил о снятии секретарь ЦК по идеологии М. Зимянин. Он объявил Ганичеву об увольнении и переводе на нижестоящий уровень без каких-либо пояснений. Для всех — и друзей, и

недругов — это стало неожиданным и грозным предупреждением.

«Казус белли» с Ганичевым, секретность обвинений против него вызвали естественное смятение в Русской партии. Но партию эту Андропову надо было не только обезглавить, но и разгромить. Так вот и появилась три месяца спустя записка про «антисоветскую деятельность» Семанова, подписанная уже самим главой КГБ. Документ этот следует признать образчиком политического интриганства. По распределению обязанностей в Политбюро именно Генсек Брежнев, выражаясь аппаратным языком, «вел» органы КГБ пристально, вникая во все важные их дела (хорошо запомнил, как снимали Хрущева!). Андропов не раз направлял записки по таким серьезным вопросам на имя Генерального, по поводу Сахарова и Солженицына, например. Отметим, то были записки для Генсека и направлялись непосредственно на его имя. В этот раз было иначе.

По незыблемому правилу, существовавшему в аппарате ЦК со сталинских времен, любые документы, от писем трудящихся до докладных членов Политбюро направлялись исключительно через Общий отдел. Андропов, разумеется, знал, что глава Общего отдела Черненко его русофобский выпад сможет как-то приостановить и загодя предупредить Брежнева. И шеф госбезопасности решился на меру довольно-таки необычную, эта его записка была направлена всем членам Политбюро, «веером», как говорится. Больной Брежнев и столь же больной Черненко были поставлены перед фактом, возражений с их стороны не последовало.

А ведь доказательная часть андроповской записки была весьма жидкой, даже неверной и никакой бы серьезной проверки не выдерживала! Ну, обвинять нас, истинных сторонников Советской власти, в «антисоветчине», было как-то странно. Более того: в записке сообщалось членам Политбюро, что зловредные «русисты» привечаются в посольствах США, Италии, ФРГ и Канады. Четверть века миновало с тех пор, все вокруг нас изменилось, но могу поклясться, что ни разу в жизни в тех посольствах не побывал, даже не знаю, где они находятся (кроме американского, конечно).

Но дело было сшито добротно, меня сразу же убрали из журнала «Человек и закон», выбросили, как тогда выражались, «на улицу». Разумеется, это тоже произвело гнетущее впечатление на наших товарищей. В ту же пору разгромили русское издательство «Современник», пригрозили издательству «Молодая гвардия», стукнули «Наш современник», сняли редактора патриотического журнала «Волга», кое-кого еще предупредили.

Восстановить свои силы Русская партия не смогла вплоть до

горбачевской «перестройки». Это пагубно сказалось на всех дальнейших идеологических событиях в стране.

Но это уже — иной рассказ.

Сергей Семанов

Литература

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994.

Арбатов Г. Из недавнего прошлого // Знамя. 1990. № 9,10.

Болдин В.Л. Крушение пьедестала. М., 1995. Брежнев Л. Воспоминания. 2-е изд. М., 1983.

Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них. М., 1990.

Верин А.В. Выездной… невыездной. М., 2004.

Волкогонов Д. А. Семь вождей. В 2-х кн. М., 1995.

Врублевский В.К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Киев, 1993.

Грачев А. С. Кремлевская хроника. М., 1994.

Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. М., 1996.

Громыко А. А. Памятное. В 2-х кн. М., 1990.

Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995.

Карпов В. Расстрелянные маршалы. М., 1999.

Королев Ю.А. Кремлевский советник. М., 1995.

Медведев Р. А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. В 2-х кн. М., 1991.

Прибытков В. Аппарат. СПб., 1995.

Семанов С. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002.

notes

Примечания

1

Разговор шел в 1992 году, умерла Виктория Петровна в 1995-м.